Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 11, 2021

Журнал основан в июне 1974 года

Содержание

XXIII ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ДУДИНА В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики
- 12 СОРОКИН П.С. Социологическая теория: вызовы и возможности российской социологии

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 24 ТОЩЕНКО Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры
- 37 ВАРШАВСКАЯ Е.Я. Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 49 КОЗЫРЕВА П.М., СМИРНОВ А.И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения
- 61 ЛЫТКИНА Т.С., ЯРОШЕНКО С.С. На пересечении гендера и класса: как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России
- 73 НЕФЕДЬЕВА Е.И., СЕДЫХ О.Г., ТАРАБАН О.В. Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 79 ДОКТОРОВ Б.З., ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. Поколенческий подход к современной отечественной социологии: общероссийские и региональные аспекты
- 91 САФОНОВА М.А., СОКОЛОВ М.М. Структура поля российской социологии 2020

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 106 ИОНИН Л.Г. Протестантская этика и Макс Вебер сегодня
- 119 ДАНИЛОВ А.Н. К истории становления социологии в Республике Беларусь
- 128 ЛЕБЕДИНЦЕВА Л.А., ДЕРЮГИН П.П., ВЕСЕЛОВА Л.С. Социология в Сингапуре 1960–1990-х гг.: «двойной мандат» социолога

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

140 ФАДЕЕВА Е.В. Лекарственная безопасность страны: уроки пандемии

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ

- 147 ЧОЙ В.И. Восприятие экономических отношений между Южной Кореей и Россией (результаты регрессионного анализа)
- 156 ГАЛКИН К.А. Трудоустройство пожилых людей и политика активного старения в Европе и России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 161 ВОЛКОВ Ю.Г. О XIV Всероссийской школе молодого социолога
- 164 РЫБАКОВА М.В., КОМИЛОВА З.А. Трансформация социально-трудовых отношений в эпоху цифровизации
- 166 АВДОШИНА Н.В., БОЧАРОВ В.Ю. Человек в информационном обществе
- 168 БЕСЧАСНАЯ А.А., ПОКРОВСКАЯ Н.Н. Собирательный образ городов будущего
- 171 АНДРЕЕНКОВА А.В. О результатах конкурса студенческих работ им. Ж. Харкнесс

172 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

174 Рывкина Р.В.

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

175 TATAROVA G.G., BESSOKIRNAYA G.P., KUCHENKOVA A.V. Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement

SOCIOLOGY OF GOVERNANCE AND ADMINISTRATION

- 185 LEVICHEVA V.F. Institutional and Informal Lobbying Practices: The Problem of Separation and Interpretation
- 194 VOLCHIK V.V. Discourses on Social Barriers in Russian (Counter)Innovation System: Reality or Narrative?

SOCIOLOGY OF FAMILY

203 SINELNIKOV A.B. Demographic Transition and Family-Demographic Policy

SOCIOLOGY OF YOUTH

212 POLIAKOV S.I. Wrestler Masculinity in Dagestan as a Local Hegemony

XXIII KHARCHEV READINGS

219 DUDINA V.I. "Reassembling Sociology": The Digital Turn and the Search for New Theoretical Optics

227 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-Я СТР. ОБЛ.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-Я СТР. ОБЛ.)

XXIII Харчевские чтения

© 2021 г.

В.И. ДУДИНА

«ПЕРЕСБОРКА СОЦИОЛОГИИ»: ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ И ПОИСКИ НОВОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОПТИКИ

ДУДИНА Виктория Ивановна – доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (viktoria_dudina@mail.ru).

Аннотация. В условиях роста методических возможностей исследований в социологии с использованием цифровых данных возникает потребность в теоретических моделях, соответствующих цифровым инструментам исследования. В статье показано конструирование возможной теоретической оптики социологии с целью наиболее полного использования аналитического потенциала цифровых методов и данных. Предпринимается попытка обрисовать контуры теоретической модели, соответствующей цифровым инструментам исследования. На основе тезиса о зависимости теорий от методического инструментария исследователя развивается идея превращения цифровых следов в самостоятельный объект социального исследования. Концепция репликаций, предложенная французским социологом Д. Булье и восходящая к социологии Г. Тарда, рассматривается как перспективная теоретическая рамка концептуализации цифровых следов. Теоретическая оптика цифровых следов как репликаций трактуется как основа переосмысления проблемы связи микро- и макроуровней в социологии.

Ключевые слова: цифровые данные • цифровые следы • социологическая теория • структура • репликации • акторно-сетевая теория • Г. Тард • Б. Латур

DOI: 10.31857/S013216250016829-4

Введение. Цифровизация внесла существенные изменения в арсенал методов социальных наук. В условиях работы с цифровыми данными (порой – их избытка) исследователи сталкиваются с ситуацией недостатка концептуальных схем, способных адекватно объяснять выявляемые закономерности [Achim et al., 2020; Ledford, 2020]. Возникает неопределенность по поводу того, в какие теории могут быть вписаны новые данные. Выявляемые в эмпирических исследованиях взаимосвязи часто не получают удовлетворительных теоретических интерпретаций. Можно констатировать, что развитие технических средств научного знания обгоняет развитие концептуального аппарата социальных наук. Становится непонятным, что делать с широкими возможностями сбора и анализа цифровых данных, которые плохо вписываются в существующие социологические теории. Несмотря на отдельные работы, в частности, российских авторов [Bail, 2014; Ignatow, 2016; Marres, 2017; McFarland et al., 2016; Губа, 2018; Девятко, 2016; Дудина, Юдина, 2017], пока вряд ли можно говорить о хоть сколько-нибудь удовлетворительном решении проблемы.

В свое время Б. Латур поставил задачу «пересборки социального» [Латур, 2014]. С активной цифровизацией исследовательского процесса в социальных науках эта задача приобретает новое звучание. Речь может идти о «пересборке» самой социологии, поскольку развитие цифровых методов и пролиферация цифровых данных стимулируют поиск новых концептуализаций социальной реальности и разработку языков описания, соответствующих современным методическим возможностям. Целью статьи является попытка конструирования теоретической оптики социологии, наиболее полно соответствующей аналитическому потенциалу цифровых методов и данных. Мы пытаемся обрисовать контуры теоретической модели, соответствующей цифровым инструментам исследования, приняв во внимание, что цифровое общество – это не просто прибавление цифровых технологий к социальным отношениям, но принципиально другой способ организации социальности, другие методы исследования, другая эпистемология. Обратимся к концепции французского социолога Д. Булье, выделившего три этапа развития социологической методологии, и рассмотрим предложенную им модель социальных наук третьего поколения, построенную вокруг феномена цифровых следов как репликаций. Затем раскроем классические основы исследования репликаций, заложенные в социологии Г. Тарда, и обсудим возможности, которые цифровые методы создают для использования теоретической оптики репликаций. В заключение обсуждены цифровые основы перехода от иерархических концептуализаций социальной реальности к моделям одного уровня, позволяющим отказаться от редукции социальных действий к структурным свойствам.

Три этапа развития социологической методологии. Французский социолог Д. Булье, коллега и соавтор Б. Латура, анализируя влияние изменений доступных социологам данных на развитие социологического знания, высказал мысль, что исследовательские методы формируют специфические представления о социальной реальности, влияя тем самым на конструирование объектов социальных наук [Boullier, 2016]. Отстаиваемый Булье тезис о зависимости теоретических представлений от методического инструментария контринтуитивен, поскольку переворачивает классические представления о первичности научной теории и вторичности методов, развиваемых для проверки гипотез, выведенных из теории. В то же время позиция Булье, сформированная в значительной мере под влиянием исследований науки и технологий (STS), представляется продуктивной для понимания влияния технологических инноваций на развитие научного знания. Нужно учитывать, что речь в данном случае идет не о жестком детерминизме, а лишь об обусловленности концептуализаций методическим инструментарием. С одной стороны, никакая теория не может быть проверена, если отсутствуют технические средства сбора эмпирических свидетельств, а с другой стороны, получение новых данных с помощью новых технических средств дает толчок развитию новых теоретических моделей и гипотез.

Рассматривая процесс квантификации социологического знания, Булье выделил три этапа развития социологических методов, каждый характеризуется специфической концептуализацией социального. На первом этапе статистические методы и широкомасштабные переписи населения делали возможной саму идею общества как калькулируемого и измеряемого объекта исследования. Статистические данные предлагали своего рода эквивалент «общества», а квантификация стала инструментом объяснения «целого». На этом этапе между производителями данных из государственной администрации и социальными науками сформировалась определенная конвенция. Вместе они производили «общество» – объект, который объяснялся с научной точки зрения и мог отслеживаться государством для целей управления. Так методы получили научную и операциональную ценность, став инструментами научного доказательства и управленческой практики [там же: 7].

Второй этап развития социологических методов в схеме Булье связан с широким распространением средств массовой информации и техник массовых опросов. Основным феноменом, вокруг которого выстраивается индустрия эмпирических исследований социума в этот период, становится феномен «общественного мнения». Если на первом, «статистическом» этапе общество концептуализировалось как совокупность статистических

индикаторов и показателей, то на следующем этапе – как совокупность мнений, формирующих конкретную общность. Социология дала обществу методы, с помощью которых оно могло анализировать и представлять себя в новой форме – в форме мнений. Хотя средства массовой информации сами по себе способствовали производству единой общественности (public) на национальной территории, об общественном мнении в собственном смысле этого слова стало возможным говорить только с появлением методов его измерения. «Целое», выявляемое опросами общественного мнения, фактически представляет собой публику, формируемую средствами массовой информации [там же: 11]. С этой точки зрения общество сводится к аудитории средств массовой информации, а та, в свою очередь, к общественному мнению, измеряемому массовыми опросами.

Понимание науки об «обществе», описываемом статистически, или о «мнении», выявляемом опросами, возникло в конкретном историческом, политическом и институциональном контексте, при помощи доступных в каждый период исследовательских техник. С появлением возможностей анализа цифровых данных сфера социологического наблюдения трансформируется. Эти трансформации ведут к появлению нового объекта исследования. На статус объекта претендуют «цифровые следы» – отпечатки активности человека в цифровом пространстве. В настоящее время «цифровые следы» не конституировали своего объекта исследования, отличного от общества, описываемого статистикой, или общественного мнения, выявляемого опросами. Превращение цифровых следов в самостоятельный объект исследования возможно только в случае стабилизации как методов их изучения, так и способов их использования в практических целях. Как «цифровые следы» могут стать устойчивыми объектами социальных наук?

Чтобы упрочить основания социальных наук третьего поколения, цифровые следы должны получить научный статус. По мнению Булье, к парам «статистические данные/ количественное исследование» (register/survey) и «аудитория/опрос общественного мнения» (audience/opinion poll) надо добавить пару «цифровые следы/Х», где X – способ использования цифровых следов [там же: 27]. Возможно ли «пересобрать» социальную науку так, чтобы она включала в себя не только статистические данные и общественное мнение, но и цифровые следы, вписав их в соответствующие теоретические модели? В качестве такого «нового» феномена, отличного как от статистически описываемого общества, так и от производимого опросными методами общественного мнения, Булье предлагает рассматривать феномен «репликаций», понимая под ним материальное измерение распространяемых по сетям цифровых следов [там же: 12]. Репликация – процесс повторения, копирования, воспроизведения, циркуляции, допускающий определенные вариации/мутации/новации [Boullier, 2019: 28]. Реплицируются действия, идеи, практики, вещи. При этом процессы репликации могут быть прослежены через цифровые технологии, воспроизводящие как сами цифровые следы, так и методы их изучения. Цифровые платформы могут рассматриваться как своего рода «реплицирующие машины», позволяющие распространять цифровые следы и делающие их доступными исследованию. В какой мере репликации можно рассматривать как новый объект социальных наук? Не обстоит ли дело так, что цифровые технологии просто делают видимым и изучаемым аспект социальной реальности, который существовал задолго до цифровой революции? Можно ли найти основания подобной модели в трудах кого-либо из классиков социологии? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к работам Г. Тарда.

Классические основания изучения цифровых следов как репликаций: «Назад к Тарду?» Заслуга возрождения интереса к социологии Тарда в значительной мере принадлежит Б. Латуру, назвавшему Тарда «предком» акторно-сетевой теории [Latour, 2002; Latour, 2010; Latour, 2012]. Лозунг Латура «Назад к Тарду!» предполагает возвращение на новом уровне к концепции социальной реальности, которая была задана трудами Тарда и не получила распространения из-за сложности квантификации описываемых им процессов подражания. Концепция Тарда – это тот случай, когда концептуальные построения обгоняют методы, необходимые для проверки гипотез, предлагаемых теоретической моделью. Такая ситуация типична для социологии. ДиМаджио с коллегами, рассуждая о возможностях,

которые новые методы создают для проверки социологических теорий, указывают, что теоретическое богатство социологии долгое время соседствовало с бедностью методов: социологи выработали множество теоретических идей и концепций, обещающих глубокое понимание культурных изменений, но им часто не хватало средств для операционализации своих теорий [DiMaggio et al., 2013: 571]. Распространение цифровых технологий и цифровых методов делает процессы, описанные Тардом, доступными для изучения: «Интернет представляется мне самой "тардианской" технологией: он позволяет сделать любой слух, любую новость, любую единицу информации доступными для отслеживания» [Латур, 2019: 230]. Латурово прочтение Тарда предполагает, что для объяснения события не надо выходить за его пределы и допускать существование таких социальных факторов, как общество, класс, этничность и т.п., нет необходимости обращаться к аналитическим категориям, достаточно найти соответствующие корреляции. Можно согласиться с мыслью, что «Латур в этом случае проецирует на Тарда свою собственное представление о том, что ANT (actor-network theory) – это не теория, а способ сделать категории "плоскими" и заменить теорию методом» [Bowker, 2014: 1796]. Тем не менее в поиске классических основ новой теоретической оптики социологии имеет смысл присмотреться к социологии Тарда внимательнее. Остановимся на нескольких значимых для темы настоящей статьи идеях Тарда.

Ключевая идея социологии Тарда состоит в том, что как социальные, так и физические явления состоят из актов повторения. Тард отказывается выделять столь любимые социологами категории, обозначающие априорные целостности (природа/общество, индивид/общность, микроуровень/макроуровень), и предлагает рассматривать возникновение социальных и физических ассоциаций через механизм повторения процесса, лежащего в основе как самой реальности, так и способов ее познания. К наиболее типичным формам всеобщей повторяемости Тард относит вибрацию в физическом мире, наследственность в органическом мире и подражание в социальном мире [Тард, 2011]. Образование социальных общностей рассматривается им как частный случай процессов повторения и ассоциации. В концепции Тарда разделение социальной реальности на микрои макроуровни — не более чем абстракция, обусловленная особенностями методов, не позволяющих получить полную информацию о свойствах и траекториях каждого отдельного объекта. В основе такой точки зрения лежит идея превосходящей сложности каждого отдельного элемента по сравнению с ассоциацией элементов и трактовка структуры как одного из повторяющихся элементов, упрощенных и опривыченных [Латур, 2019: 226].

Социология всегда занималась типичным и повторяющимся. Здесь Тард не открыл ничего нового. Именно типичные и повторяющиеся идеи, мотивы, модели поведения интересуют социологов. Вопрос в том, как подходить к исследованию типичного. В социологии преобладает подход к объяснению типичного сходными структурными условиями: люди ведут себя похожим образом, потому что имеют схожие интересы, мотивы, ценности, обусловленные сходством их индивидуальных характеристик или особенностей среды. Поскольку эта схема достаточно легко переводится в инструменты измерения, то объяснения сходными условиями превалируют в социологии. Данные объяснения терпят фиаско, когда вдруг обнаруживаются девиации, например, когда выясняется, что поведение определенной группы людей нельзя предсказать на основании сходства их характеристик или общности условий. Тут на сцену выходит другой вариант – объяснение подражанием: люди ведут себя сходным образом, потому что подражают друг другу. Типичные действия распространяются посредством передачи от одного человека к другому через контакт, а не просто потому, что люди имеют сходные характеристики или поставлены в сходные условия. Именно такой способ объяснения предлагает Тард. Тардианское измерение социальности не привязывается к априорным структурным свойствам, а акцентирует внимание на потоках сходных действий. Эмпирическая реализация такого подхода в социологии достаточно сложна, поскольку требует или многочисленных наблюдений, или экспериментов, которые в социологии не всегда возможны. В то же время процессы подражания, когда множество людей «заражаются» определенной мыслью, идеей или практикой, становятся наглядными в цифровой среде. Благодаря возможностям прослеживания, создаваемым цифровыми платформами, глобальный феномен репликации (подражания, повторения, копирования или заражения) стал наблюдаемым в реальном времени. Кроме такого рода наблюдений за процессами репликации, Интернет предоставляет возможности проведения онлайн-экспериментов, которые существенно менее затратны традиционных «натурных» социальных экспериментов [Zhang, Centola, 2019; Centola, 2018; Centola, 2010]. Делая репликации видимыми, цифровая среда создает предпосылки формирования нового языка описания, который требует пересмотра некоторых фундаментальных социологических категорий, например категорий структуры и действия, предполагающих выделение микрои макроуровней социальной реальности.

От иерархической к одноуровневой модели социальной реальности. Выделение двух уровней социальной реальности (микро-/макро-, действие/структура) не представляет собой отражение существования двух сфер реальности, а является следствием определенного этапа развития методов работы с данными [Latour et al., 2012]. Когда сбор социологических данных был медленным и затратным, относить одни данные к уровню целого, а другие – к уровню части было вполне обоснованным, поскольку традиционные методы социальных наук не позволяли быстро «переключаться» между этими уровнями. Понятие «целое» выходит на первый план, когда нет возможности проследить все единичные взаимосвязи. Причиной «перепрыгивания» с микро- на макроуровень является отсутствие инструментов эмпирического прослеживания процесса, посредством которого множество социальных акторов следуют сходным траекториям. Неважно, начинается ли рассуждение с микроуровня – с индивидов, которые приспосабливаются друг к другу, генерируя определенные правила, или с «целого», априорно задающего правила и наделяющего индивидов ролями и функциями. Обе эти позиции опираются на классические методы работы.

При работе с цифровыми данными выделение микро- и макрофеноменов излишне. Исследователи могут значительно проще «переключаться» между «уровнями», прослеживая связи, в которые включен отдельный актор. Когда социальная реальность рутинно протоколируется на цифровых носителях, отпадает необходимость основываться на упрощенных модеях социального актора, помещенного внутрь структуры. Происходит переход от иерархической двухуровневой модели социальной реальности к одноуровневой, «плоской» модели. Модель «актор-интеракции-структура», трактующая «интеракцию» как случайное столкновение отдельных акторов, является следствием ограниченной информации об индивидах [там же: 598]. С точки зрения модели «одного уровня» нет смысла выводить целое из совокупности частей или рассматривать его как предварительное условие, если оно уже присутствует во всей полноте на том же самом уровне. Другими словами, ассоциация – это не то, что образуется в результате объединения индивидуальных акторов, обладающих определенными свойствами, а то, что определяет их с самого начала.

Здесь опять обратимся к социологии Тарда. Отказываясь от выделения априорных категорий, он сводит как социальную, так и несоциальную реальность к совокупности первичных элементов – монад. Заимствуя понятие монады у Лейбница, Тард, в отличие от предшественника, не вводит в свою концепцию представления о некоем координирующем центре, роль которого у Лейбница выполняла фигура Бога. У Тарда монады сами устанавливают связи друг с другом благодаря собственной открытости и активности. Вместо привычной для философов категории «бытие» Тард вводит категорию «владение», объясняющую взаимодействие монад в отсутствие такого координирующего центра, как божественная сила, социальная структура или социальный закон. «Взаимное владение» рассматривается Тардом в качестве основного процесса организации общества, обеспечивающего связь элементов в отсутствие центрального координатора. Степень взаимной принадлежности монад «может различаться, и каждая из них стремится расширить и упрочить свои владения: отсюда их постепенная концентрация. Кроме того, монады могут взаимно принадлежать друг другу множеством различных способов, и каждая из них ищет новые возможности овладения себе подобными: отсюда их превращения» [Тард, 2016: 68].

Латур с коллегами предлагают свою интерпретацию понятия «монада», трактуя ее не как часть целого, а как точку зрения на все другие сущности, взятые по отдельности [Latour et al., 2012: 598]. Применительно к цифровому исследованию речь может идти о специфическом ракурсе рассмотрения объектов, содержащихся в базе данных. Своего рода операциональное определение этого понятия – навигация по цифровым профилям, когда постепенно к профилю добавляются все новые и новые характеристики. Особенностью этой навигации является то, что она постепенно специфицирует объект путем разворачивания его атрибутов. Чем больше характеристик выделяется, тем точнее становится представление об объекте. Основная особенность этого процесса прослеживания в данном случае – его обратимость: каждый атрибут, использующийся, чтобы определить некий объект, модифицируется сам, становясь атрибутом этого объекта [там же: 599]. Если, например, принадлежность к организации рассматривается как атрибут конкретного человека, само понятие этой организации также модифицируется с учетом нашего знания о людях, которые принадлежат к организации. Цифровые техники, например, предлагаемые сетевым анализом, позволяют прослеживать и визуализировать социальные феномены и объяснять социальный порядок посредством такой навигации между взаимопересекающимися объектами, вместо того чтобы переключаться между уровнями общего и единичного [там же: 591-592]. Монада - точка зрения или способ прослеживания (навигации), который определяет один объект через другие объекты и тем самым специфицирует их. При этом понятие монады не только меняет распределение ролей между агентами и интеракциями, но также заменяет понятие структуры.

Общее – это, по сути дела, взаимопересечение. Операционализировать понятие взаимопересечения и выявить общие свойства помогают цифровые средства визуализации. Когда имеется возможность смотреть на данные под разными углами зрения и строить разные картинки, общим будет то, что сохраняется при разных модификациях, причем размер этого общего будет меньше, чем «целое» в двухуровневой модели: вместо того чтобы быть структурой более сложной, чем ее составляющие, общее становится более простым набором разделяемых свойств с постоянно меняющейся внутренней композицией. Целое становится меньше суммы своих частей, быть частью целого больше не означает «входить во что-то более высокого уровня» или «подчиняться» центральному диспетчеру (коллективному телу, обществу sui generis или эмерджентной структуре), но для каждого объекта это означает «одолжить» часть себя другим объектам, без того чтобы какие-то из них утратили свои идентичности [там же: 607]. В двухуровневой модели исследователь начинает с простых атомов, взаимодействующих по простым правилам, в результате чего получается стабильная сложная структура. В одноуровневой модели, напротив, все начинается со сложных сетей, которые не «взаимодействуют», а, скорее, частично пересекаются. Именно в этих пересечениях могут быть найдены общие свойства.

В модели одного уровня институты – это не макроструктуры, а траектории внутри данных, которые могут начинаться в разных точках. Целое представляет собой способ объединения и взаимопересечения данных. Именно такой тип навигации Тард, по мнению Латура, назвал «подражанием». Латур интерпретирует законы подражания Тарда не как психологический феномен, а как процесс, в ходе которого взаимодействующие или сосуществующие акторы разделяют некоторые свойства. В результате появляется новый перечень тех же самых свойств, повторенных с определенными модификациями (репликаций). Например, университет «состоит» из профессоров, зданий и студентов, но в то же время профессора, здания и студенты также «содержат» в себе университет как собственный атрибут. Таким образом, нет существенной разницы между индивидами, объектами, группами или институтами. Единственная особенность того, что мы называем институтами, в том, что одна характеристика повторяется в данных более часто; это определение носит чисто эмпирический характер и целиком зависит от качества данных [там же: 609]. Таким образом, то, что в двухуровневой модели рассматривалось как целое (организация, структура, институт), в одноуровневой модели предстает как свойство, распределенное

во множестве отдельных акторов, при этом не более сложное, чем каждый из них. Например, все жители города различаются по характеристикам пола, возраста, дохода и т.п., но такая характеристика, как проживание в определенном городе, присуща им всем – поэтому город может рассматриваться как «целое» по отношению к горожанам. В модели одного уровня (вспомним требование Латура сохранять социальное «плоским») исследователь не выясняет, как действия обусловлены характеристиками взаимодействующих или особенностями структур, поскольку действия, характеристики и структуры располагаются на одном уровне и составляют элементы одной сети, прослеживаемой с помощью цифровых средств навигации.

Такое «выравнивание ландшафта» переводит внимание исследователей с двухуровневой модели «актора, помещенного в контекст», на одноуровневую модель социальной реальности как совокупности репликаций. Например, если мы изучаем особенности социального взаимодействия преподавателя со студентами в университетской аудитории, то с точки зрения двухуровневого объяснения мы будем рассматривать особенности системы высшего образования или организационной культуры учебного заведения как контекст действий или как фактор, влияющий на участников изучаемого процесса. С позиции одноуровневой модели система образования или организационная культура не рассматриваются как априорное условие действий, а воплощаются в повторяющихся действиях, становятся их внутренними характеристиками. Тем самым структура предстает как совокупность сходных действий, регулярно повторяемых и воспроизводимых многими акторами, т.е. как совокупность репликаций. Макроструктуры, вместо того чтобы трактоваться как «вместилище» или верхний уровень иерархии, могут рассматриваться как звездообразные формы с центром, окруженным множеством радиальных линий с ответвлениями. «Макро» не находится ни «выше», ни «ниже» взаимодействий, а добавляется к ним как еще одна связь, подпитываемая ими и подпитывающая их [Латур, 2014: 248]. В сетевом анализе «макро» будет узлом, имеющим большее количество связей, чем другие узлы.

Описание социальных процессов с точки зрения концепта репликаций заставляет переосмыслить представление о двух уровнях социальной реальности. Индивидуальные смыслы и единичные действия, будучи бесконечно реплицированы в социальных сетях, производят видимость структурных свойств. При избыточном количестве данных аналитическое понятие структуры переосмысливается. Структура может быть концептуализирована не как априорная система координат, а как совокупность особым образом упорядоченных репликаций (повторяющихся событий или сходных траекторий), которые могут быть эмпирически прослежены. Одним из примеров реализации подобного подхода в современной исследовательской практике служат исследования «социального заражения» (social contagion) [Centola, 2018; Zhang, Centola, 2019]. Этот феномен заражения состоит в том, что идеи, информация, убеждения могут распространяться в обществе подобно инфекционным заболеваниям и при определенных условиях непосредственный контакт оказывается достаточным, чтобы произошла трансмиссия определенных социальных паттернов. В настоящее время интерес к исследованиям социального заражения переживает возрождение, поскольку цифровые технологии дают новые широкие возможности изучения этого феномена, тематика «контактного распространения информации и убеждений <...> в последние два десятилетия буквально обрела "второе дыхание" в силу того, что Интернет – это уникальный источник масштабных, имеющих временную, а часто и географическую разметку нереактивных данных, позволяющих проверять весьма сложные модели распространения влияния и передачи информации без необходимости обращаться к микроуровневым данным, основанным на индивидуальных самоотчетах о поведении или на включенном наблюдении множества взаимодействий» [Девятко, 2016: 27-28].

Заключение. С точки зрения традиционных социологических моделей цифровые данные обладают рядом недостатков: когда исследователь идет по цифровым следам, он не может уточнить, почему пользователь пошел в том или ином направлении, а может только попытаться найти регулярности в цепочках следов и на этом основании сделать какие-то

выводы. В то же время цифровые данные представляют собой совершенно новый продукт совмещения микро- и макроуровней, когда при изменении масштаба исследователь может относительно легко перемещаться от информации об индивидуальных действиях к структурным характеристикам. Описанная в статье модель «одного уровня» не предполагает изначального выделения индивидуальных объектов и агрегированных характеристик. Индивидуальные объекты раскрываются через свои характеристики, а каждая характеристика, в свою очередь, предстает как перечень объектов, которые ею обладают. Навигация по цифровым данным предполагает, что движение от объекта к его характеристикам – это не движение от частного к общему, а движение от одного особенного к другому особенному. В этом случае понятие структуры так же, как и понятие индивидуального актора, переосмысливается. Иерархическое представление социальной реальности, подразумевающее априорное выделение микро- и макроуровней, уступает место гетерархическому (сетевому) структурированию [Crumley, 2015], предполагающему отсутствие закрепленного ранжирования элементов или ранжирование потенциально различными способами. При этом индивидуальный актор как таковой никуда не исчезает, изменяется его аналитическое представление, которое конституируется не априорными статичными характеристиками, а совокупностью цифровых траекторий. Подобный подход позволяет социологам работать на поверхности цифровых следов без непосредственного обращения к персональным характеристикам пользователей, оставивших эти следы. При этом цифровые следы не рассматриваются как эквивалент общественного мнения или как часть статистически описываемого «общества», но получают ценность сами по себе. Работа на поверхности цифровых следов, в изоляции от персональных данных снижает этические противоречия, с которыми могут столкнуться прежние модели социальных наук (модели общества и общественного мнения) при работе с источниками цифровых данных [Boullier, 2016: 35]. Поскольку существуют опасения, что расширение политики защиты персональной информации угрожает ограничить многие исследовательские возможности, анализ цифровых следов на поверхности социальных сетей без связи с социально-демографическими данными может в перспективе обеспечить прочное основание цифровых социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Губа К.С. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 213–236. [Guba K. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? Sotsiologicheskoe obozreniye [Russian Sociological Review]. No. 1: 213–236. (In Russ.)]
- Девятко И.Ф. От «виртуальной лаборатории» до «социального телескопа»: метафоры тематических и методологических инноваций в онлайн-исследованиях // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Типография, 2016. С. 19–33. [Deviatko I.F. (2016) From "Virtual Lab" to "Social Telescope": Metaphors of Theoretical and Methodological Innovations in Online Research. In: Shashkin A.V., Deviatko I.F., Davydov S.G. (eds) Online-research in Russia: Trends and Prospects. Moscow: Tipografiya: 19–33. (In Russ.)]
- Дудина В.И., Юдина Д.И. Извлекая мнения из сети интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63–78. [Dudina V.I., Iudina D.I. (2017) Mining Opinions on the Internet: Can Text Analysis Methods Replace Public Opinion Polls? Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change]. No. 5: 63–78. (In Russ.)] DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.05.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: НИУ ВШЭ, 2014. [Latour B. (2014) Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)]
- Тард Г. Законы подражания. М.: Академ. проект, 2011. [Tarde G. (2011) Laws of Imitation. Moscow: Akademicheskiy proekt. (In Russ.)]
- Тард Г. Монадология и социология. Пермь: Гиле Пресс, 2016. [Tarde G. (2016) Monadology and Sociology. Perm: Gile Press. (In Russ.)]
- Achim E., Wolff T., Montagne D., Bail C. (2020) Computational Social Science and Sociology. *Annual Review of Sociology*. No. 46: 61–81. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054621.

- Bail C. (2014) The Cultural Environment: Measuring Culture with Big Data. *Theory and Society.* Vol. 43. No. 3–4: 465–482. DOI: 10.1007/s11186-014-9216-5.
- Boullier D. (2016) Big Data Challenges for the Social Sciences: From Society and Opinion to Replications. arXiv.org. July 18. URL: https://arxiv.org/abs/1607.05034 (accessed 30.08.21).
- Boullier D. (2019) Replications in Quantitative and Qualitative Methods: a New Era for Commensurable Digital Social Sciences. *arXiv.org*. February 15. URL: https://arxiv.org/abs/1902.05984v1 (accessed 30.08.21).
- Bowker G. C. (2014) The Theory/Data Thing Commentary. *International Journal of Communication*. Vol. 8. Article no. 2043: 1795–1799.
- Centola D. (2010) The Spread of Behavior in an Online Social Network Experiment. Science. Vol. 329. No. 5996: 1194–1197. DOI: 10.1126/science.1185231.
- Centola D. (2018) How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions. Princeton: Princeton Univ. Press. Crumley C.L. (2015) Heterarchy. In: Scott R.A., Buchmann M.C. (eds) Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource. Hoboken, NJ: Wiley: 1–14.
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. (2013) Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding. *Poetics*. Vol. 41. No. 6: 570–606. DOI: 10.1016/j.poetic.2013.08.004.
- Ignatow G. (2016) Theoretical Foundations for Digital Text Analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 46. No. 1: 104–120. DOI: 10.1111/jtsb.12086.
- Latour B. (2002) Gabriel Tarde and the End of the Social. In: Joyce P. (ed.) The Social in Question: New Bearings in the History and the Social Sciences. London: Routledge.
- Latour B. (2010) Tarde's Idea of Quantification. In: Candea M. (ed.) *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments (Culture, Economy and the Social)*. Abingdon: Routledge: 145–163.
- Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012) 'The Whole is Always Smaller than Its Parts': A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads. *The British Journal of Sociology.* Vol. 63. No. 4: 591–615. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2012.01428.x.
- Ledford H. (2020). How Facebook, Twitter and Other Data Troves are Revolutionizing Social Science. *Nature*. No. 7812: 328–330. DOI: 10.1038/d41586-020-01747-1.
- Marres N. (2017) Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press.
- McFarland D., Lewis K., Goldberg A. (2016) Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science. *The American Sociologist*. Vol. 47. No. 1: 12–35. DOI: 10.1007/s12108-015-9291-8.
- Zhang J., Centola D. (2019) Social Networks and Health: New Developments in Diffusion, Online and Offline. Annual Review of Sociology. Vol. 45: 91–109. DOI: 10.1146/annurev-soc-073117-041421.

Статья поступила: 08.09.21. Принята к публикации: 28.09.21.

REASSEMBLING SOCIOLOGY: DIGITAL TURN AND SEARCHING FOR NEW THEORETICAL OPTICS

DUDINA V.I.

St. Petersburg State University, Russia

Victoria I. DUDINA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (viktoria_dudina@mail.ru).

Acknowledgements. The paper is funded by RFBR, project No. 19-011-00905 A.

Abstract. With the growth of the methodological possibilities of research using digital data in sociology, there is a need for theoretical model corresponding to digital research tools. The aim of the article is to reconstruct possible theoretical optics for sociology from the point of view of the more effective use of digital methods and data analytical potential. The article attempts to outline such a theoretical model corresponding to digital research tools. Based on the thesis about the dependence of theories on methodological research tools, the idea of turning digital traces into an independent object of social research is developed. The concept of replications, proposed by the French sociologist Dominique Boullier and rooted in the sociology of Gabriel Tarde, is viewed as a promising theoretical framework for conceptualizing digital traces. The theoretical optics of digital traces as replications is interpreted as the basis for rethinking the micro-macro problem.

Keywords: digital data, digital traces, sociological theory, structure, replications, actor-network theory, Tarde, Latour.

П.С. СОРОКИН

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, заведующий лабораторией исследований человеческого капитала и образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (psorokin@hse.ru).

Аннотация. Статья обсуждает состояние и перспективы развития современной социологической теории с акцентом на вызовы и возможности, которые открывает продолжающийся на протяжении большей части XXI в. глобальный кризис. Кризис связан с процессами «де-структурации», которые выдвигают на первый план проблему «(трансформирующей) агентности», не получившей адекватной проработки в социальном знании. Социология, в сравнении с другими науками, имеет хороший задел для того, чтобы играть ведущую роль в разработке указанной проблемы. Однако для реализации своего потенциала социологии требуется существенно пересмотреть ряд распространенных теоретических постулатов, связанных с проблемой «структуры/действия». 1. Необходимо отказаться от идеи «вторичности» «действия» по отношению к «структуре». 2. Выработать теоретическую картину мира, которая сочетает идею относительной, хотя и снижающейся, устойчивости социальных образований, с тезисом о реальном трансформационном потенциале «агентности», который эмпирически выражается в появлении новых и изменении существующих социальных форм. З. Требуется разработка теоретических подходов к пониманию процессов формирования потенциала «(трансформирующей) агентности», с учетом как недетерминированного характера последней, так и ее зависимости от различных институциональных контекстов, которые, в свою очередь, трансформируются ею. Отечественная социология может внести важный вклад в решение этих задач, опираясь на выработанный за полуторавековую историю багаж идей, на уникальный и богатый эмпирический контекст современного российского общества.

Ключевые слова: теоретическая социология • российская социология • глобальный кризис • де-структурация • трансформирующая агентность

DOI: 10.31857/S013216250017006-9

Введение. Пандемия COVID-19, рост радикализма и «антимодерных» социальных и культурных феноменов в мире, мировой финансовый кризис 2008 г. стали существенным вызовом для социальной науки. XXI в. отмечен тенденциями, которые не вписываются в доминирующие концепции социально-экономического развития, пришедшие к нам из XX в., например одновременное расширение охватов высшим образованием и снижение темпов экономического роста.

Мир меняется. Но появились ли за последние 10–15 лет теоретические разработки, которые адекватно «схватывают» обозначенные выше процессы, их переплетения, противоречия и взаимосвязи? Материалы круглого стола «Траектории эволюции мировой и отечественной теоретической социологии» (2 июня 2021 г.) с участием журнала «Социологические исследования» позволяют предположить, что большинство читателей дадут отрицательный ответ на данный вопрос. Стартовой точкой настоящей работы является тезис, развиваемый на указанном круглом столе Ж.Т. Тощенко, Н.Е. Покровским,

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РФ № 075-15-2020-928.

Автор благодарен анонимным рецензентам журнала за глубокие ценные замечания.

В.В. Козловским и рядом других коллег, о том, что на фоне ограничений доминирующих в социологии подходов и теорий нашу дисциплину ожидают глубокие сдвиги в теории как каркасе науки. Запрос на изменения проистекает из объективно наблюдаемых проблем социально-экономического развития в мире.

Цель настоящей статьи – опираясь на анализ современных отечественных и зарубежных дискуссий, представить обзор состояния и перспектив теоретической социологии в России и в мире на фоне происходящих в глобальном поле процессов. В первой части работы рассмотрен общемировой контекст развития социологии, затем непосредственные условия существования нашей дисциплины. Во второй части предложена возможная повестка развития социологической теории для преодоления выявленных проблем. Отдельное внимание уделено потенциалу российской социологии.

Макроконтекст развития социологии и социальной теории: непонятый глобальный кризис. Оценивая современное общество, многие социологи в России и за рубежом скажут «кризис». Но что они имеют в виду под этими словами? Интерпретации кризиса современными социологами не только различны, но порой диаметрально противоположны. Для кого-то это политическая нестабильность, для кого-то – инертность, недостаточная вовлеченность населения в политические процессы и институты. Для одних кризис – снижение темпов экономического роста на национальном или глобальном уровне, для других – бедность значительной части населения.

В президентском обращении к Американской социологической ассоциации в 2005 г., которое затем многократно повторялось в разных аудиториях с незначительными вариациями, М. Буравой апеллировал к «внешнему» кризису как ключевому вызову для развития социологии [Вигаwoy, 2005]. Однако для Буравого, в отличие от предлагаемой в настоящей работе трактовки, «кризис» – не столько задача познавательная, сколько практическая. «Рынок» и «государство» – два столпа, демонтаж которых, по Буравому, должен привести к победе над дискриминацией и неравенствами. Задача развития социологической теории в ответ на «кризис» не формулировалась отдельно: принципиальные ответы получены социологами прошлого. Социологам настоящего отведена роль проводников этих идей в жизнь. Сегодня, более 15 лет спустя, очевидно, что Буравой рисовал слишком упрощенную картину: левый радикализм, уходящий корнями в 1960-е и 1970-е, мало применим для реалий XXI в. Достаточно отметить, что американская государственность, гегемон, согласно Буравому, не дающий гражданскому обществу «поднять голову», сама оказалась в незавидном положении, что показали события в Вашингтоне в январе 2021 г.

Современные экономисты говорят о глобальном «парадоксе производительности»: на фоне беспрецедентного рывка в развитии технологий, стремительного роста охватов высшим образованием, темпы производительности труда падают; более того, появляются эмпирические работы, показывающие отрицательные эффекты охвата высшим образованием на экономический рост и социальную устойчивость (см. обзор в [Sorokin, Froumin, 2021]). Какая социологическая теория могла это предсказать? Кризис институтов высшего образования — часть макроконтекста развития современной социологии, которая погружена в научные центры и университеты.

С точки зрения вызовов для теоретической социологии, по нашему мнению, можно зафиксировать три ключевые характеристики текущего кризиса.

- 1. Он носит глобальный и комплексный характер, не ограничиваясь конкретной страной или сферой. Из этого вытекает целесообразность поиска его глубинных причин, не связанных с той или иной отдельной областью общественной жизни, используя при этом широкие международные сравнения.
- 2. Текущий кризис «человекоцентричен»: вне зависимости от того, о кризисе в какой сфере общественной жизни идет речь, его «мерилом» в массовом сознании и для практической политики является, прежде всего, недостаточный успех и благополучие человека на индивидуальном уровне. Кризис выражается в уровне доходов и размере пенсий (не только в масштабах национальной экономики), в доверии людей государству и его

лидерам, в их уверенности в будущем (не только в «объективной» надежности государственных границ и охраняющего их оружия), в ожидаемой продолжительности жизни (не только в совокупной численности населения). Эта «человеко-центричность» общепризнана в дискуссиях о развитии за рубежом и в России.

3. Текущий кризис характеризуется «де-структурацией», которая может быть рассмотрена одновременно как его причина, содержание и следствие. Принудительная сила воздействия привычных для XX в. структурных контекстов на человеческое поведение снижается, что порождает высокую волатильность институциональных конфигураций на всех уровнях [Mironenko, Sorokin, 2020; Сорокин, Попова, 2021]. Ни государство, ни политическая партия, ни корпорация, ни рынок, ни семья более не являются однозначными гегемонами в социальной организации жизни. Более того, поддержка «(трансформирующей) агентности», то есть инициативного созидательного действия (например, инновационного предпринимательства), становится открыто декларируемым лейтмотивом практической политики государств и корпораций, в том числе в России. Однако пока большинство соответствующих мер не демонстрируют высокой эффективности.

Можно выдвинуть гипотезу о центральном месте проблемы «агентности» для комплексного понимания современных глобальных кризисных тенденций, а значит, и для их преодоления. Но сегодняшняя наука недостаточно знает о возможностях, факторах, инструментах и эффектах созидательного проактивного индивидуального и коллективного действия [Сорокин, 2021]. Для России, с ее особенностями институционального развития, сочетающего высокую государственную централизацию с разнообразием социальных контекстов и многоукладностью, задача эффективной поддержки «(трансформирующей) агентности» в ответ на вызовы «де-структурированной» социальной реальности особенно сложна.

По нашему мнению, ключевой вызов, который ставит текущий кризис перед социальной теорией, состоит в адекватном понимании обозначенной выше проблемы «(трансформирующей) агентности». Ее решение требует широкого междисциплинарного взаимодействия. При этом, как мы постараемся показать в настоящей работе, роль социологической теории, включая разработки российских социологов, в этом вопросе может быть особой и даже ключевой. Но прежде чем ее определить, очертим контекст развития современной социологии, проанализируем стратегии «совладания», которые доминируют в нашей науке сегодня на фоне глобального кризиса.

Контекст развития современной социологии и стратегии «совладания» в профессиональном сообществе. На фоне общего недостаточного вклада науки и образования в социально-экономическое развитие академическая социология в России и в мире испытывает очевидные (во многом «заслуженные») трудности. Среди общих с другими дисциплинами проблем отметим недостаточное финансирование фундаментальных исследований, ужесточение организационных условий деятельности ученых, включая научную и образовательную работу. К сожалению, рост образовательной нагрузки, погоня за количеством публикаций и наращиванием цитируемости – не лучший контекст продвижения новшеств в социальной теории. В России, с характерным для нее недостаточным на фоне других стран финансированием науки и высшего образования и снижением их авторитета, указанные тенденции проявляются особенно остро.

К более специфическим характеристикам контекста современной социологии, по нашему мнению, относятся: недостаточное развитие площадок внутренней профессиональной социологической коммуникации на национальном и на глобальном уровнях, периферийные позиции российской социологии на фоне мировой (и связанные с этим особые «пороги входа»), маргинальное положение и низкий престиж социологии на фоне смежных наук.

Перечисленные проблемы хорошо знакомы и интуитивно очевидны многим. Рассмотрение их в контексте широких и, как показано выше, часто непонятых глобальных кризисных тенденций может оказаться продуктивным для постановки задач нового «шага развития». Признание кризиса не только а) в социологии (в том числе теоретической), но и б) в науке в целом, а также в) во всей социальной организации современного общества,

как взаимосвязанных кризисных процессов, – важный аргумент в пользу поиска новых решений в социологии и социологической теории.

Каковы же доминирующие в России и за рубежом стратегии адаптации социологического сообщества к описанному контексту и связанные с ними векторы развития социологической теории?

- 1. Ориентация на социальный активизм и политизированность, построенная на упрощенных идеологиях левого или правого толка (например, в рамках упомянутой «публичной социологии» или радикально консервативного направления социальной мысли). Учитывая общее ухудшение положения университетского работника в последние десятилетия, а также относительно невысокий престиж социологии среди университетских дисциплин, негативный, даже «болезненный» настрой многих социологов по отношению к окружающему миру понятен. Проблемой, по нашему мнению, является не активизм сам по себе, но отсутствие за ним адекватной профессиональной экспертизы. Вместо создания, проверки и продвижения в практику новых теоретических моделей социологи ориентируются на отжившие клише.
- 2. Растущая тенденция к изучению отдельных, относительно узких объектов или сфер без достаточных усилий по теоретическому обобщению процессов в разных областях общественной жизни на национальном или глобальном уровне. Рост «квантофрении», погоня за данными, не за смыслами, исследователям не оставляет сил и времени на то, чтобы осмыслить собранные материалы, строить не узкие, как правило, линейные модели отдельных взаимосвязей, зацикленные на известных категориях (например, «удовлетворенность», «доход»), но проникать в суть общих и сложных процессов, связанных с качественными трансформациями. А их невозможно «ухватить» без совершенствования теории. К сожалению, немалую роль в поддержке этой тенденции играет растущая специализация площадок международной научной коммуникации, научных журналов.
- 3. Еще одной важной особенностью современной социологии в России и в мире является растущая вовлеченность социологов в междисциплинарные исследовательские инициативы, как правило, связанные с прикладными вопросами (государственное управление, здравоохранение, развитие образования, организационные исследования и др.). С одной стороны, это органичное продолжение тенденции к фрагментации социологической практики, которая утрачивает самостоятельное значение в современной научной жизни. С другой стороны, подобные междисциплинарные проекты могут играть положительную роль, стимулируя новые витки развития науки как коллективного усилия представителей многих дисциплин. Однако для того чтобы социология имела весомый голос в этой полидисциплинарной дискуссии, необходим ответ на вопрос: в чем может состоять ее конструктивный вклад в производство нового, востребованного практикой научного знания?

Проблема «(трансформирующей) агентности» как вызов и возможность для теоретической социологии. Нарушенный статус-кво социальной структуры в XXI в. Социологическая теория в трудном положении. С одной стороны, социология и ее теоретический аппарат генетически нацелены на понимание того, что часто называют «обществом в целом». Учитывая комплексный характер текущего глобального кризиса, именно от этой науки можно ожидать ключевого вклада в теоретическое осмысление последнего. С другой стороны, гипотеза о центральном значении для понимания современного социального мира «(трансформирующей) агентности» некомфортна для мейнстрима социологии, поскольку требует отказа от общепризнанной, но не всегда проговариваемой в среде социологов догмы о том, что «структура» важнее «действия».

«Трансформирующая агентность» не только меняет структуры, но и, в определенной степени, «направляется», «подпитывается», «легитимируется» ими, хотя не детерминирована в том смысле, в каком прямые последователи Маркса привыкли смотреть на связь «классовой позиции» человека и его поведенческих стратегий. Наиболее трудный для «переваривания» теоретической социологии момент состоит в том, что в XXI в., отчасти в противоречии с доминирующими сегодня концепциями структурации Э. Гидденса или

теории полей П. Бурдье, поведение людей более не является прямым проявлением «положения в социальном поле», «классовой позиции» или продуктом «идеологического манипулирования» со стороны элит в целях сохранения несправедливого «статуса-кво» социальной структуры, который так беспокоит политически левое крыло международного социологического сообщества последние 50–60 лет.

«Статус-кво» западного общества второй половины XX в., сочетающий формальное равенство прав с явными диспропорциями реальных шансов на жизненный успех при относительно устойчивом и почти всеобщем, хоть и разном по темпам, росте благосостояния, очевидно нарушен в XXI в. – причем, похоже, без помощи социологии. Ключевые структурные опоры «модерного» общества и связанные с ними элиты – государство, с его профессиональной бюрократией и демократической политической организацией, а также корпорация с ее иерархиями, экономикой масштаба и четким разделением труда, даже освященное либеральными ценностями понятие «свободного рынка» – пошатнулись в культурном и идеологическом смысле; снижается статус других элементов институциональной конфигурации общества модерного типа, включая университеты [Reckwitz, 2021; Тощенко, 2020]. Более того, даже в, казалось бы, наиболее прогрессивных обществах мы наблюдаем «возвратные движения», «возрождение архаики» (радикальный традиционализм, религиозный фундаментализм и др. [Käsehage, 2021]), которые не объяснимы из представлений о «естественной» динамике институтов модерного общества. Возврат традиционализма является важным подтверждением того, что «агентность» индивидов и групп может не только корректировать структурно-заданный вектор, но и поворачивать его вспять.

Альтернативный ход социологической теории по отношению к новым структурным феноменам и процессам может состоять в том, чтобы пересмотреть параметры и границы структур, не ставя под вопрос их решающую роль в социальной динамике. Например, в области высшего образования, вероятно, на месте прежде относительно гомогенного поля вузов, дающих примерно схожую «отдачу», происходит интенсивная дифференциация, когда «отдача» от более селективных университетов возрастает, а от менее престижных – падает [Roshchin, Rudakov, 2016]. Искать «новые» структуры нужно хотя бы потому, что они объективно появляются, как подтверждают описанные выше процессы «де-структурации». Вместе с тем не менее важно, по нашему мнению, внимание к «трансформирующей агентности» как предположительно ключевому фактору указанной динамики – внутри «старых» и «новых» структур.

«Трансформирующая агентность» не просто стала новым аспектом социальной реальности. С определенной точки зрения она стала более «реальной», чем структуры, в контексте которых она совершается, – именно потому, что она их трансформирует, вплоть до уничтожения старых и создания новых в направлении, не детерминированном прежними конфигурациями.

Нельзя не признать, что в мировой социологической теории предпринимались попытки выработки новых «концептуальных линз», казалось бы, более адекватных проблематике агентности: например, появились понятия «институционального предпринимательства» [Weik, 2011], «институциональной работы» [Lawrence et al., 2013]. Однако эти теоретические разработки остаются в «прокрустовом ложе» предпосылки о том, что индивидуальные и коллективные акторы – это не столько реальные субъекты изменений, сколько инструменты, через которые реализуются заданные внешними силами «институциональные стратегии» (см. подробнее: [Сорокин, 2021]). Не случайно авторы соответствующих концепций избегают прямого обсуждения вопроса об онтологическом статусе «структуры» и «действия», без обращения к которому невозможен полноценный прогресс социологической теории.

Среди российских авторов, внесших существенный вклад в теоретическое понимание и эмпирическое изучение изменений социальной структуры, а также социальных движений последних десятилетий, отметим В.Н. Бобкова, З.Т. Голенкову, О.И. Шкаратана, А.А. Бирюкова, Ю.Г. Волкова и других социологов (см. подробнее: [Тощенко, 2019; Шкаратан и

др., 2015]). В частности, недавние эмпирические исследования Ж.Т. Тощенко и коллег показывают высокую волатильность положения «прекариата» в России, которая выражается в субъективном восприятии «неопределенности», в объективных пертурбациях индивидуальной позиции (например, частой смены профессии), в высоком потенциале деструктивного действия. По нашему мнению, указанные находки имеют принципиальное значение как для понимания классовой структуры, что отмечается авторами [Тощенко, 2019], так и для теоретического вопроса о связи между «структурой» и «действием».

К пересмотру онтологического статуса «структуры» и «действия» – с признанием реальности обоих. Первым шагом в развитии социологической теории в ответ на проблему «(трансформирующей) агентности» может стать признание ее реальности, а не онтологически вторичного характера по отношению к структурам, что характерно для концепций Бурдье, Гидденса и их последователей. Этот шаг не означает отказа структурам в онтологической реальности, но делает картину мира много сложнее. Теперь объектом внимания социологической теории должны являться не только «естественные» законы социального мира, которым акторы подчиняются, сами того не осознавая, но также проактивное действие, которое не детерминировано структурами в традиционном «механистическом» смысле (включая «внутренние» структуры в виде новомодного объекта внимания исследователей – нейронных связей). Такая постановка проблематизирует картину социального мира как однозначно подчиненного натуралистической логике, подобно силе притяжения в ньютоновской механике.

В международной дискуссии по проблемам социальной теории не первый год обсуждается явное, статистически очевидное ограничение доминирующей в науке трактовки общества. Дело не только в том, что «простые» теоретические модели, например упомянутые выше представления об однозначной положительной связи между показателями образования и экономического благосостояния, не работают [Komatsu, Rappley, 2017]. Специалисты знают, что сколь бы ни был широк круг факторов, включаемых в уравнение, объясняющее размер заработной платы на индивидуальном уровне, крайне редко удается достичь высокой (выше 50%) объяснительной силы полученной регрессионной модели (оставляя за скобками многочисленные ограничения регрессионного моделирования) (см.: [Klees, 2016]). Указанные дискуссии вносят серьезное напряжение в разговоры о практической политике, включая принципиальные вопросы о приоритетных направлениях вложений государственных ресурсов [Komatsu, Rappley, 2017; Kuzminov et al., 2019; Sorokin, Froumin, 2021].

Известный ответ мейнстрима на эти и другие «нестыковки» между теоретически предполагаемым и реально наблюдаемым – отсылка к фактору «случайности» [Капе, 2005]. Фактически принцип случайности локализует агентность в «черном ящике», сохраняя без изменений сложившуюся структурно-ориентированную колею исследовательских программ, игнорирующую проактивное действие.

Отвергая «механистические трактовки», вряд ли можно согласиться и с другой крайностью: обсуждаемыми в смежных науках, например в критической психологии, утверждениями, что признание принципа «первичности агентности» ("agency-first") требует отказа от изучения структурных контекстов, как в определенной степени «внешних» по отношению к индивиду, и делает необходимым переход к анализу смысловых пространств индивидуального действия (с опорой, например, на феноменологическую традицию в философии и, в целом, отвечая духу «постмодернизма») [Yanchar, 2021].

«Де-структурация» не отменяет структуры, хотя и пересматривает их онтологический статус. Она означает повышение гибкости структур, что предполагает «исчезновение» старых ровно в той же степени, что и «возникновение» новых. Ценность социологического взгляда в том, что наша наука в большей степени, чем возможные конкуренты (например, психология или экономика), готова смотреть туда, где указанная агентность непосредственно совершается. Во-первых, это «стыки» индивидуального действия и существующих структур (например, инновационное поведение на рабочем месте). Во-вторых,

это формирование новых структур (например, запуск предпринимательских проектов). Накопленный социологией багаж теоретических разработок и эмпирических данных о том, как развиваются и меняются структуры, при всей его ограниченности и определенной «однобокости» (недооценка роли агентности, которую сегодня требуется поместить в центр), – значимое конкурентное преимущество социологов в возможной полидисциплинарной дискуссии.

От детерминистских предсказаний структурной динамики к изучению факторов развития недетерминированной «(трансформирующей) агентности». Предлагаемый взгляд на задачи социологической теории требует еще одного важного «разворота» концептуальной оптики. Как только социологическая теория признает онтологическую реальность «(трансформирующей) агентности», не (полностью) детерминированной структурными контекстами, и фокусируется на ее эмпирических проявлениях, привычное для социальных ученых занятие по выстраиванию точных «предсказаний» становится столь же опасным и рискованным делом, как игра на спортивном тотализаторе или торговля на бирже.

Мы не призываем к полному отказу от «познаваемости» социального мира (подобные голоса звучат в международной научной дискуссии [Yanchar, 2021]). Речь идет 1) о принципиальной ограниченности возможностей построения подобных прогнозов и 2) о невозможности объяснения причин указанной ограниченности исключительно через механистическое понятие «случайности». Феномен «(трансформирующей) агентности» – не автономен по отношению к социальным контекстам. Напротив, он глубоко контекстуален, в определенной степени зависим от структурных условий, но не определяется ими на 100%. Признание этого свойства агентности ставит на фронтиры социологической теории вопросы не столько о том, как точнее предсказать ее протекание и эффекты, сколько о том, какие условия и факторы могут влиять на ее развитие в положительном ключе с учетом конкретных запросов практики.

Отрицая детерминизм и в то же время опираясь на багаж социологического знания о структурах, предлагаемый подход позволяет избежать ограничений богатой традиции разработок темы «свободы воли» в философии, связанных с субъективизмом и идеализмом, а также ограничений ряда подходов психологии и когнитивных наук. «(Трансформирующая) агентность» является реальным, не метафизическим феноменом, который эмпирически выражается в появлении новых и изменении существующих социальных форм, а следовательно, он подлежит научному изучению – но как, прежде всего, социальное, не психофизиологическое явление. Ключом к пониманию «агентности» является изучение непосредственного социального взаимодействия, а не характерные для продолжающегося более 30 лет «когнитивного поворота» и малорезультативные попытки увидеть «сценарии» социального действия в нейронных процессах внутри мозга. Сохраняющаяся популярность указанных разработок подтверждает приверженность социальных ученых идеям детерминизма и структурной обусловленности действия: теперь детерминирующие «структуры» предлагается искать внутри головы.

Предлагаемый в настоящей работе подход рассматривает социальную среду не просто как заданный «набор правил» (популярных среди экономистов теорий игр) и не как систему меняющихся условий, связанных исключительно с внешними по отношению к индивиду процессами (что характерно для доминирующих в социологии концепций), а как систему, в которой созидательная роль индивидуального действия становится объективным и все более важным фактором структурирования социального мира; не просто элементом искусно навязываемых определенным социальным группам «ложных идеологических представлений».

Таким образом, ближайшая повестка разработок социологической теории в области «(трансформирующей) агентности» включает в себя: во-первых, критический пересмотр устоявшихся представлений о вторичном онтологическом статусе «действия» по отношению к «структуре»: необходимо признание «реальности» за «структурой» и за «действием»; во-вторых, выработку теоретической картины мира, которая сочетает идею

относительной, хотя и снижающейся, устойчивости социальных образований с тезисом о реальном (не кажущемся) трансформационном потенциале «агентности», который эмпирически выражается в появлении новых и изменении существующих социальных форм. В-третьих, требуется разработка теоретических подходов к пониманию процессов формирования потенциала «(трансформирующей) агентности», с учетом как недетерминированного характера последней, так и ее зависимости от широкого круга различных институциональных контекстов, которые сами трансформируются указанной агентностью.

Эти задачи требуют корректировки эмпирического фокуса социологической теории. В центр внимания предлагается поставить сегменты социальной жизни, в которых указанная «(трансформирующая) агентность» предположительно в первую очередь формируется, проявляется, наиболее практически востребована. Это означает необходимость усиленного внимания к сфере человеческого развития. Сюда относятся не только вопросы образования и здравоохранения, но и факторы предпринимательского успеха, проблемы формирования низовой солидарности и институтов взаимопомощи (особенно в группах риска), механизмы закрепления в организационных контекстах инновационных поведенческих практик и многое другое. Особое внимание следует уделить вопросам возможного влияния на повышение потенциала «(трансформирующей) агентности» технологических инноваций, включая интегрируемые в тело человека устройства.

Теоретической социологии стоит быть ближе к жизни и ее реальным запросам в области практической политики и в массовом общественном сознании. Например, для сферы исследований образования вопросы о размере так называемой «зарплатной премии» (разницы между средними доходами лиц с разным формальным уровнем образования) или о барьерах на пути к формальной образованности, ключевые для дискуссий в современной российской и мировой социологии образования, но вторичные для современных работодателей, а также родителей и их детей, не должны отвлекать от более глубоких проблем. Например, как меняется природа труда в современном мире? Какая именно «работа», связанная с какими навыками, усилиями какого характера и какого объема получает ту или иную оценку на рынке труда и в других контекстах, а также в чем именно состоит «вознаграждение» за нее, включая не только материальные, но и символические аспекты? Без теоретического пересмотра привычных, «само собой разумеющихся» взглядов на место институтов образования в социальной динамике невозможно объяснить, почему современные студенты и молодые выпускники, так называемые «миллениалы», демонстрируют невысокую лояльность к корпоративной занятости, несмотря на характерные для нее более высокий уровень оплаты и стабильность [Радаев, 2019].

Задача нового шага развития теоретической социологии в том, чтобы поместить на «карту» теоретических моделей социальной динамики современного общества «(трансформирующую) агентность». В частности, необходимо разработать теоретико-методологические инструменты ее обнаружения в «серых» зонах, которые до сих пор принято рассматривать как «случайности», «выбросы», «отклонения» от структурно навязываемой логики. Речь идет не только и не столько о разного рода «протестных движениях», сколько о кейсах позитивного трансформирующего эффекта проактивного действия, например, в области запуска инновационных или социально-ориентированных предпринимательских проектов, в сфере инновационного поведения на рабочем месте. Требуется уделить внимание факторам формирования и развития «(трансформирующей) агентности», поскольку она, очевидно, в существенной (не полной) степени подвержена влиянию структурных контекстов. Для ответа на этот вызов у нашей науки имеются очевидные преимущества перед другими дисциплинами, однако целесообразно дополнить характерный для нее фокус на «воспроизводстве неравенств» вниманием к вкладу образования и других институтов в трансформационные процессы.

В завершение кратко рассмотрим вопрос, в каких институциональных контекстах теоретические разработки социологов могут быть наиболее востребованы.

1. Перспективно продвижение социологических разработок в рамках крупных полидисциплинарных научных проектов, появление которых в России и за рубежом является

логичным результатом продолжающегося глобального кризиса на фоне недостаточной эффективности монодисциплинарных усилий. Сильным толчком к развитию такой модели организации научной работы стала глобальная пандемия: оказалось, для сдерживания кризиса необходимы не только объединенные усилия биологов, медиков и химиков, но социологов и психологов – например, для понимания социальных факторов небезопасного поведения или, что особенно остро наблюдается в России, для выработки эффективных стратегий противостояния негативному отношению к вакцинации (см., например, [Meisner et al., 2020]). «Окно возможностей» социологии в том, что ни в одной науке не существует готового теоретического аппарата для комплексного рассмотрения таких проблем, как глобальные пандемические угрозы или развитие инновационного предпринимательства в условиях «парадокса производительности».

2. Нельзя забывать про потенциал инициатив, проистекающих изнутри социологического сообщества. Однако социология глубоко интегрирована в ту институциональную систему, неэффективность которой теперь является проблемой для самой социологии и мира в целом. Можно предположить, что существенные продвижения социологической теории возможны только в случае соответствующего «агентного» поведения лидеров современной российской социологии. За счет «естественной» институциональной инерции существующих структур и сообществ этого сделать, скорее всего, не получится. Такие инициативы, как круглый стол «Траектории эволюции мировой и отечественной теоретической социологии», внушают оптимизм.

Сказанное не означает, что социология должна стать служанкой узкоприкладных запросов начальства или ограничить свое поле зрения отдельными практическими проблемами, сколь глобальными они бы ни были, вроде невысокой отдачи на значительную часть дипломов о высшем образовании, эпидемиологических угроз или экономической стагнации. Напротив, задача теоретической социологии в том, чтобы выработать понимание современного общества, которое позволит увидеть фундаментальные процессы, пронизывающие его различные сферы и проявляющиеся по-разному, но имеющие отчасти единую природу. Выдвигаемая нами гипотеза предполагает, что одним из таких «корневых» элементов социальной реальности XXI в. становится «трансформирующая агентность». Плодотворной институциональной конфигурацией для эффективного развития теоретической социологии может быть сочетание самостоятельных усилий социологов в развитии концептуальных моделей с опорой на багаж именно нашей науки с учетом ее конкурентных преимуществ, названных выше, с включением в крупные полидисциплинарные практико-ориентированные проекты, где указанные концептуальные модели следует проверять и продвигать с пользой для самой социологии и для других наук. И, что особенно важно, на благо общества.

Заключение. Нельзя не сказать о перспективах российской теоретической социологии в контексте рассматриваемых глобальных вызовов. Особые шансы могут иметь научные школы и традиции, которые: во-первых, относительно хорошо знакомы с передовым («западным») мейнстримом, понимая его ограничения; во-вторых, имеют свой багаж концепций, идей и разработок, а также отработанные механизмы сбора эмпирических данных, как минимум, на национальном уровне; в-третьих, не настолько глубоко интегрированы в мировой мейнстрим, чтобы полностью зависеть от «институциональной колеи». Такое положение, по нашему мнению, характерно для российской социологии.

Есть еще один фактор, который дает российской социологии преимущества, – ее уникальный эмпирический контекст, разнообразный и сложный, включая глубокие кризисные процессы, по-особому отражающие глобальную социетальную динамику. Сюда относятся и проблема технологической модернизации, и вопросы социальной устойчивости, и проблемы связности территорий. Нельзя забывать об особом месте России на международной геополитической карте. В конце XIX – начале XX в., когда мир находился в процессе трансформаций несколько иного рода, но тоже масштабных, российская социология была одним из локомотивов дисциплины: М.М. Ковалевский на равных спорил с

Г. Спенсером, а П.А. Сорокин заложил основы концепции, которую впоследствии развивал в качестве главы кафедры социологии в Гарварде.

В качестве примера современных перспективных разработок отечественной социологической теории на макроуровне отметим новые концептуализации «общества травмы» как особой модальности развития, преодолевающие некоторые ограничения разработок популярных западных коллег, например Дж. Александера или П. Штомпки, в части, во-первых, уточнения типологии «травм» и их «родовых признаков» (с учетом новейшего опыта 2010-х), а также, что может быть особенно ценным в контексте упомянутой выше «деструктурации», формулирующих проблему «травмы» не просто как систематически «культурно» ощущаемую неустроенность жизни (на языке, прежде всего, «нарративов»), но и как объективную структурно-институциональную турбулентность, которая порождает, в частности, архаические по своей сути поведенческие реакции [Тощенко, 2020]. Как показано выше, последние, может быть, перспективно рассматривать как проявления «(трансформирующей) агентности». Еще одним примером могут служить новаторские разработки отечественных социологов по проблематике социальных классов, актуальность которых резко возросла с приходом глобальной пандемии. В частности, особую ценность может представлять идея о социальных группах и общностях, характеризующихся неустойчивым, нестабильным, негарантированным социальным положением [Тощенко, 2019; Шкаратан и др., 2015]. Очевидно, эта категория является одной из первых «жертв» процесса «деструктурации». Значит, эмпирические и теоретические разработки отечественных авторов, с нею связанные, имеют высокую практическую важность, и есть основания смотреть в будущее российской социологии с оптимизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.
- Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95.
- Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 124–138. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138.
- Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 457–468. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1.
- Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
- Тощенко Ж.Т. Доклад // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8: Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 7–21.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- Burawoy M. For Public Sociology! // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. No. 1. P. 4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.
- Kane R. A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Käsehage N. (ed.) Religious Fundamentalism in the Age of Pandemic. Wetzlar: Transcript Verlag, 2021. DOI: 10.14361/9783839454855.
- Klees S. Inferences from Regression Analysis: Are They Valid? // Real World Economics Review. 2016. Vol. 74. P. 85–97. URL: http://www.paecon.net/PAEReview/issue74/Klees74.pdf (дата обращения: 10.09.2021).
- Komatsu H., Rappleye J. A New Global Policy Regime Founded on Invalid Statistics? Hanushek, Woessmann, PISA, and Economic Growth // Comparative Education. 2017. Vol. 53. No. 2. P. 166–191. DOI: 10.1080/03050068.2017.1300008.
- Kuzminov Y., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.

- Lawrence T.B., Leca B., Zilber T.B. Institutional Work: Current Research, New Directions and Overlooked Issues // Organization Studies. 2013. Vol. 34. No. 8. P. 1023–1033. DOI: 10.1177/0170840613495305.
- Meisner B.A., Boscart V., Gaudreau P. et al. Interdisciplinary and Collaborative Approaches Needed to Determine Impact of COVID-19 on Older Adults and Aging: CAG/ACG and CJA/RCV Joint Statement // Canadian Journal on Aging. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 333–343. DOI: 10.1017/S0714980820000203.
- Reckwitz A. The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2021.
- Sorokin P., Froumin I. 'Utility' of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas // Policy Futures in Education. 2021. DOI: 10.1177/14782103211032080.
- Sorokin P.S., Mironenko I.A. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2020. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Weik E. Institutional Entrepreneurship and Agency // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2011. Vol. 41. No. 4. P. 466–481. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2011.00467.x.
- Yanchar S.C. Concern and Control in Human Agency // Theory & Psychology. 2021. Vol. 31. No. 1. P. 24–42. DOI: 10.1177/0959354320958078.

Статья поступила: 24.09.21. Принята к публикации: 08.10.21.

SOCIOLOGICAL THEORY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIAN SOCIOLOGY

SOROKIN P.S.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Pavel S. SOROKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Laboratory for Human Capital and Education Research, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (psorokin@hse.ru).

Acknowledgements. The article was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant No. 075-15-2020-928.

Abstract. The article discusses the state and prospects for the development of contemporary sociological theory. The current crisis is associated with the processes of "destructuration", which bring to the fore the problem of "(transformative) agency", which has not yet received adequate elaboration in social knowledge. Sociology, in comparison with other sciences, may play a leading role in the scholarly development of this problem. However, in order to fulfil its potential, sociology requires a significant revision of several common theoretical postulates related to the problem of "structure/ agency". First, it is necessary to revise the thesis concerning the "secondary nature" of "action" in relation to "structure". Second, develop a theoretical picture of the world that combines the idea of the relative, albeit declining, stability of social formations with the thesis of the real transformational potential of "agency", which is empirically expressed in the emergence of new and changing existing social forms. Thirdly, it is necessary to develop theoretical approaches to understanding the processes of potential formation of "(transformative) agency", taking into account both the non-deterministic nature of the latter and its dependence on a wide range of different institutional contexts, which, in turn, are transformed by it. Russian sociology can make an important contribution to solving these problems, relying on the baggage of conceptual ideas developed over a century and a half of its history, as well as on the unique and rich empirical context of contemporary Russian society.

Keywords: sociological theory, Russian sociology, global crisis, de-structuration, transformative agency.

REFERENCES

Burawoy M. (2005) For Public Sociology! *American Sociological Review*. Vol. 70. No. 1: 4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.

Kane R. (2005) A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford: Oxford University Press.

Käsehage N. (ed.) (2021) Religious Fundamentalism in the Age of Pandemic. Wetzlar: Transcript Verlag. DOI: 10.14361/9783839454855.

Klees S. (2016). Inferences from Regression Analysis: Are They Valid? *Real World Economics Review*. Vol. 74: 85–97. URL: http://www.paecon.net/PAEReview/issue74/Klees74.pdf (accessed 10.09.2021).

- Komatsu H., Rappleye J (2017) A New Global Policy Regime Founded on Invalid Statistics? Hanushek, Woessmann, PISA, and Economic Growth. *Comparative Education*. Vol. 53. No. 2: 166–191. DOI: 10.1080/03050068.2017.1300008.
- Kuzminov Y., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13. No. 2: 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
- Lawrence T.B., Leca B., Zilber T.B. (2013) Institutional Work: Current Research, New Directions and Overlooked Issues. *Organizationstudies*. Vol. 34. No. 8: 1023–1033. DOI: 10.1177/0170840613495305.
- Meisner B.A., Boscart V., Gaudreau P. et al. (2020) Interdisciplinary and Collaborative Approaches Needed to Determine Impact of COVID-19 on Older Adults and Aging: CAG/ACG and CJA/RCV Joint Statement. *Canadian Journal on Aging*. Vol. 39. No. 3: 333–343. DOI: 10.1017/S0714980820000203.
- Radaev V.V. (2019) Millenials: How Russian Society is Changing. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Reckwitz A. (2021) The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press.
- Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. (2016) The Effect of University Quality on Graduates' Wages. *Voprosy ekonomiki*. No. 8: 74–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-8-74-95. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 Data). Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2021) "Transformative Agency" as an Object of Sociological Analysis: Contemporary Discussions and the Role of Education. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serya:* Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 1: 124–138. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2020) "Structure/Agency" Problem in the 21st Century: Changing Social Reality and Research Implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1. (In Russ.)
- Sorokin P., Froumin I. (2021) 'Utility' of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas. *Policy Futures in Education*. DOI: 10.1177/14782103211032080.
- Sorokin P.S., Mironenko I.A. (2020) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Sorokin P.S., Popova P.A. (2021) Classical and Contemporary Approaches to the Study of Solidarity: Challenges and Perspectives under Destructuration. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 3: 457–468. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Premises of its Study. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) Report. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Scientific Notes of the FCTAS RAS.* Iss. 8: The Society of Trauma: Between Evolution and Revolution. Moscow: FCTAS RAS: 7–21. (In Russ.)
- Weik E. (2011) Institutional Entrepreneurship and Agency. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 41. No. 4: 466–481. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2011.00467.x.
- Yanchar S.C. (2021) Concern and Control in Human Agency. *Theory & Psychology*. Vol. 31. No. 1: 24–42. DOI: 10.1177/0959354320958078.

Received: 24.09.21. Accepted: 08.10.21.

Экономическая социология. Социология труда

© 2021 г.

ж.т. тощенко

ПУБЛИЧНЫЙ И ПРИВАТНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПРЕКАРИАТА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОРИЕНТИРЫ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируется публичный и приватный жизненный мир прекариата, нового формирующегося (прото)класса, в составе которого в настоящее время находится около половины экономически активного населения в России. Жизненный мир прекариата, его социальное положение как крупнейшей социальной общности российского общества рассматриваются в сравнении с данными о всем экономически активном населении, а также других общностях и группах. Анализируются отношение прекариев к происходящим экономическим, социальным и политическим проблемам на макроуровне, когда человек выступает как гражданин страны, а также социальное положение работника как жителя административной территории, его заботы на этом уровне социальной организации общества. Особое внимание уделяется характеристике социально-экономического положения прекариев как работников в рамках проблем, которые волнуют их в трудовых организациях. И наконец, дается характеристика приватной жизни людей как участников непосредственных межличностных отношений и контактов. Такой подход позволяет более полно охарактеризовать жизненный мир прекариата, выявить его ориентиры, в том числе и с учетом специфики занятости в различных отраслях (сферах) экономики. Характеризуются основные черты и перспективы публичной и приватной жизни прекариев, издержки и деформационные процессы, влияющие на нормализацию их жизненного мира.

Ключевые слова: социология жизни • прекариат • жизненный мир • публичная жизнь • приватная жизнь • гражданин • житель • работник • микросреда

DOI: 10.31857/S013216250016200-3

К постановке проблемы. В решении такой важнейшей социально-экономической проблемы, как занятость, значительное место сегодня занимает состояние и трудоустроенность групп людей, которые заняты временной, эпизодической, сезонной работой, с сокращенным рабочим днем, с неясными условиями оплаты труда, полностью или частично лишенных социальных гарантий. Численность этих групп с конца XX в. стала стремительно расти и по некоторым данным в настоящее время достигает 45–55% трудоспособного населения (см.: [Тощенко, 2018]). В мировой и отечественной литературе эти

группы стали называться прекариатом (от *лат.* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) (см.: [Стэндинг, 2014; Голенкова, 2015; Тощенко, 2018; Шкаратан и др., 2015]).

Как и каким образом формировались эти группы неустойчивого, нестабильного и негарантированного труда? На наш взгляд, они возникли под влиянием двух противоречивых процессов.

С одной стороны, развивающаяся экономика требовала постоянного совершенствования технологий, нередко кардинально изменяющих производственный цикл, смысл и принципы профессиональной деятельности работника. А это в свою очередь требовало перестройки процессов комплектования и использования рабочей силы, привлечения специалистов другого профиля, другой квалификации и/или организации переобучения работников. В этих условиях работодатель часто не был заинтересован в работниках с бессрочным наймом. Объективные условия постоянно совершенствующихся технологических процессов требовали, чтобы работодатель прибегал к использованию рабочей силы с ограниченным – краткосрочным, временным – ее использованием. И это стало характерной чертой не только крупных предприятий (организаций), но и среднего и малого бизнеса.

С другой стороны, эта, пусть и объективная, потребность оборачивалась крупными социальными издержками, ущемлением прав и гарантий работников – их увольняли, снижали оплату труда, переводили на сокращенный рабочий день, не гарантировали оплату отпуска, больничных листов.

Для более обстоятельного анализа этого феномена – прекариата – социологами РГГУ были проведены всероссийские опросы: а) май–июнь 2018 г. – 1200 человек, 106 поселений, 19 административных центров РФ (для ссылки: Прекариат-2018); б) май 2019 г. – 900 человек, 22 административных центра, 8 федеральных округов РФ (для ссылки: Прекариат-2019); в) сентябре—октябре 2020 г. – 900 человек, 109 поселений, 18 административных центров РФ (для ссылки: Прекариат-2020) (подробнее см.: [Прекариат: становление..., 2020; Прекарная занятость..., 2021]).

Исходя из теоретической концепции социологии жизни, в основе этих исследований лежало понятие «жизненный мир», рассмотрение которого предполагает учет трех компонентов – сознания, поведения и среды (см. подробнее: [Тощенко, 2015]). Была также учтена специфика современного этапа социально-экономического развития российского общества. Во-первых, в анализ были введены такие понятия, как публичный и приватный жизненный мир, которые отражают не всю общественную и индивидуальную жизнь во всем их многообразии, а только аспект, касающийся личностной оценки, понимания и осуществления действий в соответствии с персональным восприятием окружающего мира. Во-вторых, не менее важным для раскрытия черт и ориентиров жизненного мира прекариев оказалось его рассмотрение на различных уровнях социальной организации – всего общества, административно-территориальной общности, производственной организации и контактной межличностной среды, что позволяет анализировать сознание и поведение людей при выполнении ими соответствующих социальных ролей – как гражданина, как жителя, как работника и как участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения.

Прежде чем перейти к анализу, напомним критерии, по которым определяется принадлежность к прекариату: а) отсутствие трудового договора или его оформление не более чем на один год; б) несоответствие образования и квалификации выполняемой работе; в) ненормированная или неопределенная длительность рабочего дня (недели, месяца, года) с преобладанием неполной или временной занятости; г) зарплата «в конверте» (систематическая или часто практикующаяся); д) смена работы за последние три года более одного раза; е) невозможность влиять на решения в своей производственной организации. К этому можно добавить и такое социально-психологическое чувство, как неясность перспективы в жизни, неопределенность будущего [Прекариат: становление..., 2020: 82–83]. Такой подход позволяет говорить как об общих показателях прекарной занятости, так и о ее интенсивности (на основе коэффициента): эти

показатели варьируются в зависимости от наличия у работника тех или иных черт прекарного положения, что позволяет представить более гибкую картину – от легкой до глубокой степени выраженности занятости такого типа, выделяя «ядро» и «периферию» прекариата (в исследовании это осуществила И.О. Шевченко, см.: [там же: 83–92]). Набор признаков может корректироваться в соответствии с теоретическими предпосылками и возможностями используемой базы данных. При включении не только характеристик условий занятости работника, но и субъективного восприятия им этих условий как добровольных или вынужденных, целесообразным представляется построение классификации работников на основании сочетания значений двух признаков: уровня неустойчивости занятости и субъективной оценки своего положения (удовлетворенность условиями труда, (не)желание сменить место работы и др.).

Рассмотрим далее, как эти черты проявляются в жизненном мире прекариев как граждан общества, жителей поселенческих структур, работников трудовой (производственной) организации и участников межличностной среды.

Гражданские позиции прекариев. Прекарии, как и все россияне, – граждане страны. Но как, в какой степени происходит осознание этого и личное понимание роли и значимости государства в их публичной и приватной жизни?

Начнем с анализа позитивных черт в понимании происходящих в мире процессов и ориентиров на его желаемый облик. Обратим внимание на тот факт, что все социальные общности и группы, в том числе и прекарные, мало различаются в том, какой они хотят видеть Россию. Поэтому выделим суждения, которые характеризуют российское государство, понимание его реальной роли в современном мироустройстве и положения страны в геополитическом пространстве. Это чрезвычайно важно потому, что в этой оценке особенно наглядно проявляется суть патриотизма во всех его аспектах, понимание людьми причастности к знаменательным событиям, отмечающим исторический путь великой державы. Можно видеть, что многие россияне осознают потерю Россией того статуса, которым обладал Советский Союз, но не хотят мириться с этим и высказывают пожелания о возрождении былой славы страны. Многие (44,4%) хотели бы, чтобы Россия сохранила и укрепила статус великой державы. Это позволяет утверждать, что в своих гражданских ориентирах россияне всех социальных групп, в том числе и прекарных, ориентируются на сохранение высокой роли России в мировой политике и сходным образом настроены на восстановление прежних позиций страны. Такую ситуацию можно трактовать, с одной стороны, как понимание изменений роли и значения нынешнего российского государства по сравнению с Советским Союзом, но с другой – как желание вернуть ему прежнюю роль. Этот показатель коррелирует со сходными по смыслу данными – каждый второй (52%) ратует за обеспечение стабильности в обществе, за развитие страны без катаклизмов, войн и революций.

Далее, роль гражданина проявляется в оценке социально значимых проблем, которые включены в его жизненный мир и волнуют с точки зрения принадлежности к определенной социальной общности и/или группе. Относительно суждений об устройстве российского общества, которые касаются лично респондента, на первое место вышло желание иметь государство, в котором соблюдается справедливость, обеспечиваются равные права для всех, – об этом заявили каждые два человека из трех (67,5%). Такая ориентация на справедливость весьма знаменательна, так как по данным других исследований [Горшков, Шереги, 2020] и при такой или схожей постановке вопроса справедливость выходит на первый план как насущная потребность людей, залог их соответствующего отношения к происходящим изменениям в обществе, (не)желания доверять общественным институтам. Ряд исследователей, исходя из того, что это стремление к справедливости приобрело устойчивый характер, предлагают сделать его идеологическим ориентиром в жизни новой России [Левашов, 2020].

Отметим также, что при оценке гражданских позиций россиян мы старались не упустить из виду, что они включают в себя широкую гамму мнений, отражающих достаточно широкое понимание необходимости решать актуальные общественные проблемы как

социального, так и культурного характера. Так, 27,8% заявили о неотложности более эффективного решения экологических проблем, 20,8% – о возвращении России к национальным традициям, 12,4% высказались за сближение с современными развитыми странами и др. (Прекариат-2018). Иначе говоря, россияне во всех ее социальных группах с небольшими вариациями предстают людьми с осознанной гражданской позицией и широкими мировоззренческими ориентирами, что позволяет говорить об их высоком интеллектуальном уровне.

Однако это ответственное и осознанное отношение в оценке социально-экономических отношений не исключает критического отношения к реальным процессам, происходящим в обществе. Так, 21,5% россиян заявили, что страна развивается в неправильном направлении, а 30,1% — уклонились от ответа, что можно трактовать как сомнение в избранном курсе и в осуществляемых изменениях. Эта оценка у прекариев выражена гораздо жестче — о неправильном развитии страны заявили от 38,2% работников строительства до 44,9% работающих в сельском хозяйстве. Более высокая негативная оценка связана с тем, что реальное социально-экономическое положение этих групп занятых уязвимо по многим показателям, связанным в первую очередь с невозможностью и/или ограниченностью удовлетворения материальных потребностей в этих отраслях экономики.

Не менее важной чертой жизненного мира прекариев становится их дистанцирование от политической жизни, нарастание политического отчуждения. При оценке политической ситуации в России полностью удовлетворенных ею насчитывается только 14,1%, при том что 22,2% убеждены в напряженном, критическом характере ситуации и 51% не дают определенной оценки («ситуация не совсем спокойная, не совсем благоприятная»). Однако прекарии особенно резко выделяются равнодушием (апатией) при оценке своего места и отношения к участию в общественно-политических мероприятиях, а также в принадлежности к официальным и добровольным объединениям и движениям. Разве не об атрофии политического сознания говорит тот факт, что 85–90%, по их признанию, не могут влиять на принятие государственных решений (Прекариат-2018; Прекариат-2020)?

Что касается общественно-политических мероприятий, то даже в таких из них, как выборы в Государственную думу, прекарии участвовали в 1,5 раза меньше, чем постоянные работники. Особенно много уклонившихся от участия оказалось в промышленности (71,9%), что можно трактовать как реакцию людей, наиболее пострадавших от проводимых рыночных реформ.

Особенно наглядно проявляется атрофия участия в общественно-политической жизни, когда речь идет о членстве в различных общественных организациях и объединениях. Показательно, что даже в такой массовой организации, как профсоюз, только 5–7% (за исключением промышленности – 23,5%) подтвердили свою принадлежность к этой организации. И практически по всем отраслям экономики, и в строительстве, и на транспорте, и в сельском хозяйстве примерно 90% заявили (в общей выборке это признали 74,8%), что не являются членами никакой организации – ни политической, ни культурной, ни спортивной, ни волонтерской или любой из существующих.

Таким образом, гражданские качества прекариев ярко проявляются в таких характеристиках их жизненного мира, как, с одной стороны, потенциальное стремление осознавать величие своей страны, а с другой – высокая степень социально-политического отчуждения и низкая социальная активность при определении своего участия в решении назревших общественных проблем.

Житель: создание комфортной повседневной среды. Если оценки человека как гражданина отражают его мироощущение на самом высоком, предельно обобщенном уровне, то на уровне территориально-административной общности на первый план выходят другие заботы, касающееся его как жителя города, села и других населенных пунктов. Причем следует отметить, что реакция на большинство проблем людей прекарной и традиционной (оформленной в правовом отношении) формы занятости во многом различается (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее острые проблемы по месту жительства (в % от числа опрошенных)

Проблемы, волнующие	Строительство (2019)	тво (2019)	Транспорт (2019)	т (2019)	Торговля, бытовое обслуживание (2019)	бытовое ние (2019)	Промышленность (2020)	енность 0)	Сельское хозяйство (2020)	озяйство))
жителей	бессрочный	6e3	бессрочный	6e3	бессрочный	без	бессрочный	без	бессрочный	без
	договор	договора	Договор	договора	Договор	договора	Договор	договора	договор	договора
Жилищно-коммунальные проблемы	37,6	48,5	42,3	34,6	39,0	48,7	28,6	50,9	24,5	34,7
Здравоохранение	51,8	60,3	45,2	49,4	60,3	73,1	50,3	56,1	6′09	67,3
Обучение детей	29,1	27,9	24,0	30,9	25,3	42,3	21,1	31,6	21,2	18,4
Транспортное сообщение	11,3	14,7	20,2	19,8	21,2	10,3	13,0	5,3	26,6	18,4
Отсутствие условий культурной жизни	13,5	10,3	8,7	17,3	11,0	2,6	12,4	8,8	7,72	22,4
Отсутствие условий для занятий физкультурой и спортом	2,8	4,4	4,8	3,7	4,1	1,3	5,6	2,0	2,6	8,2
Экология	33,3	17,6	56	23,5	30,8	28,2	28,0	10,5	0′9	6,1
Криминальная обстановка, преступность, отсутствие личной безопасности	6'6	16,2	12,5	12,3	6'8	6,4	9'9	5,3	1,6	2,0
Ничего не волнует	14,2	8,8	17,3	11,1	10,3	7,7	18,0	14,0	14,7	16,3

Примечание. Ответы на вопрос: «Какие проблемы по месту вашего проживания (в городе, районе, селе) в первую очередь вас волнуют?» При ответе на этот вопрос отмечалось не более трех позиций.

Источники: Прекариат-19; Прекариат-20.

Анализ этих данных позволяет сделать вывод: по признанию большинства, у них нет полноценной среды обитания, о чем говорят показатели, характеризующие качество жизни. Прежде всего, это оценка возможностей здравоохранения. По мнению 57% россиян, забота о здоровье приобрела первостепенное значение среди других инструментальных ценностей, даже по сравнению с ролью и значимостью решения жилищно-коммунальных проблем (46%), которые в недавнем прошлом лидировали среди других проблем повседневной жизни. Забота о здоровье значительно возросла в период пандемии, которая столь неожиданным образом заставила обратить на него внимание. При опросе в октябре 2020 г. только 18% респондентов сказали, что у них нет никаких проблем с состоянием своего здоровья. События, развивавшиеся под влиянием пандемии, показывают значимость решения комплекса вопросов, связанных со здоровым образом жизни, когда не только коронавирус, но и другие угрозы актуализировали их решение.

Важной потребностью и сейчас, и в будущем остается забота о детях, об их воспитании, образовании, гарантии их благополучия – таково мнение 29% россиян. Следует учесть, что эта цифра увеличивается в 2–3 раза, если рассматривать мнение только тех, кто имеет детей и постоянно сталкивается с необходимостью повседневной, регулярной родительской опеки.

Возрастают тревоги и поводу экологической обстановки – об этом сказал каждый третий россиянин (32%). Это подтверждает возросшее число публичных акций протеста против непродуманных решений или по поводу непринятия мер по обеспечению благоприятной жизненной среды.

Хотелось бы обратить особое внимание на такой показатель: 50% сказали о тревоге по поводу гарантий их личной безопасности. На наш взгляд, это отражает беспокойство в самом широком плане: речь идет не только о возможном физическом насилии, но и о возросших случаях обмана, мошенничества, а также в связи с неудовлетворенностью работой правоохранительных органов (работе полиции не доверяют 33% россиян, судебным органам – 34% (в 2018 г.) и 38,7% (в 2020 г.).

Конечно, жизнь городского и сельского жителя в перспективе не ограничивается назваными чертами. В немалой степени волнуют и нерешенные проблемы культуры (12%), и транспортные неурядицы (15%), и работа торговых и бытовых учреждений. Все эти заботы россиян как жителей определенной территории и административной единицы, на наш взгляд, достаточно убедительно характеризуют различные аспекты проблем, которые в конечном счете сводятся к требованиям обеспечения комфортной жизненной среды и сельчан, и горожан.

Работник: проблемы гарантированной трудовой жизни. Ситуация в сфере занятости по способу оформления трудового контракта представляет собой следующую картину (табл. 2). Анализ показывает, что работники, которые не имеют трудового договора, отличаются от постоянно работающих сотрудников достаточно существенно и своеобразно.

Первое, на что следует обратить внимание: для прекариев очень важны базовые основы, дающие им гарантии в построении своей жизни. Это вопросы, связанные с неопределенностью в оплате труда. Если среди постоянных работников, занятых во всех отраслях экономики, 13–15% выражают неудовлетворенность неясностью в оплате труда, то среди прекариев эта доля достигает 38,5% (в строительстве). На наш взгляд, такое состояние показывает глубокую зависимость и неопределенность трудового положения людей, которые находятся в условных, слабо определенных отношениях с работодателями. Это ведет к состоянию неясности, неустойчивости и негарантированности статуса, прав и будущего, даже ближайшего.

Однако и официально, и неофициально трудоустроенные работники едины в убеждении, что оплата их труда находится на низком уровне: более 50% и тех и других считают, что их труд заслуживает более достойной оценки и более высокого вознаграждения. Здесь, на наш взгляд, находит отражение общее мнение всего работающего населения о несоответствии их вклада в выполнение трудовых обязанностей и официальной оценки их усилий по выполнению служебных (профессиональных) обязанностей. Эта оценка в

Таблица 2

Таблица 3

Оформление трудовых отношений среди прекариев (в % от числа респондентов, занятых прекарным трудом)

Наличие трудового договора	Транспорт	Торговля	Строи- тельство	Промыш- ленность	Сельское хозяйство	Все отрасли экономики
Имеют бессрочный договор	23,7	32,9	27,4	26,1	32,3	30,5
Имеют временный договор более 1 года	29,5	11,4	20,1	24,6	17,3	20,8
Имеют временный договор менее 1 года	11,1	8,9	11,6	10,4	13,4	11,4
Работают без трудового договора	34,8	45,6	40,2	38,1	37,0	34,7
Другое	1,0	1,3	0,6	0,7	0,0	2,5

Источники: в этой и последующих таблицах – Прекариат-2018, Прекариат-2019, Прекариат-2020.

определенной степени коррелирует с мнением о неясности в оплате труда, но отражает более широкий пласт всеобщей неудовлетворенности вознаграждением трудовых усилий работников во всех без исключения отраслях экономики и культуры. Тем более, эта неудовлетворенность питается информацией о большом разрыве между доходами олигархов, банкиров, топ-менеджеров и рядовых тружеников. Так, по официальным данным, даже в 2020 г. – году пандемии – доходы крупного капитала увеличились на 57%, в то время как уровень жизни работающего населения России снизился на 11,2%. Согласно докладу Global Wealth Report 2021 банка Credit Suisse, Россия по уровню социального расслоения с коэффициентом Джини 0,878 (единица означает, что все богатство сосредоточено в одних руках) опережает большинство государств Латинской Америки и почти все страны Африки. В результате у 72,8% населения России суммарные активы на человека не превышают 10 тыс. долларов, а у 252 тыс. имеются активы свыше 1 млн долларов (у 199 чел. активы превышают 500 млн долларов)¹.

В качестве компенсации неудовлетворяющей оплаты труда выступает дополнительная занятость, подработка (табл. 3).

Дополнительная занятость прекариев (в % от числа респондентов, занятых прекарным трудом)

Необходимость работать дополнительно к основной работе и подрабатывать на стороне ради увеличения заработка	Транспорт	Торговля	Строи- тельство	Промыш- ленность	Сельское хозяйство	Все отрасли экономики
Приходится регулярно	41,5	20,3	31,1	35,8	29,9	27,5
Приходится, но не регулярно	41,5	41,8	55,5	54,5	47,2	50,1
Не приходится	16,9	38,0	13,4	9,7	22,8	22,3

 $^{^{1}}$ Цит. по: *Прокофьев Д*. Бизнес и партия едины // Новая газета. 2021. 30 июня.

Отметим специфический источник обеспечения благополучия, характерный для сельского хозяйства, – 55% работников обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство). Это обусловлено, во-первых, низким уровнем дохода (работники сельского хозяйства чаще всего говорят о низкой оплате труда), а во-вторых, спецификой трудовой деятельности («близостью к земле»), позволяющей обеспечивать себя продуктами питания.

Данные об оплате труда дополняет оценка людьми социальных льгот, медицинского обслуживания (табл. 4).

Таблица 4 **Социальные гарантии для прекариев** (в % от числа респондентов, занятых прекарным трудом и ответивших «да, гарантирует»)

Гарантирует ли организация	Транспорт	Торговля	Строи- тельство	Промыш- ленность	Сельское хозяйство	Все отрасли экономики
Оплату больничных листов	29,5	36,1	32,9	56,7	48,8	53,1
Оплату отпуска	28,0	37,3	29,9	60,4	50,4	52,9
Оплату за время вынужден- ной остановки работы	12,6	16,5	15,9	17,2	17,3	23,3
Оплату по уходу за ребенком	15,9	20,9	17,7	33,6	36,2	39,2
Возможность взять отгул при необходимости	52,7	52,5	52,4	48,5	47,2	65,0

Социальные гарантии – очень важная сторона трудовой жизни, которая не только определяет уровень бедности работников. Их наличие позволяет уменьшить осознание изолированности от общества, от производственной организации, от других социальных групп. Оценка распространенности социальных гарантий в общем безрадостна. Среди имеющих оформленный трудовой контракт об отсутствии социальных льгот заявили 9% в строительстве и 15% в торговле (самая большая доля), в то же время среди прекариев такая доля значительно выше – от 24% в промышленности до 41% в строительстве. Очевидно, что отсутствие социальных льгот лишь усугубляет положение с неопределенностью оплаты труда и ставит прекариев в еще большую зависимость от работодателя, отягощает личную жизнь.

Вместе с тем исследования выявили ряд специфических особенностей поведения прекариев, что, на наш взгляд, составляет важную характеристику их трудовой жизни. Речь идет о довольно низкой оценке значимости таких основ трудового процесса, как условия и организация труда. В ситуации стабильной экономической системы эти показатели трудового процесса занимают одно из ведущих мест. Однако в условиях стагнации и даже рецессии экономики, потери ею стабильности условия и организация труда отошли на задний план: тревогу по их несовершенству и отставанию выразили практически в одинаковой степени все работники – как имеющие правовые гарантии, так и прекарии. Так, уровень неудовлетворенности условиями труда колеблется в пределах 9–15%, за исключением торговли (там соотношение оставляет 10 и 21%, что можно объяснить специфическими условиями сферы деятельности). Этот показатель характерен и для работников промышленности (соотношение 10 и 22%), что объясняется повышенным, осознанным требованием к созданию благоприятных условий труда, особенно для тех, кто ранее работал в более приемлемой обстановке.

Что касается организации труда, то более высокие претензии имеют постоянные работники (от 10 до 17%), что на первый взгляд может показаться странным. В то же время надо иметь в виду, что прекарии мирятся с тем, что их участие в трудовом процессе неопределенно, может резко измениться. Не менее удивительны такие данные: каждый третий-четвертый из групп постоянных работников и прекариев практически одинаково

отрицательно оценивает перспективы профессионального роста, карьеры. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в целом в обществе социальные лифты, связанные с профессиональным продвижением, «заржавели», причем не только на уровне инженерных должностей, но и на уровне исполнительских, рабочих мест. Это особенно важно для постоянных работников, так как прекарии, осознавая ограничения своего трудового положения, в меньшей степени предъявляют претензии к условиям и организации труда (см.: [Ниорадзе, 2021]).

Еще одна особенная характеристика трудового положения прекариев связана с угрозами увольнения. Если для постоянно работающих по-прежнему высока тревога по поводу опасений потерять работу (в целом по экономике это касается 22,5%), то только 12-13% прекариев волнует эта перспектива. На наш взгляд, это отражает восприятие своего положения как незащищенного и негарантированного, даже условного, его полной зависимости от работодателя.

Неуверенность, непостоянство места работы проявляются и в том, что зачастую происходит не просто смена места работы, но и смена профессии, что сразу ставит работника на более низкую социальную ступень, - он вынужден проходить переквалификацию для того, чтобы усвоить новые трудовые обязанности. А это означает его уязвимое положение: осваивая новую профессию, работник не может конкурировать с имеющими подготовку по этой специальности – ведь для того, чтобы достичь мастерства, нужно время. Исследование показало массовую потерю работниками прежних профессий. Особенно это коснулось промышленности (26%), транспорта (23%) и сельского хозяйства (29%). Можно сказать, что произошла утрата интеллектуального потенциала (можно назвать это его расхищением) не только каждого третьего-четвертого работающего, но и всего общества, что не может не сказываться на эффективности работы и производительности труда.

Подрывает возможность повышения качества труда и большая степень неудовлетворенности своей занятостью (табл. 5).

Смен

	таолица 5
на работы за последние три года среди прекариев	
(в % от числа занятых прекарным трудом)	

Т-6-.... г

Частота смены	Транспорт	Торговля	Строи-	Промыш-	Сельское	Все отрасли	
места работы	Транспорт 59,4 19,3 15,9 5,3	Торговля	тельство	ленность	хозяйство	экономики	
Не меняли	59,4	47,5	52,4	46,3	55,1	52,6	
Меняли 1 раз	19,3	28,5	25,0	37,3	26,0	27,8	
Меняли 2–3 раза	15,9	14,6	13,4	14,2	11,8	16,4	
Меняли более 3-х раз	5,3	9,5	9,1	2,2	7,1	3,2	

Как показывают данные исследований 2019 и 2020 гг., намерение сменить место работы среди постоянных работников высказывают от 10% (транспорт) до 21% (торговля), в то же время среди прекариев этот показатель практически в два раза больше. Понятно, что от таких работников трудно ожидать усилий и стремления повысить эффективность и производительность труда. В целом это приводит к тому, что почти у 40-45% (сменивших профессию и намеренных искать новое место работы) нет побудительных мотивов для осознанного применения усилий к личному участию в выполнении стратегических задач, которые поставлены в национальном проекте «Производительность труда и поддержка занятости».

На качество трудовой жизни влияет и такой экономический инструмент, имеющий и моральное значение, как оплата труда «в конверте». Если даже у официально оформленных работников эта практика касается 35% (промышленность) и 50% (строительство), то у прекариев она достигает 70% и более. Эта практика, в которой заинтересован работодатель, а иногда и работник, особенно молодой, ведет к серьезной деформации трудового

процесса, к порождению не только двойной бухгалтерии, но и двойной морали, создает питательную почву для хищений, злоупотреблений, обмана.

Отметим, что процесс ограничения прав работника обострился в период пандемии: 18% заявили об уменьшении («урезании») заработной платы (31% ответили, что ожидают этой акции со стороны администрации); 12% сказали, что попали под сокращение штатов (27% ожидают этого); 10% подтвердили, что их перевели на сокращенный рабочий день (33% предполагают это). Иначе говоря, процесс прекаризации занятости в связи с пандемией ускорился.

Итак, противоречивость положения прекариев связана с различиями в степени вовлеченности в общественно-трудовую деятельность, в ее ценности для конкретного работника и в понимании возможности влиять на его состояние. Выявляется парадоксальная ситуация, когда тревога потерять работу, характерная для многих работников, в меньшей степени касается прекариев: можно говорить о том, что их положение, особенно без оформленных трудовых отношений, не представляет ценности для общества, работодателя, самого работника.

Человек в условиях микросреды. Есть еще одна грань в приватной жизни, которой большинство людей дорожит, – это межличностные контакты в непосредственном окружении. Анализ данных показывает, что абсолютное значение имеет такая ценность, как семья, – это мнение 95% россиян. Оно выявляется при рассмотрении всех основных сфер жизни человека – образования, работы с детьми, проведения досуга, использования социальных льгот. Правда, при этом трудно объясним другой показатель – в последнее время число распавшихся семей составляет 45–50% к числу заключивших брак. Пандемия усилила этот процесс, однако несомненно, что при всех трансформациях этого социального института ему принадлежит будущее.

Исследование показало, что велико значение социально-психологических факторов в личной жизни людей, – высока оценка роли общения (63%), а также такого показателя, как уважение (62%), что можно рассматривать как высокую оценку своего Я как человека, как профессионала, как члена общества. Знаменательно, что значима оценка такой стороны жизни человека, как отдых (60%).

Однако изменившиеся социально-экономические и социально-политические условия жизни привели к появлению таких черт, как дистанцирование от общественных проблем. В выборах как в Государственную думу, так и в местные органы власти участвовали около 50%, а такую форму активности, как подписание петиций, поддержали 12%. Что касается участия в протестных формах, таких как демонстрации, митинги, забастовки, пикеты, то его подтвердили только 3,7%. Исследования показали, что происходит своеобразный процесс роста замкнутости людей на собственных проблемах и ориентации только на ближайшее окружение: надежда на то, что в затруднительной ситуации окажут помощь только члены семьи и родные (86–88%), друзья (54–60%). Даже такой проверенный в советские времена способ взаимодействия, как помощь товарищей по работе, назвали только 20%. Показательно, что минимизирована распространенность обращения за помощью к руководителям (12–14%), к местным органам власти (2–3%), к профсоюзам (1,5–2,5%), к политическим партиям и священникам (около 1–1,5%). Это наглядно подтверждает факт растущей изоляции от общественных забот и тревог и сосредоточение внимания на проблемах, имеющих отношение к ближайшему окружению.

Отметим особо, что приватная жизнь подвержена значительному влиянию состояния социального самочувствия. По данным исследования Прекариат-2018, почти каждый пятый сотрудник (19%) говорит об отсутствии перспектив в работе/карьере. Как показывают психологические исследования труда, «современный человек большую часть сознательной жизни проводит на работе, в которой он находит не только материальное, но и духовное удовлетворение, что связано, в первую очередь, с потребностью человека в самореализации и самораскрытии себя» [Андреева, Вишневская, 2019: 5]. Необходимость заниматься неудовлетворяющей человека работой снижает его трудовой потенциал и

ухудшает социальное самочувствие, в том числе и в приватной жизни. Низкие показатели социального самочувствия наиболее ярко проявляются в оценке социально-психологических отношений с руководством (16% оценивают их как плохие). Такая ситуация возникает из-за того, что ощущение безальтернативности трудоустройства приводит к необходимости конформизма в отношениях с руководством.

Обобщенной характеристикой как публичной, так и приватной жизни можно считать оценку общего восприятия жизни и возможного будущего (табл. 6).

Таблица 6 **Оценка изменений в жизни как фактор социального самочувствия прекариев** (в % от числа респондентов, занятых прекарным трудом)

Оценка изменений жизни респондента и его/ее семьи за последние 3 года	Транспорт	Торговля	Строи- тельство	Промыш- ленность	Сельское хозяйство	Все отрасли экономики
Улучшилась	15,9	14,6	9,8	9,0	9,4	16,4
Ухудшилась	32,4	39,2	32,3	49,3	40,9	33,0
Осталась прежней (без особых изменений)	48,8	43,0	50,6	38,1	46,5	47,4
Затруднились ответить	2,9	3,2	7,3	3,7	3,1	3,2

Анализ этих данных позволяет утверждать, что пессимистические оценки во многом вызваны нерешенными проблемами как в трудовой сфере, так и в связи с реализацией экономических прав и свобод. Особенно показательно это проявилось в отношении прекарных работников промышленности, которые в наибольшей степени пострадали от так называемых рыночных реформ.

Что касается будущего, то только 11% выразили уверенность в его благоприятной перспективе, при более высоком уровне опасений – страха перед будущим, беспомощности, невозможности повлиять на происходящее, а также стыда на нынешнее состояние страны (все показатели по 20%).

Таким образом, несомненно, что контактная среда жизни человека занимает все большее место в его жизненном мире. И этот поворот ведет к тому, что приватная жизнь приобретает большую значимость по сравнению с публичной. А это в свою очередь ведет к индивидуализации жизни, которая может «выходить» на общественные проблемы только в том случае, если люди выражают прямую или косвенную заинтересованность в их решении.

Вместо заключения. Рассмотренные проблемы публичной и приватной жизни прекариев позволяют выявить основные черты и определить траектории и ориентиры их развития. Прежде всего выделим такую черту образа жизни, как парадоксальность сознания и поведения. Она проявляется в том, что при острой критической оценке экономического и политического положения в стране остается очень низким стремление и реальное участие россиян в осуществлении преобразований как в обществе в целом, так и в месте проживания. Это наглядно демонстрируют данные об участии в общественной жизни, в работе общественных организаций, об отказе от волеизъявления в избирательных кампаниях.

Публичная и приватная жизнь прекариев ярко выявляет социальное расслоение по всем основным характеристикам жизни человека – по гарантиям трудовой занятости, по оплате труда, по использованию его интеллектуального и профессионального потенциала, по устойчивости его повседневной жизни.

Анализ позволяет утверждать, что постоянной чертой жизненного мира прекариев становится изоляционистская позиция, проявляющаяся в аномии и потере ориентиров как в своем будущем, так и будущем страны. Неопределенность социального и профессионального статуса, неустойчивость благосостояния из-за отсутствия приемлемых правил оплаты труда, нестабильности в соблюдении социальных гарантий дополняется

отсутствием внятно сформулированного образа будущего, что ведет к формированию безразличного отношения к политической, экономической и социальной жизни на всех уровнях общественного устройства.

Для значительной части прекариев характерно компромиссное поведение, стремление приспособиться к быстро меняющимся условиям, в том числе и требованиям работодателя. Такое отношение к жизни, к работе во многом определяется тем, что работник рассматривает свою занятость как временный, переходный этап, с которым надо смириться для приемлемого существования на определенный отрезок времени. Поэтому протестный потенциал у прекариев незначителен, хотя в условиях пандемии обнаружил тенденцию к росту, особенно в среде интеллигенции: 11% из них заявили об имевших место трудовых конфликтах и еще 16% – о возможности их появления (Прекариат-2021).

Очень тревожна такая черта, как *отсутствие планирования* (или планирование на короткий срок) своей жизни, что ставит человека в зависимость от текущих условий повседневных забот, случайных обстоятельств.

Важным следствием происходящих изменений в жизни прекариев стала *растущая* индивидуализация жизни, замыкание на личных интересах со значительной потерей ориентации на участие в решении общественных дел.

Впрочем, основной издержкой является не осознаваемое в большинстве случаев самими прекариями и не оцениваемое государством положение о том, что неустойчивость жизненного мира значительной массы трудоспособного населения означает потерю интеллектуального богатства общества, нерациональное использование трудовых ресурсов, безвозвратную потерю образовательного и профессионального капитала.

В конечном счете, все эти проблемы концентрируются вокруг главной проблемы – социального неравенства, которая имеет ярко выраженную тенденцию роста. И это неравенство проявляется не только как экономическое – оно стремительно охватывает и другие сферы – здравоохранение, образование, культуру, бытовые потребности, т.е. всю, и публичную, и приватную, жизнь россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е.А., Вишневская М.Н. Психологический смысл труда для жителей современного города // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2. Т. 7. URL: https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN219.pdf (дата обращения: 16.06.2021).

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 121–138.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.

Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: 2-е изд. М.: Юрайт, 2020.

Ниорадзе Г.В. Прекарность в производственной организации // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. *Ж.Т. Тощенко*. М.: Весь Мир, 2021. С. 199–211.

Прекариат: становление нового класса (кол. монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2020. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (кол. монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Статья поступила: 02.08.21. Принята к публикации: 02.09.21.

THE PUBLIC AND PRIVATE LIFE WORLD OF THE PRECARIAT: MAIN FEATURES AND LANDMARKS

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director and Head of Chair of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. The article was written with the support of the Russian Science Foundation No. 18-18-00024.

Abstract. The article analyzes the public and private life world of the precariat, a new emerging (proto)class, which currently includes about half of the economically active population in Russia. The life world of the precariat, its social position as the largest social community in Russian society is examined and compared with data for the entire economically active population, as well as with other communities and groups. An answer is given to the question of what is the attitude of the precarians to the ongoing macro-economic, macro-social and macro-political problems when a person acts as a citizen of the country. The social position of the employee as a resident of the administrative territory and his/her concerns at this level of social organization of society are also analyzed. Particular attention is paid to the characterization of the socio-economic position of precarians as workers within the framework of the problems that concern them in labor organizations. Finally, it analyzes the private life of people as participants in interpersonal relationships and contacts. This approach allows us to more fully characterize the life world of the precariat, to identify its landmarks, including taking into account the specifics of employment in various sectors (spheres) of the economy. The main features and prospects of public and private life of precarians, costs and deformation processes influencing the normalization of their life world are characterized.

Keywords: sociology of life, precariat, life world, public life, private life, citizen, resident, worker, micro-environment.

REFERENCES

Andreeva E.A., Vishnevskaya M.N. (2019) Psychological Meaning of Work for the Inhabitants of the Modern City. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. No. 2. Vol. 7. URL: https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN219.pdf (accessed 16.06.2021). (In Russ.)

Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015) Precariate as a New Phenomenon in Modern Social Structure. In: Golenkova Z.T. (ed.) *The Employee in Modern Russia.* Moscow: Novyy khronograf: 121–138. (In Russ.) Gorshkov M.K., Shereqi F.E. (2020) *Youth of Russia in the Mirror of Sociology: By the Results of Many*

Years of Research. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)

Levashov V.K. (2020) The Russian State and Society in the Period of Liberal Reforms: 2nd ed. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Nioradze G.V. (2021) Precariousness in a Production Organization. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features.* Moscow: Ves' Mir: 199–211. (In Russ.)

Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 Data). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)

Standing G. (2014) Precariat: The New Dangerous Class. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2015) Sociology of Life. Moscow: UNITY-DANA (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2018) Precariat: From Protoclass to a New Class. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: The Formation of a New Class*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.) Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Precarious Employment: Origins, Criteria, Features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Received: 02.08.21. Accepted: 02.09.21.

Е.Я. ВАРШАВСКАЯ

ИЗБЫТОЧНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ: МАСШТАБЫ, ДЕТЕРМИНАНТЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

ВАРШАВСКАЯ Елена Яковлевна – доктор экономических наук, профессор Департамента организационного поведения и управления человеческими ресурсами Высшей школы бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (evarshavskaya@hse.ru).

Аннотация. Рассматривается проблема несоответствия характеристик работников требованиям рынка труда. Цель исследования – оценить масштабы избыточного квалификационного несоответствия российских работников, определить его детерминанты и влияние на потенциальную текучесть и удовлетворенность работой. Эмпирической основой работы послужили микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2018 г. Измерение квалификационного несоответствия основывается на самооценке респондентов. Около половины российских работников оценивают свою квалификацию как избыточную. Регрессионный анализ показал, что наиболее значимой детерминантой избыточной квалификации выступает уровень образования. Работа в неформальном секторе, плохие условия труда, избыточное образование и работа не по специальности увеличивают вероятность того, что работник будет считать себя переквалифицированным. Доказано, что избыточная квалификация – значимый предиктор трудового поведения. Вероятность поиска новой, более подходящей работы выше у тех работников, кто оценивает свою квалификацию как чрезмерную. Избыточная квалификация оказывает негативное влияние на удовлетворенность работой, снижая вероятность чувствовать себя удовлетворенным и повышая риски неудовлетворенности.

Ключевые слова: квалификационное несоответствие $\bullet$ избыточная квалификация $\bullet$ потенциальная текучесть $\bullet$ удовлетворенность работой

DOI: 10.31857/S013216250016075-5

Работодатели, государственные чиновники, политики активно обсуждают проблемы избыточного образования работников, массовой работы не по специальности, так называемой квалификационной ямы, дефицита и устаревания навыков. Все это, по сути, различные стороны проявления разрыва (несоответствия) между характеристиками работников (их уровнем образования, специальностью, квалификацией) и требованиями рынка труда. Эта проблема обширна и многообразна. В научной литературе различают три вида соответствия: 1) образовательное (education mismatch) – (не)соответствие уровня образования работника требованиям конкретного рабочего места; 2) работу (не) по специальности (horizontal / field of study mismatch); 3) квалификационное (skill mismatch) – (не)соответствие квалификации и навыков работника выполняемой работе.

В публикациях 1980–1990-х гг. несоответствие на рынке труда анализировалось преимущественно на макроуровне как разрыв между агрегированными спросом и предложением рабочей силы, как проблема (не)стыковки вакансий и квалификации кандидатов. С начала 2000-х гг. оно стало активно исследоваться на микроуровне как несоответствие характеристик работника тем, которые требуются для выполнения конкретных рабочих задач. В фокусе исследовательского интереса находятся масштабы, детерминанты и последствия образовательного несоответствия и работы не по специальности (см. обзоры публикаций: [Erdogan, Bauer, 2020; McGuinness et al., 2018; Somers et al., 2019]). Анализу

этих вопросов посвящены публикации российских исследователей (см.: [Варшавская, 2019; Гимпельсон и др., 2010; Гимпельсон и др., 2009; Колосова и др., 2020]).

Проблема квалификационного несоответствия вошла в академическую и экспертную повестку несколько позже – в конце 2000-х гг. Во многом это стало следствием низкой удовлетворенности руководителей компаний навыками своих сотрудников и соискателей. По результатам опросов, недостаток квалификаций и навыков работников неизменно оказывался на первых позициях в рейтинге препятствий для развития бизнеса [Мальцева, 2019]. В это же время появились результаты различных международных исследований квалификаций, прежде всего Programme for the International Assessment for Adult Competencies (PIAAC), которые позволили оценивать уровень развития навыков у взрослых [Flisi et al., 2017; Pellizzari, Fichen, 2017; Perry et al., 2014]. С другой стороны, на теоретическом и эмпирическом уровнях было показано, что уровень квалификации и развития навыков нельзя приравнять к формальному образованию, соответственно, образовательное и квалификационное несоответствие представляют два различных феномена [Allen, van der Velden, 2001; Chevalier, 2003; Green et al., 2002].

В публикациях последних 10–15 лет анализируются отдельные аспекты квалификационного несоответствия, прежде всего его масштабы [Cedefop, 2015; Flisi et al., 2017; McGuinness et al., 2018; OECD, 2015], влияние на заработную плату [Mavromaras et al., 2013, McGuinness, Sloane, 2011; Sanchez-Sanchez, McGuinness, 2015], а также немонетарные эффекты, например, влияние на организационное поведение [Erdogan et al., 2000; Liu et al., 2015; Zhang et al., 2016]. Большинство работ посвящено анализу избыточного квалификационного несоответствия, тогда как недостатку квалификаций уделяется существенно меньше внимания [McGuinness et al., 2018]¹.

В российской литературе вопрос квалификационного несоответствия остается на периферии исследовательского внимания. Цель исследования – оценить масштабы избыточного квалификационного несоответствия российских работников (на основе их самооценки), определить его детерминанты и влияние на потенциальную текучесть и удовлетворенность работой.

Квалификационное несоответствие: теоретические подходы и эмпирические результаты. Под квалификационным (не)соответствием понимают соотношение между уровнем квалификации и навыков работника и требованиями его рабочего места. Для его измерения используются две группы методов. Первая группа включает объективные методы, которые предполагают прямые замеры уровня развития квалификаций с помощью каких-либо инструментов (например, тестов), а также наличие зафиксированных квалификационных требований в профиле конкретной профессии. Разрыв устанавливается через сравнение фактического и требуемого уровня развития квалификации, измеренных по единой шкале (методике). Вторая группа методов измерения – субъективные. Они построены на самооценке занятыми соответствия своего уровня квалификации требованиям, которые обусловлены необходимостью успешного выполнения профессиональных задач. В подавляющем большинстве исследований измерение квалификационного соответствия основано на применении субъективных оценок респондентов [Flisi et al., 2017; McGuinness et al., 2018]. Это связано с тем, что использование объективных методов гораздо более трудоемко и затратно, поскольку для квалификаций, в отличие, например, от образования, отсутствуют прямые измерители (в виде уровней образования или количества лет обучения), а спектр навыков, оценку которых можно реализовать, очень ограничен. Исследователи признают, что применение субъективных методов оценки квалификационного несоответствия сопряжено с риском смещенности результатов. Вместе с тем установлено,

¹Аналогичная ситуация наблюдается при анализе образовательного несоответствия: большинство научных публикаций посвящено проблемам избыточного образования. В то же время в центре внимания работодателей и политиков в первую очередь находятся вопросы, связанные с дефицитом квалификаций и навыков.

что субъективное квалификационное несоответствие является более точным предиктором трудового поведения по сравнению с оценками, полученными на основе объективных измерителей [Luksyte, Spitzmueller, 2011; McKee-Ryan et al., 2009]².

Существуют различные теоретические подходы, объясняющие несоответствие на рынке труда. Одни из них фокусируются на характеристиках индивида, в первую очередь на его образовании и опыте работы (например, теория человеческого капитала); другие – на характеристиках рабочего места и институциональных условиях (например, модели конкуренции за рабочие места). Большинство эмпирических исследований опирается на теорию назначения (the job assignment theory), которая предполагает, что несоответствие на рынке труда – следствие неоднородности как работников (по уровню формального образования, квалификации, опыта), так и рабочих мест [Sattinger, 1993]. Установлено, что вероятность избыточной квалификации связана с индивидуальными характеристиками работника: полом [Liu et al., 2015; Moro-Egido, 2020], возрастом [Sutherland, 2012; Wald et al., 2016], образованием [Маvromaras et al., 2013; Peiro et al., 2010]. С другой стороны, вероятность квалификационного несоответствия зависит от характеристик рабочего места и выполняемой работы [Маdamba, De Jong, 1997; Saez et al., 2016].

Анализ немонетарных эффектов квалификационного несоответствия показывает, что избыточно квалифицированные сотрудники с большей вероятностью занимаются поисками новой работы [Allen, van der Velden, 2001; Maynard, Parfyonova, 2013; McGuinness, Wooden, 2009; Wald, 2004]. Тем самым подтверждаются положения теории мэтчинга, в которой смена места работы рассматривается как стратегия адаптации, направленная на достижение оптимального соответствия между характеристиками работников и требованиями рабочего места [Jovanovic, 1979].

Большинство эмпирических исследований выявило негативное влияние избыточной квалификации на удовлетворенность работой [Green, Zhu, 2010; Congregado et al., 2016]. Более того, в ряде работ переквалификация оценивается как более влиятельный фактор удовлетворенности трудом по сравнению с образовательным и горизонтальным несоответствием, которые имеют либо более слабое, либо нейтральное влияние [Allen, Velden, 2001; Badillo-Amador, Vila, 2013; McGuinness, Sloane, 2011; Sánchez-Sánchez, McGuinness, 2015].

На основе изученной литературы и результатов ранее проведенных исследований были выдвинуты следующие гипотезы:

H1: вероятность избыточной квалификации тем выше, чем более высоким уровнем образования обладает работник;

H2: работа на «плохих» рабочих местах (в неформальном секторе, по непостоянному контракту, в неблагоприятных условиях) повышает вероятность оценки своей квалификации как избыточной;

Н3: оценка квалификации как избыточной повышает вероятность поиска новой работы;

H4: оценка квалификации как избыточной снижает удовлетворенность работой и повышает риски неудовлетворенности.

Данные и метод измерения. Эмпирической основой работы являются данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проводимого Росстатом в рамках программы федеральных статистических наблюдений. С 2014 г. КОУЖ проводится раз в два года во всех регионах РФ и охватывает 60 тыс. домохозяйств. Результаты КОУЖ репрезентативны в целом по РФ, по городским и сельским поседениям, по отдельным социально-демографическим группам³. В статье (там, где это не оговорено особо)

²Отметим, что Европейская экономическая комиссия ООН относит квалификационное несоответствие к числу показателей для измерения качества занятости и рекомендует использовать для этого метод, основанный на самооценках респондентов [UNECE, 2015].

 $^{^3}$ Подробная информация об исследовании представлена на https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2020/index.html (дата обращения: 03.05.2021).

использованы микроданные КОУЖ за 2018 г. (КОУЖ-2018). Для целей нашего исследования выборка была ограничена работающими респондентами. Ее объем составил более 50 тыс. человек.

Для оценки квалификационного несоответствия мы используем субъективный подход. Анкета КОУЖ содержит вопрос «Считаете ли вы, что у вас есть навыки или квалификация для выполнения более сложной работы, чем та, которая есть сейчас?» и варианты ответов «да», «нет», «затрудняюсь ответить» 1. Такая формулировка вопроса и ответов позволяет выделить работников, оценивающих себя как избыточно квалифицированных. К ним были отнесены респонденты, давшие утвердительный ответ. Прежде чем перейти к анализу данных, отметим два принципиальных момента, особенно важных с точки зрения интерпретации результатов. Во-первых, ответы респондентов отражают субъективную оценку индивидом соответствия своих квалификаций и навыков требованиям конкретного рабочего места. Во-вторых, формулировка вопроса в анкете КОУЖ не позволяет выделить работников, имеющих недостаток квалификаций и, соответственно, в числе ответивших «нет» могут быть недостаточно квалифицированные работники.

Масштабы и детерминанты избыточной квалификации. По данным КОУЖ, в 2011 г. и 2014 г. около 58% работников имели избыточную квалификацию, в 2016 г. – 54%, в 2018 г. – 52%. Таким образом, доля избыточно квалифицированных работников остается на протяжении 2010-х гг. достаточно устойчивой, хотя и наблюдается слабая тенденция к ее снижению. Масштабы квалификационной избыточности дифференцированы в различных социально-демографических группах (табл. 1).

Таблица 1 Доля респондентов, имеющих избыточную квалификацию (в %)

Социально-демографические группы	Доля
Пол	
мужчины	53,2
женщины	51,6
Возраст	
20–29 лет	57,9
30–39 лет	57,3
40–49 лет	52,3
50–59 лет	45,9
60 лет и старше	43,8
Образование	
высшее	61,8
среднее профессиональное	54,8
начальное профессиональное	46,6
среднее общее	31,9
основное общее и ниже	28,7

Источник: здесь и в последующих таблицах – расчеты автора на основе данных КОУЖ-2018.

Мужчины несколько чаще по сравнению с женщинами говорят о наличии у них избыточной квалификации (53,2 и 51,6% соответственно). Ее распространенность снижается с возрастом, точнее говоря, после достижения 40 лет. Разрыв между крайними

⁴Именно такая формулировка вопроса и вариантов ответов широко используется в зарубежных исследованиях (см., например, обзор вопросов для субъективного измерения квалификационного несоответствия в [Flisi et al., 2014]).

возрастными группами (20–29 лет и 60 лет и старше) составляет 14 п.п. Распространенность избыточной квалификации устойчиво растет с ростом образовательного уровня респондентов. Причем именно у работников с различным уровнем образования наблюдается самая существенная дифференциация в оценках. Так, среди занятых с высшим образованием 61,8% заявили, что обладают избыточной квалификацией, а среди занятых с общим таковых вдвое меньше. Чаще всего оценивали свою квалификацию как избыточную руководители (58,5%) и работники, занятые подготовкой информации и оформлением документов (57,7%). Несколько реже такие оценки своей квалификации давали занятые на рабочих позициях: квалифицированные рабочие промышленности (49,5%), неквалифицированные рабочие (49,3%) и операторы, аппаратчики, машинисты (44,7%). Таким образом, работники с более высоким уровнем образования и занятые более квалифицированной работой чаще воспринимают себя чрезмерно квалифицированными. Однако избыточная квалификация не ограничивается только этими группами занятых.

Для определения детерминант избыточной квалификации была оценена бинарная логит-регрессия (табл. 2). Зависимая переменная – наличие избыточной квалификации (база – ее отсутствие)⁵. В качестве регрессоров использовались индивидуальные характеристики работников (пол, возраст, тип поселения, уровень образования), характеристики занятости (профессионально-должностная группа, сектор, тип трудового договора, оценка условий труда), а также образовательное соответствие и работа по специальности.

Мужчины с большей вероятностью оценивают свою квалификацию как избыточную, чем женщины. С возрастом вероятность избыточной квалификации снижается. Однако влияние факторов пола и возраста невелико. Самой «влиятельной» переменной выступает уровень образования. Вероятность избыточной квалификации увеличивается с ростом образовательного уровня работников. Причем шансы переквалификации резко возрастают для респондентов, имеющих профессиональное образование любого уровня, особенно высшее. Занятость в неформальном секторе и оценка условий труда как плохих или удовлетворительных увеличивает риски восприятия квалификации как избыточной. Наличие избыточного образования и работа не по специальности также увеличивают вероятность того, что работник будет оценивать свою квалификацию как избыточную.

Включение переменной «профессионально-должностная группа» незначительно влияет на величину коэффициентов, что говорит об устойчивости полученных результатов (модель 2)⁶. Группами с максимальными рисками избыточной квалификации являются руководители и специалисты, а также офисный персонал и работники сферы обслуживания. Минимальны они среди квалифицированных работников сельского хозяйства и квалифицированных работнико сельского хозяйства и квалифицированных рабочих промышленности. Таким образом, распространенность избыточной квалификации определяется как высоким уровнем образования (в случае с руководителями и специалистами), так и относительной простой выполняемых трудовых функций (в случае офисных работников и работников сферы услуг).

В целом можно сказать, что основной детерминантой переквалификации выступает уровень образования. При прочих равных условиях респонденты, имеющие профессиональное образование, в первую очередь высшее, имеют максимальную вероятность оценивать свою квалификацию как избыточную. Эти риски возрастают под воздействием таких факторов, как плохие условия труда, работа в неформальном секторе, избыточное образование и работа не по специальности. Полученные результаты согласуются с выводами зарубежных исследований, в которых показано, что образование и характеристики работы наиболее тесно связаны с оценкой работником своей квалификации как избыточной [Green, McIntosh, 2007; Saez et al., 2016].

 $^{^{5}}$ Затруднившиеся ответить составили незначительные 1,8% и были исключены из анализа.

 $^{^6}$ Включение переменной «профессионально-должностная группа» требует исключения переменной «образование», поскольку они сильно коррелируют друг с другом (коэффициент корреляции 0,67).

Таблица 2 **Детерминанты избыточной квалификации** (оценки бинарной логит-регрессии)

Характеристики	Модель 1	Модель 2
Пол мужской (б – женский)	0,134***	0,202***
Возраст	-0,017***	-0,015***
Образование (б – основное общее и ниже)		
высшее	1,878***	
среднее профессиональное	1,444***	
начальное профессиональное	1,085***	
среднее общее	0,207**	
Профессионально-должностная группа (б – неквалифицированные рабочие)		
руководители		1,242***
специалисты высшего уровня квалификации		1,095***
специалисты среднего уровня квалификации		0,649***
работники, занятые подготовкой информации		0,853***
работники сферы обслуживания		0,847***
квалифицированные работники сельского хозяйства		0,222*
квалифицированные рабочие		0,163***
операторы, аппаратчики, машинисты		0,006
Сектор занятости (б – формальный)	0,099***	0,048*
Условия труда (б – хорошие)		
плохие	0,237***	0,309***
удовлетворительные	0,163***	0,192***
Образовательное несоответствие (б – соответствие)		
избыточное образование	0,263***	0,859***
недостаточное образование	0,074	-0,582***
Работа не по специальности (б – работа по специальности)	0,532***	0,337***
Константа	-1,033***	-0,361***
R^2	0,097	0,087
Количество наблюдений (чел.)	50 858	50 922

Примечание. Контролируются тип поселения, регион, тип трудового договора (постоянный/нет). *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01; 6 – базовая группа.

Влияние избыточной квалификации на потенциальную текучесть и удовлетворенность работой. 16% работников, имеющих избыточную квалификацию, ответили утвердительно на вопрос о поиске новой работы. Среди респондентов с квалификационным соответствием таковых было вдвое меньше (8,8%).

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 3. Зависимая переменная – потенциальная текучесть (база – отсутствие потенциальной текучести, т.е. респондент дал отрицательный ответ на вопрос о поиске новой подходящей работы).

Результаты показывают, что оценка работником своей квалификации как избыточной практически вдвое увеличивает вероятность поиска респондентом новой работы. Аналогичным образом по силе действует работа не по специальности, а почти вдвое слабее – наличие избыточного образования. С другой стороны, недостаточный уровень образования снижает вероятность потенциальной текучести.

Отметим также, что вероятность поиска новой работы снижается с возрастом. Существенно меньше потенциальная текучесть у работников, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Работа в неформальном секторе, непостоянный трудовой

Таблица 3 **Детерминанты потенциальной текучести** (оценки бинарной логит-регрессии)

Характеристики	Модель 1	Модель 2
Пол мужской (б – женский)	0,063*	0,002
Возраст	-0,047***	-0,047***
Образование (б – основное общее и ниже)		
высшее	-0,235***	-0,389***
среднее профессиональное	-0,072	-0,254***
начальное профессиональное	-0,061	-0,014
среднее общее	0,055	0,098
Сектор занятости (б – формальный)	0,676***	0,532***
Условия труда (б – хорошие)		
плохие	0,341***	0,294***
удовлетворительные	0,151***	0,159***
Тип трудового договора (б – постоянный)	0,744***	0,755***
Избыточная квалификация (б – ее отсутствие)		0,649***
Образовательное несоответствие (б – соответствие)		
избыточное образование		0,363***
недостаточное образование		-0,303***
Работа не по специальности (б – работа по специальности)		0,683***
Константа	-0,233**	-0,837***
R^2	0,121	0,174
Количество наблюдений (чел.)	52 944	50 740

Примечание. Контролируются тип поселения, семейное положение, регион. *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01; б – базовая группа.

договор, оценка условий труда как плохих и удовлетворительных увеличивают риски потециальной текучести.

Для определения влияния избыточной квалификации на удовлетворенность работой использовались ответы на вопрос «Укажите степень удовлетворенности своей основной работой по таким аспектам, как 1) обязанности, которые выполняете; 2) профессиональная удовлетворенность (в состоянии применять свои идеи на работе, возможности профессионального роста); 3) моральное удовлетворение (ощущение, что выполняете полезную работу)». Респонденты могли выбрать один из следующих вариантов ответов: вполне удовлетворен, удовлетворен не вполне, совсем не удовлетворен. Была оценена мультиномиальная логит-регрессия, в которой зависимая переменная – уровень удовлетворенности тем или иным аспектом работы (база – удовлетворен не вполне) (табл. 4).

Наличие избыточной квалификации негативно влияет на все аспекты удовлетворенности работой. Респонденты, оценивающие свой уровень навыков как избыточный, на 25–30% более вероятно совсем не удовлетворены выполняемыми рабочими обязанностями и не испытывают морального удовлетворения от работы. Шансы быть профессионально неудовлетворенным у них повышаются в еще большей мере – на 40–50%. С другой стороны, имеющие избыточную квалификацию менее вероятно полностью удовлетворены названными аспектами работы. Отметим, что аналогичным образом действует на удовлетворенность работой избыточное образование и работа не по специальности. Наличие сверхобразования и работа не по специальности повышают риски неудовлетворенности и снижают вероятность чувствовать себя удовлетворенным.

В целом, негативные немонетарные эффекты чрезмерной квалификации являются признаком вынужденности такой ситуации для работников, которые не могут найти более

Таблица 4 **Детерминанты различных аспектов удовлетворенности работой** (оценки мультиномиальной логит-регрессии)

	ность р	творен- абочими ностями		иональная оренность	Моральное удовлетворение		
Характеристики	вполне удовлетворен	совсем не удовлетворен	вполне удовлетворен	совсем не удовлетворен	вполне удовлетворен	совсем не удовлетворен	
Пол мужской (б – женский)	0,202***	-0,206**	0,146***	-0,114*	0,093***	-0,187***	
Возраст	0,011***	-0,002	0,012***	0,003*	0,013***	0,001	
Образование (б – основное об	щее и ниже	e)					
высшее	0,862***	-0,850***	0,684***	-0,819***	0,545***	-0,546***	
среднее профессиональное	0,666***	-0,752***	0,397***	-0,660***	0,392***	-0,565***	
начальное профессиональное	0,482***	-0,378**	0,069	-0,357***	0,181**	-0,321**	
среднее общее	0,144**	-0,102	0,027	0,025	-0,019	0,017	
Сектор занятости (б – формальный)	-0,058*	0,097	-0,158***	0,142**	-0,221***	0,062	
Условия труда (б – хорошие)						•	
плохие	-0,994***	0,407***	-0,428***	0,043	-0,484***	0,395***	
удовлетворительные	-0,597***	0,097	-0,328***	-0,196	-0,353***	-0,018	
Тип трудового договора (б – постоянный)	-0,196***	0,289***	-0,234***	0,339***	-0,173***	0,291***	
Избыточная квалификация (б – ee отсутствие)	-0,283***	0,246***	-0,396***	0,396***	-0,298***	0,298***	
Образовательное несоответств	вие (б – сос	тветствие)	'	'	'	'	
избыточное образование	-0,305***	0,254**	-0,432***	0,521***	-0,330***	0,326***	
недостаточное образование	0,349***	-0,625***	0,264***	-0,571***	0,276***	-0,536***	
Работа не по специаль- ности (б – работа по специальности)	-0,457***	0,612***	-0,746***	0,761***	-0,661***	0,635***	
Константа	0,873***	-2,235***	0,765***	-1,867***	1,013***	-1,869***	
R^2	0,0	096	0,1	152	0,110		
Количество наблюдений (чел.)	50	811	50	511	50 491		

Примечание. Контролируются тип поселения, семейное положение, регион. *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01; б – базовая группа.

подходящую работу. Впрочем, возможно, избыточно квалифицированные работники имеют денежную компенсацию, получая «премию» к заработной плате по сравнению с коллегами, уровень квалификации которых не является избыточным. К сожалению, данные КОУЖ не содержат сведений о заработной плате и не позволяют проверить это предположение.

Выводы. Около половины российских работников считают, что обладают навыками и квалификацией для выполнения более сложной работы по сравнению с текущей. Иначе говоря, они оценивают свою квалификацию как избыточную. Масштабы избыточной квалификации в России соответствуют показателям постсоциалистических стран (Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Хорватия), также измеренным субъективным методом [МсGuinness et al., 2018].

Наиболее значимой детерминантой избыточной квалификации выступает уровень образования. Более образованные работники с большей вероятностью считают, что обладают навыками и опытом для выполнения более сложной работы. Этот вывод согласуется с тем, что максимальные шансы оценивать себя как избыточно квалифицированных демонстрируют руководители и специалисты. Высоки они также у офисного персонала и работников сферы обслуживания. Работа в неформальном секторе, плохие условия труда, а также наличие других видов несоответствия (избыточного образования и работы не по специальности) увеличивают вероятность считать себя переквалифицированным. Таким образом, избыточная квалификация выступает результатом рассогласования предложения труда со стороны работников с высоким уровнем образования и спроса на труд, предъявляемого «плохими» рабочими местами (с неудовлетворительными условиями труда, нестабильными трудовыми отношениями, простыми функциональными обязанностями).

Получили подтверждение результаты зарубежных исследователей о том, что избыточная квалификация является значимым предиктором трудового поведения. Установлено, что вероятность поиска новой, более подходящей работы выше у тех работников, кто оценивает свою квалификацию как чрезмерную. Избыточная квалификация оказывает негативное влияние на удовлетворенность работой, снижая вероятность чувствовать себя удовлетворенным и повышая риски неудовлетворенности.

Интерпретируя представленные данные, необходимо иметь в виду, что они основаны на самооценках респондентов. В этом случае, по сути, речь идет о так называемой «воспринимаемой избыточной квалификации» (perceived overqualification), которая в первую очередь отражает субъективное восприятие индивидом уровня использования своих знаний, навыков, опыта, их востребованность на конкретном рабочем месте. Следует согласиться с мнением зарубежных исследователей, что понимаемая и измеряемая таким образом избыточная квалификация является не только экономическим, но и социальнопсихологическим феноменом и требует, соответственно, междисциплинарного исследовательского подхода [Erdogan et al., 2020; Harari et al., 2017].

Выполненное исследование является фактически первой попыткой охарактеризовать избыточное квалификационное несоответствие в реалиях российского рынка труда. За рамками статьи остались вопросы, которые требуют дальнейшего изучения. Как соотносятся объективные и субъективные оценки квалификационного соответствия? Как влияет чрезмерная квалификация на результативность работников, их проактивное, инновационное и другие виды организационного поведения? Компенсируются ли негативные немонетарные эффекты избыточной квалификации в денежной форме, т.е. существует ли «премия» за переквалификацию? Какова связь между избыточной квалификацией и индивидуальногихологическими характеристиками работников? Поиск ответов на эти вопросы определяет возможные направления дальнейших исследований. Вместе с тем комплексное изучение квалификационного несоответствия имеет не только теоретическое, но и несомненное практическое значение, поскольку создает возможности сокращения разрывов между навыками работников и выполняемыми ими задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Варшавская Е.Я. Российские работники с высшим образованием: анализ образовательных специальностей // Вопросы статистики. 2016. № 9. С. 65–74. [Varshavskaya E. (2016) Russian Employees with Higher Education: Analysis of Areas of Study. Voprosy statistiki. No. 9: 65–74. (In Russ.)] DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-9-65-74.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? Высшая школа экономики. Серия WP3/2010/09. М.: НИУ ВШЭ, 2010. [Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukyanova A. (2010) Education Level of Russian Employees: Optimal, Excessive, Insufficient? Preprint No. WP3/2010/09. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)]
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2. С. 172–216. [Gimpelson V.,

- Kapeliushnikov R., Karabchuk T., Ryzhikova Z., Bilyak T. (2009) Choice of Occupation: Where Have We Studied and Where Are We Working? *Economicheskiy zhurnal VShE* [The HSE Economic Journal]. No. 2: 172–216. (In Russ.)]
- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рощин С.Ю. Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 113–132. [Kolosova A., Rudakov V., Roshchin S. (2020) The Impact of Job–Education Match on Graduate Salaries and Job Satisfaction. Voprosy Economiki. No. 11: 113–132. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-113-132.
- Мальцева В.А. Концепция skill mismatch и проблема оценки несоответствия некогнитивных навыков в межстрановых исследованиях // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 43–76. [Maltseva V. (2019) The Concept of Skills Mismatch and the Problem of Measuring Cognitive Skills Mismatch in Cross-National Studies. Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow] No. 3: 43–76. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-43-76.
- Allen J., van der Velden R. (2001) Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and On-the-Job Search. *Oxford Economic Papers*. Vol. 53. No. 3: 434–452. DOI: 10.1093/oep/53.3.434.
- Badillo-Amador L., Vila L.E. (2013) Education and Skill Mismatches: Wage and Job Satisfaction Consequences. International Journal of Manpower. Vol. 34. No. 5: 416–428. DOI: 10.1108/IJM-05-2013-0116.
- Cedefop. (2015) Skills, Qualifications and Jobs in the EU: The Making of a Perfect Match? Evidence from Cedefop's European Skills and Jobs Survey. Cedefop Reference Series 103. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Chevalier A. (2003) Measuring Over-Education. *Economica*. Vol. 70. No. 279: 509–531. DOI: 10.1111/1468-0335.t01-1-00296.
- Congregado E., Iglesias J., Millan J.M., Roman C. (2016) Incidence, Effects, Dynamics and Routes out of Overqualification in Europe: A Comprehensive Analysis Distinguishing by Employment Status. *Applied Economics*. Vol. 48. No. 5: 411–445. DOI: 10.1080/00036846.2015.1083080.
- Erdogan B., Bauer T.N. (2020) Overqualification at Work: A Review and Synthesis of the Literature. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior.* Vol. 8: 259–283. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-012420-055831.
- Erdogan B., Karaeminogullari A., Bauer T.N., Ellis A.M. (2020) Perceived Overqualification at Work: Implications for Extra-role Behaviors and Advice Network Centrality. *Journal of Management*. Vol. 46. No. 4: 583–606. DOI: 10.1177/0149206318804331.
- Green F., McIntosh S. (2007) Is there a Genuine Under-utilization of Skills amongst the Over-qualified? *Applied Economics*. Vol. 39. No. 4: 427–439. DOI: 10.1080/00036840500427700.
- Green F., McIntosh S., Vignoles A. (2002) The Utilization of Education and Skills: Evidence from Britain. *The Manchester School.* Vol. 70. No. 6: 792–811. DOI: 10.1111/1467-9957.00325.
- Green F., Zhu Y. (2010) Overqualification, Job Dissatisfaction, and Increasing Dispersion in the Returns to Graduate Education. *Oxford Economic Papers*. Vol. 62. No. 4: 740–763. DOI: 10.1093/oep/gpq002.
- Flisi S., Goglio V., Meroni E., Rodrigues M., Vera-Toscano E. (2014) Occupational Mismatch in Europe: Understanding OVereducation and Overskilling for Policy Making. Luxembourg: Publication Office of the European Union.
- Flisi S., Goglio V., Meroni E.C., Rodrigues M., Vera-Toscano E. (2017) Measuring Occupational Mismatch: Overeducation and Overskill in Europe Evidence from PIAAC. *Social Indicators Research.* Vol. 131. No. 3: 1211–1249. DOI: 10.1007/s11205-016-1292-7.
- Harari M.B., Manapragada A., Viswesvaran C. (2017) Who Thinks They're a Big Fish in a Small Pond and Why Does it Matter? A Meta-analysis of Perceived Overqualification. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 102: 28–47. DOI: 10.1016/j.jvb.2017.06.002.
- Jovanovic B. (1979) Job Matching and the Theory of Turnover. *The Journal of Political Economy*. Vol. 87. No. 5. Part 1: 972–990. DOI: 10.1086/260808.
- Liu S., Luksyte A., Zhou L., Shi J., Wang M. (2015) Overqualification and Counterproductive Work Behaviors: Examining a Moderated Mediation Model. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 36. No. 2: 250–271. DOI: 10.1002/job.1979.
- Luksyte A., Spitzmueller C. (2011) Overqualified Women: What Can be Done about this Potentially Bad Situation? *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 4. No. 2: 256–259. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2011.01338.x.
- Madamba A.B., De Jong G.F. (1997) Job Mismatch among Asians in the United States: Ethnic group Comparisons. Social Science Quarterly. Vol. 78. No. 2: 524–542.
- Mavromaras K., Mahuteau S., Sloane P., Wei Z. (2013) The Effect of Overskilling Dynamics on Wages. *Education Economics*. Vol. 21. No. 3: 281–303. DOI: 10.1080/09645292.2013.797382.
- Maynard D.C., Parfyonova N.M. (2013) Perceived Overqualification and Withdrawal Behaviours: Examining the Roles of Job Attitudes and Work Values. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 86. No. 3: 435–455. DOI: 10.1111/joop.12006.

- McGuinness S., Pouliakas K. & Redmond P. (2018) Skill Mismatch: Concepts, Measurement and Policy Approaches. Journal of Economic Surveys. Vol. 32. No. 4: 985–1015. DOI: 10.1111/joes.12254.
- McGuinness S., Sloane P. (2011) Labour Market Mismatch among UK Graduates: An Analysis Using REFLEX Data. *Economics of Education Review.* Vol. 30. No. 1: 130–145. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.07.006.
- McGuinness S., Wooden M. (2009) Overskilling, Job Insecurity, and Career Mobility. *Industrial Relations:* A Journal of Economy and Society. Vol. 48. No. 2: 265–286. DOI: 10.1111/j.1468-232X.2009.00557.x.
- McKee-Ryan F.M., Virick M., Prussia G.E., Harvey J., Lilly J.D. (2009) Life after the Layoff: Getting a Job Worth Keeping. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 30. No. 4: 561–580. DOI: 10.1002/job.566.
- Moro-Egido A.I. (2020) Gender Differences in Skill Mismatches. *Hacienda Pública Española/Review of Public Economics*. Vol. 235. No. 4: 29–60. DOI: 10.7866/HPE-RPE.20.4.3.
- OECD. (2015) Skill Mismatch and Public Policy in OECD Countries. Economics Department Working Papers No. 1210. ECO/WKP(2015)28. Paris: OECD.
- Peiro J.M., Agust S., Grau R. (2010). Relationship between Perceived Overeducation and Job Satisfaction among Spanish Young Workers: The Moderating Role of Salary, Contract of Employment, and Work Experience. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 40. No. 3: 666–689. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2010.00592.x.
- Pellizzari M., Fichen A. (2017) A New Measure of Skill Mismatch: Theory and Evidence from PIAAC. *IZA Journal of Labor Economics*. Vol. 6. No. 1: 1–30. DOI: 10.1186/s40172-016-0051-y.
- Perry A., Wiederhold S., Ackermann-Piek D. (2014) How Can Skill Mismatch Be Measured? New Approaches with PIAAC. *Methods, Data, Analyses*. Vol. 8. No. 2: 137–174. DOI: 10.12758/mda.2014.006.
- Sáez M.P., González-Prieto N., Cantarero-Prieto D. (2016) Is Over-Education a Problem in Spain? Empirical Evidence Based on the EU-SILC. Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. Vol. 126. No. 2: 617–632. DOI: 10.1007/s11205-015-0916-7.
- Sánchez-Sánchez N., McGuiness S. (2015) Decomposing the Impacts of Overeducation and Overskilling on Earnings and Job Satisfaction: An Analysis Using REFLEX Data. *Education Economics*. Vol. 23. No. 4: 419–432. DOI: 10.1080/09645292.2013.846297.
- Sattinger M. (1993) Assignment Models of the Distribution of Earnings. *Journal of Economic Literature*. Vol. 31. No. 2: 831–880.
- Somers M.A., Cabus S.J., Groot W., van den Brink H.M. (2019) Horizontal Mismatch between Employment and Field of Education: Evidence from a Systematic Literature Review. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 33. No. 2: 567–603. DOI: 10.1111/joes.12271.
- Sutherland J. (2012) Qualifications Mismatch and Skills Mismatch. *Education + Training*. Vol. 54. No. 7: 619–632. DOI 10.1108/00400911211265666.
- UNECE. (2015) Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework. New York; Geneva: Unated Nations. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (accessed 27.04.2021).
- Zhang M.J., Law K.S., Lin B. (2016) You Think You Are Big Fish in a Small Pond? Perceived Overqualification, Goal Orientations, and Proactivity at Work. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 37. No. 1: 61–84. DOI: 10.1002/job.2024.
- Wald S. (2005) The Impact of Overqualification on Job Search. *International Journal of Manpower.* Vol. 26. No. 2: 140–156. DOI 10.1108/01437720510597649.

Статья поступила: 12.05.21. Финальная версия: 15.08.21. Принята к печати: 19.08.21.

OVERQUALIFICATION OF RUSSIAN EMPLOYEES: SCALE, DETERMINANTS, CONSEQUENCES

VARSHAVSKAYA E.Ya.

HSE University, Russia

Elena Ya. VARSHAVSKAYA, Prof., Department of Organizational Behavior and Human Resources Management, Graduate School of Business, HSE University, Moscow, Russia (evarshavskaya@hse.ru).

Abstract. Overqualification is a unique form of underemployment, which represents a state where the employee's abilities, knowledge, skills and/or experience exceed job requirements and are not utilized on the job. The aim of the research is to assess the scale of the excessive qualification mismatch among Russian workers, to ascertain its determinants and the impact on potential turnover and job satisfaction. The empirical basis of the work is the microdata of the Comprehensive Survey of Living Conditions of the Population conducted by Rosstat in 2018. The measurement of qualification

mismatch is based on the direct self-assessment by the respondents. About half of Russian workers believe they are overskilled. The regression analysis showed that the most significant determinant of overqualification is the level of education. Higher education increases the likelihood of overqualification. Working in the informal sector, poor working conditions, overeducation, and field of study mismatch increase the likelihood that the worker will consider him(her)self overskilled. It has been proven that overqualification is a significant predictor of labor behavior. The likelihood of finding a new, more suitable job is higher among those workers who assess their qualifications as excessive. Overqualification has a negative impact on job satisfaction, reducing the likelihood of being satisfied and increasing the risks of dissatisfaction.

Keywords: qualification mismatch, overqualification, potential turnover, job satisfaction.

Received: 12.05.21. Final version: 15.08.21. Accepted: 19.08.21.

Социальная политика. Социальная структура

© 2021 г.

П.М. КОЗЫРЕВА, А.И. СМИРНОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ СБЛИЖЕНИЯ

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (pkozyreva@isras.ru); СМИРНОВ Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (smir_al@bk.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» анализируются эволюция представлений россиян о возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и старшим поколением и факторы, влияющие на их формирование. Показано, что на протяжении всего постсоветского периода представления россиян о взаимодействии поколений характеризовались позитивно и обладали устойчивостью. Молодежь в большей мере, чем люди старшего возраста, настроена на диалог и сотрудничество между поколениями. Повышают уверенность в достижимости взаимодействия поколений такие показатели социального самочувствия, как удовлетворенность человека своей жизнью, ощущение счастья, склонность доверять другим людям, отсутствие или ослабление переживания одиночества. Выявлена непосредственная связь между межпоколенческой толерантностью и наличием родственных связей, а также теснотой и степенью их интенсивности, которые измеряются частотой общения, надежностью оказания родственной помощи. Влияние развития цифровых технологий на взаимоотношения поколений носит ограниченный характер.

Ключевые слова: взаимодействие • конфликт • поколение • преемственность • сотрудничество • социальная ответственность • социальная сплоченность

DOI: 10.31857/S013216250014949-6

Введение. Исследование проблем взаимодействия поколений имеет длинную историю, но социологами они стали основательно изучаться в XX в. Общие подходы к социологическому исследованию этих проблем были разработаны К. Мангеймом, который акцентировал внимание на социокультурном значении смены поколений в развитии общества, передаче культурных ценностей как основной функции отношений между поколениями, на проблемах взаимодействия молодежи с обществом, роли молодого поколения как «оживляющего посредника» социальной жизни [Манхейм, 1994].

В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Значительное внимание уделялось проработке конфронтационных концепций «конфликта поколений», «кризиса взаимоотношений между поколениями», «поколенческого разрыва» и т.п. Особый интерес к изучению конфликтной проблематики был обусловлен ростом в 1960–1970-х гг. массовых молодежных движений и студенческих волнений в западных странах. Исследователи фокусировали свое внимание на изучении особенностей и причин конфликта поколений.

В конце XX в. острота межпоколенческих конфликтов в западных обществах снизилась, и многие ученые сместили акценты в своих исследованиях с понятия «конфликт» на понятие «контакт» или «контракт» поколений [Kohli, 1993]. Такой скорректированный подход фокусировался скорее на способах солидаризации, сплоченности поколений и выявлении их специфики, чем на конфликтности. Но, несмотря на преобладание той или иной составляющей в соотношении «конфликтность/солидарность», в качестве главного источника межпоколенческой напряженности рассматривались молодые возрастные группы [Семенова, 2002]. В проблематике взаимодействия поколений получил также развитие новый подход, доказывающий, что люди, принадлежащие к одному поколению в своих моделях поведения, принципиально отличаются от людей другого поколения в пору аналогичного возраста [Strauss, Howe, 1997].

Советские социологи анализировали проблемы взаимодействия поколений, как правило, с позитивных позиций преемственности поколений, межпоколенческих социальных перемещений, межпоколенческой мобильности, семейных взаимоотношений (А.И. Афанасьева, В.И. Воловик, Ю.В. Еремин, И.С. Кон, Б.С. Павлов, И.В. Суханов, Б.Ц. Урланис и др.). Одновременно предпринимались отдельные попытки отойти от полностью господствовавшей тогда концепции преемственности поколений и сосредоточиться на изучении их различий и особенностей (Ф.Р. Филиппов).

В 1990-е гг. рост внимания к этой проблематике был обусловлен прежде всего развитием рыночных отношений, переделом собственности, сменой идеологических парадигм, переменами в образе и стиле жизни, что значительно углубило конфликт между молодежью и людьми старшего возраста. Многие видели объективную основу этого конфликта в нестабильности постсоветского общества, а субъективную – в утрате молодежью идейнонравственных ориентиров или ценностей, недостатках семейного и школьного воспитания, негативном влиянии средств массовой информации (О.В. Гаман, В.И. Чупров, В.Т. Лисовский, В.В. Семенова и др.). Другие говорили не просто о конфликте, а о глубоком «разрыве» или «расколе» поколений, обусловленном переходом общества на рельсы иного экономического, общественно-политического строя, сменой бытовых и культурных стандартов (И.М. Ильинский). И в то же время продолжилось исследование проблем преемственности поколений [Беляева, 2004; Глотов, 2004].

В дальнейшем изучение проблем взаимодействия поколений в России продолжилось по разным направлениям в рамках традиционных и новых подходов. Но, как и прежде, в центре внимания находятся концепты «конфликт поколений» и «преемственность поколений». Проблемное поле разных по тематике работ включает исследование глубинных причин современного конфликта поколений [Пашинский, 2013], различных аспектов (социально-профессиональных, гендерных, семейных и др.), особенностей взаимодействия поколений [Вдовина, 2005; Миронова, 2014; Бурмыкина, 2017], причин и последствий происходящих изменений, возможностей и направлений повышения уровня доверия между поколениями [Семенова, 2009; Старчикова, 2012]. Целенаправленно изучаются актуальные проблемы формирования и развития дискурса взаимопонимания в межпоколенческом взаимодействии, достижения солидарности поколений [Волков, 2018]. Предпринимаются попытки социологического анализа отдельных поколений, опираясь на теорию поколений Н. Хоува и В. Штрауса [Радаев 2019; Шамис, Никонов, 2019].

Стремительное развитие получило направление, связанное с анализом новых явлений и процессов в сфере взаимодействия поколений, которые обусловлены распространением современных цифровых технологий. Внимание ученых фокусируется прежде всего на

изучении нового цифрового поколения («цифровых аборигенов»), противостоящего родителям, учителям и «множеству растерянных взрослых» [Palfrey, Gasser, 2008], отличающегося особым мировосприятием и мышлением, необычными подходами к различным видам деятельности, досуга и развлечений, новыми способами коммуникации [Березовская и др., 2015; Солдатова и др., 2017].

Несмотря на большое количество исследований по проблемам взаимодействия поколений, они не потеряли актуальности. В современном российском обществе взаимоотношения поколений приобрели новые особенности и черты, формируются новые закономерности и тренды. Целью данной работы является анализ эволюции представлений россиян о возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между разными поколениями в постсоветский период, а также весомости отдельных факторов, влияющих на их формирование. Особое внимание уделяется анализу возрастных различий. Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» 1.

Эволюция представлений россиян о возможности взаимопонимания и сотрудничества поколений. Исследование показало, что представления россиян относительно возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста обладают высокой устойчивостью. В течение 1994–2019 гг. свыше половины респондентов оценивали такую возможность позитивно, рассчитывая на взаимовыгодное сотрудничество и преемственность поколений, тогда как немногим более трети занимали неопределенную или компромиссную позицию, а остальные отрицали вероятность конструктивного взаимодействия между молодежью и старшим поколением (табл. 1).

Таблица 1

Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения, 1994–2019 гг.

Год		Оценка (в %)	Mean*	Std. Dev.*	N		
ТОД	позитивная	неопределенная	негативная	riean	Sta. Dev.	14	
1994	54,6	33,2	12,2	3,61	1,07	8893	
1996	53,6	35,6	10,8	3,60	1,02	8016	
1998	50,0	39,5	10,5	3,54	1,01	7890	
2001	51,1	38,6	10,3	3,58	1,02	7893	
2002	49,5	39,1	11,4	3,53	1,02	7877	
2003	50,8	37,8	11,4	3,52	1,01	7744	
2004	51,1	38,0	10,9	3,53	0,99	7714	
2005	49,7	40,4	9,9	3,51	0,95	7254	
2006	51,4	38,9	9,7	3,55	0,98	9320	
2007	52,7	39,0	8,3	3,58	0,94	9010	
2010	56,7	34,8	8,5	3,66	0,98	14300	
2019	51,8	41,1	7,1	3,59	0,90	10414	

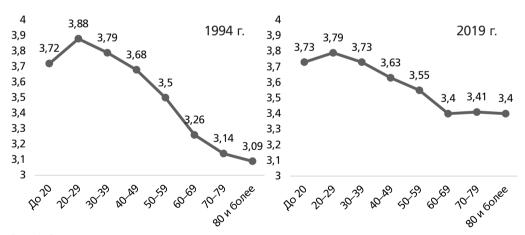
Примечание. *Средние и стандартные отклонения подсчитаны на основе ответов на эти пункты с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – «уверены, что невозможно», до 5 – «уверены, что возможно».

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: http://www.hse.ru/rlms; http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms).

В разные годы наибольшую уверенность в осуществимости такой возможности выражали от 15 до 24%, а полную неуверенность – от 3,5 до 5%. К наиболее заметным долгосрочным тенденциям можно отнести последовательное сокращение доли сторонников развития конфронтационного сценария во взаимоотношениях поколений – с 12,2% в 1994 г. до 7,1% в 2019 г.

Несмотря на то что городская молодежная среда отличается большим разнообразием молодежных течений и субкультур, нонконформистских по отношению к традиционным ценностям, в сельской местности конфликт поколений ощущается сильнее, чем в городах, особенно в самых крупных. В 2019 г. среди респондентов, проживающих в региональных центрах, позитивно оценивали достижимость взаимопонимания и сотрудничества между разными поколениями 56,5%, негативно – 5,6%, тогда как среди сельчан таких было соответственно 46,9 и 10,1%. Подобная картина наблюдалась все предыдущие годы. Оценки становятся оптимистичнее по мере повышения уровня образования респондентов. Доля позитивных оценок последовательно нарастает с 45,8% среди лиц с неполным средним образованием до 59,2% среди тех, кто имеет высшее образование. Большей стабильностью отличаются оценки респондентов со средним специальным и высшим образованием, наиболее изменчивы оценки респондентов с образованием ниже общего среднего.

Исследование выявило четко выраженную зависимость уверенности в достижимости межпоколенческого взаимодействия от возраста, которая, однако, за анализируемый период стала слабее (рис. 1). За 1994–2019 гг. разница между максимальной и минимальной средними оценками, зафиксированными в 20–29-летней и самой старшей возрастных когортах, сократилась вдвое. При этом во всех волнах мониторинга средняя оценка увеличивается у 20–29-летних россиян по сравнению 14–19-летними, но затем резко падает. Соответственно частота положительных оценок сокращается, а отрицательных увеличивается по мере повышения возраста респондентов.

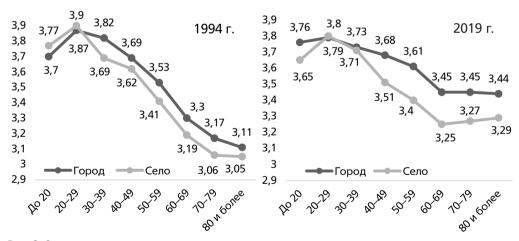
Рис. 1. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста, 1994 и 2019 гг. (*средние*)

Более высокий уровень межпоколенческой толерантности у молодых россиян можно в определенной степени объяснить, как будет показано дальше, очень близкими, доверительными или хорошими отношениями, сложившимися с родителями и другими старшими родственниками, сквозь призму которых они оценивают возможность взаимодействия поколений в целом. Некоторый отскок у 14–19-летних часто оказывается следствием особенностей развития сознания, которые нередко возникают в подростковом и юношеском возрасте не из каких-то весомых внутренних стимулов, а из механического следования получившим популярность и распространившимся в этой среде мировоззренческим

и поведенческим шаблонам. Немалая их часть становятся участниками или сторонниками молодежных сообществ, которые существуют только в подростковом периоде жизни. Для подростков отказ от доминирующих в обществе традиций и обычаев, отрицание прошлого и неверие в авторитеты являются выражением неудовлетворенности «миром взрослых» и желания громко заявить о своей исключительности и непохожести на старшее поколение.

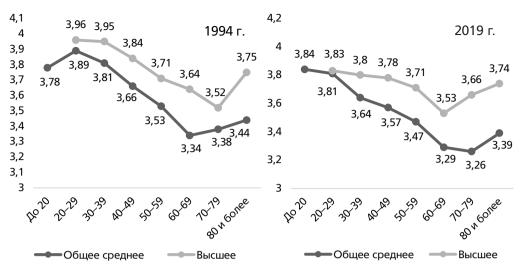
Наименее толерантными в отношении взаимодействия поколений оказываются пожилые люди, у которых больше всего претензий к молодежи, к их «непонятному» образу жизни. Извечные обвинения молодежи в падении нравов, отказе от традиций, пренебрежении прошлым становятся еще громче и настойчивее в условиях распространения современных информационных технологий, увеличивающих дистанцию «непонимания» между поколениями. В то же время отметим, что за анализируемый период уровень межпоколенческой толерантности у людей старшего возраста все же существенно повысился. За 1994–2019 гг. среди пожилых респондентов в возрасте 60 лет и старше доля лиц с позитивной оценкой увеличилась с 39,8 до 43%, тогда как доля лиц с негативной оценкой сократилась почти в 2,5 раза – с 23,4 до 9,9%. Значительную роль в улучшении оценок сыграли стабилизация уровня жизни и повышение внимания к проблемам старшего поколения по мере преодоления трансформационного кризиса, определенная адаптация людей старшего возраста к новой социально-экономической и общественной ситуации. Эти процессы сопровождались некоторым ослаблением в сознании старшего поколения негативных элементов и усилением примирительного настроя.

По возрастной динамике оценок сельская молодежь мало отличается от городской. При этом, однако, обращает на себя внимание существенное ухудшение уверенности в возможности взаимодействия поколений у самых молодых сельчан (рис. 2). В пожилом и среднем возрасте оценки сельчан, характеризующихся более сильной приверженностью традициям, обычаям и стереотипам, оказываются гораздо хуже, чем оценки горожан, и этот разрыв за 1994–2019 гг. заметно увеличился.

Рис. 2. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у горожан и сельчан, 1994 и 2019 гг. (*средние*)

В любом возрасте респонденты с высшим образованием лучше оценивают возможность конструктивного взаимодействия поколений, чем респонденты с более низким образованием. Довольно высокая стабильность оценок у наиболее образованных респондентов, которая была заметна на протяжении мониторинга, имела место во всех возрастных

Рис. 3. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у респондентов с общим средним и высшим образованием, 1994 и 2019 гг. (*средние*)

когортах (рис. 3). Вместе с тем анализ этих данных не позволяет утверждать, что молодежь лучше оценивает возможность взаимодействия между разными поколениями, потому что она образованнее, чем люди старшего возраста. И возраст, и образование выступают в данном случае скорее как два самостоятельных, малозависимых друг от друга фактора.

Исследование выявило не сильную, но статистически значимую связь оценок возможности взаимодействия поколений с уровнем материального благосостояния респондентов. Причем нередко эта связь проявляется сильнее, когда используются не объективные индикаторы материального благосостояния (доход), а субъективные оценочные показатели. Одним из таких показателей, используемых в RLMS-HSE, является самооценка респондентом позиции на 9-ступенчатой шкале материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»). В 2019 г. среди респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня на этой шкале, позитивно оценивали достижимость взаимопонимания между поколениями 44,1%, тогда как среди занимающих три ступени верхнего уровня таких было в полтора раза больше – 66,7%. В определенной степени эти результаты можно объяснить преобладанием среди более обеспеченных респондентов людей в трудоспособном возрасте и с высоким уровнем образования.

Примечательно, что среди более обеспеченных респондентов вдвое больше, чем среди наименее обеспеченных, молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет (28,3 против 14,8%). Большинство из них представляют не столько наиболее успешную молодежь, сколько контингент, пользующийся материальными возможностями и другими достижениями своих родителей. Однако в целом у молодых людей выше шансы при прочих равных условиях попасть в низкодоходные слои. В молодежной среде, очень остро ощущающей неустроенность жизни, нестабильность своего существования, широко распространены явления обеспокоенности своим материальным положением, что сказывается на их взаимоотношениях с людьми более старшего возраста.

Оценка возможности взаимодействия поколений и социальное самочувствие. Значительно повышают уверенность в достижимости взаимодействия поколений удовлетворенность респондентов своей жизнью в целом и ощущение счастья. Так, в 2019 г. среди респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, доля лиц с позитивной оценкой была вдвое выше, чем среди совсем недовольных тем, как складывается их жизнь (69,2 против 34,9%). Глубину этого различия подчеркивает также солидная разница в значениях средней оценки – соответственно 4,01 и 3,19. С возрастом связь между

Рис. 4. Зависимость оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями от возраста у респондентов, удовлетворенных и не удовлетворенных жизнью, 1994 и 2019 гг. (*средние*)

анализируемыми переменными усиливается. При этом за 1994–2019 гг. оценки молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет, в той или иной степени удовлетворенных и неудовлетворенных своей жизнью, стали расходиться, тогда как у пожилых они немного сблизились (рис. 4).

Исследование подтвердило вывод наших предыдущих исследований о том, что люди, склонные с недоверием относиться к другим, хуже оценивают вероятность достижения толерантных взаимоотношений между молодежью и старшим поколением. Равно как склонность доверять незнакомым людям позитивно влияет на социальные настроения людей и усиливает убежденность в том, что такое взаимодействие осуществимо. Наличие подобных закономерностей в немалой степени объясняется тем, что доверие и толерантность едины в своей направленности. Доверие, являющееся одним из базовых оснований социального капитала, предполагает высокий уровень ответственности, предсказуемости, честности во взаимоотношениях, т.е. все то, что необходимо для толерантности.

К факторам, снижающим оценку возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего поколения, относится чувство одиночества. Люди, чувствующие себя одинокими, часто рассматривают посторонних не как источник сочувствия и помощи, а как реальную угрозу собственной безопасности, стараясь держать других на безопасном расстоянии. Поэтому у респондентов, испытывающих чувство одиночества, слабее, чем у тех, кому такое чувство незнакомо, уверенность в достижимости взаимодействия поколений. В 2019 г. средняя оценка составила соответственно 3,32 и 3,67.

Возрастная структура одиночества коррелирует с интенсивностью обострения проблемы взаимодействия поколений с возрастом. При этом усиление взаимосвязи возраста и ощущения одиночества сопровождается ослаблением уверенности в возможности такого взаимодействия. У респондентов, ощущающих одиночество практически всегда, средняя оценка вырастает с 3,38 в когорте 14–19-летних до 4,04 в когорте 30–39-летних, но затем последовательно снижается до 2,97 в когорте 80+. Уверенность в возможности взаимодействия поколений в большей степени характерна респондентам с высшим образованием, независимо от того, испытывают они чувство одиночества практически всегда или не испытывают его никогда.

Взаимодействие поколений: семья и дети. Уверенность в возможности взаимодействия поколений больше зависит от характера и интенсивности родственных связей, чем от таких переменных, как состояние в браке, наличие и количество детей. Состоящие в браке

лишь немного хуже оценивают возможность взаимодействия поколений, чем не связанные брачными узами. При этом наиболее низкие оценки оказались у состоящих в зарегистрированном втором браке сельчан (средняя оценка 3,28 против 3,63 у горожан). Кроме того, немного чаще выражают уверенность в осуществимости взаимодействия поколений респонденты, у которых нет детей, по сравнению с имеющими детей. В большей мере это относится к не состоящим в браке (3,67 против 3,45), чем к оформившим брачные отношения (3,66 против 3,63). Практически не сказывается на оценках влияние такого фактора, как общее количество детей. Но в то же время среди респондентов с детьми уверенность в реальности взаимодействия поколений самая низкая у тех, кто не имеют детей в возрасте моложе 18 лет (позитивная оценка – 44,6%; средняя оценка – 3,48).

Абсолютное большинство опрошенных считают, что у них сложились очень близкие или хорошие отношения со своими родителями. В 2019 г. о таких отношениях со своими матерями сообщили соответственно 62 и 33,9%, а с отцами – 40,9 и 43,9% респондентов из числа имеющих этих родителей. И чем более близкими являются отношения с родителями, тем выше уверенность респондентов в возможности взаимодействия поколений. Среди 14–29-летних респондентов, у которых сложились очень близкие отношения со своими родителями, доля лиц, уверенных в такой возможности, достигает внушительных 65%.

Эти данные говорят о том, что обычно люди рассматривают гипотетическую достижимость взаимодействия поколений сквозь призму конкретных отношений со своими родителями. Но даже среди тех, у кого сложились очень близкие отношения с родителями, встречается немало граждан, отрицающих возможность такого взаимодействия. Значительную их часть составляют лица, особенно молодого возраста, которые придерживаются совершенно разных, порой даже противоположных, казалось бы, несовместимых, взглядов и ориентаций. Такие люди, сознание которых характеризуется чрезвычайной несогласованностью и конфликтностью, могут восторженно рассказывать о своих родителях, о том, какие они заботливые и чуткие, и одновременно предъявлять к ним совершенно необоснованные претензии, винить их в своих промахах и неудачах.

Родственные связи играют важную роль в жизни людей и свидетельствуют о том, что они добровольно согласны тратить свое время, психологические и другие ресурсы на поддержание родственных отношений, оказание помощи в случае необходимости. И чем чаще родственники, принадлежащие к разным поколениям, контактируют между собой, тем более тесные связи складываются между ними и тем лучше они оценивают достижимость взаимодействия поколений. Это в равной мере относится как к молодежи, так и к старшему поколению даже в тех случаях, когда им приходится ухаживать за родственниками, находящимися в трудной ситуации, т.е. когда не они являются главными интересантами (табл. 2). Указанная закономерность проявляется во всех возрастных когортах.

Заметно повышает уверенность в достижимости межпоколенческого взаимодействия возможность общения с родителями, детьми и другими близкими родственниками (табл. 3). Причем эта уверенность постоянно растет по мере увеличения частоты общения, независимо от того, как общаются родственники: лично или с помощью таких технических средств, как телефон и Интернет (по скайпу, в социальных сетях и т.д.). Аналогичные тенденции наблюдались также в ходе анализа взаимосвязи оценок возможности межпоколенческого взаимодействия и частоты общения респондентов с друзьями и знакомыми.

Значительную роль в формировании и развитии нынешнего конфликта поколений в России играют разное содержание современного запроса поколений на перемены в социально-экономической и политической сферах, а также углубление разрыва между ними в освоении современных информационных технологий, который усилил противостояние ценностей и жизненных принципов старшего и молодого поколений. Ценности и жизненные принципы старшего поколения утрачивают свой смысл и практическое значение и не наследуются молодыми. Многие молодые люди живут сегодня в каком-то своем особом мире, который дистанцируется от мира старших поколений. Причем сегодняшняя молодежь живет не просто в другом мире, а в принципиально новом цифровом мире. У них отличные от других поколений интересы, иная коммуникация, иные практики, иная

Таблица 2 Взаимосвязь оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями и поколенческой взаимопомощи, 2019 г.*

Частота	Как часто вы ухаживаете за вашими детьми, внуками				Как часто вы ухаживаете за пожилыми родственниками или родственниками с физическими или умственными недостатками			
	оценка (в %)				c	ценка (в %	)	
	пози-	неопре-	нега-	среднее	пози-	неопре-	нега-	среднее
	тивная	деленная	тивная		тивная	деленная	тивная	
Каждый день	56,6	37,8	5,6	3,69	56,9	36,1	7,0	3,66
Несколько раз в неделю	52,2	42,6	5,2	3,64	56,5	37,9	5,6	3,54
Раз в 1–2 недели	49,9	44,5	5,6	3,53	61,8	35,0	3,2	3,52
Реже	39,6	52,1	8,3	3,38	52,3	43,0	4,7	3,48
Никогда	45,0	43,8	11,2	3,39	48,2	43,3	8,5	3,23

Примечание. *В этой и следующей таблице средние подсчитаны на основе несокращенных ответов на пункты с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – «уверены, что невозможно», до 5 – «уверены, что возможно».

Таблица 3
Взаимосвязь оценок возможности взаимопонимания и сотрудничества между поколениями и межпоколенческого общения, 2019 г.

Частота	Как часто вы общаетесь лично при встрече с родителями, детьми, другими родственниками				Как часто вы общаетесь по телефону или с помощью Интернета с родителями, детьми, другими родственниками			
	оценка (%)				оценка (%)			
	пози-	неопре-	нега-	среднее	пози-	неопре-	нега-	среднее
	тивная	деленная	тивная		тивная	деленная	тивная	
Каждый день	54,8	39,1	6,1	3,65	54,7	39,5	5,8	3,66
Несколько раз в неделю	52,1	40,9	7,0	3,58	49,9	41,8	7,5	3,54
Раз в 1–2 недели	47,4	43,8	8,8	3,49	50,7	41,8	7,5	3,51
Реже	44,1	46,7	9,2	3,45	46,7	42,8	10,5	3,48
Никогда	31,8	55,3	12,9	3,23	36,1	48,1	15,8	3,22

этика. По-видимому, никогда еще технологический разрыв между поколениями не был таким ощутимым, как сегодня [Березовская и др., 2015; Солдатова и др., 2017].

К этому можно добавить, что, согласно данным RLMS-HSE, молодежь гораздо чаще, чем люди более старшего возраста, идентифицирует себя со своим поколением. В 2018 г. среди 14–19-летних респондентов ощущали близость, единство с людьми своего поколения часто 72,6% и редко 22,8%. По мере перехода к каждой более возрастной когорте эти показатели ухудшались, достигнув минимального уровня в когорте 80+ (соответственно 49 и 37,3%).

Однако, несмотря на такие различия, с позиций молодежи, как было показано выше, разрыв между поколениями не выглядит таким глубоким, как с позиций людей старшего возраста. У молодых людей отличные от взрослых потребительские привычки, они чаще пользуются достижениями современных информационных технологий. Но то, что молодежь всегда испытывает острую потребность в особых, только ей присущих способах и формах коммуникации, своеобразном информационном мире, отличном от мира взрослых, вовсе не означает, что она отвергает традиционные способы и формы коммуникации.

Влияние на взаимоотношения поколений процесса стремительного развития цифровых технологий, который вторгается прежде всего в повседневную жизнь молодежи, носит пока ограниченный характер. Анализ данных RLMS-HSE не выявил у молодых людей каких-либо серьезных зависимостей между оценками достижимости взаимодействия поколений и показателями использования интернет-технологий. По сравнению со своими сверстниками малозаметное ухудшение оценок отмечается только у 14–20-летних, которые проводят слишком много времени, пользуясь электронными устройствами, или полностью поглощены видео- или компьютерными играми. Число молодых людей, которых в полной мере можно отнести к цифровому поколению, еще невелико. Они составляют узкий сегмент наиболее продвинутой городской молодежи, вооруженной инновационной компьютерной техникой и современными гаджетами, быстро обучающейся и легко осваивающей новые информационные технологии.

Заключение. Представления россиян относительно достижимости взаимодействия поколений характеризуются преобладанием позитивного спектра и высокой устойчивостью. На протяжении всего анализируемого периода доля респондентов, уверенных в возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста, в несколько раз превышала долю тех, кто отрицал такую возможность. Более оптимистично оценивают достижимость взаимодействия поколений горожане, более образованные и материально обеспеченные граждане. Молодежь в большей мере, чем люди старшего возраста, настроена на диалог и заинтересованное сотрудничество между поколениями. Но в последние годы уровень межпоколенческой толерантности у старшего поколения вырос.

Существенно повышают уверенность в достижимости взаимодействия поколений такие показатели социального самочувствия, как удовлетворенность человека своей жизнью, ощущение счастья, склонность доверять другим людям, отсутствие или ослабление ощущения одиночества. Весомость этих факторов с возрастом усиливается. Уверенность в возможности взаимодействия поколений мало зависит от таких формальных показателей, как состояние в браке и количество детей. Но в то же время выявлена непосредственная связь между межпоколенческой толерантностью и наличием родственных связей, а также близостью и степенью их интенсивности, которые измеряются частотой общения (личного и с помощью технических средств), надежностью оказания родственной помощи. Поколенческий разрыв проявляется в большей мере на уровне практик, но не ценностей. Влияние процесса развития цифровых технологий на взаимоотношения поколений носит пока ограниченный характер и проявляется фрагментарно. В обществе наряду с продвинутой «цифровой» молодежью существуют большие группы молодых людей, которые по многим ключевым параметрам мало отличаются от других граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31–41.

Березовская И.П., Гашкова Е.М., Серкова В.А. «Цифровое» поколение. Перспективы феноменологической дескрипции // Россия в глобальном мире. 2015. № 7(30). С. 53–64.

Бурмыкина О.Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. 2017. Вып. 8. С. 150–159.

Вдовина М.В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102–104.

Волков Ю.Г. Межпоколенческое взаимодействие в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 3. С. 30–42. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–49.

Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.

Пашинский В.М. Социология знания о механизме формирования поколений // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 47–63. DOI: 10.19181/socjour.2013.1.363.

Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.

Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность М.: РОССПЭН, 2009.

Семенова В.В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 184–212.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России – компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.

Старчикова М.В. Межпоколенное взаимодействие в современной России // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 140–144.

Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: Необыкновенный Икс. 5-е изд. М.: Синергия, 2019.

Kohli M. Public Solidarity between Generations: Historical and Comparative Elements: Research Report. Free University of Berlin: Institute of Sociology, 1993.

Palfrey J., Gasser U. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. New York: Basic Books, 2008.

Strauss W., Hove N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell us about America Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books, 1997.

Статья поступила: 30.04.21. Принята к публикации: 21.09.21.

INTERACTION OF GENERATIONS IN MODERN RUSSIA: AN EVOLVING RAPPROCHEMENT

KOZYREVA P.M.****, SMIRNOV A.I.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **National Research University Higher School of Economics, Russia

Polina M. KOZYREVA, Dr. Sci. (Sociol.), First Deputy Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics (pkozyreva@isras.ru); Alexander I. SMIRNOV, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (smir_al@bk.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article analyzes the evolution of Russians' views about the possibility of mutual understanding and cooperation between young people and the older generations, as well as the factors influencing their formation. The empirical base of the study consists of data from the "Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics" (RLMS-HSE). It is shown that throughout the entire post-Soviet period, the perceptions of Russians regarding the possibility of interaction between generations were characterized by a predominance of a positive spectrum and high stability. Young people are more inclined towards dialogue and cooperation between generations than older people. Such indicators characterizing social well-being as a person's satisfaction with his/her life, a feeling of happiness, a tendency to trust other people, and the absence or weakening of the experience of loneliness increase confidence in the attainability of intergenerational interaction. A direct connection was ascertained between intergenerational tolerance and the family ties, as well as the tightness and degree of their intensity measured by the frequency of communication, the reliability of the provision of family assistance. The impact of the development of digital technologies on intergenerational relationships is limited.

Keywords: interaction, conflict, generation, continuity, cooperation, social responsibility, social cohesion.

REFERENCES

Belyaeva L.A. (2004) Social Portrait of Age Cohorts in post-Soviet Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 31–41. (In Russ.)

Berezovskaya I.P., Gashkova E.M., Serkova V.A. (2015) "Digital" Generation: Prospects Phenomenological Descriptions. *Rossija v globalnom mire* [Russia in the Global World]. No. 7(30): 53–64. (In Russ.)

Burmykina O.N. (2017) Intergenerational Family Contract: The Views of Younger Generation. Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [St. Petersburg Sociology Today]. Iss. 8: 150–159. (In Russ.)

Glotov M.B. (2004) Generation as a Category of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 42–49. (In Russ.)

Kohli M. (1993) Public Solidarity between Generations: Historical and Comparative Elements. Research report 39. Research Group on Aging and the Life Course. Free University of Berlin. Berlin: Institute of Sociology

Manheim K. (1994) The Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Mironova A.A. (2014) Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 136–142. (In Russ.)

Palfrey J., Gasser U. (2008) Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. New York: Basic Books.

Pashinsky V.M. (2013) Sociology of Knowledge on the Generations Formation Mechanism. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 47–63. DOI: 10.19181/socjour.2013.1.363. (In Russ.)

Radaev V.V. (2019) Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: VShE. (In Russ.)

Semenova V.V. (2002) Social Portrait of Generations. In: Drobizheva L.M. (ed.) *Russia is Reforming*. Moscow: Academia: 184–212. (In Russ.)

Semenova V.V. (2009) Social Dynamics of Generations: Problem and Reality. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.) Shamis E., Nikonov E. (2019) Theory of Generations: Extraordinary X. Moscow: Synergiya. (In Russ.)

Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. (2017) The Digital Generation of Russia – Competence and Safety. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Starchikova M.V. (2012) Intergenerational Interaction in Modern Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 5: 140–144. (In Russ.)

Strauss W., Howe N. (1997) The Fourth Turning: An American Prophecy. New York: Broadway Books. Vdovina M.V. (2005) Inter-generation Conflicts in Contemporary Russian Family. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 1: 102–104. (In Russ.)

Volkov Yu.G. (2018) Intergenerational Interaction in Russian Society: The Search for a Language of Consent and Mutual Understanding. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 7. No. 3: 30–42. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.2. (In Russ.)

Received: 30.04.21. Accepted: 21.09.21.

Т.С. ЛЫТКИНА, С.С. ЯРОШЕНКО

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГЕНДЕРА И КЛАССА: КАК ОДИНОКИЕ МАТЕРИ ОРГАНИЗУЮТ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, Институт социально-эконо-мических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия (tlytkina@yandex.ru); ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (svetayaroshenko@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируется, как гендерное неравенство вплетается в процесс классообразования в постсоциалистических условиях. На материалах глубинных полуструктурированных интервью с одинокими матерями в рамках лонгитюдного исследования, выполненного с 1999 по 2010 г., выявлена тенденция усиления структурного угнетения женщин через сворачивание гарантий, повышение интенсивности оплачиваемого труда, снижение уровня заработной платы. Интенсивность труда не ограничивается оплачиваемой занятостью, она возрастает и в домашней сфере, где им также приходится быть более практичными, затрачивая дополнительные усилия на поддержание социальных связей, экономить на продуктах питания и услугах. Норма советского гендерного порядка двойной занятости женщины и дома, и на работе наполнилась другим смыслом. Женская занятость по принуждению государства трансформировалась в экономически вынужденную занятость, которая, однако, не позволяет достичь материальной независимости и уверенности в завтрашнем дне. Перспективы восходящей мобильности все больше ограничиваются не только для изучаемых нами женщин, но и их детей.

Ключевые слова: одинокие матери • занятость • жизненные стратегии • благополучие • марксистский феминистский анализ • постсоциализм

DOI: 10.31857/S013216250017574-4

Семья как социальный институт переживает глубокие изменения. Они проявляются в снижении числа браков и падении рождаемости, росте числа разводов и распространении практики раздельно живущих супругов, повышении доли внебрачных детей и числа незарегистрированных браков, увеличении количества неполных семей. Российская специфика – повышенный уровень смертности мужчин среднего возраста, увеличивающий число женщин, воспитывающих детей без отца. Добровольный выбор одинокого материнства согласуется с ценностями индивидуализма, продвигаемыми неолиберальной политикой. При этом нельзя не учитывать риски, связанные с попаданием женщин в формирующийся слой прекариата [Стэндинг, 2014] и феминизацией бедности [Вихтерих, 2005], хотя возможны случаи, когда одинокие женщины могут находиться в более выгодном положении по сравнению с замужними [Гурко, 2000].

На материалах глубинных полуструктурированных интервью в рамках лонгитюдного исследования мы намерены ответить на вопросы: каким образом одинокие женщины компенсируют доходы недостающего в семье кормильца и как гендерные отношения участвуют в процессе классообразования в условиях неолиберального капитализма?

Теоретические рамки и методология исследования. В статье использованы данные, собранные в ходе изучения гендерных различий в стратегиях занятости в рамках лонгитюдного качественного исследования, осуществленного в регионах российскими учеными под

научным руководством С. Ашвин (Лондонская школа экономики) в 1999–2010 гг. 1 Исследование проводилось с подобранными группами респондентов, испытывающими в начале исследования трудности на рынке труда, в четырех городах России в пять этапов: через каждые полгода в первые два года исследования, последняя, пятая встреча состоялась в 2010 г. Каждый город имел целевую группу. В Москве опрашивались работники депрессивных предприятий, в Ульяновске – выпускники учебных заведений, Самаре – зарегистрированные безработные, Сыктывкаре – официальные бедные, т.е. лица, обратившиеся в органы социальной защиты и получившие статус нуждающихся. В ходе исследования фокус был направлен на изучение трудовых стратегий мужчин и женщин через сопоставление их намерений и действий, предпринимаемых для решения материальных трудностей и улучшения своих позиций на рынке труда. Среди выбранных нами четырех групп в разных регионах большее число одиноких матерей оказалось среди официальных бедных. В остальных регионах одиноких матерей было мало, поэтому принято решение ограничиться выборкой одиноких женщин из Сыктывкара. Из 60 респондентов (30 мужчин и 30 женщин) 20 – одинокие матери, практически все из числа рабочих. Для анализа использованы интервью всех пяти этапов. В общей сложности проанализированы 96 интервью. На последнем этапе четыре женщины по разным причинам (смерть, выезд в другой регион, смена места жительства) не принимали в нем участие.

В современной отечественной науке нет однозначного определения «одинокой матери» [Данилова, 2009; Захаров, Чурилова, 2013; Лыткина, 2011а]. В узком смысле термин охватывает женщин, не состоящих в законном браке и имеющих внебрачных детей. Широкая коннотация включает разведенных матерей и вдов, воспитывающих детей в семьях без отца. В федеральном законодательстве сохраняется неоднозначность определения одинокого материнства [Смолева, 2017: 22]. Получение официального статуса одинокой матери связано с заявлением незамужней женщины при регистрации ребенка при отсутствии заявленных прав отца на родительство. Данный статус фиксируется до тех пор, пока ребенок не будет усыновлен или до его совершеннолетия. Замужество женщины не влечет за собой изменение полученного статуса.

Для нас наиболее важным основанием для отнесения к одиноким матерям была единоличная ответственность женщин за обеспечение семьи, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Часто такие семьи называют материнскими. В нашу выборку вошли женщины, признанные одинокими матерями официально, а также женщины, которые прежде имели полную семью, но в силу различных причин (смерти мужа, лишения отца родительских прав, уклонения отца от воспитания детей) оказались наедине с проблемами материального обеспечения и воспитания детей. Однако мы не учитывали женщин, которые раньше имели официальный статус матери-одиночки, но позже вышли замуж и смогли создать семью. Также включены две женщины в семьях, в которых присутствовал мужчина, не являющийся отцом ребенка, но его статус в качестве мужа не признавался женщиной: его присутствие рассматривалось ими как временное из-за низкого участия в решении семейных проблем и неопределенности отношений. Среди респонденток была состоявшая в браке женщина, не проживающая совместно с мужем и не получающая от него помощи. Иногда при категоризации одиноких матерей также учитывают наличие помощи от родственников [Utrata, 2015]. Для нас этот критерий не был ключевым, поскольку помощь родственников и друзей распространена в российских семьях.

Обращение к одиноким матерям обусловлено стремлением соединить теоретическую дискуссию о положении «традиционных» женщин в «современном» обществе с социологическим анализом причин патриархатного доминирования, т.е. систематического подавления женщин, особенно тех, кто занимает низшие статусные позиции в неолиберальном капиталистическом обществе. Изучаемые нами женщины в основном из рабочего класса, имеют ограниченный спектр возможностей в выборе рабочих мест, тем более

¹Проект финансировался грантом INTAS № 97:20280.

достойно оплачиваемых. Они вынуждены совмещать основную работу с приработками, воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, поддержанием родственных отношений. Они не имеют ни времени, ни денег, ни знаний, ни «голоса» или шанса быть услышанными, ни сочувствия со стороны общества. Мы критически оцениваем возможность решения проблем самими женщинами, когда остается невидимой роль структур в подавлении женщин, когда объяснения и решения вырабатываются без учета ресурсов, доступных им в преодолении материальных проблем, без принятия во внимание их зависимости от низкого статуса. Вслед за сторонниками марксистского феминизма² мы называем данную систему «капиталистическим патриархатом».

Через сравнение марксистского феминизма с либеральным в теоретической части статьи обсуждается то, как через феминистскую или гендерную призму осмыслены поставленные женским движением задачи и какие нерешенные вопросы остались применительно к социологическому изучению механизмов угнетения российских женщин в конкретном историческом, социальном и локальном контексте (постсоциализма). В практической части работы утверждается, что с давлением рынка происходит рекоммодификация труда, проявляющаяся в повышении интенсивности оплачиваемого труда женщин в России, снижении уровня оплаты и сокращении возможностей защиты прав женщин; отсутствие выбора в сфере занятости ведет к воспроизводству традиционных ценностей и согласию на мужскую поддержку взамен свободы. Формирование российского рынка труда сопровождалось расширением периферии – сегмента низкооплачиваемых рабочих мест, с худшими условиями труда и меньшими возможностями защиты трудовых прав, – где в наиболее уязвимом положении оказались женщины из рабочего класса. Вместе со стабилизацией эти тенденции, инициированные государством, закрепляются в повседневных практиках решения материальных проблем и использования властных ресурсов. Тем самым на основании протяженных во времени данных выделяются эмпирические закономерности, определяющие современные структуры неравенства и перспективы самостоятельного обеспечения благополучия.

Одинокие матери в дискуссии о моделях угнетения и способах эмансипации. Концептуализация того, как в условиях неолиберализма одинокие матери организуют повседневную жизнь, сочетая оплачиваемую работу на рынке труда с бесплатной заботой о домашнем хозяйстве и детях, тесно связана с представлениями о моделях угнетения и способах эмансипации современных женщин. При их обсуждении феминистские исследователи сегодня занимают противоречивую позицию. С одной стороны, утверждается, что гендерное неравенство усложняется и действует на пересечении разных оснований, с другой – обосновывается необходимость женщинам самостоятельно решать свои проблемы. Данное противоречие в российском контексте усугубляется вытеснением марксистского (социалистического) феминизма либеральным [Годси, 2020], а также однозначной критикой достижений социалистического проекта. Между тем без противодействия капитализм распространяется на ранее не охваченные им сферы, усиливая давление на сферу социального воспроизводства, извлекая прибыль за счет сокращения социальных гарантий, сворачивания государственных социальных услуг и вовлечения в процессы классообразования занятых трудом по поддержанию жизни.

Следуя либеральной традиции, исследователи настаивают, что в условиях индивидуализации и продвижения либеральных ценностей проблема индивидуального выбора (в частности, при осуществлении права на работу и права на реализацию заботы) становится центральной в определении способов современной эмансипации [Rossi, 2001; Klammer, 2018]. Собственно, эмансипация понимается как результат индивидуального принятия решений. Доказывается, что поиски альтернатив и риторика выбора дает ощущение власти и agency

² Fridda Haug: Thirteen Theses of Marxist Feminism // International Marxist Feminist Conferences. 2018. October 29. URL: https://marxfemconference.net/2018/10/29/frigga-haug-thirteen-theses-of-marxism-feminism/ (дата обращения: 15.04.2021).

[Biese. McKie, 2016]; что реализации гендерного равенства при распределении оплачиваемой и бесплатной работы мешают представления о «естественном» предназначении мужчин и женщин [Ridgeway, 2011]. При таком подходе гендерный статусный процесс признается ключевым механизмом, ответственным за поддержание воображаемых границ, статусных позиций, за низкую оценку «женской работы» и за гендерную сегрегацию рынка труда даже в условиях социальных трансформаций [Ridgeway, 2014]. Анализ требует повышенного внимания к деталям, в частности к тому, что объединяет/разъединяет участников межличностного взаимодействия при реализации общей цели. И это можно отнести к достоинствам либерального подхода. Однако остается неясным, как формируются общая цель и статусные убеждения. Не учитывается, как микроструктуры повседневной жизни, которые организуют или которыми управляют женщины, становятся основой или невидимой предпосылкой для макроструктур, которыми управляют мужчины. Более того, с нашей точки зрения, такая позиция защищает интересы образованных (профессионально ориентированных) женщин, поскольку негативно оценивает жизненные стратегии женщин с низким статусом, без учета доступных остальным женщинам возможностей. Акцент делается на «традиционализме» и «традиционном» выборе, например, бывшей советской женщины, в пользу иерархического или жесткого разделения труда, т.е. в пользу патриархатной идеологии. Наконец, игнорируются структурные аспекты капитализма.

В основе марксистского феминизма лежали представления о справедливом обществе для всех, включая женщин, о необходимости общественных форм заботы о детях и о преимуществе создания условий для равенства мужчин и женщин; ключевая роль в поддержании социального порядка отводилась государству. Исследователи, придерживающиеся марксистских позиций, утверждают, что угнетение связано с фундаментальным типом отношений доминирования, выстроенным по классовым и гендерным основаниям, а эмансипация понимается как глубокая трансформация взаимосвязанных форм угнетения, поддерживаемых капиталистической системой. В настоящее время спор о том, какая из форм угнетения важнее, считается неуместным. Становится актуальным изучение того, каким образом гендер и класс переплетаются в капиталистическом производстве и отношениях власти [Арруцца, 2016: 74]. Также признается устаревшей идея освобождения женщин с помощью рабочего класса и рабочего движения, поскольку не подтвердилось предположение о том, что пролетаризация (участие женщин в наемном труде) является «ключом» к освобождению женщин³. Напротив, вовлечение женщин в оплачиваемую занятость обернулось для них «двойной нагрузкой» на работе и дома, в то время как феминизм «растворился в классовой борьбе» [Хартман, 1979/2016: 3–5]. Примечательно, что на пути к более прогрессивному союзу между феминизмом и марксизмом основные усилия феминистских исследователей были направлены на разработку чувствительных к угнетению женщин категорий. Социолог Д. Смит, развивающая социалистический феминизм, предложила наполнить конкретным смыслом абстрактные категории, а для этого исходить из повседневного опыта женщин и создавать социологическое знание, раскрывающее действие управляющих отношений, внешних по отношению к опыту [Smith, 1987; 2005]. Например, совместное выполнение школьниками и родителями домашних заданий не только становилось условием достижений в учебе и, соответственно, нормой среднего класса, но и являлось женской работой и материнской обязанностью, с которой с трудом справлялись одинокие матери [Smith, 2005: 31-35]. Таким образом раскрывался институциональный режим, признающий одиноких матерей неполноценной семьей и обеспечивающий воспроизводство классовых отношений, понимаемых не как внешняя детерминанта или аналитическая категория, а как социальное отношение, координирующее работу женщин. Преимуществом такого подхода является изучение структур угнетения через призму повседневных практик и тем самым раскрытие пределов автономии и

³ Haug F. Marx within Feminism. URL: http://www.inkrit.de/frigga/documents/marxinfem.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

способности управлять личной жизненной ситуацией. Однако при этом недооценивается влияние внешних, выходящих за рамки домохозяйства сил.

Для решения этой задачи и значимым основанием для теоретического прорыва может быть детальное изучение того, как в конкретной ситуации единоличной ответственности женщин за обеспечение семьи, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей формируется исключение, понимаемое в рамках марксизма как неравенство в правах и полномочиях в отношении производственных ресурсов, принимаемое в качестве одного из основных принципов концепции эксплуатации [Буравой, Райт, 2011: 50]. Мы считаем такой разворот перспективным для развития как феминистской, так и марксистской теории, поскольку это позволяет не только преодолеть «геттоизацию» феминистской теории внутри марксистской социологии [Stacey, Thorne, 1985; Chafetz, 1997], но и соединить результаты исследований механизмов угнетения и в целом гендерного неравенства с процессами классообразования.

Трудовые практики одиноких матерей: между стабильностью и мобильностью. Радикальные изменения состава рабочих мест и качества трудовых отношений в годы реформ привели к усилению дискриминации женщин на рынке труда [Юрчак, 2002]. «Мужская» сфера занятости была значительно сокращена, но сохранила более высокие заработки, традиционно женские отрасли – низкий уровень оплаты труда. Ситуация усугубляется региональной спецификой [Лыткина, Смирнов, 2019: 39]. Наконец, жители провинциальных городов находятся в более стесненных обстоятельствах поиска работы, чем в столичных: им приходится делать «выбор» из числа ограниченных малооплачиваемых рабочих мест. «Я бы хотела найти высокооплачиваемую работу, но, как говорится, на безрыбье и рак – рыба» (4-47-1⁴).

Если у большинства замужних женщин есть выбор между «доходной» и «удобной» работой, позволяющей кроме работы заниматься детьми и домашним хозяйством или просто получать удовольствие на работе от общения с коллективом [Ярошенко, 2001; Тартаковская, 2015], то одинокие матери лишены подобного выбора. Личная ответственность одиноких женщин в первую очередь затрагивает вопросы обеспечения семьи и принятия важных решений, связанных с поисками доходов. Поэтому выбор «удобной» работы сменяется поиском «стабильной» работы, пусть с небольшим доходом, но обязательно с гарантированной занятостью, обеспечивающей снижение рисков безработицы. Если семейные женщины в поисках «удобной» работы планируют выполнение домашних забот, а обеспечение семьи возлагают на мужа, то одинокие женщины в поисках «стабильной» работы учитывают ее материальную составляющую (стабильность дохода) и возможность сочетания с другими видами работы (приработками), компенсирующими отсутствие доходов супруга. Остальные вопросы, включая воспитание детей, требуют от женщины сверхусилий.

В периоды нашего исследования стабильность и гарантированность занятости неразрывно были связаны с государственными предприятиями, а мобильность и высокие доходы за счет отказа от гарантий и защит прежней системы – с частными предприятиями. Данная тенденция наблюдается и сегодня. Отметим, что мужчины, в силу обстоятельств оказавшиеся одни с детьми, напротив, предпочитали «удобную» работу, обеспечивающую наличие времени для осуществления заботы и воспитания детей. При этом «удобство» одинокие мужчины из рабочего класса находили в неформальной занятости, не предполагающей стабильности, но требующей высокого уровня самоорганизации человека. Для наших респондентов подобная стратегия приводила к худшему результату [Лыткина, 20116]. Изучаемые нами женщины могли ориентироваться на удобную работу, только если появлялся стабильный источник дохода. Например, помощь родственницы (4-13-13).

Таким образом, государство, ответственное за сворачивание экономики и создание дефицита рабочих мест в промышленности, предложило женщинам стабильную работу с низкими заработками, став тем самым основным игроком ужесточения эксплуатации женского труда, особенно тех, кто имел низкий статус и осуществлял заботу. Вместе со

⁴Каждое интервью в тексте обозначено тремя цифрами: первая обозначает город (1 – Москва, 2 – Ульяновск, 3 – Самара, 4 – Сыктывкар), вторая – номер респондентов, третья – этап исследования.

снижением оплаты труда сворачивались другие блага и гарантии. В результате влияние на благополучие оказывали сначала классовая, а затем гендерная позиции, когда женщины из рабочего класса с низкой квалификацией, но с высокой долей ответственности за семью вынуждены были устраиваться на низкооплачиваемые места. «Сделали мне небольшую ставочку: 1 200 рублей. Зато платят. <...> Лучше, чем ничего» (4-23-1).

Несмотря на то что одинокие матери стараются сократить периоды незанятости и минимизировать риски быть уволенной или сокращенной, они все же оказались более мобильными по сравнению с женщинами в супружеских парах из той же группы официальных бедных. При этом переходы с одного рабочего места на другое приносили лишь временное облегчение и не способствовали ни улучшению материального благополучия, ни карьерному продвижению. Напротив, смена рабочего места нередко приводила к рискам вынужденных увольнений, вызванных ликвидацией предприятия, сокращениями, необоснованными обвинениями в неисполнении обязанностей, нарушении дисциплины, кражах, недоверием и просто оскорблениями (4-3-4), (4-27-1). В интервью мы можем обнаружить как демонстрацию властной позиции одной женщины по отношению к подчиненной, так и воспроизводство патриархатных ценностей через подчинение коллективу из-за необходимости стать «своим»: «Почему именно я должна уйти. Потом думала-думала и поняла, что все девочки там у них – новые знакомые, ну бывает там, что и водку с ними там выпьют, и на дачу ездят, ну как бы там, а я чужая» (4-1-5).

Интервью свидетельствуют о нарушениях прав женщин и практике сексуальных домогательств на рабочих местах, но не менее, на наш взгляд, унизительная ситуация связана с подписанием трудовых контрактов, когда работодатель принимает на работу по медицинским справкам одних и тех же людей на определенный срок, а затем после краткосрочного перерыва вновь приглашает на работу. Данная практика позволяет выявить беременности на ранних сроках и отказать в трудоустройстве при наступлении беременности, сэкономив на положенных социальных выплатах. Актуальна и проблема «серых» заработных плат.

У нас нет статистических данных нарушения прав женщин в зависимости от экономического класса, характера рабочего места, отрасли, но интервью с женщинами подтверждают осознание данной проблемы, решать которую они должны собственными силами. Чаще всего такие сложности решаются увольнением с риском остаться без средств существования. Таким образом, переход с государственных предприятий в частный сектор связан с утратой гарантий и нарушением трудовых прав, а повышение заработной платы, как правило, не сопоставимо с повышением интенсивности труда, дискриминацией на рабочем месте и увольнениями.

Женская оплачиваемая работа на «износ»: условия труда и уровень жизни. Опрошенные одинокие женщины не лишены амбиций и желаний трудоустройства на престижные предприятия с высоким уровнем оплаты: «Я хочу быть уверенной в себе, что я человек» (4-23-1). Реализация планов, как правило, зависит от имеющихся в наличии женщин профессиональных и социальных ресурсов. Одна из респонденток, чье жизненное кредо на протяжении периода исследования было: «не падать, любой ценой держаться на плаву» (4-57-1), для поиска работы использовала все известные ей способы: обращение в службу занятости, объявления в газетах, сама активно ходила по предприятиям города и предлагала свои услуги. Но ее главной целью было вернуться на предприятие – одно из самых престижных, с которого была сокращена. Однако большая часть ее трудовой биографии прошла в совмещении нескольких работ. А решение материальных проблем наступило только с выходом на пенсию, позволившим отказаться от приработков, но не от основной работы. К пенсионному возрасту (50 лет) женщина была уже настолько измотана и больна, что с нетерпением ждала своей пенсии, чтоб иметь возможность отказаться от приработков. «Пусть подрабатывают, я уже не могу. Я тряпку больше не могу выжать. Видите, какое здоровье» (4-57-4).

Оплачиваемая занятость одиноких женщин сопровождается тяжелыми условиями труда, угрожающими здоровью. «Зимой – тяжело очень, иду как на войну. <...> Лишь бы сил хватило и здоровья. <...> Ведь у меня остеохондроз и варикоз и все на свете. Ноги болят.

<...> Буду до пенсии работать, лишь бы сил хватило. В поликлинику ходить нельзя, а если увидят, что болею, то спишут, поэтому мы для всех здоровы как лошади» (4-30-5). Такая ситуация характерна практически для каждой женщины, занятой в сфере социального воспроизводства, выполняющей низкоквалифицированную работу санитарок, уборщиц или посудомоек. Имея возможность сравнить наших одиноких матерей с женщинами из других регионов (Самара, безработные), отметим, что наличие образования и востребованной профессии предполагает более высокую оплату труда, но в таких случаях часто предлагается совмещение различных функций. Иными словами, если одинокие женщины из рабочего класса вынуждены решать материальные проблемы увеличением рабочих мест и продолжительности рабочего времени, то у образованных женщин происходит интенсификация труда. И в том и в другом случае работодатель значительно экономит на женском труде.

Проблема здоровья и недостаток времени из-за необходимости подработок для обеспечения семьи становятся основными барьерами на пути преодоления материальных лишений и укрепления личных позиций на рынке труда. Вначале работа и условия труда подрывают здоровье женщины, затем состояние здоровья не позволяет продолжать работу. Другой цикл лишений связан с тем, что отсутствие денег и выполняемые женщинами работы не дают возможности повышения образования и формирования профессиональной карьеры. При этом физические нагрузки нередко сопровождаются моральным угнетением, а осознание низкого социального статуса – острой потребностью интеграции в общество. «Тяжеловата эта работа, – для меня, как, наверное, для любой женщины, – да и не престижна. Ну что это, санитарка. Я ведь работы не боюсь никакой, но и нравиться, согласитесь, не может такая ситуация. Ведь неужели все, на что в жизни способна – полы мыть. Поэтому себе ищем оправдание что ли... Стараемся еще что-то сделать здесь, дополнительно помочь медсестре – человеком себя почувствовать, а не поломойкой. И это ведь край – тут карьеры не сделаешь, куда санитаркой расти?» (4-41-4).

В результате, несмотря на то что доступная одиноким матерям оплачиваемая занятость характеризуется ухудшением условий труда, повышением его интенсивности, потребность в поддержании социального статуса сочетается с согласием на дополнительные нагрузки. Отсутствие образования и предпринимательской активности компенсируются трудолюбием и отзывчивостью этих женщин. Однако эти черты остаются недооцененными, зачастую стигматизируются в качестве пережитка прошлого и активно эксплуатируются современным российским капитализмом.

Итак, низкая заработная плата одиноких женщин и отсутствие заработков мужчин вынуждают к поискам приработков. В периоды неплатежей приработки компенсировали как низкую оплату труда, так и задолженности по основному месту работы. В свою очередь задержки заработной платы на вторых (третьих) рабочих местах покрывалась выплатами заработной платы по основному месту работы. От женщины требовались виртуозные способности в домашней экономике. В настоящее время задержка заработной платы не столь распространена, как в 1990-х гг., но жонглировать между различными доходами одиноким женщинам по-прежнему приходится, как и вести семейный бюджет при наличии скудных средств, а также пытаться ухватиться за последние возможности внешней среды, доступные данной категории женщин.

Компенсации недостающего супруга: практики выживания. Дополнительными источниками доходов одиноких женщин были: помощь со стороны родственников и друзей, любовников, а также продукты, выращенные на приусадебном участке или привезенные из деревни, пособия со стороны государства. Однако помощь одиноким женщинам не является односторонним потоком «благ» исключительно в их сторону. Они сами очень много помогают, что приводит к сверхнагрузкам женщины. Наибольшую помощь оказывают близкие родственники, но обычно родители одиноких матерей из рабочего класса сами нуждаются в материальной поддержке, поэтому наиболее распространенной помощью является помощь трудом, которая позволяет освобожденное время тратить на заработки. Они помогают продуктами, выращенными на приусадебном участке. Общий

семейный бюджет с родителями облегчает материальное положение одинокой мамы и высвобождает время для отдыха (4-4-3).

Государственная забота преимущественно направлена на зарегистрированных матерей-одиночек. Спектр видов помощи широкий: дополнительные детские пособия и выплаты, льготы в трудовом и налоговом законодательстве, льготная очередь при устройстве в детский сад и т.д., - и в этом сохраняется советское влияние, когда государственная поддержка была привязана к занятости и облегчала ее совмещение с работой по дому. Однако в капиталистической системе суть такой поддержки выхолащивается и используется для минимизации денежных затрат за счет низких размеров зарплат и пособий. Разведенные женщины «выпадают» из сферы опеки государства и могут претендовать только на пособие лишь в том случае, если ответчик скрывается и объявлен в розыск. Полагается, что забота о ребенке должна оставаться обязанностью отца. Тем не менее на период исследования только 12% разведенных женщин получали алименты в размере 1/2 потребительской корзины, установленной на ребенка [Воронцова, 2000]. В еще худшей ситуации находятся замужние женщины, чьи мужья отказываются помогать в воспитании детей. Эти женщины практически не защищены в сфере занятости ^{5} , как и женщины-вдовы, имеющие право на получение ежемесячной социальной пенсии по потере кормильца на всех несовершеннолетних детей и себя в случае безработицы. Тем самым поощряется их выход с рынка труда, поскольку именно незанятость дает гарантию дополнительного пособия – пенсии. С точки зрения материальной обеспеченности, последняя категория женщин наиболее защищена государством, но именно они чаще всего оказываются в ловушке зависимости от государства. В итоге государственная поддержка не только разнонаправлена, но и создает прецедент несправедливого участия, раскалывает одиноких матерей на категории, не дает им выбора и явно недостаточна для формирования стратегий успешной самореализации в профессии и в материнстве. В целом выплата социальных пособий не решает проблем одиноких матерей, поскольку для этого требуется увеличение заработной платы и реорганизация рабочего места с учетом нужд работников, занимающихся семьей⁶.

Независимо от наличия и размера предусмотренных государственных пособий, получаемых алиментов, заработков самих женщин основной проблемой всех материнских семей остаются ежедневные трудности, связанные с недостатком денег: «Ведь в наше время деньги самое главное. Где взять их, чтобы питаться, уж не говоря о хлебе насущном, об остальном» (4-23-1). Низкая оценка материального положения сопровождается преодолением чувства одиночества и поисками своей социальной значимости.

Итак, женщины рискуют оказаться в ситуации нисходящей мобильности, соглашаясь на физически тяжелую работу с вредными условиями труда и совмещая ее с приработками, они сталкиваются с нарушением прав в сфере занятости. Несмотря на состояние фрустрации и снижение самооценки, они вынуждены сохранять самообладание и продолжать решать повседневные проблемы, проявляя свои сверхспособности в организации повседневной жизни и совмещая работу вне дома и домашний труд. Несмотря на то что в целом одинокие женщины демонстрируют наибольшую успешность в профессиональной самореализации и карьере⁷, только двум женщинам из нашей выборки удалось «примерить» на себя возможности восходящей мобильности: одна из них работала

⁵При разрешении трудовых споров разведенная женщина может защитить свои права только через суд, доказывая, что она является единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию своих детей, однако подобные действия вызывают у данной категории женщин затруднения.

⁶ Реализация национальных проектов по решению демографических проблем также направлена на выплату различных пособий, в том числе материнского капитала. Наиболее распространенной практикой использования материнского капитала является направление средств на улучшение жилищных условий. Однако и эта возможность для одиноких женщин, едва сводящих концы с концами, остается недоступной.

⁷ Козина И. Работающие матери // ПОЛИТ.РУ. 2009. 29 декабря. URL: https://polit.ru/article/2009/12/25/kozina/ (дата обращения: 24.09.2021).

преподавателем музыки, а впоследствии возглавила отдел в министерстве культуры; другая, повар по специальности, сначала стала соцработником, а затем заместителем директора организации, оказывающей помощь бездомным. Если в первом случае карьерный рост связан с наличием высшего образования и последующим поступлением в аспирантуру, то в основе другого продвижения лежали личные отношения, поддержавшие получение профессионального образования и повышение по службе, но вместе с их разрывом произошло и возвращение к прежнему статусу. Эти два единичных случая являются показательными примерами того, как на основании личного опыта женщины сами оценивают и сравнивают положение людей с разным статусом, отмечая более изнурительный труд рабочих, смену унылой работы на более интересную с появлением дополнительного времени, доходов и возможностей заняться собой, домашними делами и заботой о детях.

На первом этапе исследования у семнадцати наших респонденток их личные доходы были ниже прожиточного минимума, еще у двух они были равны ему. На последнем этапе (2010) ситуация выглядит лучше, но не столько из-за улучшения ситуации этих женщин на рынке труда, сколько из-за выбранной методики исчисления прожиточного минимума. Только у одной доходы составляли среднемесячную заработную плату по региону, у большинства она оставалась втрое меньше. Только одной женщине из рабочего класса удалось сделать ремонт в квартире, обновить мебель и технику благодаря трем работам и помощи мужчин-друзей. Как и все женщины с советским опытом экономической независимости, они не боялись стать одинокими матерями, но в изменившихся условиях многие из них не справились с этой задачей. В результате за исследуемый период было зарегистрировано три брака и шесть случаев сожительства с постоянным или временным проживанием, в том числе, когда мужчина практически выполнял роль сиделки для ребенка, в то время как его мать имела возможность работать посменно.

Одинокие матери в постсоветском контексте: вместо заключения. Современные научные дискуссии избегают обсуждения неравных возможностей экономических классов, формального равенства и дискриминационного характера текущих процессов расслоения, усугубляемых отсутствием каналов вертикальной мобильности для женщин (как и для мужчин) из низкоресурсных групп, объясняя процессы классообразования выбором самих женщин, особенностями межличностного взаимодействия в процессе заботы и в целом культурными моделями неравенства. В результате происходит оправдание социального и гендерного неравенства, когда одни женщины, занимающие более благополучные социальные позиции и заинтересованные в правовом продвижении женской автономии, «не видят», как другим женщинам предлагаются низкооплачиваемые рабочие места и унизительные условия труда, как они сталкиваются с нехваткой времени, денег и сил на повышение квалификации, как стремятся компенсировать недостаток образования усердием, а нехватку средств – мобилизацией социальных связей. Противоречивое воспроизводство классовых отношений этим не ограничивается, а проявляется в стремлении государства минимизировать издержки, возложив ответственность за обеспечение на семью. Мы показали, что работа отнимает много времени, физических и моральных сил, но не дает достаточных доходов. Отметили цикличность проблем в трудовой биографии, когда работа негативно сказывается на здоровье женщины, а впоследствии здоровье ограничивает их в выборе рабочих мест. Сочетание основной работы с приработками ставит под сомнение возможности профессиональной карьеры, а недостаток времени и денег - возможности получения дополнительного образования. Очевидно, не только сами женщины не успевают участвовать в образовательной гонке, но и их дети. Их матери слишком перегружены, чтоб дополнительно заниматься развитием ребенка. Все это способствует воспроизводству бедности, класса и гендерных установок. Одинокие матери, не справляющиеся с возрастающими требованиями, вынуждены признать значимость «полноценной традиционной семьи», соглашаться на поддержку мужчин ценой утраты независимости и согласия на обременительные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арруцца Ч. Квир-союз между марксизмом и феминизмом // Хартман Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свобмарксизд, 2016. С. 60–74.
- Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда в современной России // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 5–24.
- Буравой М., Райт Э.О. Социологический марксизм // Социология. 2011. № 2. С. 43–57.
- Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. М.: Звенья, 2005.
- Воронцова М.Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 145–148.
- Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше: Аргументы в пользу экономической независимости. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Гурко Т.А. Вариативность представления в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.
- Данилова С.С. Социологический анализ проблем одиноких матерей в малом городе (на примере Ивановской обл.) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1(50). С. 49–57.
- Захаров С., Чурилова Е. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 86–117.
- Пыткина Т. Материнская семья: Советская мечта и постсоветская реальность // Женский проект: метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии / Под ред. С.С. Ярошенко. СПб.: Алетейя, 2011а. С. 74–94.
- Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегии занятости и организации домохозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 50–65.
- Лыткина Т. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 20116. № 1. С. 87–109.
- Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47.
- Смолева Е.О. Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 14–25.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- *Тартаковская И.* Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93.
- Хартман X. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свобмарксизд, 2016.
- Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О мужественности: Сб. ст. / Составитель С.М. Ушакин. М.: НЛО, 2002.
- *Ярошенко С.* Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 25–49.
- Biese I., McKie L. Opting in: Women in Search of Well-Being // Handbook on Well-Being of Working Women / Ed. by M.L. Connerlley, J. Wu. London; New York: Springler, 2016. P. 503–516.
- Chafetz J.S. Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Sociology // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. P. 97–120. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.97.
- Klammer U. Gender and Career Patterns in Light of EU Employment and Social Policy Strategies // Erwerbsverlauf und sozialer Schutz in Europa / Ed. by E.M. Hohnerlein et al. London: Springer, 2018. P. 48–55.
- Ridgeway C. Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World. New York: Oxford Univ. Press, 2011.
- Ridgeway C. Why Status Matters for Inequality // American Sociological Review. 2014. Vol. 79. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.1177/0003122413515997.
- Rossi A.S. (ed.) Caring and Doing for Others: Social Responsibility in the Domains of Family, Work and Community. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Smith D.E. Institutional Ethnography: A Sociology for People. Toronto: AltaMira Press, 2005.
- Smith D.E. The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology. Boston: Open Univ. Press, 1987.
- Stacey J., Thorne B. The Missing Feminist Revolution in Sociology // Social Problems. 1985. Vol. 32. No. 4. P. 301–316. DOI: 10.2307/800754.
- Utrata J. Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia. London: Cornell Univ. Press, 2015.

Статья поступила: 27.04.21. Финальная версия: 30.06.21. Принята к публикации: 24.09.21.

ON THE INTERSECTION OF GENDER AND CLASS: HOW SINGLE MOTHERS ORGANIZE THEIR EVERYDAY LIFE IN POST-SOCIALIST RUSSIA

LYTKINA T.S.*, YAROSHENKO S.S.**

*Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of RAS, Russia; **St. Petersburg State University, Russia

Tatyana S. LYTKINA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia (tlytkina@yandex.ru); Svetlana S. YAROSHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Chair of Comparative Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (svetayaroshenko@gmail.com).

Abstract. The article analyzes of how gender inequality is woven into the process of class formation in post-socialist conditions. Based on the materials of in-depth semi-structured interviews with single mothers in the framework of a longitudinal study, it is proved that single motherhood is becoming a gender institution that accumulates multiple structural oppression of women through the elimination of guarantees, increasing intensity of paid work, decreasing wages and the need to cover missing incomes by mobilizing their social resources and links. The intensity of work is not limited to paid employment, it also grows in the domestic sphere, where they also have to be more practical, spending additional efforts on maintaining family relationships eventually resulting in significant savings on food and services. The norm of the Soviet gender order of women's double employment at home and at work took on a different meaning. Women's employment under the coercion of the state has transformed into economically forced employment, which however does not allow achieving material independence and confidence in the future. The prospects for upward mobility are more and more limited, and not only for the women we studied but also for their children.

Keywords: single mothers, employment, life strategies, well-being, Marxist feminist analysis, post socialism.

REFERENCES

- Arruzza C. (2016) The Queer Alliance between Marxism and Feminism. In: Hartman H. Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Toward a More Progressive Union. Moscow: Svobmarxizd. (In Russ.)
- Ashwin S. (2001) Approval of Male Identity in the Labor Market in Modern Russia. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. No. 16–17: 5–24. (In Russ.)
- Biese I., McKie L. (2016) Opting in: Women in Search of Well-Being. In: Connerlley M.L., Wu J. (eds) *Handbook on Well-Being of Working Women*. London; New York: Springler: 503–516.
- Burawoy M., Wright E.O. (2011) Sociological Marxism. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 2: 43–57. (In Russ.) Chafetz J.S. (1997) Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23: 97–120. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.97.
- Danilova S.S. (2009) Sociological Analysis of the Problem of Single Mothers in a Small Town (the Case of the Ivanovo Region). *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1(50): 49–57.
- Ghodsee K. (2020) Why Women Have Better Sex under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2000) Variativeness of Views in the Sphere of Parenthood. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 11: 90–97. (In Russ.)
- Hartman H. (2016) Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Toward a More Progressive Union. Moscow: Svobmarxizd. (In Russ.)
- Klammer U. (2018) Gender and Career Patterns in Light of EU Employment and Social Policy Strategies. In: Hohnerlein E.M. et al. (eds) *Employment and Social Protection in Europe*. London: Springer: 48–55.
- Lytkina T. (2001) The Distribution of Power in the Family as a Factor in Employment Strategies and Household Organization. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. 2001. No. 16–17: 50–65. (In Russ.)
- Lytkina T. (2011a) Maternal Family: The Soviet Dream and Post-Soviet Reality. In: Yaroshenko S.S. (ed.) Women's Project: Metamorphoses of Dissident Feminism in Outlook of Young Generation in Russia and Austria. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Lytkina T. (2011b) The Biography of Social Exclusion in Post-Soviet Russia. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 14. No. 1: 87–109. (In Russ.)

- Lytkina T., Smirnov A. (2019) The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion? *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 3: 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47. (In Russ.)
- Ridgeway C. (2011) Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World. New York: Oxford Univ. Press.
- Ridgeway C. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review.* Vol. 79. No. 1: 1–16. DOI: 10.1177/0003122413515997.
- Rossi A.S. (ed.) (2001) Caring and Doing for Others: Social Responsibility in the Domains of Family, Work and Community. Chicago: University of Chicago Press.
- Smith D.E. (1987) *The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology.* Boston: Open Univ. Press. Smith D.E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People.* Toronto: AltaMira Press.
- Smoleva E.O. (2017) Mothers with Many Children and Single Mothers: Stereotypes and Social Vulnerability. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian Society]. No. 4: 14–25.
- Stacey J., Thorne B. (1985) The Missing Feminist Revolution in Sociology. Social Problems. Vol. 32. No. 4: 301–316. DOI: 10.2307/800754.
- Standing G. (2014) Precariat: The New Dangerous Class. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Tartakovskaya I.N. (2015) The Gender Order Reproduction via Career Strategies: Intersectional Analyses. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 5: 84–93. (In Russ.)
- Utrata J. (2015) Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia. London: Cornell Univ. Press.
- Voronzova M.G. (2000) Are Fathers Involved in Providing for Children? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 145–148. (In Russ.)
- Wichterich C. (2005) Femme Global: Globalization is not Gender Neutral. Moscow: Links. (In Russ.)
- Yaroshenko S. (2001) Gender Differences in Strategies of Employment among Working Poor. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research]. 2001. No. 16–17: 25–49. (In Russ.)
- Yurchak A. (2002) Men's Economy: "Don't be Silly When You Forge a Career". In: Ushakin S. (ed.) On Masculinity. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Zaharov S., Churilova E. (2013) Single Motherhood in Russia: Statistical and Demographic Analysis of its Prevalence and Formation Patterns. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 22. No. 4: 86–117. (In Russ.)

Received: 27.04.21. Final version: 30.06.21. Accepted: 24.09.21.

Е.И. НЕФЕДЬЕВА , О.Г. СЕДЫХ, О.В. ТАРАБАН

ЭКСПЕРТЫ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ФОРМЕ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ

НЕФЕДЬЕВА Елена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент; СЕДЫХ Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент (sedyholga@yandex.ru); ТАРАБАН Ольга Вячеславовна – кандидат экономических наук, доцент (taraban.o@mail.ru). Все – кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.

Аннотация. Анализируются возможности предпринимательской деятельности инвалидов как варианта решения проблемы занятости. Основой анализа послужили результаты экспертного опроса представителей региональных и муниципальных органов по труду и занятости, общественных организаций инвалидов, а также опроса безработных инвалидов города, зарегистрированных в центре занятости. К преимуществам предпринимательской деятельности перед традиционной занятостью, по мнению как экспертов, так и безработных инвалидов, относятся расшренные возможности самореализации, удобный режим работы, дополнительный источник дохода, активная интеграция в социум. Серьезное препятствие, наряду со сложными экономическими условиями, – отсутствие действенной законодательной поддержки. Существующая материальная и консультационная поддержка открытия бизнеса для безработных инвалидов центрами занятости населения оценивается как недостаточная.

Ключевые слова: занятость • инвалид • безработица • служба занятости • квотирование рабочих мест • предпринимательская деятельность • самозанятость

DOI: 10.31857/S013216250012422-7

Постановка исследовательской задачи. Обеспечение занятости инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья – актуальная проблема на протяжении многих десятилетий. В мировой практике с 1960-х гг. формируется новая концепция инвалидности, которая опирается на представления о трудоустройстве и самозанятости этих граждан как об инструментах активной интеграции в социум с целью удовлетворения потребностей [Birkenbach, 1993; Oliver et al., 2012], а также с позиции защиты прав граждан на труд [Conlin, 2000; O'Reilly, 2007].

Работа по решению этих проблем активизируется и в России, хотя практические результаты незначительны. Согласно нормам международного и российского социальнотрудового законодательства, для инвалидов установлены минимальные социальные гарантии в сфере труда и занятости. Трудовой кодекс РФ – основной источник, регулирующий трудовую деятельность инвалидов непосредственно на рабочем месте. Федеральный закон «О занятости населения в РФ» закрепляет общие и специальные нормы содействия занятости инвалидам. Человек, имеющий инвалидность, имеет право быть зарегистрированным в качестве безработного. В Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в РФ» установлены гарантии трудовой занятости инвалидов 1. В соответствии с трудовым законодательством, работникам с инвалидностью необходимо создавать особые условия труда и специальные рабочие места. В то же время соблюдение таких дополнительных социально-трудовых прав и гарантий экономически невыгодно работодателю,

¹ См.: Конвенция о правах инвалидов (принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 дек. 2006 г. № 61/106); Федеральный закон от 19 апреля 1991 г. № 1032-I «О занятости населения в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-Ф3 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

льготы налогообложения не покрывают издержек привлечения труда инвалидов [Зязин, 2011]. Распространены стереотипы, согласно которым инвалид не способен качественно выполнять профессиональные обязанности; это приводит к дискриминационному отношению к инвалидам на рынке труда [Чуксина, Комиссаров, 2015; Трофимов, Трофимова, 2018]. Низкая конкурентоспособность, существенные затруднения при трудоустройстве создают благоприятную почву для формирования социального иждивенчества [Карпикова, 2017]. Сложности с трудоустройством по специальности, неудовлетворительный размер заработной платы значительно снижают возможности самореализации в сфере занятости. Особенно остра эта проблема для выпускников учебных заведений, не имеющих опыта работы [Зимина и др., 2018]. Ее решение возможно благодаря альтернативным («нестандартным») вариантам занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), среди которых – самозанятость и предпринимательская деятельность.

На начало 2020 г. в России общая численность инвалидов в трудоспособном возрасте составила 3,456 млн человек (2,157 млн – мужчины и 1,299 млн – женщины)². По данным выборочного обследования рабочей силы, в 2019 г. доля занятых в общей численности лиц в трудоспособном возрасте, имеющих инвалидность, – 19,5%, уровень безработицы среди них – 19,2% (те же показатели по всему населению в трудоспособном возрасте составляют 78,3% и 4,9% соответственно). Среднее время поиска работы безработными в возрасте 15 лет и старше, имеющими инвалидность, составляет 8,8 месяца.

По данным выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения в 2018–2019 гг., основной причиной отказа от предложенной работы в данной группе выступает ее несоответствие специальности (46,6%), на втором месте – низкая заработная плата (19,4%)³. Большинство инвалидов имеют профессию (специальность), подтвержденную дипломом (65,2%), при этом выполняют работу, полностью соответствующую полученной специальности, 36,1%, или близкую к ней, – 12,3%, а у половины (51,6%) работа не соответствует полученной специальности (среди всех респондентов вне зависимости от наличия инвалидности доля работающих не по специальности составляет 35,5%). Среди тех, кто работает не по специальности, большинство (69,7%) не получили специальную профессиональную подготовку (переподготовку, обучение)⁴. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 г.⁵, в рамках исследования удовлетворенности работой единственным параметром в группе показателей, который работающие инвалиды назвали неудовлетворительным, оказался размер заработной платы.

В большинстве исследований проблем трудоустройства этой группы, даже посвященных их взаимосвязи с социальным предпринимательством [Бахматова, 2018; Захарченко, 2012; Старшинова, 2019], ставится проблема занятости инвалидов как наемных работников. Предпринимательская деятельность, когда инвалид, имея статус индивидуального предпринимателя или учредителя юридического лица, сам может быть работодателем, остается малоизученной, в том числе из-за отсутствия данных официальной статистики: при регистрации физических и юридических лиц сведения о наличии инвалидности не учитываются, так как никаких налоговых льгот для инвалидов-предпринимателей не предусмотрено. Поддержка со стороны государства заключается в предоставлении небольшой стартовой субсидии и обучении на курсах по основам предпринимательской деятельности.

²Положение инвалидов // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 07.02.2021).

 $^{^3}$ Распределение инвалидов в возрасте 16 лет и более по причинам отказа от предложений другой или какой-либо работы. 2020. 14 апреля. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab4-23.htm (дата обращения: 07.02.2021).

 $^{^4}$ Наличие специальности и ее соответствие выполняемой работе у инвалидов в возрасте 15 лет и более. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-17.html (дата обращения: 15.10.2021)

⁵Удовлетворенность работой инвалидов в возрасте 15 лет и более. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-16.html (дата обращения: 15.10.2021).

Обеспечение занятости инвалидов в подобной форме имеет положительные и отрицательные аспекты. Гибкий график работы, возможность заниматься любимым делом, вероятность более высокого дохода и прочие обстоятельства могут быть привлекательны для лиц с ОВЗ и инвалидов. В то же время нестабильность занятости и дохода, отсутствие социальных гарантий, высокие риски, необходимость стартового капитала и текущих затрат, недостаточная правовая компетентность могут стать барьерами в самостоятельной трудовой занятости.

Проблемы предпринимательской деятельности инвалидов стали объектом исследования, проведенного авторами в 2017–2019 гг. Оно включало две волны анкетного опроса временно незанятых (безработных) граждан с инвалидностью и ОВЗ, обратившихся с целью поиска работы в центр занятости населения (ОГКУ ЦЗН) Иркутска (50 и 72 безработных инвалида в 2017 и 2019 гг. соответственно), а также экспертные полустандартизованные интервью (N=12) с представителями государственных органов по труду и занятости, в том числе ОГКУ ЦЗН Иркутска, министерств труда и занятости, социального развития, опеки и попечительства Иркутской обл., Иркутского отделения Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) и других общественных организаций инвалидов.

Исследование было нацелено на выявление возможностей содействия самозанятости и предпринимательской деятельности безработных инвалидов в рамках социальной защиты. Ставились задачи: получить экспертную оценку достаточности мер социальнотрудовой поддержки, таких как квотирование рабочих мест и создание специализированных предприятий; выявить, насколько актуальна самозанятость для самих инвалидов; опираясь на мнения экспертов, оценить результативность государственной услуги «содействие предпринимательству».

Самозанятость и предпринимательская деятельность инвалидов. Оценка экспертами преимуществ предпринимательской деятельности для инвалидов в целом совпадает с мнением безработных инвалидов: по агрегированным данным наших опросов, 40% из них хотели бы заняться предпринимательской деятельностью. Те, кто не выразил такого желания, главное препятствие для себя видят, прежде всего, в слабом здоровье (53,3%). На втором месте – боязнь не справиться (26,7%), на третьем – отсутствие первоначального капитала (13,3%), на четвертом – высокая конкуренция на рынке, сложности с реализацией продукции/услуги. Среди мотивов, побуждающих заняться предпринимательской деятельностью, на первых местах возможности самореализации, саморазвития, занятия любимым делом, важны возможности свободы и независимости, гибкого графика работы; на последнем месте – возможность получать доход и добиться социального признания.

Эффективность таких мер поддержки занятости инвалидов, как квотируемые рабочие места и специализированные предприятия, по мнению экспертов, недостаточна для решения проблемы трудоустройства лиц с ограниченными возможностями. Интервью показали фактическое отсутствие поддержки предпринимательской деятельности инвалидов. Безработные инвалиды не имеют преимущества в оказании услуги по содействию в предпринимательстве по сравнению с другими безработными, не являющимися инвалидами: «Оказание услуги по содействию в предпринимательстве безработным гражданам осуществляется вне зависимости от категории (инвалид или нет)» (государственная служба⁶, стаж 12 лет). Одно из объяснений этого положения – в возможностях злоупотреблений и недобросовестности в данной сфере, когда бизнес только формально оформлен на инвалида: «Когда-то инвалидам давали большие льготы. Государство говорит о том, что инвалид сам не в состоянии работать, и он создает лазейку для недобросовестных людей. Например, торговая площадь якобы оформлена на инвалида, но фактически работают люди здоровые, а государство на этом теряет: налоги, льготы и т.д. Вот эта недобросовестность

 $^{^6}$ Здесь и далее обозначается статус занятости экспертов: государственная служба (например, Центр занятости населения, министерство социального развития, опеки и попечительства) и общественная организация (например, отделение ВОИ).

привела к усилению жесткости со стороны государства. Поэтому сейчас очень сложно конкурировать, уравняли отчисления в Пенсионный фонд, налоги, т.е. все практически уравнено. Знаем очень много ИП инвалидов, которые занимаются малым бизнесом, но каких-либо преференций у них нет» (общественная организация, стаж 15 лет). На сегодняшний момент все налоги и социальные взносы никак не дифференцированы в зависимости от наличия инвалидности у предпринимателя, налоговая нагрузка – один из серьезных сдерживающих барьеров.

Неоднозначным оказалось отношение экспертов к результативности услуги центров занятости по содействию предпринимательской деятельности для инвалидов, которая включает в себя предоставление общей информации по самозанятости, проведение тестирования на готовность к предпринимательской деятельности, помощь в подготовке бизнес-плана, информирование о порядке взаимодействия с налоговыми органами и оказание минимальной материальной помощи. Одни считают, что предложение такой услуги целесообразно, так как появляется возможность реализовать свои способности, получить дополнительный доход. «Самозанятость позволяет обеспечить дополнительную возможность иметь работу, что в свою очередь благоприятно отражается на общем состоянии рынка труда инвалидов, снижается безработица среди них» (государственная служба, стаж 10 лет). Другие полагают, что ее востребованность незначительна в сравнении со спросом на нее среди других групп безработных: «Очень небольшая доля безработных инвалидов участвует в этой программе, среди получивших субсидию доля инвалидов от 6 до 9%; во многом, это определяется общим отношением инвалидов к жизни, сами инвалиды скорее ориентированы получать социальные выплаты от государства, нежели работать» (государственная служба, стаж 12 лет). Слабая заинтересованность в данной услуге объясняется как отношением самих инвалидов к жизни (неуверенность в собственных силах, склонность к иждивенческим настроениям), так и отношением общества к ним (отсутствие адаптивных условий для предпринимательской деятельности инвалидов).

Что касается перспектив данного вида занятости, то оценки их противоречивы. Некоторые эксперты считают, что развитие данной формы занятости нецелесообразно и неэффективно прежде всего по экономическим причинам: «Сомневаюсь в эффективности данной услуги для инвалидов. Слишком сложно для данной категории. Неустойчивая экономическая ситуация, неуверенность в своих силах, т.к. нет необходимых знаний, и недостаточная сумма материальной помощи от службы занятости при открытии своего дела. Все это снижает уровень заинтересованности многих безработных, желающих заняться предпринимательством, даже среди здоровых, а инвалидам еще сложнее» (государственная служба, стаж 7 лет). Другой комплекс причин неэффективности предпринимательства инвалидов – в характеристиках этой группы: «Предпринимательство слишком сложно, инвалиды на работу-то с трудом устраиваются по состоянию здоровья и из-за низкой профессиональной подготовки, да и нет желания у многих работать, инвалиду сложно перестроиться и начать что-то делать. А тут такая ответственность, активным надо быть» (государственная служба, стаж 9 лет).

Эта точка зрения не нашла поддержки у экспертов от общественных организаций, которые считают, что при достаточной государственной поддержке (субсидии, льготное налогообложение и др.) предпринимательство может быть хорошей альтернативой традиционной занятости: «Кто желает работать, тот всегда найдет работу, вне зависимости от того, есть инвалидность или нет, а кто нет – для него всегда будут какие-то трудности. Некоторые инвалиды скрывают свою инвалидность и работают на общих основаниях. Среди таких многие хотели бы быть предпринимателями, но материально не потянут открытие бизнеса, стартового капитала нет, налоги и взносы как у всех. Предпринимательство, конечно же, не для всех, тут жизненная позиция человека важна, ну и у кого ментальные там нарушения есть – точно не подходит» (общественная организация, стаж 15 лет).

Услуга по оказанию содействия в предпринимательстве имеет, по мнению экспертов, большие перспективы при достаточной поддержке: «Предпринимаемых мер недостаточно, чтобы развивать данное направление, нужны льготы по налогам или даже "налоговые

каникулы".., размер субсидии также нужно пересмотреть» (государственная служба, стаж 8 лет). Важно юридическое сопровождение: «Очень мешает низкий уровень грамотности инвалидов, особенно юридический. Вообще юридическое сопровождение нужно, чтобы было постоянное, а не только на курсах основы, так как законодательство у нас очень мобильное, человек выучился, начал дело, а уже есть изменения, а он не в курсе. Получите штраф, и часто немаленький» (государственная служба, стаж 7 лет).

Обобщение результатов исследования позволяет сделать некоторые выводы. Низкая занятость инвалидов обусловлена комплексом факторов, как внешних, связанных с инфраструктурой, так и внутренних, социально-психологических. Традиционные меры поддержки занятости инвалидов через квотирование рабочих мест и специализированные предприятия недостаточно эффективны и требуют переосмысления исходя из современных реалий. Предпринимательская деятельность может рассматриваться как один из способов решения проблемы низкой занятости инвалидов, так как предоставляет много новых возможностей в сфере труда. Однако серьезные препятствия связаны как с представлениями самих инвалидов о своем месте и роли в обществе, так и с отсутствием адаптированных условий ведения ими предпринимательской деятельности. Обобщение мнений экспертов позволяет заключить, что наряду с отсутствием активной жизненной позиции самих инвалидов, в том числе в отношении предпринимательской инициативы, серьезным препятствием для развития их предпринимательской активности выступает недостаточность поддержки со стороны государства. Материальная и консультационная поддержка предоставляется только на начальном этапе открытия бизнеса и не может полноценно обеспечить поддержку инвалида-предпринимателя в практическом ведении бизнеса в сложных экономических условиях. Другой важный демотивирующий аспект – отсутствие налоговых льгот для этой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахматова Т.Г. Социальное предпринимательство в России: институционализация и динамика развития // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).9.
- Захарченко О.А. Социальное предпринимательство новый инструмент трудоустройства людей с ограниченными возможностями // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 2(61). С. 216–219.
- Зимина Е.В., Нефедьева Е.И., Волченко Л.Ю. Социологическое исследование проблем и возможностей трудоустройства студентов и выпускников с инвалидностью и OB3 (на примере БГУ) // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).8.
- 3язин В.Н. Оценка текущих дополнительных расходов предприятия, возникающих при трудоустройстве инвалидов // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 3(157). С. 109–114.
- Карпикова И.С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).9.
- Старшинова А.В., Галеева К.В. Трудовая занятость людей с инвалидностью в сфере социального предпринимательства // Отечественный журнал социальной работы. 2019. № 1. С. 89–98.
- *Трофимов Е.А., Трофимова Т.И.* К вопросу о дискриминации на российском рынке труда // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 419–425. DOI: 10.17150/2500- 2759.2018.28(3).419–425.
- Чуксина В.В., Комиссаров Н.Н. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 1. С. 126–134. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(1).126–134.
- Birkenbach J. Physical Disability and Social Policy. Toronto: University of Toronto Press, 1993.
- Conlin M. The New Workforce: A Tight Labor Market Gives the Disabled the Chance to Make Permanent Inroads // Business Week. 2000. March 20. P. 19.
- O'Reilly A. The Right to Decent Work of Persons with Disabilities. Geneva: ILO, 2007.
- Oliver M., Barnes C. The New Politics of Disablement. London; New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Статья поступила: 19.10.20. Финальная версия: 27.08.21. Принята к публикации: 06.09.21.

EXPERTS ON ENTREPRENEURSHIP AS AN ALTERNATIVE FORM OF EMPLOYMENT FOR DISABLED PEOPLE

NEFEDYEVA E.I. *, SEDYKH O.G.*, TARABAN O.V.*

Elena I. NEFEDYEVA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.; Olga G. SEDYKH, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (sedyholga@yandex.ru); Olga V. TARABAN, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (taraban.o@mail.ru). All – Chairs of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Abstract. The article analyzes disabled people possibilities of entrepreneurial activity as an option for solving the problem of employment. The analysis was based on the results of an expert survey of representatives of regional and municipal bodies for labor and employment, public organizations of people with disabilities, as well as a survey among unemployed people with disabilities registered at the Employment Centre. According to experts and unemployed people with disabilities, the advantages of entrepreneurial activity over traditional employment include expanded opportunities for self-realization, convenient working hours, an additional source of income, and active integration into society. The experts identified lacking of effective legislative support as a serious obstacle to the development of entrepreneurial activity of disabled people along with difficult economic conditions. The existing material and consulting support for launching a business for unemployed citizens was recognized as insufficient in case of the disabled.

Keywords: employment, disabled person, unemployment, employment service, job quotas, entrepreneurship, self-employment.

REFERENCES

- Bakhmatova T.G. (2018) Social Entrepreneurship in Russia: Institutionalization and Dynamics of Development. *Baikal Research Journal*. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).9. (In Russ.) Birkenbach J. (1993) *Physical Disability and Social Policy*. Toronto: University of Toronto Press.
- Chuksina V.V., Komissarov N.N. (2015) Discrimination on the Basis of Disability in Employment Relations. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)]. Vol. 25. No. 1: 126–134. DOI: 10.17150/1993-3541.2015. 25(1).126–134. (In Russ.)
- Conlin M. (2000) The New Workforce: A Tight Labor Market Gives the Disabled the Chance to Make Permanent Inroads. Business Week. March 20: 19.
- Karpikova I.S. (2017) Features of Theoretical Interpretation of the Social Dependency Phenomenon in Terms of Russian Society. *Baikal Research Journal*. Vol. 8. No. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).9. (In Russ.)
- O'Reilly A. (2007) The Right to Decent Work of Persons with Disabilities. Geneva: ILO.
- Oliver M., Barnes C. (2012) The New Politics of Disablement. London; New York: Palgrave Macmillan.
- Starshinova A.V., Galeeva K.V. (2019) Labor Employment of People with Disability in the Sphere of Social Entrepreneurship. *Otechestvennyj zhurnal sotsialnoy raboty* [Domestic Journal of Social Work]. No. 1: 89–98. (In Russ.)
- Trofimov E.A., Trofimova T.I. (2018) On the Issue of Discrimination in the Russian Labor Market. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University]. Vol. 28. No. 3: 419–425. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).419–425. (In Russ.)
- Zakharchenko O.A. (2012) Social Entrepreneurship as a New Tool of Disabled People Employment. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State Technical University]. No. 2(61): 216–219. (In Russ.)
- Zimina E.V., Nefedyeva E.I., Volchenko L.Yu. (2018) Sociological Investigation of Employment Problems and Possibilities of Students and Graduates with Disabilities and HIA (in Terms of BSU). *Baikal Research Journal*. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).8. (In Russ.)
- Zyazin V.N. (2011) Assessment of the Current Additional Costs of the Enterprise Arising from the Employment of People with Disabilities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life]. No. 3(157): 109–114. (In Russ.)

Received: 19.10.20. Final version: 27.08.21. Accepted: 06.09.21.

^{*}Baikal State University, Russia

Социология науки

© 2021 г.

Б.З. ДОКТОРОВ, Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (bdoktorov@inbox.ru); ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена характеристике поколенческого подхода к современной отечественной социологии как теоретической проблеме в контексте единства и различий общероссийского и регионального аспектов. Поколенческая проблематика – одна из важных в теоретической социологии, не получившая достаточного освещения и во многом дискуссионная. Цель статьи – анализ поколений социологов сквозь призму поколенческого, поколенческо-функционального, пространственно-временного подходов на основе биографического и документального методов. Показана логика исследовательского процесса, которая привела к предлагаемой авторами трактовке. Дано определение понятия поколение социологов; установлены временные границы поколения. Приводится характеристика семи поколений послевоенной советской/российской социологии, сделана попытка рассмотрения их истории в общероссийском и региональном контекстах. Рассмотрена доминантная функция поколения как его центральная характеристика. Лейтмотивом статьи выступает идея: история отечественной социологии есть история социологов, интегрированных в поколения. Отсюда подход к истории нашей науки как процессу смены поколений социологов, взаимодействия ряда одновременно действующих поколений, использования накопленного каждым из них теоретико-эмпирического багажа.

Ключевые слова: отечественная социология • «поколение социологов» • поколенческий подход • пространственно-временной подход • социология в регионе • доминантная функция поколения

DOI: 10.31857/S013216250015742-9

Постановка проблемы. Утверждение «История социологии есть история социологов» родилось при обсуждении идей настоящей статьи. Мы считаем целесообразным пояснить смысл этих слов. Сказанное по отношению к социологии – конкретизация положения, справедливого по отношению к науке в целом. В период формирования науки, отдельных ее направлений решающее значение имеют идеи, концепции, инструменты, создаваемые теми, кто со временем признается первооткрывателями, лидерами, а созданное ими становится именным. Веками наука оставалась делом одиночек, иногда небольших – зримых и незримых – групп единомышленников. Лишь на рубеже XIX–XX вв., по мере развития науки, стали говорить о поколениях ученых. Прорывы в науке связывают с лидерами, но состояние науки – достижение поколений ученых. По мнению В.И. Вернадского, главным живым содержанием науки является научная работа живых людей. Он подчеркивал: наука

не существует помимо ученого, она – его создание в определенных исторических условиях. Научная мысль есть и индивидуальное, и социальное явление, неотделимое от человека.

Человекоцентричный взгляд на историю науки мы не противопоставляем другим концепциям анализа научного знания, скажем, истории и теории науки как социального института, как процесса смены парадигм, динамики социокультурного пространства. «Безлюдные» подходы к движению науки позволяют ее теоретику, науковеду целенаправленно изучать зарождение научного знания, миграции теорий, образование коммуникационных сетей и др. Совмещение этих поисков с выводами чисто поколенческого анализа истории и теории науки уточняет многое в интерпретации роли поколений и сделанного отдельными учеными. Вместе с тем поколенческое прочтение прошлого, настоящего и ближайшего будущего российского социологического сообщества принципиально обогащает видение и понимание процесса генезиса науки как социального института и оживляет описание пространства и функционирования коммуникативных сетей.

Наше изучение развития российской социологии второй половины XX и начала XXI в. отражает итоги многолетней работы по двум направлениям: 1) использование теоретических и прикладных методов биографического анализа при исследовании истории послевоенной советской и российской социологии; 2) рассмотрение темпоральных явлений в обществе. Результаты, полученные в рамках первого направления, отражены в книгах и статьях Б.З. Докторова [Докторов, 2013; 2016], в том числе онлайновое интерактивное издание [Докторов, 2011–2020], включающее свыше двухсот интервью. Пространственно-временной анализ уральской социологии – предмет многолетних (2000–2020) работ Г.Е. Зборовского и его коллег. Им предложена периодизация становления и развития уральской социологии в XX–XXI вв., рассмотрены ее этапы, достижения, тенденции и проблемы [Зборовский, 2003].

Логика исследовательского процесса. Поколенческий подход (ПП) сегодня – это ряд теоретико-методологических построений и правил, определяющих практику его использования. Данный подход можно трактовать как разновидность биографического анализа, нацеленного на изучение жизни и творчества советских/российских социологов, участвовавших и участвующих в разработке современной (послевоенной) социологии. Эта цель задает содержание интервью с социологами, процедуру рекрутирования собеседников-респондентов, характер обработки собираемой информации и направленность биографических текстов.

Предлагаемая версия ПП возникла в начале XXI в. на базе исследования жизненных траекторий создателей методов опросов общественного мнения населения США и первых попыток анализа биографий российских социологов. Исходные задачи развивавшегося изучения истории современной советской/российской социологии были далеки от когортного взгляда на строение профессионального сообщества. Тогда наука скорее понималась как социальный феномен; предполагалось обстоятельное исследование биографий тех, кто стоял у истоков послевоенной советской социологии. В рамках такой методологии удалось выстроить почти двухсотлетнее движение технологии измерения электоральных установок населения Америки.

Обнаружилась неэффективность подобного пути. Первая причина невозможности прямого переноса накопленного опыта на российскую почву в том, что в Америке давно сложилась традиция изучения истории анализа потребительских и социально-политических установок и биографий первооткрывателей этих направлений, была доступна архивная информация и развита система внутринаучной коммуникации. В России это с большими трудностями лишь налаживается. Вторая причина заявила о себе после 10–12-го интервью. Пришло понимание, что вблизи этой точки остановиться не придется; начал действовать тренд на увеличение информационного массива. Актуализировался вопрос кластеризации, типологизации, группировки проведенных интервью, в частности – формирования групп, отвечающих историческому исследованию, т.е. имеющих темпоральную природу. Кажущаяся очевидной возрастная стратификация социологического сообщества этой цели не удовлетворяет, ибо, скажем, тридцатилетние представители эпохи «оттепели»,

заставшие период массовых репрессий, пережившие войну, за которыми закрепилось название «шестидесятники», и молодые люди того же возраста, развивавшиеся в годы «застоя», не могут быть объединены в одну возрастную группу. Возникла идея анализа поколенческой стратификации совокупности послевоенных советских социологов.

Идея обсуждения сделанного советскими социологами в привязке к поколениям высказывалась Г.С. Батыгиным, А.Г. Здравомысловым и другими исследователями современной истории отечественной социологии. Однако их трактовка не предназначалась для рассмотрения развития нашей науки на длинном временном интервале, не смотрела в будущее. Границы поколений определялись условно – «старшие» – «младшие» и т.п.

Нарушить эту традицию позволил анализ вопроса о границах поколений как задаче построения модели возрастной стратификации совокупности послевоенных социологов, включая тех, кто в будущем стал участвовать в развитии нашей науки. Для этой цели оказалось плодотворным обращение к методологии А. Эйнштейна: верная теория должна отвечать принципам «внутреннего совершенства» – логической простоте, естественности и принципу «внешнего оправдания», соответствия опыту.

В нашем случае начался поиск алгоритма, обладающего «внутренним совершенством», ибо таковой больше других типологических процедур обладает и «внешним оправданием». Движение к алгоритму стратификации началось в 2008 г. Сегодня логической простоты, в частности – минимизации ad hoc предположений, удалось достичь благодаря двум базовым теоретико-методологическим положениям: историко-научному и математическому, традиционно используемому для упрощения конкретных теорий. Поясним сказанное.

Биографический анализ выявил заметное различие в том, как входили в науку создатели современной технологии и культуры массовых социальных измерений установок в США и советские социологи первого призыва. В случае американских исследователей четко просматривается передача опыта от основателей экспериментальной психологии Г. Фехнера и В. Вундта к Дж. Гэллапу, Д. Старчу, Г. Линку и другим первопроходцам изучения общественного мнения. Что касается отечественных социологов, то В.А. Ядов называл себя «самоучкой». То же можно сказать о Б.А. Грушине, А.Г. Здравомыслове, Л.Н. Когане и молодых философах, экономистах, историках, начавших задавать вопросы разным группам населения и стремившихся увидеть в ответах людей социальную реальность. До них около 30 лет никто этого не делал. Произошло «второе рождение» советской/российской социологии, наметились перспективы ее возрождения.

Принципиально упростило алгебру социологических поколений допущение, что они имеют равную продолжительность. Но на тот момент продолжительность не была известна. Естественность такого допущения следует из природы поколения: при нормальном развитии общества время смены поколений должно быть некоей социально-биологической константой. Использование простейших форм шкалирования позволило определить значение этой константы в диапазоне 12 лет. Итог разработки поколенческой стратификации советского/российского социологического сообщества представлен в табл. 1.

Определенно кажется странной, надуманной привязка первых двух поколений к одному временному интервалу. Такого обычно не бывает в типологических конструкциях. Однако этой «аномалии» дано объяснение, базирующееся на термодинамическом принципе – «демоне Максвелла».

Представим советскую социологию 1960-х гг. в виде сосуда с узким горлышком. Вход в сосуд не свободный, контролируется привратником, мысленным «демоном Максвелла», открывающим его «разогретым» частицам, в нашем случае – индивидам. В реальности «разогретость» означала многое. Сначала – юношескую установку на познание общества, затем – желание изучать философию, историю, экономику, позже – вхождение в университетскую среду и овладение набором принципов, концепций изучения социума. Далее – раннее (в сравнении с окружающими) понимание, что социальный мир, пусть в узкой наблюдаемой ими нише, устроен не так, как описано в книгах, и есть самостоятельное обнаружение того, что существует инструмент познания социального – социология. Тогда у

Таблица 1 Поколенческая стратификация социологического сообщества в России

Поко- ление	Годы рождения	Социально-хронологическое название поколения	Доминантная функция
I	1923–1934*	«Шестидесятники» (первая волна)	Конституирование социологии как само- стоятельной науки
II	1920-e-1934*	«Шестидесятники» (вторая волна)	Расширение предметного поля исследований
III	1935–1946	Военное	Развитие эмпирических методов
IV	1947–1958	Первое послевоенное	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959–1970	Постоттепельное	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971–1982	Предперестроечное, годы застоя	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983–1994	Дети перестройки	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
VIII	1995–2006	Первое поколение постсоветской России	Пока находится в стадии формирования
IX	2007–2018	Поколение эпохи В.В. Путина	Находится на разных фазах поиска себя

Примечание. *Попадание годов рождения социологов I и II поколений в один временной интервал в рамках разрабатываемой концепции получило название «один возраст – два поколения».

«разогретой» личности возникло частью осознаваемое, во многом интуитивное стремление освоить это новое, запретное.

Перед такими «частицами» «демон Максвелла» не мог устоять и разрешал им вход в сосуд-социологию. Таких микротел не могло быть много, критерии их селекции были жесткими. Не все подлетавшие к узкой горловине воображаемого сосуда были «нагреты» настолько, чтобы миновать привратника. Одновременно «демон» готовил ко входу в сосуд еще группу частиц, по многим параметрам близких к первой, но в начале 1960-х гг. недостаточно разогретых. Это означает, что ровесники первых продолжали деятельность в качестве журналистов, лингвистов, математиков и т.д. и готовили себя (наблюдая, читая, участвуя в семинарах) к вступлению в социологию. Формировалась критическая масса «частиц», которая обеспечила рождение II социологического поколения, а затем – становление саморегулирующегося механизма вхождения в этот сосуд, исключающего присутствие демона.

Мы детально рассмотрели природу II поколения и фокусировали внимание на «демоне Максвелла», чтобы показать «внешнее оправдание» концепции 12-летних поколений. Уже на момент создания «лестницы поколений» была установлена связь этого построения с концепцией цикличности российской истории, развиваемой группой отечественных историков и философов.

Проверка работоспособности ПП осуществлялась более десяти лет, процесс сбора биографической информации о российских социологах, начавшийся в 2005 г., закончился в конце 2020 г. К тому времени было проведено более 200 реальных и мысленных (в виде биографических текстов) интервью с российскими социологами семи поколений и одно – с социологом VIII поколения. Изучался процесс их вхождения в социологию и творческий путь.

Еще предстоит анализ собранной информации, но можно утверждать, что поколенческая принадлежность социологов – не предположение, а факт. Она просматривается в юношеском чтении, ранних интеллектуальных интересах, близости университетских программ, по которым они осваивали социологию. Она может быть обнаружена в коммуникационных сетях, в которые они входили и входят. Другими словами, прорисовывается путь к созданию истории современной российской социологии как процесса. Ранее такая

задача не могла быть поставлена. Система поколений – историко-науковедческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии – институциональное и «человеческое».

К лету 2014 г., за первые десять лет работы, было проведено 60 интервью. Среди опрошенных доминировали социологи Москвы и Санкт-Петербурга. После появления книгисправочника [Социологи России, 2014] открылась возможность интервьюировать социологов региональных научных школ в Уральском регионе, Тюмени, Поволжье, на Дальнем Востоке и т.д. В итоге в 2015 г. были опубликованы книги о становлении и развитии социологии в четырех регионах страны: «Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век», «Прошлое, настоящее и будущее тюменской социологии» и «Молодая социология Дальнего Востока», в 2016 г. – «Биографические очерки социологов Поволжья». Книги показали эффективность поколенческого анализа региональных социологических школ, возможность обнаружения общего и специфического в их развитии.

Исходно поколения российских социологов трактовались в социально-хронологической логике макрособытий, определяющих их облик и дух: война, оттепель, застой, перестройка (табл. 1). Однако через шесть-семь лет стала ощущаться недостаточность такой интерпретации. Она не отражала факт, что предложенная поколенческая стратификация распространяется не на население страны, а на конкретное профессиональное сообщество – социологов. Возникла идея поиска доминантных функций поколений (табл. 1), т.е. главной роли конкретного поколения на сцене действий всего социологического сообщества. В частности, решение этой задачи связывалось с переходом от биографических интервью с социологами к истории социологии.

Проблема заключалась в различии природы базовой эмпирической информации и итоговых выводов. Биографические интервью относятся к индивиду и раскрывают процесс его личностной и профессиональной социализации. Совокупность этого рода информации описывает жизнь и деятельность социологического сообщества. Итоговые выводы должны распространяться на науку, характеризовать ее становление и развитие. Не существует непосредственного перехода от данных личностно-индивидуального свойства к историко-науковедческим. Необходим инструмент перехода, промежуточная платформа. Предлагаемый нами подход основывается на убежденности, что наука создается поколениями ученых, в которых каждый в зависимости от таланта, работоспособности и прочих индивидуально-личностных атрибутов занимает собственное место, играет определенную роль. Вырисовывается трехступенчатая аналитическая конструкция: 1) проведение глубинных неформальных биографических интервью с социологами; 2) объединение социологов в поколенческие группы; 3) представление истории социологии как процесса формирования, развития и смены поколений.

Указанные ступени составляют каркас поколенческо-функционального анализа истории советской/российской социологии. Исходно понятие «поколение социологов» вводилось лишь как метод, инструмент сжатия и упорядочения возраставшего числа интервью и объема биографической информации. Но потом это понятие стало жить своей жизнью, дало больше, чем вкладывалось в него на этапе рождения. Поколение стало основой планирования выборки, сопоставительного анализа биографий социологов и т.д. И самое важное – история науки начала рассматриваться как процесс смены поколений социологов.

В 2014–2015 гг. возникло ощущение недостаточности интерпретации возрастных когорт российских социологов лишь в логике макрособытий, определяющих облик и дух поколений. Появилась идея поиска доминантной функции поколения (ДФП) в процессах создания социологии. ДФП – направление концентрации усилий при поиске всем социологическим сообществом ответов на социальные вызовы, запросы и решение новых проблем методологического и инструментального характера, возникших внутри науки. Условно, ответы на первую группу задач востребованы обществом, а удовлетворение второго типа требований ожидаемо самой наукой. Существующий в настоящее время набор ДФП представлен в табл. 1.

Поиск названий поколений и ДФП продолжается, хотя проблематично говорить об одном «имени», ведь мы имеем дело с очень сложными, многомерными и динамичными образованиями. Поколения имеют продолжительность в 12 лет, и младшие отличны от старших. Особенно это заметно в период, когда младшие входят в науку. В старших обнаруживается множество черт предыдущей генерации, в младших – следующей.

Аналогичны и ДФП. Эти функции определяются развитием социологии, в явном или стертом виде они наблюдаются в деятельности если не всех поколений, то, по крайней мере, соседних. Но доминантны они скорее всего для одного поколения. Новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности нового поколения. Поэтому они скорее обнаруживаются в интервью с социологами, представляющими младшие страты каждого поколения, нежели в беседах со старшими.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально, что два наших ключевых феномена – поколение и функция поколения – это субстанции, развивающиеся в разных временных пространствах. Поколение – профессионально-возрастной срез населения. Оно несет в себе следы времени рождения, социализации, существует во внешнем, общем для всех социальном времени. Функция поколения – производная от состояния науки, которая не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во внутреннем, внутринаучном времени. Таким образом, поколенческо-функциональный анализ истории советской/российской социологии двухтемпорален. Это изучение нашего прошлого, настоящего и будущего во внешнем и внутреннем временах.

Поколенческо-функциональный анализ становления и развития социологии на Урале. Теоретико-методологические и эмпирические проблемы ПП, представленные выше на материалах российской социологии в целом, получили специфическое преломление в изучении кейса поколений социологов Урала.

В исследовании поставленной проблемы методологическими подходами стали поколенческий, поколенческо-функциональный и пространственно-временной. Применение первого означало выявление поколений социологов в Уральском регионе на базе концепции и «лестницы поколений» Б. Докторова. На 12-летнем шаге выделено 7 поколений уральских социологов (табл. 2). Началом деятельности первых двух был рубеж 1950–1960-х гг. VII поколение, наряду с представителями III–VI, функционирует сегодня. Говорить о VIII и IX нет пока достаточных оснований. К настоящему времени первое и почти все второе поколения ушли из жизни (оставшиеся его представители уже не активны в профессии), оставив след в социологии исследованиями, публикациями и учениками. Последующие поколения обязаны им существованием и достижениями. Методологическое значение второго из подходов – поколенческо-функционального – состояло в определении функций, роли и значения каждого поколения социологов в истории и современном состоянии социологической теории и практики в Уральском регионе и в стране.

Основными методами эмпирического исследования были глубинные интервью, анализ биографий и изучение документов. Объектом исследования стали 160 уральских социологов – доктора и кандидаты наук. Выборка строилась на изучении опубликованных ими научных трудов, дающих представление об их вкладе в развитие социологии.

Глубинные интервью с уральскими социологами семи поколений (всего 23) проведены Б. Докторовым, включая три об ушедших из жизни социологах I и II поколений с их родственниками, коллегами. Интервью взяты у четырех социологов III поколения, четырех – IV, двух – V, семи – VI, трех – VII поколения. Об остальных 137 социологах сведения получены путем изучения их биографий и автобиографических данных справочников и энциклопедических изданий, СМИ и социальных сетей, а также выложенных на сайтах вузов и научных учреждений. I поколение представляли 4 социолога, II – 15, III – 32, IV – 34, V – 33, VI – 9, VII – 10 человек.

Пространственно-временной подход позволил реализовать трактовку второго рождения, становления и развития социологии на Урале. Этот процесс охватывает с точки зрения временной (хронологической) локализации два периода: с конца 1950-х до конца 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Первый мы рассматриваем как период второго рождения социологии и ее становления на Урале, второй – не завершен в настоящее время – как период ее развития [Зборовский, 2003: 839–866; Зборовский, Вишневский, 2008; Социология на Урале..., 2015; Зборовский, 2015: 242–257]. Каждый из периодов характеризуется показателями, о которых сказано ниже.

Пространственный анализ позволяет выделить два периода в становлении и развитии социологии на Урале. Они не полностью совпадают с хронологическими. Очевиден временной лаг – 1990-е годы, которые с позиций пространственного подхода должны быть отнесены к первому периоду (конец 1950-х – рубеж XX–XXI вв.). Второй период охватывает два десятилетия XXI в. и продолжается в настоящее время.

На чем основаны вводимые нами различия между временными и пространственными характеристиками периодов второго рождения, становления и развития социологии на Урале? Главный аргумент – изменение территориального состава Уральского региона в начале XXI в. До этого времени регион включал Свердловскую, Челябинскую, Пермскую и Курганскую области, Башкирскую и Удмуртскую автономные республики. В состав Уральского отделения Советской социологической ассоциации (до 1990-х гг.) входила Оренбургская область. Соответственно, мы рассматривали второе рождение и становление социологии на Урале применительно к названным территориям. В начале XXI в. с введением в России федеральных округов состав Уральского региона, названного Уральским федеральным округом, был преобразован. Сейчас он включает в себя Свердловскую, Челябинскую, Тюменскую, Курганскую области, Ханты-Мансийский (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа. Изменения наложили отпечаток на процессы развития в нем социологии. С одной стороны, место развитых в социологическом отношении Башкортостана и Удмуртии заняли два мало развитых в этом плане субъекта – ХМАО-Югра и ЯНАО. Но такие изменения, с другой стороны, способствовали значительному улучшению ситуации с социологией в автономных округах. Так, благодаря взаимодействию вузов ХМАО-Югры и Екатеринбурга и научному руководству профессоров из столицы Урала в округе появились доктора и кандидаты социологических наук, началась подготовка социологов по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, стали проводиться исследования по заказу органов власти. Ректором одного из вузов – Сургутского государственного педуниверситета – стал доктор социологических наук.

Еще одним результатом перемен в социальном пространстве социологии Уральского региона стало расширение де-факто (не де-юре) этого пространства за счет его переструктурирования. Появились новые связи, отношения и взаимодействия, во многом сохранились старые – благодаря стараниям представителей старших поколений социологов. Стало ясно, что традиционные, установленные многими десятилетиями и поколениями взаимодействия социологов Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Уфы, Ижевска невозможно в одночасье разрушить. Они в течение почти 50 лет поддерживались регулярной формой сотрудничества – Уральскими социологическими чтениями.

Есть основания утверждать, что с начала XXI в. социологическое пространство Урала расширилось. Возник Большой социологический Урал. Произошло это благодаря деятельности социологов старших поколений Уральского региона при поддержке представителей последующих за ними социологических когорт. Этот факт вместе с тем свидетельствует о методологической необходимости применения для анализа истории социологии на Урале новых подходов – поколенческого и поколенческо-функционального.

Принятым и традиционно используемым в характеристике социологии региона является подход, логика которого выстраивается по схеме: лидер (лидеры), создание центров (кафедр, лабораторий, секторов, отделов) развития социологии, проведение знаковых и значимых исследований, конференций, подготовка по их результатам сборников

материалов и статей, написание монографий, защиты кандидатских и докторских диссертаций, как идеальный вариант – создание собственных диссертационных советов, формирование научных школ. В регионе, научном и университетском центре схема таких показателей применялась для характеристики состояния и уровня развития социологии.

Однако при всей значимости указанного подхода ему недостает важного компонента, который позволил бы дать более целостное и емкое представление о втором рождении, становлении и развитии социологии в регионе. Это – поколенческий и поколенческо-функциональный подходы [Докторов, 2013: 135–143; 2020: 206–212], которые позволяют значительно усилить социологический хронотоп региона. В рассмотренной выше схеме отчетливо видна роль лидера (лидеров) в развитии социологической теории и практики. Коллективный характер процесса их становления и развития совсем не очевиден и не вытекает из них. Когда мы говорим о коллективности, имеем в виду не создание конкретного научного коллектива для проведения исследования, а наличие такой его разновидности, как поколение социологов. Мы ставим вопрос о возможности появления в регионе особого типа социологического коллектива – коллектива поколения. Видимо, целесообразно подчеркивать определенную условность этого понятия. Основу такого коллектива составляет некая общая социальная ментальность, свойственная определенному кругу ведущих социологов поколения. Именно такие коллективы определяют развитие социологической науки в регионах. Реально оно происходит через появление новых и последующую смену поколений и поколенческих коллективов исследователей, их взаимодействие. Каждое поколение имеет совокупность крупных исследователей, их доминантных идей, оказывающих влияние на развитие современной науки в регионах и в стране в целом. Пример самых известных социологов Урала первого поколения – Л.Н. Когана, Н.А. Аитова, З.И. Файнбурга – тому доказательство.

Предложенная «лестница поколений» и ее авторская интерпретация применительно к социологии в регионе требуют уточнения с учетом специфики состояния и развития в нем этой науки. В табл. 2 предлагаются следующие уточнения: меняются социохронологические названия поколений, вводится рубрика «Начало активной деятельности поколения», корректируются доминантные функции поколения. Такие изменения позволяют более предметно рассматривать специфику каждого поколения уральских социологов.

Дадим краткую характеристику каждого из поколений социологов в Уральском регионе. Первое и самое немногочисленное поколение включает в себя тех, кто находился у истоков социологии на Урале. Это были М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич. В этом ряду достойное место занимают Н.А. Аитов и З.И. Файнбург. Этому поколению принадлежит конституирование социологии на Урале в качестве самостоятельной науки и практики. Под их руководством создавались научные коллективы для проведения первых важных теоретических и эмпирических исследований, обобщения их результатов в коллективных монографиях. Одним из результатов периода второго рождения и становления социологии на Урале стала первая в стране крупная социологическая монография «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» под редакцией М.Т. Иовчука [Подъем..., 1961]. Ее рождению предшествовала Всесоюзная конференция по проблемам культурно-технического уровня советских рабочих в 1959 г. в Свердловске. Развивались теоретические и эмпирические исследования социальной структуры общества (1960-е гг.), культуры (1970-е гг.), образа жизни в различных его аспектах, социального планирования и управления (1980–1990-е гг.) и др.

Первое поколение подготовило почву быстрому включению в сферу освоения социологии более многочисленных второго и третьего поколений и создания первых научных школ. Большую роль в становлении социологии на Урале сыграло второе поколение представителей этой науки. Они обладали учеными степенями докторов и кандидатов наук, значительная часть – административным ресурсом руководителей кафедр и лабораторий. Это позволяло вовлекать в научную деятельность молодежь, ориентировать ее на написание диссертаций. Несмотря на то что институционализации социологии в

Таблица 2
Поколенческая стратификация социологического сообщества на Урале

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Начало активной деятельности	Социохронологическое название поколения	Доминантные функции
I	1923–1934	Конец 1950 – начало 1960-х гг.	«Основатели»	Конституирование на Урале социологии как науки и практики Создание первых социологических коллективов
II	1920-е гг. – 1934	1960-е гг.	«Организаторы»	Распространение социологиче- ских идей и практик на Урале Создание заводской социологии
III	1935–1946	Вторая половина 1960-х гг.	«Теоретики и практики»	Распространение заводской социологии на Урале Создание социологических школ и социологического образования на Урале
IV	1947–1958	Вторая половина 1970-х гг.	«Хранители традиций» (первая волна)	Развитие научных и образова- тельных традиций социоло- гии на Урале
V	1959–1970	Конец 1990-х гг.	«Хранители традиций» (вторая волна)	Расширение тематики отрас- левых социологических исследований
VI	1971–1982	Начало 2000-х гг.	«Модернизаторы»	Обновление и актуализация теоретических, методологических и методических традиций уральской социологии
VII	1983–1994	Начало 2010-х гг.	«Новые»	Вхождение в глобальное социо- логическое сообщество Переопределение места и роли уральской социологии

1960–1970-х гг. не произошло, выполнение диссертаций социологической направленности допускалось, в ряде диссертационных советов (пример – Уральский госуниверситет) поощрялось. По нашим подсчетам численность второго поколения социологов на Урале в этот период достигала нескольких десятков человек – достаточная количественно масса исследователей, чтобы способствовать росту интереса к социологии в регионе.

Результатом деятельности второго и отчасти третьего поколений стало появление и распространение на Урале заводской социологии – наиболее успешно в Свердловской, Челябинской, Пермской областях, Башкирской и Удмуртской автономных республиках. В Ижевске (столица Удмуртии) состоялись в 1976 г. первые Уральские социологические чтения, собравшие около 600 участников. Второе поколение социологов Урала создало плацдарм регулярного проведения эмпирических исследований и научных конференций, частью всесоюзных.

Первым по-настоящему массовым стало третье поколение социологов Урала – не менее сотни исследователей в областях и автономных республиках региона. Начальный период социологической активности этого поколения падает на 1960-е, основная деятельность пришлась на 1970-е и более поздние годы. С трудами третьего поколения мы связываем создание первых научных социологических школ, затем социологического образования на Урале в 1990-е гг.

Третье поколение много моложе по возрасту (10–15 лет) представителей первых двух поколений, включая в основном начинающих научную и педагогическую жизнь людей. Содержательно оно находилось под влиянием старших коллег, став основным с точки зрения массовости распространителем социологии в регионе.

Массовыми на Урале оказались IV и V поколения социологов. Пик их творчества пришелся на появление социологического образования как образования профессионального, с одной стороны, введение социологии как обязательной для всех вузов и образовательных программ дисциплины – с другой. Общее количество социологов на Урале в сферах научной и образовательной деятельности в период 1990–2000-х гг. превысило 500 человек. Студентов по специальности «социология» готовили вузы в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Тюмени, Уфе, Ижевске.

С начала 1990-х гг. выросла потребность в кадрах высшей квалификации – докторов и кандидатов социологических наук. Появились новые вузы, прежде всего негосударственные. Среди них львиную долю составляли вузы гуманитарной и социальной направленности, что активизировало интерес к социологии и социологам, привело к развитию научных и образовательных усилий социологов Урала, к расширению тематики социологических исследований, прежде всего отраслевых. Оба поколения – IV и V – в нашей классификации названы «хранителями традиций».

Однако вскоре начался откат от позитивных тенденций. «Оптимизация» и реструктуризация высшего образования, охватившие 2010-е гг., особенно их вторую половину, сказались негативно на VI поколении социологов региона, не говоря о VII. Перспективы этих поколений все более туманны. Массовые сокращения вузов, филиалов, факультетов, кафедр, их объединения, увеличение преподавательских нагрузок и снижение количества ставок приводят к вытеснению из вузов социологов старших поколений, включая кандидатов наук. Все это негативно сказывается на судьбе социологических поколений.

Между тем их наиболее квалифицированная часть обладает большим потенциалом: мы определили VI поколение как модернизаторов, считая их важнейшей функцией обновление и актуализацию теоретических, методологических и методических традиций уральской социологии. Однако благоприятных условий для ее реализации недостаточно.

Еще больше это касается представителей VII поколения, предназначенного волей научных тенденций к вхождению в глобальное социологическое сообщество. По нашему мнению, его судьбой с точки зрения развития науки должно стать переопределение места и роли уральской социологии. Но шансы на выполнение этой роли у поколения «новых» пока призрачны.

На этом фоне важна проблема вклада уральских исследователей в развитие теоретической социологии. Общую тенденцию можно определить как постепенное снижение потребности в ее развитии по мере перехода от первого и второго к последующим поколениям. Особенно заметно практически отсутствие интереса к теоретической социологии у VII поколения. Среди причин данного феномена вузовские образовательные программы по социологии, в которых сокращается удельный вес историко-социологической и теоретико-социологической составляющей, невысокие публикационные требования к ней со стороны издательств и изданий, акценты в профессиональной деятельности социолога исключительно на эмпирических исследованиях и их результатах, и др. В основе всего этого лежит, по нашему мнению, снижение общественной и государственной заинтересованности в развитии теоретической социологии в стране. «Ученому совету при Чингисхане» (как тут не вспомнить одну из ярких статей Б.А. Грушина) она не нужна. Отсутствие внимания молодых социологов к теоретической социологии – не только их вина, но и беда.

Вместо заключения. Появление VIII поколения (1995–2006 гг. рождения), его вступление в профессиональную жизнь социолога на уровне бакалавра падает на 2017–2018 гг., магистра – 2019–2020, окончание аспирантуры – 2023–2024. Это нижняя граница поколения, верхняя +11 лет. Еще дальше отстоит IX поколение – 2007–2008 гг. рождения; его активную деятельность отнесем на 2040-е гг.

Имеет смысл строить прогноз развития социологии применительно лишь к VIII поколению – в связи с неясностью политического развития страны, изменениями вследствие этого отношения к социологии как науке и практике. Представляется, социологический бум в стране в 1990-е гг., общественный интерес и внимание к нашей науке, которые по инерции продолжались в первое десятилетие XXI в., во втором десятилетии поменяли вектор с позитивного на нейтральный, а затем негативный, – выше об этом говорилось. В этих условиях «старые» и новые социологические поколения не проявляют особой активности. Среди социологической молодежи усиливаются миграционные настроения. Отдельные ее представители заявляют о себе, но неуверенно. Ситуация с местами занятости для обладателей дипломов о высшем социологическом образовании очень напряженная, не способствует привлечению абитуриентов с высокими баллами ЕГЭ к профессии социолога.

По всей видимости, социологию, ее настоящие и будущие поколения ждут непростые времена. Необходимо искать пути адаптации к ним. Как нам представляется, возникает задача переопределения предмета науки, ее целей и задач, поиска новых возможностей и методов социологических и междисциплинарных (на стыке с социологией) исследований, ухода от узкой и малоактуальной проблематики, активного использования социальных сетей. Какая-то часть науки (и ее активных представителей молодых и средних поколений), видимо, может получить шанс в рамках публичной социологии, в социальной активности, борьбе за утверждение норм реального гражданского общества. Поиск вариантов деятельности – непосредственно социологической и сопряженной с ней – важная задача профессиональной самореализации социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами / Ред. электр. изд. Е.И. Григорьева. М., 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (дата обращения: 23.06.2021).

Докторов Б.3. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. М.: ЦСПиМ, 2016. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/titul.htm (дата обращения: 23.06.2021).

Докторов Б.3. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: ЕУ в СПб., 2013.

Докторов Б.З. Я живу в двуедином пространстве... М.: ЦСПиМ, 2020.

Зборовский Г.Е. История социологии: классический и современный этапы. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2003.

Зборовский Г.Е. История социологии: современный этап. Сургут; Екатеринбург: РИО СурГПУ, 2015. Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 69–74.

Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М.: Госполитиздат, 1961.

Социологи России: История социологии в лицах. Библиографический справочник / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. *Г.Е. Зборовского*. Екатеринбург: УрФУ, 2015.

Статья поступила: 28.06.21. Принята к публикации: 25.08.21.

GENERATIONAL APPROACH TO MODERN RUSSIAN SOCIOLOGY AS A THEORETICAL PROBLEM: ALL-RUSSIAN AND REGIONAL ASPECTS

DOKTOROV B.Z.*, ZBOROVSKY G.E.**

*Independent Researcher; **Ural Federal University, Russia

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Independent Researcher (bdoktorov@inbox.ru); Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (garoldzborovsky@gmail.com).

Abstract. The article is devoted to the consideration of the generational approach to the history of modern Russian sociology as a theoretical problem in the context of the unity and differences of the all-Russian and regional aspects. Generational problems are analyzed as one of the most important in theoretical sociology, but they have not yet received sufficient coverage and are largely considered debatable. The purpose of the article is to analyze the generations of sociologists through the prism of generational, generational-functional, spatial-temporal approaches based on the use of the biographical and documental methods. The logic of the research process, which led to the interpretation of the generation of sociologists proposed in the article, is considered. The definition of this concept is given. The time limits of the generation are set. A brief description of seven generations in post-war Soviet/Russian sociology is given, an attempt is made to consider their further history in the all-Russian and regional contexts. Special attention is paid to the dominant function of generation as its central characteristic. The leitmotif of the article is the idea that the history of Russian sociology is the history of sociologists integrated into generations. Hence the approach to the history of our science as a process of changing generations of sociologists, the interaction of several simultaneously acting generations, the use of theoretical and empirical baggage accumulated by each of them.

Keywords: Russian sociology, generation of sociologists, generational approach, spatial-temporal approach, sociology in the region, dominant function of generation.

REFERENCES

- Doktorov B.Z. (2011–2020) *Biographical Interviews with Colleagues-Sociologists*. Ed. electr. by E.I. Grigorieva. Moscow. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (accessed 23.06.2021). (In Russ.)
- Doktorov B.Z. (2013) Modern Russian Sociology: History in Biographies and Biographies in History. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Doktorov B.Z. (2016) Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches: in 9 vol. Moscow: TsSPiM. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/titul.htm (accessed 23.06.2021). (In Russ.)
- Doktorov B.Z. (2020) I Live in a Two-Dimensional Space... Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- The Rise of the Cultural and Technical Level of the Working Class in the USSR. (1961) Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2014) Sociologists of Russia: The History of Sociology in Persons. Bibliographic Reference Book. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2003) *History of Sociology: Classical and Modern Stages.* Yekaterinburg: Gumanitarniy un-t. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (ed.) (2015) Sociology in the Urals: The Second Birth and the Path to the 21st Century. (2015) Yekaterinburg: UrFU. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2015) *The History of Sociology: The Modern Stage*. Surgut; Yekaterinburg: RIO SurGPU. (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Vishnevsky Yu.R. (2008) Sociology in the Ural Region: Specifics, Achievements, and Problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 69–74. (In Russ.)

Received: 28.06.21. Accepted: 25.08.21.

М.А. САФОНОВА, М.М. СОКОЛОВ

СТРУКТУРА ПОЛЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ – 2020

САФОНОВА Мария Андреевна – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (msafonova@hse.ru); СОКОЛОВ Михаил Михайлович – кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (msokolov@eu.spb.ru). Оба – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В ходе исследования 2009–2010 гг., выполненного с участием авторов, было установлено, что популяция социологов в Санкт-Петербурге поделена на изолированные миры. Главным дифференцирующим их признаком была ориентация на национальные и глобальные аудитории или на стандарты локальной и глобальной науки. В исследовании 2019–2020 гг., основанном на онлайн-опросе 1035 социологов по общенациональной выборке, мы хотели выяснить: сохранилась ли эта дифференциация и прослеживается ли она на общероссийском уровне. Ответ на оба вопроса оказался положительным. Мы исследовали структуру кругов почитателей самых известных фигур в российской социологии (на основе номинаций для получения премий, в жюри национальных конкурсов), а также конфигурации «пространства внимания» (на основании прямых вопросов об осведомленности о работе коллег). Деление на «глобалистов» и «локалистов» и «информационные пузыри» продолжают существовать, их границы не являются продолжением границ тематических областей или теоретико-методологических лагерей. Возраст оказывает самостоятельное влияние на пространства внимания, но не на структуру авторитетов. Высказываются предположения об истоках устойчивости «локалистского» и «глобалистского» раскола.

Ключевые слова: социология науки • социология социологии • «информационные пузыри» • репутационные опросы • социология в России

DOI: 10.31857/S013216250015488-9

Поле российской социологии

Постановка исследовательских вопросов. В ряде публикаций, включая работы с участием авторов, утверждалось, что основной разграничительной линией, структурирующей ландшафт российской социологии, выступает граница между учеными и организациями, ориентированными на стандарты «глобальной» (преимущественно англоязычной) науки и сторонниками «национальной» социологии [Сафонова, 2012; Sokolov, 2019]. Ранее мы полагали, что эти две части социологической популяции во многих отношениях представляют собой изолированные миры со своей системой авторитетов, организационной базой и источниками финансирования. Они проявляли свойства того, что сегодня часто называют «информационными пузырями» (bubbles)¹. Данные, на которых основывалось

Исследование проведено Центром институционального анализа науки и образования ЕУСПб совместно с компанией eLibrary.ru и поддержано грантом PHФ № 21-18-00519. Авторы благодарят В.А. Глухова за организационную поддержку реализации проекта, П. и Ю. Степанцовых (компания «Synopsis») за помощь с дизайном и программированием анкеты, А.О. Цивинскую и Е.А. Чечик за содействие в работе с данными, Н.А. Соколову за работу с сетями тематических интересов.

¹Состояние интеллектуальной изоляции, в которую человек невольно попадает, работая с информацией в соцсетях и с поисковиками в Интернете, алгоритмы которых выводят нас на страницы людей и изданий, чьи взгляды созвучны нашим собственным. Новейшие технологии в этом случае многократно усиливают естественную человеческую склонность прислушиваться прежде всего к мнениям, подтверждающим наши предубеждения.

это предположение, были собраны более десяти лет назад только по Санкт-Петербургу. Изменилась ли ситуация за прошедшее десятилетие, в течение которого частично сменились поколения, Министерством образования предпринимались значительные усилия в направлении интернационализации отечественной науки, а западные фонды, гранты которых ранее служили своего рода экономической поддержкой «глобалистского» лагеря, в основном прекратили свою активность в России? Стала ли российская социология менее поляризованной – во всяком случае, по признаку отношения к мировой науке? Мы воспользовались данными исследования, проведенного нами совместно с компанией eLibrary в надежде найти ответ на этот вопрос. Подробное описание процедур исследования приводится в предыдущей статье [Соколов, 2021], здесь мы ограничимся указанием на то, что данные были собраны в 2020 г. в ходе онлайн-опроса 1035 публикующихся социологов.

Теории академического признания. Почему ученые обращают внимание на работы одних коллег и признают их достижения, но игнорируют работы других? Возможны по крайней мере пять не исключающих друг друга ответов на этот вопрос. Во-первых, предпочтения могут быть связаны с релевантностью работ. Ученые внимательнее следят за работами коллег, специализирующихся в той же области, что и они. Во-вторых, работы ученых могут иметь разное качество. Те, кто уже опубликовали важные результаты, получают своего рода кредит интереса [Latour, Woolgar, 1979]. Коллеги следят за ними с большим вниманием, чем за работами тех, кто таких результатов еще не произвели. В-третьих, в социальных науках ученые различаются по теоретико-методологическим ориентациям: позитивизму и антипозитивизму, предпочтению качественных или количественных методов, более или менее критическому взгляду на современное общество. Они считают работы своих единомышленников более релевантными, чем труды оппонентов. В-четвертых, основанием для того, чтобы держать кого-то в поле зрения, может быть академическая власть. Поскольку публичное признание, например в форме цитирования, показывает, что цитирующий признает за цитируемой работой важность и ценность, цитирование становится социальным благом, которое академические «боссы» могут стараться обеспечить для себя. «Боссы» в случае невнимания коллег к их работам могут приводить в действие механизмы давления. Например, редакторы научных журналов могут предпочитать статьи тех авторов, которые цитируют работы редакторов и их «боссов» (или, во всяком случае, авторы статей могут надеяться, что такие цитирования поднимут их шансы на публикацию). Наделенные властью члены ученого сообщества могут также требовать от других признания работ тех, кого признают они, – потому что искренне считают те работы важными, или потому, что цитирование данных работ другими подтверждает корректность их оценок и, соответственно, здравость их профессионального суждения. В-пятых, в научных сообществах индивиды могут образовывать клики или партии, обмениваться признанием между собой и совместно бойкотировать аутсайдеров, которые им в признании отказывают [Соколов, 2021]. Поколение часто упоминается как один из факторов в формировании кругов взаимного признания или игнорирования [Gans, 1992]. На практике все эти основания для признания или непризнания обычно переплетены друг с другом.

В постсоветской социологии, как и в социологии многих неанглоязычных стран [Beigel et al., 2018], основным структурирующим признаком будет оппозиция, противопоставляющая тех, кто приписывает большую важность и ценность участию в национальной или, наоборот, в мировой науке. По результатам нашего исследования 2009–2010 гг. сторонники ориентации на национальную науку преобладали среди университетских преподавателей (исключая специфический случай ВШЭ) и старших поколений, сторонники глобальной науки – среди младших когорт и тех, кто в наибольшей степени вовлечен в грантовую экономику. Последние в тот момент декларировали свою приверженность качественной методологии (которой они волей-неволей вынуждены были придерживаться в силу ограниченности ресурсов для проведения исследований). Глобализм и локализм были также связаны с общеполитическим либерализмом и консерватизмом [Sokolov, 2019].

Данные и методы

Зависимые переменные: членство в аудиториях и кругах почитателей. В 2020 г. структура социологической популяции выявлялась нами через признаваемые ее членами авторитеты. При такой точке зрения ключевой характеристикой позиции ученого является набор фигур, которых он/она считает значимыми и держит в поле своего профессионального зрения. Подобную структуру можно описать несколькими способами в зависимости от того, на какую интенсивность признания мы ориентируемся. На одном из двух полюсов здесь будет простая осведомленность о работе других, что Р. Коллинз назвал «пространствами внимания» [Collins, 1989]. Пространство внимания характеризует то, какие фигуры находятся в поле профессионального зрения индивидов – за чьими работами они следят (или хотя бы знают об их существовании). Тех, в чьем пространстве внимания находятся данные фигуры, мы можем назвать их аудиториями. На противоположном полюсе находятся группы их преданных почитателей, не просто знающих о них и их работах, но считающие эти работы исключительно важными и ценными.

В этом исследовании мы пробовали описать как аудитории, так и круги почитателей, существующие в российской социологии. Для описания кругов почитателей использовались открытые вопросы, задававшиеся в одной из четырех формулировок: 1) «Кого из ныне здравствующих коллег вы бы номинировали для получения почетной медали за важный вклад в развитие социологии в России»; 2) «Кто из российских социологов за последние годы опубликовал исследования, оказавшиеся полезными в лично вашей исследовательской работе»; 3) «Кого из российских социологов вы предложили бы включить в общенациональное жюри экспертов, оценивающих работу коллег (например, в экспертный совет ВАК, в жюри конкурса, распределяющего исследовательское финансирование)» и 4) «Кто опубликовал за последние годы исследования, показавшиеся вам особенно важными и интересными (не обязательно в области вашей специализации)».

Как было показано ранее [Соколов, 2021], несмотря на изначальное стремление зафиксировать разные стороны научной репутации, мы получили практически идентичные списки фамилий и для целей нынешнего анализа объединили эти списки вместе. На этом основании мы реконструировали бимодальную сеть выборов, в которой одним типом узлов были называющие, а другим – называемые индивиды. Затем разделили эту сеть на модули. В сетевом анализе модулями называют субграфы, вершины которых с большей вероятностью связаны друг с другом, чем с вершинами за пределами данного субграфа. Среди множества алгоритмов, которые могут разделить исследуемые сети на непересекающиеся субграфы, очень популярными являются алгоритмы, ориентированные на максимизацию модулярности. Модулярность характеризует то, насколько в наблюдаемой сети по сравнению с «нулевой» моделью (где сохранена валентность вершин, но связи разбросаны случайным образом) связи формируются внутри модулей, а не между модулями. Значения выше 0,3 свидетельствуют, что сеть может быть охарактеризована как модульная структура. Для идентификации модулей и получения модулярности мы использовали Лувенский алгоритм (Louvain algorithm [Blondel et al., 2008]). Он предлагал сортировки и для номинирующих, и для номинируемых, позволяя идентифицировать группы талантов, которые имеют пересекающиеся группы поклонников и группы поклонников, выбирающих одни и те же таланты. Мы удалили из сети изолятов (тех респондентов, которые не назвали ни одной фамилии или называли только тех, кого не называл никто другой, – таких оказалось 252). Оставшиеся распались на 16 модулей, лишь 9 из которых включали в себя более 10 индивидов. Модулярность для нашей сети составила 0,451.

Для изучения **пространств внимания** было бы идеально предоставить респондентам полные списки российских социологов и попросить указать тех, о чьей работе они имеют хотя бы какое-то представление. Однако по понятным причинам просить разметить списки в несколько тысяч имен было невозможно. Мы ограничились тем, что во время второй волны опроса половину респондентов опросили о знакомстве со списком из 20 фигур, которые, как

мы знали из ответов на вопросы первой волны, имеют слабо пересекающиеся группы почитателей. Затем мы превратили ответы в бинарные (знаком – не знаком с его/ее работами).

Чтобы проанализировать **общенаучные и методологические ориентации респондентов**, мы задали им серию вопросов, формулировки которых приведены в табл. 1. Мы выделили дихотомии, которые часто считаются основаниями для формирования профессиональных общностей:

- 1. Позитивизм vs антипозитивизм возможно, самая универсальная методологическая оппозиция, противопоставляющая тех, кто признает естественные науки ролевой моделью для социологии, тем, кто отвергает их и ориентируется на качественные, понимающие методы.
- 2. Активистская и критическая функция социологии vs «созерцательная» ориентация на свободное от ценностей познание. Активистская позиция предполагает, что социология должна быть обращена на решение социальных проблем прежде всего, проблем социального неравенства и дискриминации и выступать от имени дискриминируемых групп. Созерцательная ориентация предполагает, что задача социологии понимается как познание фундаментальной природы социальной организации вне зависимости от пользы, которое это познание может принести в краткосрочной перспективе.
- 3. Глобалистская vs локалистская ориентация на интеграцию в мировую (англоязычную) дискуссию или на локальные аудитории [Beigel et al., 2018; Sokolov, 2019].

Таблица 1

Ориентации и предпочтения российских социологов (общее число и % от числа ответивших по строкам)

Варианты суждений, предложенные для выбора ориентаций	N	Совер- шенно не согласен	Скорее не согласен	Не опре- делился	Скорее согласен	Совершенно согласен
	Позит	ивизм – ант	ипозитивизг	1		
Социология должна стремиться стать такой же естественной наукой, как физика или химия	786	38,9	25,4	12,6	11,8	11,2
В споре сторонников качественных и количественных методов я скорее на стороне сторонников качественной методологии*	788	13,2	20,3	26,5	23,5	16,5
Ангаж	ирова	нность – не	ангажирова	нность		
Российским социологам следует стремиться к тому, чтобы число женщин среди лидеров дисциплины росло**	786	23,4	21,5	28,1	16,4	10,6
Социологи не должны смешивать науку и политику; в своей роли исследователя им следует стре- миться быть объективными и беспристрастными	789	3,2	6,5	7,7	19,4	63,2
Основной целью социологии должно быть противостоя- ние всем формам социального угнетения	784	15,7	20,2	19,3	24,4	20,5
В социологии научное познание, свободное от ценностей, – ложный идеал, к которому не надо стремиться	778	16,7	22,1	24,3	20,1	16,8

					Око	нчание табл. 1
Варианты суждений, предложенные для выбора ориентаций	N	Совер- шенно не согласен	Скорее не согласен	Не опре- делился	Скорее согласен	Совершенно согласен
В своих исследованиях социо- логам надо сегодня больше думать об описании фундамен- тальных принципов устройства общества, а не о решении его конкретных проблем	787	26,3	37,5	17,4	12,7	6,1
Социологам следует руководствоваться в своей работе прежде всего тем, могут ли их исследования способствовать решению реальных социальных проблем, таких как бедность или преступность	792	8,2	17,6	16,5	33,8	23,9
Проводя исследования, социологи должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства	792	15,9	19,9	17,0	23,9	23,2
	Лс	окализм – гл	обализм			
Российским социологам следует стремиться к сохранению и развитию национальной социо- логической традиции	790	9,7	12,4	12,3	27,7	37,8
Российская социология отстала от западной на десятилетия, и мы должны сейчас учиться у западных коллег	787	19,4	28,2	16,5	24,1	11,7
Существование особой россий- ской теории общества так же мало оправдано, как существо- вание особой российской физики или медицины	785	12,9	19,9	16,4	23,4	27,4
Средний методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него	786	16,4	27,0	21,1	22,6	12,8
Западные теории многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями	788	6,9	15,4	15,0	33,2	29,6

Примечания. *Вопрос вызывает нарекание в том смысле, что несогласие может означать как веру в преимущества количественных методов, так и отказ выбирать между методологиями. Тем не менее мы дали его в такой форме, чтобы он вписывался в формат других вопросов. **Вопрос измерял степень восприимчивости к повестке social justice, которая сейчас играет значительную роль в дисциплинарной жизни американской социологии [Horowitz et al., 2018]. Несколько респондентов сочли необходимым специально отметить в форме обратной связи, что для России она неактуальна.

В целях экономии места результаты факторного анализа не приводится (но доступны по требованию). Они показывают, однако, что ответы индивидов на вторую и третью группы вопросов действительно могут быть агрегированы в две шкалы – активизм/созерцательность и локализм/глобализм. Исключением можно считать то, что вопрос по поводу служения социологии интересам страны и государства воспринимается, видимо, как выражение локализма, а не ангажированности.

Области специализации. Чтобы проверить, в какой мере структура авторитетов и распределение внимания производны от тематических специализаций, мы нуждались в списке социологических областей, с которыми можно было бы соотнести каждого респондента. Здесь перед нами возникла известная проблема: с одной стороны, чтобы статистический анализ был возможным, таких областей должно было быть немного. С другой – никакой признанной группировки социологических специализаций не существует. Чтобы обойти затруднение, мы попробовали создать собственную эмпирическую группировку: попросили респондентов в ходе опроса выбрать свои области интересов из списка (98 пунктов²) и затем построили на основании полученных ответов унимодальную сеть, в которой все связи между двумя темами соответствовали числу людей, которые выбрали их одновременно. Так мы смогли разделить темы на восемь широких тематических групп. Модулярность полученной сети при 8-модульном решении составила 0,31, что соответствует выраженной, хотя и не слишком значительной, модульной структуре. Сами модули с пятью самыми популярными областями специализации перечислены в табл. 2. Указаны доли респондентов, интересующихся хотя бы одной из областей, принадлежащих к каждому модулю. Поскольку можно было указать темы, относящиеся к нескольким областям, доли не суммируются в 100%.

Таблица 2 Тематические области с предпочитаемыми сферами интереса социологов $(N=827, \ B\ \%\$ от числа опрошенных)

Тематические области социологии	Доля интересующихся	Крупнейшие сферы интереса с абсолютными числами заинтересованных в скобках
Теория и история	25,9	Социологическая теория (66), история социологии (35), прикладная социология (34), социология науки (24), преподавание социологии (22)
Неравенство и стратификация	24,5	Социальная структура (54), социальное неравенство (45), социология здоровья и здравоохранения (27), социальное развитие (25), социальная стратификация (24)
Культура и этничность	34,0	Этничность, этнические конфликты (63), мигра- ция (57), культура, культурная политика, куль- турное потребление (53), религия (43), ценно- сти, ценностные ориентации (36)
Гендер, семья и социальная политика	21,3	Социология семьи (68), гендер, гендерные исследования (47), социальная политика (35), демография (21), дети, детство (15)
Политика, СМИ и Интернет	31,3	Политическая социология (68), средства массовой коммуникации (56), информационное общество, цифровизация (41), гражданское общество (37), Интернет (22)
Микросоциология и повседневность	16,0	Социология города (55), культурсоциология (40), повседневность (26), визуальная социология (19), социология пространства (14)

²Список скомпилирован из нескольких источников: 1) наиболее популярные ключевые слова в eLibrary.ru; 2) список секций Всероссийских социологических конгрессов; 3) список секций и тематических групп Международной и Европейской социологической ассоциации. В анкете были оставлены свободные поля, в которых респонденты могли указать интересующие их области, отсутствующие в списке; однако их частотность была ожидаемо низкой.

Окончание табл. 2

Тематические области социологии	Доля интересующихся	Крупнейшие сферы интереса с абсолютными числами заинтересованных в скобках
Отраслевая социология	48,0	Социология образования (141), социология молодежи (139), социология управления (125), экономическая социология (64), труд, трудовые отношения (61)
Методология и методы	13,4	Методология и методы (61), качественные методы (37), количественные методы (30), опросы, опросные методы (22), математические методы (8)

Наконец, мы задали вопрос о **возрасте респондентов**, использовав 10-летние интервалы (младше 30, 30 –40, 41–50, 51–60, 61–70, старше 70).

Круги почитателей в российской социологии. В табл. З представлены некоторые характеристики модулей, на которые алгоритм разделил нашу сеть номинаций. Для каждого модуля приводятся фамилии индивидов, которые в нем номинировались чаще всего, общее число респондентов, которые к модулю были отнесены, а также значимые различия между этим модулем и остальными в разрезах географической локализации (указаны организации, в которых непропорционально часто работают члены данного кружка почитателей) и тематических предпочтений (указаны доли интересующихся данной проблематикой среди выделенных групп почитателей, значимо отличающиеся от средних значений).

Таблица 3
Авторитеты, численность и географический и тематический профиль важнейших кругов почитателей

Номинанты	N	Локализация	Тематика
1) Тощенко Ж.Т., Горшков М.К., Дробижева Л.М., Зубок Ю.А., Зборовский Г.Е.	357		
2) Островская Е.А., Смирнов М.Ю., Мчедлова Е.М., Осинский И.И., Бадмацыренов Т.Б.	26	Бурятский государст- венный университет (4), Институт монголо- ведения СО РАН (3)	Культура и идентичность (88%)
3) Антонов А.И., Бабинцев В.П., Козлов В.П., Осипов Г.В., Зарубина Н.Н.	56		
4) Буданова М.А., Шарков Ф.И., Юдина Е.Ю., Рычихина Э.Н.	12	МПГУ (4)	Политика, СМИ и Интернет (90%)
5) Юдина Т.Н., Максимова О.А., Уржа О.А., Танатова Д.К., Бляхер Л.Е.	23	РГСУ (5)	
6) Григорьева И.А., Мерсиянова И.В., Резаев А.В., Синютин М.В., Никольская И.Г.	41	СПбГУ (11)	Теория и история (8,1%, отрицательно)
7) Силласте Г.Г., Ростовская Т.К., Тюриков А.Г., Певная М.В., Наберушкина Э.К.	20	УрФУ (4)	Гендер, семья и социаль- ная политика (55,6%)
8) Радаев В.В., Вахштайн В.С., Филип- пов А.Ф., Девятко И.Ф., Гофман А.Б.	205		Микросоциология и повседневность (24,9%), теория и история (35,3%)
9) Дулина Н.В., Зарубин В.Г., Калугина Т.А., Лушников Д.А., Попков Ю.В.	20		

Качественные методы

Только три из девяти модулей имеют ярко выраженный тематический профиль. Таковы модуль № 2 (этничность и религия, преимущественно буддизм), № 4 (политические коммуникации) и № 7 (гендер и семья). № 8 дает значимые показатели по микросоциологии и теории, однако отличие от средних значений не критично. Кроме этого, в пяти из девяти модулей просматривается пространственная привязка к одной из крупных организаций – непропорционально большая часть тех, кто к этому модулю принадлежит, связаны с какой-то институцией (тут надо отметить, что приведенные данные скорее недооценивают интенсивность связей – в наших данных была указана всего одна организация для каждого индивида, хотя фактически некоторые работали в двух или трех сразу; кто-то мог быть связан с указанными организациями в прошлом и т.д.). Лишь в двух случаях – № 2 и № 7 – имеется и географическая, и тематическая привязка. При этом для трех модулей (№ 1, № 8 и № 9) не нашлось ни тематической, ни географической привязки. К данным трем относятся два модуля – № 1 и № 8 – к которым, в совокупности, алгоритм отнес почти три четверти опрошенных (73,4%). В этом смысле мы можем сказать, что, хотя в российской социологии есть школы, объединенные каким-то общим направлением исследований, а также локальные школы, доминирующие группы построены по какому-то иному признаку.

Что это за признак? В табл. 4 мы сравниваем характеристики групп респондентов, отнесенных алгоритмом к каждому из двух основных модулей. В первой части таблицы приводятся данные об интересах – как и ожидалось на основании предыдущего анализа, хотя различия и есть (скажем, в модуле № 8 примерно на 10% больше интересующихся теорией и историей, а также микросоциологией и повседневностью), они не слишком масштабны.

Во второй части таблицы числа представителей модулей, согласных и скорее согласных с данным суждением, сравниваются с числами несогласных и скорее не согласных (полные формулировки даны выше в табл. 2, здесь они расположены в том порядке, в котором приводились в опроснике). Контрасты между модулями становятся значительно более выраженными: так, скажем, с мнением, что методический уровень статей в западных журналах выше, согласно 30% приписанных алгоритмом к модулю № 1, а не согласно – 47%. Напротив, в модуле № 8 с этим утверждением согласны 51%, а не согласны 30% (отношение шансов 2,7). Все высокозначимые контрасты, однако, касаются лишь одного измерения – локализма и глобализма. Вопросы в отношении различий в теоретико-методологических ориентациях и представлений о роли, которую должны играть социологи, не приносят существенных различий, за исключением мнения, что социологам надо сосредоточиться на решении «реальных проблем», которое более популярно в модуле № 1.

Таблица 4 Характеристики крупнейших групп почитателей

Независимая переменная	Модуль 1 (в %)	Модуль 8 (в %)	Значимость	
Тематические области (доля указавших)				
Теория и история	25,6	35,3	0,020	
Неравенство и стратификация	25,9	24,9	0,447	
Культура и идентичность	37,7	30,6	0,071	
Гендер, семья и социальная политика	20,1	21,4	0,414	
Политика, СМИ и Интернет	36,4	29,5	0,073	
Микросоциология и повседневность	13,1	24,9	0,001	
Отраслевая социология	49,8	47,4	0,636	
Методология и методы	14,1	17,9	0,294	
Академические идеологии (отношение долей согласных и скорее согласных/не согласных				
и скорее	не согласных)			
Национальная социологическая традиция	70,2/19,8	52,6/34,8	0,000	

39,1/36,1

39,8/33,6

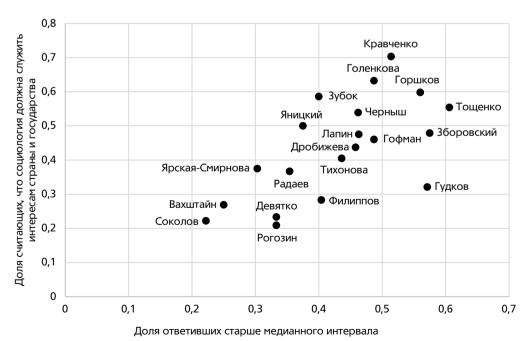
0,451

^	_	- 4
Окончание	тарп	4

Независимая переменная	Модуль 1 (в %)	Модуль 8 (в %)	3начимость
Женщины – лидеры дисциплины	24,5/45,8	25,6/48,2	0,969
Учиться у западных коллег	32,2/51,9	44,7/36,1	0,000
Наука как физика и химия	23,3/65,6	19,3/69,9	0,106
Западные теории многого не объясняют	62,8/21,8	56,1/26,2	0,021
Не смешивать науку и политику	84,6/8,3	77,9/13,8	0,171
Противостоять всем формам угнетения	45,9/36,3	40,7/40,2	0,269
Особая российская физика	47,1/36,9	60,6/24,3	0,001
Свобода от ценности – ложный идеал	36,9/38,2	33,2/43,9	0,111
Думать о фундаментальных принципах	16/68,7	20,5/59	0,120
Методический уровень статей на Западе выше	30/47,2	50,6/29,6	0,000
Способствовать решению реальных проблем	69,2/25,9	44,6/34,4	0,001
Интересы страны и государства	23,7/48,3	43,2/38,4	0,003
Возраст (соотношение групп младше и старше медианного интервала (40–50)	47/25,4	40,9/35,1	0,010

Наконец, мы наблюдаем значимые на уровне 0,01 возрастные различия – среди попавших в модуль № 8 мы находим 25% тех, кто старше медианного интервала (40–50 лет), а среди тех, кто относится к модулю № 1, их уже 35%.

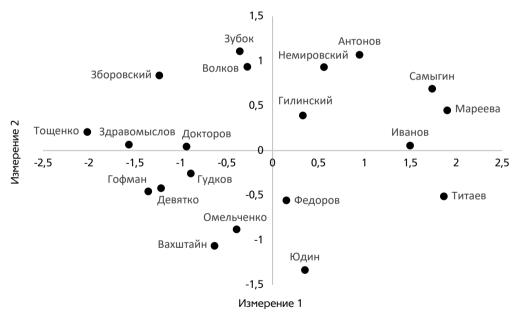
Более того, если мы рассмотрим не агрегированные уровни модулей, а круги почитателей отдельных фигур, то столкнемся и с еще более выраженными контрастными. Рис. 1 в качестве примера отображает доли индивидов старше медианного интервала (по оси X), согласных и скорее согласных с утверждением о том, что социологи должны служить интересам своей страны и своего государства (по оси Y), в группах почитателей 20 чаще всего упоминаемых фигур (см.: [Соколов, 2021]).

Рис. 1. Доли групп почитателей 20 наиболее упоминаемых социологов старше медианного возрастного интервала (ось X) и согласных с утверждением о том, что социология должна служить интересам своей страны и своего государства (ось Y)

Мы наблюдаем тут значительную корреляцию (Ро Спирмена = 0,673). Кроме того, среди групп почитателей мы находим более высокий уровень разброса в оценках, нежели когда мы имеем дело с модулями. Так, доля согласных с тем, что социология должна служить интересам страны и государства, варьируется от 22,2% (Д.М. Рогозин) до 70,3% (С.А. Кравченко). В этом смысле группы поддержки, стоящие за репутацией отдельных ученых, в значительной мере отличаются по своим идеологическим (и поколенческим) профилям. Воздействует ли возраст на предпочтения напрямую, как если, по Шюцу, каждый предпочитает тех, с кем «старел вместе», или его влияние опосредовано распространением академических идеологий? Мы построили логистическую регрессионную модель, где попадание в один из двух крупнейших модулей было зависимой переменной, и установили, что при контроле по локализму-глобализму влияние возраста незначимо. Основным фактором, непосредственно дифференцирующим крупнейшие группы поклонников социологических талантов, остается та же локалистская или глобалистская ориентация.

Организация пространств внимания. Структурирует ли та же оппозиция между локализмом и глобализмом «пространства внимания» [Collins, 1989] российской социологии, выявляемые по более мягкому критерию – не по тому, чьей работе приписывается наивысшая ценность, а по тому, о чьей работе вообще знают? Чтобы понять это, мы провели многомерное шкалирование ответов на вопрос об осведомленности о работе 20 российских социологов, которые, как мы установили на предыдущем этапе, имели слабо пересекающиеся круги почитателей. Результат шкалирования (ALSCAL, двумерное решение, стресс = 0,13) представлен на рис. 2.

Рис. 2. Многомерное шкалирование ответов на вопрос об осведомленности о работах российских социологов (N = 345)

Двумерное решение выделило измерения, первое из которых соответствует известности соответствующих персон. На одном полюсе находится Ж.Т. Тощенко, на другом – несколько менее известных социологов, часто младших его по возрасту. Второе измерение не поддается такой простой интерпретации, и нас интересовало именно оно. Что объясняет тяготение к одному из полюсов – верхнему или нижнему – в данном случае? Основные результаты представлены в табл. 5. Мы использовали две метрики,

связывающие положения на вертикальной оси³ с различными атрибутами индивидов. Во-первых, для ранговых переменных (идеологические аттитюды и возраст) мы вычисляли корреляцию Спирмена и соответствующий уровень значимости. Во-вторых, для категориальных переменных (все те же и области интересов) мы вычисляли размер эффекта для полярных категорий (effect size). Размер эффекта позволяет оценить силу воздействия независимой переменной на зависимую для категориальных переменных и измеряется в стандартных отклонениях. Эффект менее 0,2 может считаться слабым, от 0,2 до 0,5 – ощутимым, от 0,5 до 0,8 – хорошо заметным, свыше 0,8 – сильным. Из-за не очень высоких размеров выборки слабые и ощутимые эффекты в основном оценивались как статистически незначимые. Для ранговых шкал мы рассчитывали силу эффекта для полярных категорий (т.е., например, для тех, кто высказал твердую уверенность, что российским социологам надо заботиться о национальной социологической традиции, и тех, кто высказал твердую уверенность, что этого делать не следует)⁴.

Таблица 5 Детерминанты положения в пространстве внимания

Независимая переменная	Корреляция Спирмена	Сила эффекта
Теория и история		0,25
Неравенство и стратификация		0,11
Культура и идентичность		0,12
Гендер, семья и социальная политика		-0,16
Политика, СМИ и Интернет		0,04
Микросоциология и повседневность		0,35*
Отраслевая социология		-0,06
Методология и методы		0,25
Национальная социологическая традиция	0,359**	-1,26***
Качественные методы	-0,02	-0,01
Женщины – лидеры дисциплины	-0,09	0,45
Учиться у западных коллег	-0,148**	0,62**
Наука как физика и химия	0,09	-0,29
Западные теории многого не объясняют	0,158**	-0,70**
Не смешивать науку и политику	0,132*	-0,19
Противостоять всем формам угнетения	0,07	-0,38
Особая российская физика	-0,161**	0,53**
Свобода от ценности – ложный идеал	0,07	-0,14
Думать о фундаментальных принципах	-0,142*	0,50*
Методический уровень статей на Западе выше	-0,273**	1,20***
Способствовать решению реальных проблем	0,267**	1,20***
Интересы страны и государства	0,336**	-0,95***
Возраст	0,32***	-1,11***

Примечание. *p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001.

³Индивидуальные баллы для респондентов были вычислены как сумма узнаваний персоналий двадцати социологов с весами, соответствующими их позициям на рис. 2; скажем, узнавание Ю.А. Зубок прибавляло баллы, а В.С. Вахштайна – отнимало их. Отметим, что при этом способе расчета и те, кто узнал всех, и те, кто не узнал никого, получили бы баллы, близкие к 0. Согласно тесту Колмогорова—Смирнова, распределение можно было аппроксимировать нормальным.

⁴Во всех случаях значения возрастали или сокращались монотонно, так что различия между полярными группами были максимальными.

Основные выводы из нашей таблицы выглядят следующим образом. Тематическая специализация не оказывает практически никакого влияния на вероятность оказаться на том или другом полюсе пространства внимания. Лишь микросоциология и повседневность как будто оказались сдвинуты к нижнему полюсу (отрицательные значения), однако эффект в лучшем случае является умеренным по силе и находится на границах статистической значимости. Мы проверили этот вывод применительно к отдельным наиболее популярным отраслям, таким как социология управления, молодежи или образования (все три попали в раздел «отраслевых социологий»), и вновь не нашли сдвигов, значимых на уровне, отличном от 0,05. Поляризация пространства внимания скорее не проходит, таким образом, по тематическому признаку.

По контрасту с этим, аттитюды обладают значительной предсказательной силой в отношении того, ближе к какому полюсу пространства внимания индивид находится. В первую очередь, однако, это вновь относится к «локалистской» и «глобалистской» идеологии. В качестве примера: среди сторонников национальной традиции Ю.А. Зубок знали 64,1% и не знали 35,9%. Среди социологических космополитов соотношение между количествами знающих и не знающих изменялось на противоположное: 68,3% не знали, 31,7% знали (отношение шансов 3,8).

Последней переменной, связанной с позицией в пространстве внимания, является возраст. «Локалисты» в среднем старше «глобалистов». Однако, как уже говорилось выше, возраст может влиять на пространство внимания как напрямую (у разных поколений разные кумиры), так и косвенно, через распространение академических идеологий и практик (младшие сильнее ассоциируют себя с глобальной наукой и поэтому пренебрегают работами старших ученых, которые придерживаются другого мнения по этому поводу). Мы попробовали противопоставить влияние этих факторов, построив линейные регрессионные модели. Положение на вертикальной шкале рис. 2 использовалось в качестве зависимой переменной, возраст и баллы на идеологической шкале локализмаглобализма, полученные с помощью анализа основных компонент, – в качестве независимых. Регрессия объяснила 20,3% вариации, обе независимые переменные оказали самостоятельно значимое влияние – идеологическая шкала в несколько большей степени, чем возраст (Бета для первой составила 0,34, для второй – 0,23).

Почему возраст, прямое влияние которого незначимо в случае с выбором авторитетов, оказался значим в случае пространств внимания? Наше предположение состоит в том, что сегрегация поколенчески окрашенных аудиторий усиливается их опорой на разные каналы получения профессиональной информации. Судя по данным нашего опроса, среди старших поколений значительно более популярны традиционные каналы – регулярное чтение дисциплинарной периодики. Среди младших популярны персонализированные рекомендации от GoogleScholar и подобных ему сервисов и социальные сети/микроблоги/телеграм-каналы.

Интересно, что отношение обитателей двух полюсов к работе друг друга отчасти асимметрично. Мы рассчитали корреляции между положением респондентов на оси локализма-глобализма и высокой или низкой оценкой заслуг конкретных фигур. Большинство значимых корреляций касаются социологов, более известных в «локалистском» лагере, которые оцениваются в нем выше, чем за его пределами. Так, корреляция между положением респондента на вертикальной оси рис. 2 и оценкой работ Ж.Т. Тощенко как «важных и интересных» составляет 0,305. Для Г.Е. Зборовского аналогичная корреляция – 0,185, для Ю.А Зубок – 0,155, для А.И. Антонова – 0,148. Единственный «глобалистский» автор, для которого корреляция оказывается значимой, – Г.Б. Юдин (–0,169). Складывается впечатление, что «локалисты» в целом доброжелательнее к авторам из противоположного лагеря, чем те к ним. «Глобалистская» аудитория, ощущающая на своей стороне авторитет мировой науки, видимо, склонна реагировать отрицательно на продукцию, происходящую из противоположного лагеря. Однако в целом, похоже, что представителей другого сегмента скорее игнорируют, чем читают и обсуждают.

Заключение

Наше исследование показало, что глобалистский и локалистский лагеря в российской социологии продолжают существовать десять лет спустя после предыдущего исследования, причем их присутствие можно зафиксировать на уровне страны в целом, а не только Санкт-Петербурга. Если нужно было задать один вопрос, чтобы понять, кого кто-то из российских коллег читает и почитает, то он должен будет звучать примерно так: «Должна ли российская социология служить интересам своей страны и своего государства?» По контрасту, специализация на тематических областях или приверженность позициям общенаучных идеологий вроде позитивизма-антипозитивизма, которые, как часто предполагается, стоят за образованием лагерей в науке, дифференцируют обитателей лагерей лишь в небольшой степени. На «локалистском» полюсе мы находим несколько более сильную ориентацию на «реальные проблемы» и неприятие фундаментальной социологии, не приносящей никому пользы, однако сторонники проблемно-ориентированной социологии составляют большинство во всех лагерях.

На основании нашего исследования мы не можем утверждать, что доказали, что именно расхождения в подобных установках стоят за возникновением дистанции между субпопуляциями. Теоретически возможно, что их влияние опосредовано влиянием каких-то иных переменных, которые не были охвачены нашим анализом. Тем не менее на сегодня самой точной формулировкой для описания субпопуляций будет их описание как «локалистской» и «глобалистской».

Устойчивость «локалистского/глобалистского» раскола вряд ли может считаться удивительной. Она вытекает из претензий социологии на то, чтобы быть одновременно автономной «настоящей наукой», исследующей законы социальной жизни (что предполагает, что успех социологов измеряется признанием их достижений коллегами по всему миру) и источником решений проблем конкретного политического сообщества. Коллегисоциологи по всему миру говорят на английском, а политическое сообщество в России — на русском, коллеги читают индексируемые Web of Science журналы, а сообщество — социальные сети и СМИ, наконец, структуры релевантности этих групп не совпадают, и часто исследования, способные взволновать одних, оставляют равнодушными других. Хотя встречаются супермены и супервумены, способные увлечь обе аудитории параллельно, они являются скорее исключением, чем правилом. В этом смысле национальные социологии в неанглоязычных странах (а частично и в них, если мы берем пример Австралии, которую Р. Коннел относит к странам глобального академического Юга) всегда испытывают некоторую степень поляризации.

В России наличествуют факторы, сделавшие эту поляризацию особенно глубокой. Одним из них выступает существование собственной социологической традиции, развивавшейся за железным занавесом в относительной изоляции от глобальной. Представители этой отечественной традиции занимали командные высоты в институциях, наделенных наибольшей символической властью, – АН СССР, ВАКе и им подобных. Другим фактором была активность западных фондов, на протяжении первых полутора десятилетий щедро финансировавших «глобалистов». Если бы не традиционное господство РАН, Россия могла бы эволюционировать по латиноамериканской модели [Beigel et al., 2018], в которой «глобалистская» и «локалистская» социология оказались в иерархических отношениях – первая стала бы доминирующей, вторая – доминируемой. Если бы не деятельность фондов, мог бы быть противоположный сценарий, в котором традиционному истэблишменту удалось бы сохранить позиции, а поколениям «глобалистов» пришлось бы приспосабливаться к существующему положению вещей или эмигрировать. Однако в сложившейся конфигурации они просто поделили институциональные территории.

Сегодня мы по-прежнему видим отчетливо глобалистские и локалистские институции (скажем, в нашем опросе крупнейшие организации располагались на нашей шкале локализма-глобализма в следующем порядке: ИСПИ РАН (средний балл 0,76) – УрФУ (0,33) – РГСУ (0,31) – ЮФУ (0,24) – ФГНСЦ РАН (-0,02) – МГУ (-0,1), РАНХиГС (-0,29) и ВШЭ (-0,5) –

разброс в 1,26 стандартного отклонения). До недавнего времени носителем высшего дисциплинарного авторитета, консолидирующего поле, – Бурдье сказал бы «орудием символического насилия» – был ВАК. Однако разрешение ведущим вузам выдавать собственные степени и политика нострификации свели влияние этого единственного контролировавшего всю дисциплину института на нет. Наконец, корреляция этого академического раскола с политическим западничеством и антизападничеством дополнительно сокращает вероятность того, что одной из сторон удастся доминировать над другой, – у каждой из сторон наличествуют своя лояльная группа общественной поддержки, которая при необходимости может быть мобилизована. Оппозиция «глобализма» и «локализма» останется с нами надолго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Сафонова М.А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107–120. [Safonova M. (2012) Network Structure and Identities in a Local Community of Sociologists. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 6: 107–120. (In Russ.)]
- Соколов М.М. Академические репутации в российской социологии: опыт измерения // Социологические исследования. 2021. №. 3. С. 44–56. [Sokolov M. (2021) Academic Recognition in Russian Sociology: A Study Using Reputation Surveys. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3: 44–56. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250013728-3.
- Соколов М.М. Наука как церемониальный обмен: Теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. № 3. С. 9–42. [Sokolov M. (2021) Science as a Ceremonial Exchange: A Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle. Sociologicheskoe obozrenie [The Russian Sociological Review]. No. 3: 9–42. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1728-192x2021-3-9-42.
- Beigel F., Gallardo O., Bekerman F. (2018) Institutional Expansion and Scientific Development in the Periphery: The Structural Heterogeneity of Argentina's Academic Field. *Minerva*. Vol. 56. No. 3: 305–331. DOI: 10.1007/s11024-017-9340-2.
- Blondel V.D., Guillaume J.L., Lambiotte R., Lefebvre E. (2008) Fast Unfolding of Communities in Large Networks. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*. Vol. 2008. No. 10: P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008.
- Collins R. (1989) Toward a Theory of Intellectual Change: The Social Causes of Philosophies. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 14. No. 2: 107–140.
- Gans H. (1992) Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science. *Sociological Forum*. Vol. 7. No. 4: 701–710.
- Horowitz M., Haynor A., Kickham K. (2018) Sociology's Sacred Victims and the Politics of Knowledge: Moral Foundations Theory and Disciplinary Controversies. *The American Sociologist*. Vol. 49. No. 4: 459–495. DOI: 10.1007/s12108-018-9381-5.
- Latour B., Woolgar S. (1979) Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. London; Beverley Hills: Sage.
- Sokolov M. (2019) The Sources of Academic Localism and Globalism in Russian Sociology: The Choice of Professional Ideologies and Occupational Niches among Social Scientists. *Current Sociology.* Vol. 67. No. 6: 818–837. DOI: 10.1177/0011392118811392.

Статья поступила: 17.06.21. Принята к публикации: 24.09.21.

THE STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIOLOGICAL FIELD - 2020

SAFONOVA M.A.*, SOKOLOV M.M.**

*National Research University Higher School of Economic (St. Petersburg), Russia; **European University at St. Petersburg, Russia

Maria A. SAFONOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., National Research University Higher School of Economic (St. Petersburg) (msafonova@hse.ru); Mikhail M. SOKOLOV, Cand. Sci. (Sociol.), Prof., European University at St. Petersburg (msokolov@eu.spb.ru). Both – St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The study reported was conducted by the Centre for institutional analysis of science and education (European university at St. Petersburg) in collaboration with the Electronic Scientific Library "eLibrary.ru" and supported by the grant by the Russian Science Foundation No. 21-18-00519. The authors are grateful to Victor Glukhov (eLibrary) for organizational support, Pavel Stepantsov and Yulia Chursina (Synopsis Ltd) – for their help in designing and programming the survey questionnaire, to Anzhelika Tsivinskaya and Elena Chechik – for their assistance in downloading and processing the data, and Nadezhda Sokolova – for conducting network analysis of the data on sociologists' areas of expertise.

Abstract. An earlier study, conducted in 2009–2010, which the present authors were a part of, demonstrated that the sociological population of St. Petersburg, Russia was divided into isolated "bubbles" drawn apart by their adherence to localist or globalist ideology. The localist ideology ascribed greater importance to sociologists' catering to their country's social problems, praised the development of the national sociological tradition, and was skeptical about the applicability of "Western" theories to the Russian case. The globalist ideology, on the contrary, urged sociologists to address international audiences and ascribed greater value to international recognition. The aim of this study, based on an online survey of 1035 sociologists using nation-wide sample was to establish (1) if the localist-globlist divide was still present 10 years later and (2) if it was traceable at the national level. We studied the intellectual authority structures using nominations during a reputation survey as a source, and the bimodal network analysis as a method. We also studied "attention spaces" (Collins) using direct questions about one's familiarity with peer's work. The answer to both of our questions is positive: globalist and localist bubbles continue existing, and their boundaries are not a product of theoretical or methodological divides (e.g. positivism vs antipositivism, qualitative vs quantitative methodology), or specialization on different subject areas. Age exerts independent influence on the formation of attention spaces, but not on the authority structures. We conclude by discussing the causes of the persistence of local vs global divide.

Keywords: sociology of science, sociology of sociology, information bubbles, reputation surveys, sociology in Russia.

Received: 17.06.21. Accepted: 24.09.21.

История социологии

© 2021 г.

Л.Г. ИОНИН

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И МАКС ВЕБЕР СЕГОДНЯ

ИОНИН Леонид Григорьевич – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ioninlg@gmail.com).

Аннотация. Глава из готовящейся к печати новой книги Л.Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» посвящена периоду жизни великого социолога 1897–1905 гг. Беспрерывная напряженная интеллектуальная работа привела ученого к страшной болезни, за преодолением которой последовал небывалый творческий взлет, создание труда «Протестантская этика и дух капитализма», положившего начало его мировой славе. Подробно разобраны основные идеи этого труда – в новом прочтении. Вебер пришел к парадоксальному выводу о природе протестантской этики: чтобы быть успешным в бизнесе, скопить максимум богатств, надо всячески избегать пользования этими богатствами. Обсуждаются положения этого труда М. Вебера, вызывающие дискуссии в современной мировой и отечественной социологии.

Ключевые слова: Макс Вебер • творческая болезнь • «Протестантская этика и дух капитализма» • «профессия» и «призвание» • поп-социология • «панцирь» и «клетка» • «бездушные профессионалы» и «бессердечные сластолюбцы»

DOI: 10.31857/S013216250016311-5

Творческая болезнь. Швейцарский, впоследствии американский, историк медицины и психоаналитик Г. Элленбергер в книге «Открытие бессознательного» [Элленбергер, 2004] показал на примере биографий нескольких знаменитых ученых и философов, в частности Фрейда, Юнга, Ницше, существование связи тяжких периодов психической напряженности или даже душевной болезни с последующими творческими взлетами. Он назвал эти периоды творческой болезнью. Она возникает, по Элленбергеру, после долговременной непрерывной интеллектуальной работы. Главными ее симптомами оказываются депрессия, умственное и физическое истощение, крайняя возбудимость, бессонница, головные боли, дающие в целом картину тяжелого невроза, иногда психоза.

Именно такое состояние впервые начало проявляться у М. Вебера в конце лета 1897 г., когда 33-летний ученый, только что получивший престижнейшую профессуру в Гейдельберге, находился буквально на вершине карьерного и интеллектуального взлета. Настигшая ученого депрессия практически выбросила его из научной, политической и общественной жизни. Он испытывал ужасные физические и умственные страдания, практически полностью утратил трудоспособность, был вынужден подать в отставку в университете и проводить большую часть жизни в больницах и санаториях. В биографии Вебера, написанной после его смерти вдовой Марианной Вебер, глава, посвященная этому периоду его жизни, называется «Падение» [Вебер, 2007]. Это естественно: после взлета должно последовать падение.

Страдания длились несколько лет; иногда казалось, что Макс Вебер не оправится никогда. Но к 1901 г. к нему постепенно возвращается работоспособность, начинают писаться методологические статьи. А в 1903 г. он приступает к работе над большой статьей «Протестантская этика и дух капитализма» (далее – ПЭ), опубликованной в 1904–1905 гг., которая, собственно, и положила начало его мировой славе.

Все согласно парадигме творческой болезни: беспрерывная интеллектуальная работа – страшная болезнь – небывалый творческий взлет.

«Протестантская этика и дух капитализма». Главную тему ПЭ можно определить так: религия, мораль и хозяйственная организация, связь этих институтов в едином целом жизни общества. В дальнейшем Вебер посвятил этой теме свои главные социологические труды: «Хозяйство и общество» и «Хозяйственная этика мировых религий». Здесь же, в ПЭ, он будто бы постепенно подбирается к проблеме и, проведя читателя по лабиринту имен, цитат, идей, чужих и собственных умозаключений, подводит его к формулировке того, что позже назвали «тезисом Вебера». Существуют разные формулировки этого «тезиса». В самом примитивном виде он будто бы гласит, что реформация и порожденные ею религиозные доктрины с их особенным отношением к труду в качестве побочного продукта породили капитализм с его способом экономической организации. Это неправильное обобщение того, что есть у Вебера. Он даже близко не утверждал, что реформация или, конкретнее, протестантизм, или, еще конкретнее, протестантская этика «породили» капитализм. Гораздо более приемлемая формулировка «тезиса Вебера» в варианте одного современного «вебероведа» выглядит так: «Реформация породила религиозно обусловленный методически рациональный образ жизни и профессиональную этику, которые лучше всего "подошли" капиталистической организации хозяйства» [Müller, 2007: 87].

Нужно последовательно рассмотреть оба составляющих этого уравнения. Первое – это религиозно обусловленные образ жизни и мораль. Второе – капиталистическая организация хозяйства.

Чем вообще должно было быть вызвано стремление к изучению корреляции религии и структуры хозяйства? Вебер отвечает на такой вопрос очень просто: «Мы имеем в виду несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий» [Вебер, 1991: 61]. Причем Вебер не претендует на открытие, прямо говоря, что это неоднократно обсуждалось в католической прессе и на конференциях. Затем он разбирает разные варианты объяснения этого феномена, попутно разъясняя, что нельзя объяснять дело тем, что, мол, реформация дала свободу экономической работе и экономическому успеху. Наоборот, говорит Вебер, Реформация означала не устранение господства церкви в повседневной жизни, а лишь замену прежней формы господства иной, причем «замену господства необременительного, практически в те времена малоощутимого, подчас едва ли не чисто формального, в высшей степени тягостной и жесткой регламентацией всего поведения, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни» [там же: 62]. Эта новая регламентация и стала, собственно, механизмом проникновения новой морали в практическое поведение граждан, в частности экономическое.

О том, что это за мораль, что за «протестантская этика», мы порассуждаем позднее. Пока что нужно определить, что за «дух капитализма», который, как предполагается, уже существовал и которому так «подошла», так пришлась ко двору «протестантская этика». Вебер опирается на автобиографию Б. Франклина – одного из отцов-основателей США, человека, не только обладающего предпринимательским духом, но и способного к осмыслению собственного хозяйственного поведения. «Автобиография» Франклина и его «Поучение сыну» оказались для Вебера подходящими источниками. В чем суть поучений? В том, что требования повседневной морали: будь экономным, будь правдивым, держи слово, исполняй обещанное, будь пунктуальным, не трать время впустую, вовремя и точно отдавай долги, будь честен и справедлив в словах и в делах и т.д. – суть самые важные

для человека, занимающегося предпринимательской деятельностью. Такому человеку доверяют, доверие обеспечивает кредит. А идеальный бизнесмен – это «кредитоспособный добропорядочный человек» [там же: 73].

Однако этого мало. Здесь ведь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная «этика», отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. То есть речь идет не о «практической мудрости» (это было бы не ново), но о выражении некоего этоса. Это и есть самое важное для Вебера. Он поясняет, что главное не в том, что, мол, есть некий избыток предпринимательской энергии, который реализуется независимо от (или даже вопреки) морали. Все совершенно наоборот: требование морали состоит в том, чтобы зарабатывать деньги независимо от того (или даже вопреки тому), достаточно ли у тебя предпринимательской энергии. Все, что рекомендует молодому человеку Франклин, – это не «полезные советы», не «лайфхаки», как некоторые теперь выражаются, а моральные предписания по ведению достойной жизни. В этом специфическом смысле Вебер и понимает «дух капитализма». И если продолжить процитированное выше высказывание Вебера, то мы в этом убедимся: «Идеальный бизнесмен – это кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель» [там же: 73].

Получается, что эта специфическая капиталистическая этика родственна традиционной этике. Но фундамент у нее совсем иной. Франклин призывает к честности. Честность, безусловно, – традиционно важная добродетель. Но для Франклина честность полезна не сама по себе, как неотъемлемая характеристика достойного человека, а потому, что она приносит кредит. Так же обстоят дела с прочими добродетелями – скромностью, умеренностью, пунктуальностью, прилежанием и т.д. Каждая из них важна не сама по себе, не как таковая, а потому (и в той мере!), что приносит деньги и делает человека, обладающего этими добродетелями, богаче – не в духовном, конечно, а в финансовом смысле – и успешнее на пути обогащения.

И возникает момент, на который обращает особое внимание Вебер. Может показаться, даже более того, - должно показаться, что поучение Франклина - это поучение лицемера, урок лицемерной морали, где всякое доброе поведение рассматривается лишь с точки зрения того, насколько оно окупается. За этим как бы скрывается некоторая недобросовестность, даже элемент мошенничества: человек будто бы выманивает деньги у других людей. Чтобы затем применить их для собственной пользы, для собственных удовольствий. Но вот здесь и возникает то специфическое, что характерно для доктрины Франклина и шире – для духа капитализма вообще, как он воплощается в этом поучении. Да, пишет Вебер, «summum bonum этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе», но «при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов» [там же: 75]; «эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к "счастью" или "пользе" отдельного человека». «Теперь уже не приобретение денег служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретение денег, которое становится целью его жизни» [там же] В результате получается так, что всякое подозрение в лицемерии, недобросовестности, не говоря уже о мошенничестве, оказывается нерелевантным, ибо эти перечисленные настроения ума (лицемерие и т.д.) начинают выглядеть потусторонними для капиталистического «духа», состоящего, как парадоксально это ни звучит, в добродетельном приобретении денег, в добродетельной наживе. А мошенничество и прочие вещи, конечно, существуют в жизни, но не принадлежат к «чистому типу» капиталистического духа.

 $^{^{1}}$ В процитированной фразе словосочетанием «приобретение денег» заменено примененное в оригинале перевода слово «приобретательство», поскольку последнее относится в первую очередь к приобретению вещей.

Вот это и есть, по Веберу, дух капитализма. Это добродетельное само по себе стремление κ наживе.

Но все еще остается вопрос о том «методически рациональном» образе жизни и о той профессиональной этике, которые якобы были принесены *Реформацией* и прекрасно «подошли» складывающемуся или, может быть, уже сложившемуся тогда духу капитализма. Без этого остается непонятым вопрос, поставленный Вебером в самом начале работы: почему в предпринимательской профессии преобладают протестанты? Конечно, этот конкретный вопрос – совсем не главный, но он послужил как бы детонатором идейного взрыва, который вызвала работа «Протестантская этика и дух капитализма».

Реформация, как известно, религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI – первой половины XVII в., направленное на реформирование католической церкви. Началом реформации считается выступление доктора богословия университета саксонского Виттенберга (ныне Лютерштадт-Виттенберг) Мартина Лютера, который 31 октября 1517 г. прибил к дверям церкви в Виттенберге свои «95 тезисов», в которых выступил против злоупотреблений католической церкви, в частности против продажи индульгенций. Завершением Реформации считается подписание Вестфальского мира в 1648 г. Разумеется, у реформации не было единой доктрины. Протестантизм получил распространение во всей Европе в доктринах последователей Лютера (лютеранство), Жана Кальвина (кальвинизм) и др.

Соединительным звеном, можно сказать, мостом между религиозной моралью, выработанной Реформацией, и духом капитализма является представление о профессии, точнее о профессиональном долге. Разумеется, представление о профессии есть в разных религиях и в разных религиях выглядит по-разному, но если сравнить в этом отношении католицизм с Реформацией, то окажется, что Реформация ставит моральный акцент и религиозное вознаграждение за мирской профессионально упорядоченный труд несравненно сильнее и выше, чем католицизм. Вебер показывает, что заслуга в этом принадлежит в первую очередь Лютеру. Он создал это новое осмысление роли труда и профессии, работая над переводом Библии, как бы «вложил» в Библию собственные идеи и взгляды. И Вебер это продемонстрировал с кропотливостью филолога-классика. Сердцевиной этих новых взглядов стала ценность и «богоугодность» мирского выполнения трудового долга в противоположность католическому идеалу противопоставляющей себя миру аскезы. То есть не монашество или отшельничество оказывается идеалом нравственности (ответственности перед Богом и людьми), а мирская повседневная работа в сознании своего профессионального долга. Это одно из самых масштабных идейных свершений Лютера; практически все последующие протестантские конфессии и группы восприняли эту идею.

Однако у Лютера понимание профессии остается во многом традиционным: каждый должен служить в своей профессии, в которую призван Богом, до конца жизни. Вебер считает, что этого было недостаточно, чтобы проложить «мост» для перехода к капиталистическому духу. Вебер ищет переход к нему в доктрине Кальвина и учениях сектантских общин – проповедующих так называемый аскетический протестантизм: баптисты, меннониты, квакеры и др. [там же: 175]. Но почему кальвинизм и др.? В чем видит Вебер предпочтительность этих направлений с точки зрения побуждения людей действовать в том направлении, которое близко или соответствует духу капитализма? Если уж ставить вопрос совсем грубо: какие новые «стимулы к наживе» создает кальвинизм?

Согласно учению женевского теолога Жана Кальвина, судьба человека предопределена, внемирный и непостижимый Бог определил одних людей к вечной жизни, других – к вечной смерти. Эту судьбу ничто не может изменить, как человек ни бейся, – ни заслуги, ни провинности, ни добрые дела, ни магические ритуалы (таинства). Но самое страшное даже не в этом; пусть судьба будет тяжкой, но, если я об этом знаю, я вопреки всему хотя бы буду стараться ее смягчить. Самое страшное в том, что судьба эта человеку неизвестна. Бог делает выбор, но не подает знака о своем выборе. Человек не только не может изменить свою судьбу, он даже не знает о своей судьбе: будет ли душа его спасена к жизни в

вечном блаженстве или он осужден к вечной смерти и страданию в аду. Самое страшное в том, что это уже случилось: Бог уже сделал выбор, и изменить ничего нельзя. Назначенный к спасению спасется, назначенный к гибели погибнет. Бог судит как сталинские «чрезвычайные тройки» – без адвокатов и кассаций. И даже еще более жутко: осужденному приговор не сообщается, но осуществляется. Никто не может его изменить, можно только предполагать, каков приговор, и единственное средство удостовериться в своей принадлежности к спасенным – это подтверждение, причем подтверждение в своей профессии, неутомимый успешный труд во славу Божию.

Это, прямо скажем, страшноватое учение. Ведь даже успех как критерий спасенности не облегчает человеческую жизнь. Успех преходящ, жизнь не может состоять из одних успехов, сегодняшний успех может обернуться завтрашней неудачей, а это означает, что окончательного подтверждения не бывает и быть не может. Каждая неудача должна трактоваться как невозможность спасения? А каждый успех как всего лишь возможность, но не подтверждение спасенности? То есть вся человеческая жизнь оказывается борьбой – не за спасение души даже, а за подтверждение предположения о спасении. Именно такая духовная позиция и именно такое душевное переживание создало совершенно новые религиозные типы – тип пуританина, квакера, меннонита, баптиста и т.д. [там же]. Макс Вебер рисует психологию этого нового христианина. По сравнению с католиками он ощущает себя страшно одиноким, утратившим огромную церковь как гарантию спасения, потерявшим все удобные магические вспомогательные средства спасения. Он наедине с Богом, по отношению к которому он Его орудие, а не Его сосуд, и Бог требует от него действий, а не чувств и настроений. Поэтому такой кальвинист или пуританин (баптист, меннонит, квакер и т.д.) занимается своими земными делами как богослужением. И вся страсть его не выливается в преследование обычных мирских целей и интересов, а переносится на дело. Он ищет уверенности в спасении посредством систематического самоконтроля для преодоления иррациональных влечений посредством методического образа жизни, мирской аскезы. В следующей таблице как раз описываются основные практические религиозные установки в католицизме и основных протестантских конфессиях.

Эта таблица в принципе отражает все те аспекты вызванных реформацией преобразований в христианстве, которые мы описывали выше. Но она требует некоторых кратких пояснений. Сначала о католицизме. В католической вере человек – сосуд Бога. Считается, что предназначение человека – содержать в себе Бога. Католическое благочестие состоит в исполнении традиционных обязанностей христианина: ходить в церковь в предусмотренные дни и часы, отмечать церковные праздники, совершать возрастные и прочие антропологические ритуалы (крещение, отпевание и др.), а уже сверх того – совершать добрые дела. Если совершен грех, церковь может «разрешить» его через таинство исповеди (а раньше еще и через покупку индульгенций). Практически все это говорит о том, что церковь неявно признает, что истинно нравственная христианская жизнь на практике невозможна и что человек – не ангел.

Реформация отменила сакраментальные, то есть священные вещи и ритуалы, т.е., если подойти к делу социологически или антропологически, она отменила пережитки магии и первобытных, то есть дохристианских верований и ритуалов в христианстве. В протестантизме все выгладит уже иначе, чем в католичестве. Правда, в лютеранской религии человек по-прежнему сосуд Божий. Но уже в кальвинизме он не сосуд, а инструмент Бога, т.е. орудие, посредством которого Бог воздействует на мир и являет себя миру. Хотя в лютеранстве он «сосуд», лютеранское благочестие в корне отлично от католического: отсутствуют сакраментальные ритуалы и церковь как посредник между человеком и Богом, человек спасается не ритуалами, а solo fide, то есть только верой в результате мистического слияния с Богом. В кальвинизме, где человек не сосуд, а инструмент, орудие Бога, путь к спасению – отказ от мирских удовольствий (аскеза в миру) и методически – рациональная организация жизни с целью воплощения Божьей воли в мире, т.е. в целом – деятельная вера (fides efficax). Различие установок католицизма и протестантизма,

 Таблица

 Практическая религиозность в католицизме, лютеранстве и кальвинизме

Католицизм	Реформация	Лютеранство	Кальвинизм	
Сосуд		Сосуд	Орудие	
$\downarrow$	Отмена сакра- ментальности	↓	↓	
Католическое благочестие		Лютеранское благочес- тие (solo fide)	Кальвинистское благочестие (fides efficax)	
$\downarrow$		↓	↓	
Исполнение традиционных обязанностей христианина		Мистическая культура чувств	Аскетическое поведение	
Единичные добрые дела		Бог хочет	Бог действует	
Разрешение от греха через таинство исповеди		Мирска:	Мирская аскеза ↓	
↓		Методически-рациональная организация жизни		
Невозможность истинно нравственной жизни		↓ Возникновение системы святости труда		
↓ Имплицитное признание: человек не ангел		Каждый христ	Џ гианин – монах	

Источник: Müller H.-P. Max Weber: Einführung in sein Werk. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007. S. 97.

в конечном счете, заключается в первом случае в признании несовершенства человека и в неявном потворстве человеческим слабостям, а во втором случае – в превращении каждого христианина в деятеля по проведению Божьей воли в мире.

Монах в миру, или мирской монах – это идеал пуританского «святого». Теперь надо сделать последний шаг, показав, как эти идеи кальвинизма связаны с капитализмом. Здесь Макс Вебер прибегает к парадоксальному объяснению. С одной стороны, говорит он, богатство, с точки зрения пуританской религиозности, – безусловное зло, опасность, отвлекающая от служения. Но с другой стороны, оно – неизбежное следствие рациональнометодического образа жизни, состоящего в приобретении денег и в воздержании от наслаждений; в этом качестве оно должно рассматриваться как признак успеха, то есть подтверждение состояния спасенности. Против Бога – покой во владении (рантье Богу не угоден). Только деятельность служит славе Господней и т.д., дальше все по Франклину, а также по другим протестантским проповедникам, которых обильно цитирует Вебер. Трата времени – тяжелейший грех. Созерцание вне действия бессмысленно. «Работай, не жалея сил, в своей профессии, – велит благочестивым американский проповедник Бакстер, – не для плотских радостей, а во славу Божию можно вам трудиться, чтобы быть богатыми».

Тем, кому в качестве важнейшего содержания жизни предписана методическая работа без устали, а наслаждение и покой при успехе запрещены, остается только вкладывать большую часть своей прибыли во все новые приобретения. Он должен стать капиталистическим предпринимателем. Оковы совести сняты, накопление богатства освобождено от уз традиционализма, результатом может быть только образование капитала посредством экономии, накопления богатства. Бог сам благословляет деятельность своих святых. Но он требует отчета о каждой доверенной им копейке. Так возникает специфически буржуазный профессиональный этос. «В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, который не преступал границ формальной корректности (чья нравственность не вызывала сомнения, а то, как он распоряжался своим богатством, не встречало порицания), мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы. Более того, религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривавших свою

деятельность как угодную Богу цель жизни. Аскеза создавала и спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же как и предназначение к спасению лишь немногих, – дело божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные, нам не известные цели» [там же: 202].

Так Вебер выразил парадоксальную идею ПЭ: чтобы быть успешным в бизнесе, т.е., чтобы скопить максимум богатств, надо всячески избегать пользования этими богатствами. Это почти что божественная ирония.

Профессия и призвание. Хочу остановиться на еще одном моменте. Стало общим местом, рассуждая о веберовском понятии «профессия» (Beruf), указывать, что это немецкое слово, чаще всего именно так и переводимое – как «профессия», имеет в немецком языке два значения: «профессия» и «призвание». В Большом немецко-русском словаре: «1. профессия, специальность; 2. высок. устарев. призвание». Именно эта двусмысленность понятия Beruf заставила переводить на русский язык названия двух знаменитых веберовских статей «Wissenschaft als Beruf» и «Politik als Beruf» не «Наука как профессия» и «Политика как профессия», что было бы правильно, а добавляя одно лишнее слово: «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия». После первого отечественного издания Вебера в 1990 г., которое мы здесь и цитируем, такой перевод стал воспроизводиться во всех отечественных публикациях этих работ. Первопереводчики так объяснили это свое нововведение: «Немецкое слово "Beruf" может быть переведено и как "профессия", и как "призвание". На основании анализа протестантизма Вебер пришел к выводу, что эта двузначность термина "Beruf" не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания и приводит к весьма существенным для европейского общества и европейской культуры последствиям. Поэтому мы для перевода "Beruf" используем оба указанных значения данного слова» [там же: 715].

На первый взгляд это приемлемое объяснение. Однако на самом деле ситуация с профессией и призванием у Вебера гораздо сложнее. Что такое профессия, достаточно хорошо известно. В привычном для нас значении слова, а также и в том смысле, в каком его обычно применяет Вебер, это род занятий, четко ограниченная сфера деятельности, являющаяся для человека, работающего в этой профессии, основой жизнеобеспечения (т.е. «род занятий», а не «божественное призвание»). Во втором смысле Beruf это не просто род занятий, а «призвание» в некоем возвышенном смысле. Но призвание не есть нечто единообразное, а имеет две разновидности. Это или 1) внутренне осознаваемая необходимость (в силу получаемого удовольствия, например) заниматься именно этой профессией, какой человек занимается, а никакой другой, или 2) осознание человеком своей профессии как священного долга, «извне» навязанного или предназначенного Богом или судьбой. Назовем это внутренним и внешним призванием.

Теперь о самом веберовском понимании соотношения профессии и призвания. Он противопоставляет друг другу одно и другое значения немецкого термина Beruf. «Профессия» - это категория социологии, конкретнее, экономической социологии, «призвание» - категория религиозно-психологическая. Профессия определяется через жизнеобеспечение и доход, призвание – через харизму. Это коренное расхождение. Харизма, говорит Вебер, «специфически чужда всякому хозяйствованию. Там, где она есть, она конституирует не профессию, а призвание в эмоционально-напряженном смысле слова – как «миссию», как «задачу» [Вебер, 2016]. Два значения термина Beruf как призвания здесь тоже расходятся: «внутреннее» призвание оказывается частью профессии (в зависимости от того, как практикуется профессия: например, истово, с любовью и преданностью делу или, наоборот, механически равнодушно), а «внешнее» – одним из проявлений харизмы. Сам Вебер, хотя концептуально не прописывал, но на практике различал «внутреннее» и «внешнее» понимание призвания. Это можно увидеть в его многостраничных филологических примечаниях к основному тексту ПЭ. Например: «Что касается романских языков, то лишь применяемое вначале к духовному сану испанское слово "vocacion", в смысле внутреннего призвания к чему-нибудь, отчасти родственно по своему этическому значению

немецкому "Beruf", однако оно никогда не употребляется для обозначения «призвания» в его внешнем аспекте [курсив мой. – Π . Π .]. В романских переводах Библии испанское vocacion, итальянское vocazione и chiamamento применяются в значении, близком лютеранскому и кальвинистскому словоупотреблению... лишь для перевода новозаветного $\chi = 2\pi L$ то есть в тех случаях, когда речь идет о предназначении к вечному спасению посредством Евангелия [т.е. о внешнем призвании. – Π . Π .]» [Вебер, 1990]. Эти примеры можно умножать многократно.

Впрочем, дело не в количестве примеров, а в том, что в обеих веберовских статьях-близнецах – о политике и о науке – никакого даже упоминания о внешнем призвании, как оно здесь описано, не содержится. Он там об этом не высказывается. Отсюда могут следовать два вывода. Первый: объяснение переводчиков относительно протестантизма и открытий Вебера, в связи с чем можно переводить Beruf и как «профессия», и как «призвание», является не только неточным, но и вообще излишним. Потому что понятие призвания есть всюду, например, в России, где ни лютеранство, ни другие протестантские секты особенно роли не сыграли. Это внутреннее призвание, о котором, в частности, писал Вебер в обеих этих статьях. И второй вывод: обе указанные статьи надо называть так, как их назвал Вебер, — «Наука как профессия» и «Политика как профессия». Потому что, повторю, призвание, которое упоминает в них Вебер, это внутреннее призвание, а оно, собственно, есть часть психологического состава профессии.

Бездушные профессионалы и бессердечные сластолюбцы. Нельзя не задать себе вопрос: а как сам Вебер представлял себе будущее профессионального этоса, сложившегося на основе «протестантской этики» эпохи Реформации, и будущее экономической системы, возникшей из «духа капитализма»? Или другой вопрос: как показанные Вебером тенденции проявились в наше время? Не углубляясь в аргументацию, можно, наверное, сказать, что из двух этически важных тенденций, зафиксированных в тезисе Вебера, этическая ценность совершенствования в профессии сохраняется (или даже усиливается), а этическая ценность стремления к наживе скорее падает. Мастера в своем деле хвалят; того, кто гонится за деньгами, скорее осуждают. Фразы типа «ничего личного, только бизнес», идут по разряду циничных. Наверное, так не везде, но, во всяком случае, так в России. Вообще вопрос этот очень сложный, и я не намерен здесь заниматься им глубже.

Теперь о том, как видел будущее этой констелляции идей и интересов сам Макс Вебер. Вообще-то он старался избегать любого рода футурологии. Но в самом конце ПЭ он кратко, но выразительно охарактеризовал происходящее на его, да и на наших глазах. «Пуританин хотел быть профессионалом, мы должны быть таковыми. Но по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, [...] который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль [...]. И это принуждение сохранится, вероятно, до той поры, пока не прогорит последний центнер горючего» [там же: 206].

Сейчас ясно, что «последний центнер горючего», или лучше сказать (в свете современной энергетики) последний гигаватт энергии «не прогорит» никогда. А это значит, что весь жизненный стиль современного мира, продиктованный современной экономической и производственной организацией, созданный аскетическими профессионалами, сохраняется и сохранится, но уже в отсутствие одушевлявшего его религиозного духа.

«По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем "тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить". Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь [курсив мой. – Π . Π . По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все

 $^{^2}$ Χλήσίς, Klesis (*греч*.) – призыв, призвание, приглашение, в раннем христианстве слово означало как божественное призвание, так и социальное сословие (место).

сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы – кто знает, навсегда ли? – ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре...» [там же].

Итак, по мере десакрализации труда уходит в прошлое его смысл, продиктованный Реформацией, а все остальное – сама система трудовых отношений и весь космос современной жизни, включая социальную иерархию, бюрократию, системы жизнеобеспечения, системы мотивации в этих условиях и т.д., – все это остается. И тогда мирские блага, в христианской аскезе мыслившиеся как средства достижения цели (правильной жизни), сами становятся целью. У Бакстера они были, как легкий плащ, который ничего не стоит сбросить, а у Вебера они превратились в жесткий, как сталь, панцирь. Мы еще вернемся к этой метафоре.

«Представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. ... Человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия. В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает... характер безудержной страсти... Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к "последним людям" этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: "Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы – и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития"» [там же: 206–207]. Вот во что может превратить людей хозяйственная этика протестантизма, лишившаяся своего религиозного основания.

Поп-социология. К настоящему времени ПЭ постигла удивительная судьба – она стала одним из центральных элементов того, что можно назвать поп-социологией. Поп-социология – это когда из сложных отношений и мыслей извлекают некую примитивную схему чаще всего идеологического содержания и используют ее для обоснования собственных целей и интересов. Примером такой поп-социологии является, например, основанная на идеях Карла Поппера схема «социализм равно тоталитаризм». Ну и Макс Вебер пал жертвой такого же «короткого замыкания» в мозгах людей, которые ищут самый короткий путь для обоснования или подтверждения собственной позиции. Им ясно, что на Западе хороший капитализм, потому что там хорошие усердно трудящиеся люди, каковы суть протестанты с их особенной этикой, а на Востоке нет протестантской этики, и потому ничего хорошего там быть не может. Об этом говорят журналисты, телеведущие и даже светские львицы. Эта схема представлена в разного рода научных, публицистических, пропагандистских трудах, давно уже превратившись в идеологическую формулу. Замечательный пример: цитата из книги небезызвестного Д. Трампа, задуманной как консультационная книга по бизнесу и опубликованной еще до того, как он стал президентом США: «Многие, возможно, считают, что нельзя на одном дыхании говорить о боге и о профите, но бог всегда играл центральную роль в том, что мы думали о капитализме. Протестантская трудовая мораль веками была основой успеха... Стремление к благосостоянию - неотъемлемая часть нашей религиозной культуры» [Trump, 2004: XIV]. В нашем случае то, что доступно Юпитеру Трампу, в силу интеллектуальной простоты доступно и быку, то есть практически каждому студенту. Студенты иногда просто даже удивляются: как это просто – и Макс Вебер, и вообще природа современного капитализма! Если бы сейчас провести опрос в среде интеллигенции и гуманитарного студенчества относительно факторов возникновения современного мироустройства, думаю, оказалось бы, что «тезис Вебера» о том, что протестантская этика породила капитализм, был бы на первом месте в обосновании представлений о современном мире. Или его обогнал бы «тезис Поппера» о соотношении социализма и тоталитаризма? Надо только, сравнивая оба этих «тезиса»,

учитывать, что в случае Поппера мы имеем дело с удавшейся пропагандистской акцией, а в случае Вебера – с вульгарно-упрощенной интерпретацией серьезного исследования. Ведь книга Поппера и писалась как боевой памфлет, как пропагандистское оружие в борьбе с фашизмом, и в этом смысле она своей цели достигла. Более того, она стала орудием и против марксизма, особенно в его советской версии, заложив на мощном фундаменте тезис о том, что социализм – это тоталитаризм. С Вебером история совсем иная. Мы имеем, таким образом, поп-вебера и поп-социологию как составную часть широко распространенной поп-культуры. На Западе, прежде всего в США, это популярное объяснение того, почему «мы» (то есть Запад) такие богатые и успешные, а у нас в стране это проникнутое фатализмом обоснование безнадежности усилий автохтонов.

Веберовская карусель. Если таким образом истолкованная ПЭ оказывается образцом популярной социологии, то другая крайность в подходе к ней состоит в (тщетных) попытках опровергнуть содержащиеся в ней (якобы) ошибочные выводы и идеи. Хотя и неполный, но неплохой обзор опубликованных на Западе опровержений «Протестантской этики» в экономическом аспекте дан в отечественной работе профессора Р. Капелюшникова, который в общем и целом к этим опровержениям присоединяется, полагая, что «тезис Вебера» это мифическая конструкция, сама книга (ПЭ) состоит из сплошных ошибок и натяжек, а ее воздействие на умы имеет гипнотический характер [Капелюшников, 2018]. Он в этом смысле не первый, книги и статьи подобного рода заполнили бы не один шкаф в библиотеке. Это такая карусель опровержений, контропровержений, опровержений контропровержений и т.д., которыми кормятся уже поколения исследователей. Сошлюсь, например, на книгу с парадоксальным названием «Неопровержимые ошибочные конструкции Макса Вебера». Ее автор – немецкий профессор Г. Штайнерт [Steinert, 2010]. Он берет описанный выше «тезис Вебера» и приступает к его разоблачению. (Позже именно это будет делать профессор Капелюшников.) В своей демонстративной (или лучше сказать «демонстрационной») форме, пишет Штайнерт, тезис выглядит так: «Реформация благодаря своим религиозным доктринам в качестве парадоксального побочного эффекта вызвала к жизни капитализм. И протестантская этика вела к экономической успешности в этом (капиталистическом) типе производственной организации». Ясно, что сам Вебер так примитивно не формулировал, но, считает Штайнерт, особенно в первых вариантах текста это предполагалось или внушалось (путем гипноза?), и успешно, как показала последующая рецепция. Но если начать читать внимательно, говорит Штайнерт, то неизбежно приходишь к мысли о необходимости более «слабой» формулировки «тезиса». «Ослабление» состоит в том, что у Вебера речь идет не о реформации вообще, а о кальвинизме, и не о капитализме вообще, а о капиталистической трудовой и хозяйственной морали. В конечном счете, вводится характерное для аскетизма понятие профессии (Beruf), как оно понималось диссидентскими протестантскими сектами в Англии (в противоположность Лютеру и всем официальным евангелическим церквям); именно это аскетическое понимание и стало тем фактором, который в конкретном месте и в ограниченный период времени (XVII век) определил характер имевшей место трудовой морали. «Если бы Вебер опубликовал этот серьезно ослабленный тезис, это стало бы и осталось бы одним из многих специальных сообщений, которое прочли бы еще тогда пять других специалистов, а мы сегодня о нем бы не знали, как о множестве других пылящихся в архивах подобных сообщений» [там же: 22].

Штайнерт при этом признает, что опровергать «тезис Вебера» сейчас на Западе – уже давно безнадежное дело, что «каждый текст, который на это претендует, либо рассматривается как желанное приглашение на еще один оборот веберовской карусели, либо просто игнорируется» [там же: 23]. Он, однако, не выдвигает «гипнотического» объяснения, а полагает, что причина такой ситуации в том, что идея «внутреннего родства» аскетического протестантизма и западного капитализма – это один из элементов «большого нарратива» модерна, современной западной культуры. Можно сказать, что популярность и неопровержимость «ошибочного» тезиса Вебера – два его качества, взаимно

поддерживающих друг друга. Это подтверждает и недавняя полемика вокруг ПЭ и идеи «гипноза Вебера». Упомянутая выше разоблачительная статья Р. Капелюшникова была подвергнута суровой критике (то есть в определенном смысле разоблачена) отечественным исследователем И. Забаевым [2019]. В свою очередь Р.И. Капелюшников опубликовал критику критики, то есть детальный ответ на критику Забаева [Капелюшников, 2019]. Это просто восхитительная иллюстрация того, как работает веберовская карусель в научном парке культуры и отдыха. Я не хотел бы становиться в позу арбитра, но вынужден признать, что аргументы И. Забаева представляются более основательными; ПЭ – это трактат по этике, а не по экономике; как таковой его и надо изучать. Хотя, конечно, и эту позицию можно оспорить и прокрутить карусель дальше. Так она и движется соединенными усилиями экономистов, философов и социологов разных стран и народов.

Панцирь и клетка. Конечно же, у разных стран и народов Вебер (содержание его идей, конечно) приобретает свой специфический облик. Это судьба любого перевода на любой язык, причем речь даже не о «точности» перевода, а о том, что «точность» в полном смысле слова – т.е. соответствие эмпирических референтов переводимых и переведенных языковых терминов, а также соответствие места этих терминов в системе обоих языков и, более того, в системе мира, описываемого каждым из этих языков, – принципиально невозможна. И все-таки каждый переводчик стремится быть в своем переводе точным. За небольшим исключением, когда в качестве переводчика выступает человек, имеющий собственные представления о предмете переводимого текста и зачастую пытающийся – иногда даже незаметно для самого себя – вложить в переведенный текст эти собственные представления. Примером может быть перевод веберовского термина Gehäuse. По-русски это звучит как «гехойзе». Словарное значение: 1) корпус; кожух; картер; коробка; футляр; короб (пулемета); 2) скорлупа, раковина (моллюска). И вот Вебер пишет: «По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем "тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить"». Однако плащ этот волею судеб превратился в stahlhartes Gehäuse». Если буквально, то это означает: «в твердую как сталь раковину». Или во что-то еще в этом же роде. Переводчица ПЭ на русский язык М.И. Левина перевела это как «стальной панцирь». Это очень близко по смыслу, тем более что «панцирь» может употребляться и по отношению к раковине моллюска. А вот Т. Парсонс, первым переводивший ПЭ на английский, перевел stahlhartes Gehäuse как iron cage – железная клетка. Мало того что железо и сталь даже в смысле образности не одно и то же, а «панцирь» и «клетка» – функционально совершенно разные вещи. Панцирь защищает от того, что снаружи, клетка – заключает в изоляцию от внешнего мира. Панцирь одевают добровольно, а в клетку заключают насильственно. За двумя терминами скрываются две разные идеологии. Если мы говорим о клетке, это означает нечто в духе Руссо и естественного права: человек по природе свободен, но повсюду он в оковах (в клетке). Из Вебера получается ранний революционер, провозвестник контркультуры, где задача человека – вырваться на волю из-под господства бюрократии. С панцирем же все гораздо сложнее, это часть жизни, как бы мы к этой жизни не относились. В веберовском stahlhartes Gehäuse звучат разные мотивы, но в любом случае железная клетка – неадекватное обозначение для комплекса этих мотивов.

Впрочем, это неважно – из идеологии уже сложилась целая мифология; «железная клетка» фигурирует в словарях как «понятие, впервые примененное Максом Вебером для...» и т.д. (русская Википедия). Вебер это понятие не применял, он о нем даже не слышал, он уже умер, когда оно появилось. Его «впервые применил» Т. Парсонс почти сто лет назад в своем переводе ПЭ на английский. И хотя после перевода этого вышли еще два перевода ПЭ на английский, где «железная клетка» отсутствует и термин передан точнее, ничего уже изменить, похоже, нельзя. «Клетка» победила. Примерно так же, как «профессия и призвание» в русских названиях статей Вебера.

О другом случае с Вебером рассказал биограф Вебера Д. Кеслер. Когда я однажды раскритиковал, пишет он, достаточно известного автора Дж. Александера за то, что его

объемистая книга о Вебере демонстрирует полное незнание оригинальных текстов, он ответил раздраженной репликой, что ему не важен «исторический Вебер», а его интересует «Вебер как идея». Я сказал, что тогда не надо цитировать «исторического» Вебера. Мой разбор его книги в одном из влиятельных журналов никакого эффекта не произвел, говорит Кеслер [Kaesler, 2001].

Здесь затронута еще одна сторона проблемы. Практически во всем мире считается, что знание английского языка равнозначно знанию всего, в том числе социологии и, в частности, социологии Вебера. Железная клетка – это только один пример. Научный процесс вообще протекает по-английски. Я не буду приводить примеры из нашей российской действительности, а опять сошлюсь на Кеслера. Если, говорит он, на большой конференции присутствуют двое коллег, понимающих только по-английски, рабочим языком конференции становится английский. Это в Германии! Недавно, говорит он, в одном из немецких университетов проходил международный коллоквиум по «Феноменологии духа» Гегеля. Поскольку предполагалось присутствие специалиста из Америки, рабочим языком был английский. В качестве основной референтной работы был предписан английский перевод «Феноменологии духа». И еще один рассказ из его, Кеслера, опыта. Конференция в честь столетия публикации ПЭ в Буэнос-Айресе. Присутствуют двое немецких «вебероведов», один исследователь из США и примерно два десятка аргентинцев и социологов из других стран Латинской Америки. Доклады немецких гостей – на английском. Они и доклад американца синхронно переводили на испанский. Потом выступали испаноязычные социологи, они ссылались на испанские переводы Вебера и испаноязычные вторичные источники. Их сообщения синхронно переводились на английский. Один из немецких коллег принял на себя роль ментора. После каждого испанского сообщения, которое для нас синхронно переводилось на английский, он брал слово и разъяснял, что «собственно и на самом деле» говорил и подразумевал Вебер. Он делал это, разумеется, по-английски. Это рассказ Кеслера. Можно, как мне кажется, усомниться в том, что разъяснения немецкого коллеги изменят представление латиноамериканцев о Вебере. Они будут по-прежнему работать в русле своего национального понимания и через посредство английского языка доносить его до специалистов по Веберу из других стран и с других континентов. В результате при посредстве языка, которым привычно пользуется международное сообщество, причем часто и ученое сообщество, и который называется пиджин-инглиш, возникает и уже возник соответствующий интернациональный образ Вебера, который я назвал бы пиджин-Вебер. Он, наверное, и есть ментальная основа социологии Вебера как поп-социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007.

Вебер Макс. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вебер Макс. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Т. І. М.: ВШЭ, 2016.

Забаев И.В. Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 1. С. 20–71.

Капелюшников Р.И. Гипноз Вебера (заметки о «Протестантской этике и духе капитализма»): препринт. М.: ВШЭ, 2018.

Капелюшников Р.И. Ответ современному не-экономисту (комментарий на комментарий): препринт. М.: ВШЭ, 2019.

Элленбергер Г.Ф. Открытие бессознательного. Т. I–II. СПб.: ИЦПК; Янус, 2004.

Kaesler D. Ein "stahlhartes Gehäuse" ist kein "Iron Cage": Über Forscher, die kein Deutsch können // Literaturkritik.de. Rezensionsforum. 2001. Nr. 1. Januar. URL: https://literaturkritik.de/id/16239 (дата обращения: 09.08.2021).

Müller H.-P. Max Weber: Einführung in sein Werk. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007.

Steinert H. Max Webers unwiderlegbare Fehlkonstruktionen: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. New York; Frankfurt am Main: Campus, 2010.

Trump D.J. Think Like a Billionaire. New York: Random House. 2004.

PROTESTANT ETHICS AND MAX WEBER TODAY

IONIN L.G.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Leonid G. IONIN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (ioninlg@gmail.com).

Abstract. A chapter from L.G. Ionin's new book "The Drama of Max Weber's Life", which is being prepared for publication at the HSE publishing house, is devoted to the period of the great sociologist's life that fell on the verge of the 19th and 20th centuries – 1897–1905. The continuous intense intellectual work of the scholar led him to a terrible illness, the overcoming of which was followed by an unprecedented creative rise, the creation of the work "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism", which marked the beginning of his world fame. The main ideas of this work are discussed in detail – in the original author's reading. Weber elaborated the paradoxical idea of Protestant ethics: in order to be successful in business, to accumulate maximum wealth, it is necessary to avoid using these riches in every possible way – an almost divine irony. The provisions of this work by M. Weber, which cause discussions in modern world and domestic sociology, are analyzed in detail.

Keywords: Max Weber, creative illness, "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism", "profession" and "vocation", pop sociology, "stahlhartes Gehäuse" and "Iron Cage".

REFERENCES

Ellenberger G.F. (2004) *The Discovery of the Unconscious*. Vol. 1–2. St. Petersburg: ITsPK; Yanus. (In Russ.) Kaesler D.A. (2001) "Steel-Hard Housing" is not an "Iron Cage": About Researchers Who don't Speak German. *Literaturkritik.de. Review Forum*. No. 1. January. URL: https://literaturkritik.de/id/16239 (accessed 09.08.2021). (In Germ.)

Kapelyushnikov R.I. (2018) Weber's Hypnosis (Notes on "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism"): preprint. Moscow: VShE. (In Russ.)

Kapelyushnikov R.I. (2019) The Answer to the Modern Non-Economist (Commentary on Commentary): preprint. Moscow: VShE. (In Russ.)

Müller H.-P. (2007) Max Weber: Introduction to his Work. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau. (In Germ.) Steinert H. (2010) Max Weber's Irrefutable Faulty Constructions: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. New York; Frankfurt am Main: Campus. (In Germ.)

Trump D.J. (2004) Think Like a Billionaire. New York: Random House.

Weber Max. (1990) Selected Works. Moscow: Progress. (In Russ.)

Weber Marianna. (2007) Life and Works of Max Weber. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Weber Max. (2016) Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. Vol. I. Moscow: VShE. (In Russ.) Zabaev I.V. (2019) A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]. Vol. 20. No. 1: 20–71. (In Russ.)

Received: 09.08.21. Accepted: 16.09.21.

А.Н. ДАНИЛОВ

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ДАНИЛОВ Александр Николаевич – член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь (a.danilov@tut.bu).

Аннотация. В статье рассмотрен исторический путь социологии в Республике Беларусь с выделением трех этапов. Первый этап начинается с открытия в 1921 г. Белорусского государственного университета (БГУ), где на всех факультетах вводится преподавание социологии, и завершается к 1930 г. Представлена программа первого ее курса — генетической социологии, читавшегося преподавателями кафедры социологии и первобытной культуры. Второй этап охватывает подходы к возрождению социологии в БГУ с начала 1960-х гг., включая учреждение в 1967 г. Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований (ПНИЛСИ БГУ) и введение в 1974 г. специализации по прикладной социологии в аспирантуре философского отделения исторического факультета БГУ. Третий этап начался в 1988 г. с официального признания социологии. После восстановления государственного суверенитета расширяется спектр исследований, связанных с трансформацией постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изучением ценностных ориентаций социальных групп населения республики, особенностей их социализации и идентификации.

Ключевые слова: институционализация социологии в Беларуси • Белорусский государственный университет • кафедра социологии и первобытной культуры • Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований • сектор прикладной социологии • С.З. Каценбоген • Г.П. Давидюк

DOI: 10.31857/S013216250015740-7

Начало преподавания социологии в Беларуси. Белорусский государственный университет был создан на основании постановления Президиума ЦИК ССРБ от 18 апреля 1921 г. С 30 октября 1921 г. он начал функционировать в составе трех факультетов, включая факультет общественных наук. Была создана кафедра социологии и первобытной культуры, на всех факультетах было введено чтение курсов по социологии.

Время было непростое, все было в дефиците, семь лет войн почти полностью разрушили промышленность. 1921 год стал годом отхода от военного коммунизма и перехода к нэпу. Решались вопросы государственного устройства и территориального состава Советской Социалистической Республики Беларусь (ССРБ), которая с декабря 1922 г. вошла в СССР как БССР. О том, что представлял собой БГУ в первый год существования, видно из воспоминаний профессора С.Я. Вольфсона: «Белорусский государственный университет родился. <...> Правда, условия его существования в первые месяцы были суровыми. Аудиторию нередко представляла, напряженно слушая лектора, сотенная толпа, которая стояла между четырех стен. Стояли студенты – отсутствовали скамейки, стоял профессор – отсутствовало кресло» [Максимчик, 2019: 16]. Первым предметом внимания было формирование преподавательского состава. Многие преподаватели приглашались из других регионов.

В первый год работы университет столкнулся с нестабильностью государственного финансирования и с хозяйственными проблемами. Обратимся к документам: «Президиум ЦИК пошел навстречу по поводу выдачи невыплаченного жалования профессорскому и административно-управленческому персоналу, и было предложено Тарифному Совету выдать нам 14 миллиардов. Между тем прошло две недели после этого, а денег мы все еще не

имеем. Имеем, правда, резолюцию – выдать деньги, но денег нет, я это подчеркиваю, что в области финансовой Университету чрезвычайно тяжело живется <...> большинство переданных нам зданий ветхи» [Доклад заместителя Наркомпроса..., 2019: 42]. В том же докладе сообщается о ходе приема студентов: «Как вам известно, к Белорусской Республике (вернее к Белорусскому Университету) прикомандированы ряд губерний: Брянская, Гомельская, Смоленская и Витебская. Оттуда мы получаем много заявлений о приеме. <...> Большинство подающих прошения – это делегируемые Совпрофбелом или партийными инстанциями и, согласно разверстке, большинство мест до ста представлено профессиональными и партийными организациями» [там же: 42]. А также о проблеме с размещением прибывающих преподавателей. «Профессора уже съезжаются, но мы не имеем возможности их разместить, так как те квартиры, которые были представлены нам номинально, фактически в нашем распоряжении еще не имеются и этот вопрос у нас обстоит очень тяжело» [там же: 42–43].

В становлении преподавания социологии в Белорусском университете особо выделяются заслуги С.З. Каценбогена (1889–1946) как организатора. До работы в БГУ С.З. Каценбоген осуществлял государственную и партийную деятельность: с февраля по июль 1920 г. являлся народным комиссаром социального обеспечения Литовско-Белорусской ССР, а с декабря 1920 г. до конца 1921 г. – заместителем народного комиссара просвещения ССРБ. Он вошел в историю БГУ как первый профессор, приглашенный 7 октября 1921 г. на факультет общественных наук читать «социально-экономические дисциплины», удачно сочетал работу ученого и преподавателя с исполнением обязанностей партийного управленца, был введен в состав правления БГУ, стал заместителем ректора, деканом факультета общественных наук, заведующим кафедрой «Социологии и первобытной культуры», читал курс генетической социологии на всех отделениях факультета [Данилов, 2006: 14]. Как заместитель ректора С.З. Каценбоген разделил с первым ректором БГУ В.И. Пичетой огромную ношу ответственности по созданию нового учебного заведения. Социологию он хорошо знал по учебе в учрежденном В.М. Бехтеревым частном Петроградском психоневрологическом институте, в котором М.М. Ковалевский и Де Роберти открыли первую в Российской империи кафедру социологии. В автобиографии (Минск, 25 декабря 1923 г.) С.3. Каценбоген приводит материал об этом периоде своей жизни: «В начале 1915 г. я поступил на юридический факультет Петрогр[адского] психоневрологич[еского] инст[иту]та (на III-й курс), окончив его в 1917 г. Живя в Питере изредка, приезжал только для сдачи зачетов. Колесил по России около года, работав по статистике на бакинских нефтяных промыслах. Служил на кожев[енном] заводе "Земсоюза". Все время усиленно изучал полит. экономию, историю первобытн[ой] культуры и социологию» [Память и слава..., 2019: 48].

Именно благодаря усилиям С.З. Каценбогена социология как предмет исследований и преподавания стала официально оформляться в БГУ в самостоятельную научную дисциплину. Кроме конкретных социологических курсов «общей социологии» и «генетической социологии» С.З. Каценбоген читал курсы «пролетарской революции», «истории революционных движений», «истории социалистической мысли», «истории развития общественных форм» и т.п. [Яновский, Баранова, 2007: 13]. «Значение фигуры видного управленца в государственных делах республики и политическая благонадежность делали интеллектуалачиновника востребованным в руководстве БГУ. Выполняя решение X Отчетной конференции Центрального Бюро КП(б)Б, где значительное внимание было уделено политическому соответствию состава профессоров и преподавателей первого белорусского университета, с целью усиления марксистской составляющей педагогического процесса в БГУ было предложено С.З. Каценбогену вместе с В.М. Игнатовским и В.Г. Кнориным читать соответствующие учебные курсы. Для создания противовеса В.И. Пичете, как и всей приглашенной "старой" профессуре, заместителями ректора были поставлены преподаватели-партийцы. И первым на эту должность был назначен С.З. Каценбоген» [Максимчик, 2019: 15].

Научная и публицистическая деятельность С.3. Каценбогена наиболее ярко проявилась именно в годы работы в БГУ. В это время вышли основные его научные работы,

непосредственно связанные с социологией, такие как «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала» (1923), «Философские и социологические основания марксизма» (1925), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925). Еще до прихода на работу в БГУ С.3. Каценбоген опубликовал в 1920 г. в Минске книгу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)». Данное издание можно считать первым в Беларуси социологическим исследованием с попытками оценить динамику хозяйственной жизни республики с позиции движения рабочей силы.

Учебный курс генетической социологии. Курс генетической социологии С.3. Каценбогена представлял собой соединение истории социальных идей с историей развития общественных форм, своеобразный сплав социологической мысли с социальной антропологией. Как следует из его собственного отчета, он включал следующие части и темы:

- «1. Предмет, задачи, методы и отношение к сопредельным дисциплинам.
- 2. История социологической мысли: Гераклит, Протагор, Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Ибн Хальдун, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Дж. Вико. Физиократы: Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Фергюсон, И.Г. Гердер.

Предшественники позитивизма: А. Тюрго, А. Кондорсе, К. Сен-Симон, Ж. Ламетри, Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций, Г. Гегель, О. Конт, Г. Спенсер.

Органическое направление: П. Лилиенфельд, А. Шеффле, Р. Вормс.

Биологическое: О. Аммон, Б. Кидд.

Психологическое: Ф. Гиддингс, Л. Уорд, Г. Зиммель, Г. Тард, В.М. Хвостов, П.А. Сорокин.

Материалистическое: К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов.

3. Основные проблемы генетической социологии: генезис материальной культуры (геология, палеонтология, археология, этнография).

Первобытное общество: генезис и эволюция собственности, орда, род, тотемное общество. Генезис и эволюция брака и семьи: воззрение Баховена, Леннана, Моргана, Энгельса, Кунова, Лиэра и др.

Генезис религиозных верований: магизм, анимализм, манизм, анимизм, тотемизм, эволюция религии.

Основные моменты в генезисе искусства» [Каценбоген, 1923: 241].

Как видно из представленного С.З. Каценбогеном перечня тем его учебного курса, изложение истории социологической мысли не было отделено от социальной философии. Хотя его курс нельзя считать в полном смысле теоретико-социологическим, он давал хорошее представление о теоретической социологии. Помимо материалистической концепции общества К. Маркса, Ф. Энгельса и Г.В. Плеханова рассматривались темы из предыстории социологии, основоположники позитивизма, представители биологизма, органицизма и психологизма. В то же время бросается в глаза неполнота разделов по истории социальной и социологической мысли: не нашлось места социалистам-утопистам и предшественникам К. Маркса (за исключением Сен-Симона, скорее всего, они были представлены в читавшемся им же отдельном курсе по истории социалистической мысли), Просвещение не выделено в отдельное направление (некоторые французские просветители фигурируют как физиократы и предшественники позитивизма), совершенно не уделяется внимания ведущим социологам конца XIX – начала XX в. и основоположникам современной социологической науки, таким как М. Вебер и Э. Дюркгейм.

Институционализация социологии в БГУ. В университете был сформирован факультет общественных наук, который, как сообщалось в докладе С.З. Каценбогена, «делится на отделения: социально-историческое, этнолого-лингвистическое, социальное и правовое. <...> До сих пор у нас в Университете числилось 75 профессоров и преподавателей и 68 человек административно-технического персонала..., теперь, в связи с расширением Университета, увеличивается это число до 134-х профессоров и преподавателей и 91 ассистента. <...> На Фоне перед нами встала задача укомплектовать достаточный кадр квалифицированных марксистских сил и в этом отношении нам удалось достигнуть чрезвычайно много» [Доклад заместителя Наркомпроса..., 2019: 39–40]. Открытие

университета также преследовало цель формирования слоя красной интеллигенции. В своем докладе С.З. Каценбоген информировал членов СНК Белоруссии о том, что «в Университете существует три факультета: рабочий факультет, факультет общественных наук и медицинский факультет. Рабочий факультет насчитывал в своем составе 264 человека, сплошь рабочие и крестьяне. В настоящее время мы, оценивая работу Рабфака, полагаем влить туда свежую струю, которая составит основное ядро этого факультета, ибо должен сказать, что на рабочем факультете пока имеется недостаточный кадр коммунистических преподавателей» [Доклад заместителя Наркомпроса..., 2019: 38].

Дух эпохи проявлялся в столкновении разных смыслов жизни с новой революционной целесообразностью, неизбежностью смены вех. Социология тогда воспринималась как наука обновления, наука революции. В России царской, а позже и в России советской власти воспринимали социологию как науку, способную вызвать подрыв установленного в стране общественного строя. М.М. Ковалевский в статье «Социология на Западе и в России», которую опубликовал в самом начале XX в. в сборнике «Новое в социологии», описывает курьезный случай, свидетелем которого он был: «Мне припомнились слова жандармского полковника, на границе, допрашивавшего меня: "Нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в Россию – это невозможно"» [Ковалевский, 2001: 25–26]. Только ближе к второму десятилетию XX в. социология была отчасти признана как научная дисциплина в России и на территории Беларуси, входившей в состав Российской империи. Описанная М.М. Ковалевским ситуация позже повторилась уже в СССР, где жандармских полковников сменили работники идеологических комиссий и чиновники министерства высшего образования, сотрудники Главлита и т.д.

Становлению первого в Беларуси университета помогали всем миром. Как заместитель комиссара Наркомпроса БССР С.3. Каценбоген докладывал центральному правительству о ситуации в БГУ: «...библиотека значительно подтянулась. У нас было до ста тысяч томов, в настоящее время библиотека усилилась такими основными библиотеками, как библиотеки Карского и Тихомирова. Затем мы получаем из Москвы, благодаря содействию Государственного Ученого Совета все ныне выходящие на территории РСФСР издания, и таким образом удалось уже получить до 5 тысяч книг, вышедших на территории РСФСР и представляющих крупный интерес. Больше того: нам удалось установить живую связь с заграницей, которой не имело большинство высших учебных заведений. Мы связались с Лейпцигской книжной фирмой "Кюмель" и эта фирма присылает нам много очень редких изданий» [Доклад заместителя Наркомпроса..., 2019: 40]. «Основное, что нас интересовало к предстоящему учебному году – это организация и изготовление необходимой мебели для аудиторий и лабораторий... к величайшему сожалению, те цены, которые поставил нам Союз деревообделочников за изготовленную мебель, феноменальны... Вопрос о топливе является для нас также одним из основных вопросов. В прошлом году занятия сильно хромали из-за отсутствия топлива. В этом году... дело обстоит лучше: мы получили 150 пудов торфа, что нас несколько устраивает» [там же: 41].

После революции 1917 г. социология, казалось, обрела все признаки важной и социально значимой науки, однако ее критический «дух» входил в противоречие с основными теоретическими положениями марксизма и идеологическими установками новой власти. Реальная жизнь оказалась намного сложнее намеченных планов. Социология превращалась в зеркало, в которое уже не хотела заглядывать власть. К началу 1930-х гг. окончился начавшийся в 1921 г. *первый этап* функционирования социологии в БГУ. Была закрыта и кафедра социологии и первобытной культуры в БГУ, из учебных планов исключили курсы генетической социологии. «Социология скорее была постепенно изжита, "вымыта" из корпуса обществоведения в силу жестких рамок становления идеологии, теории и практики советского строительства; функции социологии передавались марксистсколенинской философии и другим социально-гуманитарным наукам – экономике, истории, правоведению, этнологии и даже филологии» [Козлова, 2016: 106].

Еще задолго до восстановления социологии в правах опальный академик Г.Ф. Александров прочитал в 1956/57 учебном году курс лекций «История социологических учений» для студентов 4-го и 5-го курсов исторического и юридического факультетов БГУ, а в 1958 г. отдельным изданием вышла его монография «История социологии как наука» [Александров, 1958]. В 1967 г. в БГУ была учреждена Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ БГУ) [Проблемная..., 2017]. В новой лаборатории стали изучаться проблемы эффективности учебно-воспитательной работы, социология семьи, трудовых коллективов и социального управления. Научно-исследовательская деятельность ПНИЛСИ БГУ развивалась по двум направлениям: 1) крупные исследовательские проекты, разрабатывающиеся на долгосрочной основе; 2) проведение прикладных социологических исследований по заданиям государственных управленческих структур и общественных объединений. Исследования обычно носили оперативный характер, и спектр изучаемых проблем был весьма широк.

Профессор Георгий Петрович Давидюк стал первым, кто отважился в университете включить в учебные программы подготовку обучения профессиональных социологов в годы, когда социология еще пребывала под идеологическим запретом. По его инициативе с 1974/75 уч. г. на философском отделении исторического факультета БГУ была открыта специализация по прикладной социологии, а в 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов по этой специальности, распределявшихся на промышленные предприятия в качестве заводских социологов.

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, который был создан Г.П. Давидюком и начал функционировать в 1974 г. «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В.М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г.П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И.Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С.А. Шавель, Д.Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 1980-м гг. сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО "Химволокно", Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. рублей. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А.Н. Елсуков, И.Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С.А. Шавель, Г.Н. Соколова, Д.Г. Ротман, А.И. Левко, А.П. Кацева, К.Г. Лапич и др. Полевые исследования на предприятиях проводили 68 человек, в том числе 47 научных сотрудников и 21 преподаватель и аспирант, среди последних были Л.Г. Титаренко и С.В. Лапина, ставшие впоследствии докторами социологических наук, профессорами» [Давидюк 2008: 97]. В 1960–1970-е годы по примеру БГУ стали создаваться социологические структуры во всех ведущих вузах республики.

В начале 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии по специальности «Прикладная социология» обучалось около двадцати аспирантов. За этой лаконичной информацией скрывается противостояние белорусских ученых с министерским начальством. Впоследствии Г.П. Давидюк вспоминал: «...наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением "сверху". В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерстве высшего образования СССР заместитель министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н.И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические

исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н.И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: "У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?" Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н.Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано "профессия – прикладной социолог". Н.И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ "нагрянула" министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись: "профессия – преподаватель общественных наук". Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой и не открыли 12 социологических факультетов и отделений в университетах СССР, в том числе и отделение в БГУ» [Давидюк, 2008: 96].

К новому руководству страны понимание значения социологии пришло поздно, когда уже ничего не могло спасти развал СССР и советского строя. Однако, может быть в качестве покаяния, они успели в 1988 г. принять решение об открытии социологических факультетов и отделений в ведущих университетах СССР. В Беларуси остро ощущалась потребность в новых знаниях, реально отражающих социальные процессы и противоречия, новые теории прогнозирования и управления обществом. Вполне закономерно, что БГУ стоял у истоков этого процесса. «Социологические группы сложились в Белорусском политехническом институте, Сельскохозяйственной академии, Брестском пединституте, к 1980-м годам такие группы функционировали во всех ведущих вузах республики» [Давидюк, 2008: 94]. Существовавшие к середине 1980-х социологические подразделения были малочисленны, испытывали острую нехватку квалифицированных кадров, организационные трудности начального периода. В 1979 г. в издательстве «Вышэйшая школа» в Минске Г.П. Давидюк выпустил в свет один из первых учебников нового поколения «Прикладная социология». «Именно в этом учебнике Г.П. Давидюк сформулировал свое представление о функциях социологии, ее основных категориях, законах, которые были использованы шедшими за ним более молодыми исследователями. Эта книга примечательна еще двумя чертами: во-первых, в ней была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии – ее трудов и их авторов за 1960-70-е годы, и во-вторых, сформулированы предложения и размышления, как построить учебный процесс (на примере Белорусского университета)» [Тощенко, 1998: 3]. И далее: «Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для еще одного крупного достижения белорусских социологов: под редакцией Г.П. Давидюка (составители А.Н. Елсуков, К.В. Шульга) в 1984 г. вышел в свет "Словарь прикладной социологии" (Минск: Университетское, 1984; повторно он переиздан в 1991 г.). По сути дела, это был первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогичных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал помощником для тех, кто ориентировался на стезю социологии, пытался реализовать на практике конкретные социологические исследования, создавать первые учебные курсы по социологии» [Тощенко, 1998: 3].

В 1989 г. в БГУ открывается отделение социологии и кафедра социологии (первый зав. кафедрой – профессор А.Н. Елсуков) [Кафедра социологии..., 2014]. В момент открытия на кафедре помимо А.Н. Елсукова работали доценты В.Л. Абушенко, А.П. Лимаренко, И.Я. Писаренко, докторант Л.Г. Титаренко. По мере развития отделения социологии штат сотрудников кафедры увеличивался. На кафедре в разные годы работали Г.П. Давидюк, Е.М. Бабосов, П.П. Украинец, Л.А. Гуцаленко, Г.Н. Соколова, С.Н. Бурова, А.И. Левко, О.Т. Манаев, Л.Г. Новикова, О.В. Терещенко и др. В настоящее время кафедра социологии располагает высоким научным потенциалом, обеспечивается преемственность.

Менялось время, которое требовало новых форм организации. В этот период стали активно развиваться международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры. Здесь следует отметить активность Д.Г. Ротмана, С.Н. Буровой, О.Т. Манаева, А.П. Лимаренко, Ж.М. Грищенко, Л.Г. Титаренко и др. Несмотря на

усилия профессора С.Д. Лаптенка и перевод ПНИЛСИ на новый философско-экономический факультет, лаборатория медленно увядала.

В суверенной Беларуси. После распада СССР в 1991 г. Республика Беларусь обрела государственный суверенитет. Начался *третий этап* развития социологии в БГУ. После некоторой растерянности, ухода части социологов в коммерческие структуры социологи БГУ активно включились в исследование новых проблем жизни белорусского общества. Они значительно расширили объем исследований, связанных с процессами трансформации постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изменением ценностных ориентаций различных социальных групп населения республики, особенностей их социализации, идентификации.

В конце 1996 г. по инициативе Д.Г. Ротмана в БГУ создается Центр социологических и политических исследований, который со временем превратился в известную в мире исследовательскую структуру. С 1997 г. издается научно-теоретический «Журнал БГУ. Социология», с 2000 г. начинает функционировать Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», открывается филиал кафедры в Институте социологии НАН Беларуси. В этот период усиливается интерес к исследованию социальных трансформаций белорусского общества, ценностных ориентаций социальных групп населения, возрастает интерес к проблемам роста политической активности населения, изучению стратификации и демографических характеристик меняющегося общества под воздействием социальных, экономических, социально-психологических факторов. Всегда в поле внимания университетских социологов была разработка различных аспектов социального развития молодежи. Для этого периода стала характерной активизация междисциплинарных масштабных исследований актуальных проблем. Впервые социологи БГУ начали проводить электоральные исследования, связанные с выборами на съезд народных депутатов СССР (1989) и депутатов Верховного Совета БССР (1990).

В начале 1990-х годов в экономической социологии и социологии труда произошел резкий тематический сдвиг исследований. Среди новых проблем, которые активно изучаются социологами, – трудовые конфликты и забастовочное движение рабочих, экономическая преступность и ее социальные последствия, многообразие форм собственности, проблемы занятости и безработица, переход к рыночным отношениям, предпринимательство, приватизация. Проблематика экономической социологии и социологии труда все больше взаимодействует с социальной экологией, социологией катастроф и экстремальных ситуаций, что особенно актуально для Республики Беларусь, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС. Переход к рыночным отношениям не только обнажил прежние, но и обусловил возникновение новых проблем социологии семьи и демографии.

Социологи БГУ вместе с представителями других специальностей, с учеными Национальной академии наук взялись за разработку трансформационных характеристик функционирования науки в контексте глобальных социальных и социокультурных вызовов, развития новой инновационной системы, обеспечивающей технологический прогресс, ее непосредственной зависимости от состояния экономики, создания рынка новых технологий, кадрового потенциала. В БГУ изучали актуальные проблемы университетского образования, формирование общественно-политической активности студенчества, эволюции национальной системы образования, ее социально-культурные особенности, что нашло применение при выработке концептуальных основ развития системы образования в условиях системной трансформации общества.

В области социологии культуры, традиционном для университетских социологов научном направлении, на первый план вышли исследования проблем развития белорусской нации, социодинамики культуры в ее национальных традициях и особенностях в контексте взаимодействия со становлением и проявлениями специфически белорусского менталитета и национального своеобразия, национального самосознания белорусского народа. Социологи стали больше изучать проблемы культурной идентичности и самоопределения, межнациональные отношения в условиях становления суверенитета, проблемы региональной политики, местного самоуправления.

Заключение. В настоящее время «социология стала одним из главных источников получения знания о современном обществе, процессах, протекающих в нем, о человеке, его социальном самочувствии» [Данилов, 2019: 12]. Традиции, заложенные в первые годы работы БГУ, со временем, конечно же, трансформировались, отвечая на вызовы времени, при этом оставались своеобразными маяками развития. Время дополняло их новым опытом, обновляло содержание, что-то устаревало и уходило в историю, тем самым обогащая опыт и создавая условия преодоления препятствий на историческом пути. Академичность образовательного процесса, практико-ориентированный характер исследований, подготовка кадров для нужд страны стали визитной карточкой БГУ. Накопленный опыт и позволяет университету все эти годы оставаться флагманом белорусской науки и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Г.Ф. История социологии как наука. Минск: Белорус. ун-т, 1958.
- Давидюк Г.П. В муках и страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.
- Данилов АН. Институционализация профессионального социологического образования в Беларуси: истоки и перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 2. С. 4–13.
- Доклад заместителя Наркомпроса ССРБ С.3. Каценбогена о состоянии и проблемах БГУ на заседании СНК Белоруссии в рамках обсуждения вопроса о деятельности и плане работы Наркомпроса ССРБ. г. Минск. 25 августа 1922 г. // Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / Редкол.: А.Г. Кохановский, О.О. Яновский, А.Н. Данилов; сост. А.Н. Максимчик. Минск: БГУ, 2019. С. 38–43.
- Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / Под ред. А.Н. Данилова. Минск: БГУ, 2014.
- Каценбоген С.З. Белорусский государственный университет за 1922–1923 академ. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. 1923. № 4–5. С. 231–281.
- Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 25–30.
- Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
- Максимчик А.Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С.З. Каценбогена (1889–1946) // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 2. С. 65–86.
- Максимчик А.Н. Ученый, педагог, организатор и руководитель советской высшей школы // Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / Редкол.: А.Г. Кохановский, О.О. Яновский, А.Н. Данилов; сост. А.Н. Максимчик. Минск: БГУ, 2019.
- Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания. Минск: БГУ, 2017.
- *Тощенко Ж.Т.* Беларусь: время надежд. К читателю // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 3–4. *Шавель С.А.* Общественная миссия социологии. Минск: Беларуская навука, 2010.
- Яновский О.А., Баранова Е.В. Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные факты и размышления историков // Социология. 2007. № 4. С. 10–20.

Статья поступила: 01.07.21. Финальная версия: 13.07.21. Принята к публикации: 20.09.21.

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF SOCIOLOGY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

DANILOV A.N.

Belarusian State University, Republic of Belarus

Aleksandr N. DANILOV, Corresponding Member of the Belorussian National Academy of Sciences, Head of Chair of Sociology of Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (a.danilov@tut.bu).

Abstract. The article examines the historical path of sociology in the Republic of Belarus highlighting three stages of the development of sociology at BSU and reveals their content and features. After the restoration of state sovereignty, the range of research is expanding, covering the study of the post-Soviet world transformation, the rooting of the Belarusian statehood, the study of the value orientations of various social groups of the population of the republic, the peculiarities of their socialization and identification. It is concluded that the sociological science at BSU has completed the stage of institutionalization and nowadays it is actively developing at the university. The university staff includes well-known specialists who provide highly qualified personnel with competencies to work in conditions of global instability to give an adequate response to the new challenges of the time.

Keywords: Institutionalization of sociology in Republic of Belarus, Belarusian State University, Department of Sociology and Primitive Culture, Problematic Research Laboratory of Sociological Studies, Sector of Applied Sociology, S.Z. Katsenbogen, G.P. Davidyuk.

REFERENCES

Aleksandrov G.F. (1958) The History of Sociology as a Science. Minsk: BGU. (In Russ.)

Danilov A.N. (2019) Institutionalization of Professional Sociological Education in Belarus: Origins and Prospects. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Sotsiologiya [Journal of the Belarusian State University. Sociology]. No. 2: 4–13. (In Russ.)

Danilov A.N. (ed.) (2017) Problematic Scientific-research Laboratory of Sociological Research of the Belarusian State University (PNILSI BSU): To the 50th Anniversary of the Establishment. Minsk: BGU. (In Russ.)

Danilov N.A. (ed.) (2014) Department of Sociology, BSÚ: History and Modernity. To the 25th Anniversary of the Establishment. Minsk: BGU. (In Russ.)

Davidiuk G.P. (2008) Bielarus': In Pain and Suffering Sociology was Born. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 6: 93–99. (In Russ.)

Katsenbogen S.Z. (1923) Belarusian State University for 1922–1923 Academic Year (Results and Prospects). *Trudy BGU* [The Proceedings of BSU]. No. 4–5: 231–281. (In Russ.)

Kovalevsky M.M. (2001) Sociology in the West and in Russia. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 25–30. (In Russ.)

Kozlova L.A. (2016) Post-Revolutionary Russian Sociology: A Failed Attempt of Sovietization. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 12: 105–113. (In Russ.)

Maksimchik A.N. (2017) Little Known Pages of Biography and Activities of Professor S.Z. Katsenbogen (1889–1946). Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya [Journal of the Belarusian State University. Sociology]. No. 2: 65–86. (In Russ.)

Maksimchik A.N. (2019) Scientist, Teacher, Organizer, and Head of the Soviet Higher School. In: Kokhanovsky A.G., Yanovsky O.O., Danilov A.N. (eds); A.N. Maksimchik (comp.) Memory and Glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th Anniversary of the Birth. Minsk: BGU: 9–31.

Report of the Deputy People's Commissariat for Education of the SSRB S.Z. Katzenbogen on the State and Problems of the Belarusian State University at a Meeting of the Council of People's Commissars of Belarus in the Framework of the Discussion of the Issue of the Activities and Work Plan of the People's Commissariat for Education of the SSRB. (2019) Minsk. August 25, 1922. In: Kokhanovsky A.G., Yanovsky O.O., Danilov A.N. (eds); A.N. Maksimchik (comp.) Memory and Glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th Anniversary of the Birth. Minsk: BGU: 38–43.

Shavel S.A. (2010) Public Mission of Sociology. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (1998) Belarus: Time of Hopes. A Word to the Reader. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 9: 3–4. (In Russ.)

Yanovsky O.A., Baranova E.V. (2007) The Origins of University Sociology in Belarus: Archival Materials and Reflections of Historians. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 4: 10–20. (In Russ.)

Received: 01.07.21. Final version: 13.07.21. Accepted: 20.09.21.

Л.А. ЛЕБЕДИНЦЕВА, П.П. ДЕРЮГИН, Л.С. ВЕСЕЛОВА

СОЦИОЛОГИЯ В СИНГАПУРЕ 1960–1990-х гг.: «ДВОЙНОЙ МАНДАТ» СОЦИОЛОГА

ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна – доктор социологических наук, доцент (Ilebedintseva879@gmail.com); ДЕРЮГИН Павел Петрович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ) (deriuginpav@yandex.ru). Оба – факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ВЕСЕЛОВА Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Iveselova@hse.ru). Все – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Статья анализирует социологию Сингапура, раскрывая историю и направления ее становления – структурные, институциональные и культурные. На основе публикаций представлен период появления и развития социологии до конца 1990-х гг., отмечен ее экзогенный характер, особенности институционализации, интернациональный характер и связь с антропологией как базовыми основаниями. Рассмотрена связь социологии Сингапура с европейской и американской социологией, с конкретными эмпирическими исследованиями сообщества островитян. Представлен анализ направлений работы сингапурских социологов: разработки теории, методологи и методов социологического исследования; обзор актуального социального пространства социологических исследований; направления реализации результатов исследований. Сделаны выводы о значении сингапурской социологии для анализа трендов развития мировой социологической науки и о единстве теории и практики в деятельности сингапурских социологов как двойном мандате, характерном для их работы¹.

Ключевые слова: Сингапур • история социологии • экзогенный характер социологии • направления социологических исследований • структурные, институциональные и культурные основы социологии

DOI: 10.31857/S013216250015561-0

Социология в Сингапуре: начало истории. Ранние упоминания о социальноантропологических исследованиях в Сингапуре относятся к 1950-м гг., когда несколько зарубежных исследователей-антропологов провели эмпирические исследования китайских и малайских общин на предмет изучения их обычаев и принципов родства. Среди исследователей был М. Фридман, впоследствии ставший профессором социальной антропологии в Оксфордском университете. Собственно социология, по мнению исследователя Сингапура Дж. Бенджамина, берет свое начало в качестве самостоятельной области науки с 1965 г., когда на факультете искусств и социальных наук в Сингапурском университете была создана первая полноценная кафедра (департамент) социологии [Benjamin, 1996].

Профессором-основателем кафедры был М. Гроувс (М. Groves), австралийский социальный антрополог, который заложил традиции методологической строгости исследований. На три курса было зачислено 150 студентов, и, несмотря на то, что впоследствии смогли нанять ряд преподавателей, долгое время департамент был укомплектован

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07443.

¹Авторы сознательно ограничивают период рассмотрения 1990-ми гг., акцентируя внимание на анализе становления социологии в Сингапуре. Современный этап развития социологии в Сингапуре, так же как анализ становления социологии в китаеязычном мире, планируется представить в последующих публикациях.

наполовину. Одной из проблем, мешавших обучению, было отсутствие социологического материала о Малайзии и Сингапуре. Проведя исследования силами сотрудников кафедры, Р. Хасан (R. Hassan) и Дж. Тэмни (J. Tamney) написали и издали книгу «Analysis of an Asian Society: Singapore». Социологическое общество студентов начало выпускать «Социологический журнал Юго-Восточной Азии». Несмотря на то, что опубликовано было всего три выпуска, он стал предшественником современного «Журнала социальных наук Юго-Восточной Азии» (Southeast Asian Journal of Social Science), который базируется в Департаменте и издается Times Academic Press². Первая учебная дисциплина «Социальные исследования» преподавалась в двух университетах страны, в Наньянском (NU) и Сингапурском (SU)³.

Первым годом подготовки социологов стал 1966-й, когда в университетах предлагалось три курса по базовой социологии и антропологии. Тридцать последующих лет (1965–1995) социология как учебная дисциплина неуклонно росла количественно и качественно.

В 1967 г. в обоих университетах начал преподавать впоследствии всемирно известный социолог с голландским образованием С.Х. Алатас, проработавший здесь до 1988 г. Его усилиями социологическое направление в преподавании и исследованиях (так накзываемые малазийские исследования) приобрело отчетливо самостоятельное значение для Сингапура [Khondker, 2018].

В 1971 г. заведование кафедрой перешло к Х.-Д. Эверсу, немецкому социологу, который учился в США и до этого назначения вел полевые исследования в Юго-Восточной Азии. Деятельность проф. Эверса, до его возвращения в Германию в 1974 г., способствовала расширению круга теоретических исследовательских интересов кафедры социологии, проведению эмпирических исследований.

В этот период департамент начинает публиковать Серию рабочих статей (Working Paper Series) для поощрения сотрудников к написанию и представлению результатов исследований. Главными темами преподавания и исследований становятся городская социология и этнические отношения ^{4} .

Четырехкратное расширение университетского образования и исследований в Сингапуре привело к созданию Национального университета Сингапура (далее – НУС) в 1980 г.⁵, что повлекло за собой увеличение набора социологов и социальных антропологов (в соотношении примерно 3:1) как студентов, так и преподавателей. Соответственное расширение направлений подготовки на кафедре социологии повлияло на развитие направлений теоретических и эмпирических исследований: «Раньше термин "теория" означал не более, чем заботу о методологической педантичности в рамках действенной дюркгеймовской структуры; теперь он стал относиться к различным способам изображения природы социальных отношений и их последствий» [Вепјатіп, 1996]. К функционалистам присоединились ученые, находившиеся под влиянием идей М. Вебера, К. Маркса, А. Шюца, К. Леви-Стросса, П. Бурдье, М. Фуко, И. Валлерстайна и других. Исследовательская деятельность расширилась: сингапурские социологи больше не держались в стороне от теоретических дебатов и начали вносить оригинальный вклад в эту область.

Через двадцать лет после создания кафедры здесь работал 31 преподаватель, 16 из них были сингапурцами. Насыщение факультета профессорско-преподавательскими

² History of Department of Sociology // National University of Singapore. URL: https://fass.nus.edu.sg/soc/history/ (дата обращения: 15.06.2021).

³ Эти университеты объединены в Национальный университет Сингапура (NUS) в 1980 г.

⁴History of Department of Sociology // National University of Singapore. URL: https://fass.nus.edu.sg/soc/history/ (дата обращения: 15.06.2021).

⁵Другим основным центром социологической деятельности в этот период являлся Институт исследований Юго-Восточной Азии (ISEAS), учрежденный правительством Сингапура в 1968 г. Отдельные социологи и социальные антропологи работали в других местах Сингапура в качестве исследователей, например, в правительственных департаментах – Совет по жилищному строительству и развитию (HDB), в Министерстве образования, в коммерческом секторе.

кадрами из числа окончивших факультет сингапурских студентов – длительный процесс, поскольку студенту первого курса бакалавриата могло потребоваться от десяти до двенадцати лет, чтобы получить степень доктора философии. Формирование кафедры преподавателями из числа вчерашних студентов-сингапурцев сказалось на новых подходах к изучению социологии, на проблематике, актуальной для сингапурского общества.

Привлечение преподавателей из числа сингапурцев было стратегией развития высшего образования. В начале 1980-х гг. университет создал Систему старшего наставничества (Senior Tutorship Scheme, далее – ССН), с помощью которой планировалось удовлетворить потребности в наращивании сингапурского опыта исследований на факультете. Согласно ССН выпускникам с лучшей академической успеваемостью на уровне бакалавра с отличием предоставлялась полная финансовая помощь для получения степени доктора философии в зарубежном университете по выбору (как правило, университеты США и Великобритании), а также должность преподавателя в НУС после получения этой степени. Студенты по специальности социология при поддержке ССН работали в качестве младших преподавателей. Обычно они получали степень магистра в НУС, занимаясь преподаванием в качестве ассистентов, затем ехали за границу для получения степени доктора философии. К концу 1980-х гг. первые выпускники и несколько преподавателей составляли «костяк» сингапурской социологии.

В 1994/95 учебном году университет предлагал 32 учебных курса для получения четырехлетней степени бакалавра: преподавались теория, методология, промышленная социология, социальная стратификация, социальная психология, городская социология, социология образования, семьи, девиантного поведения, этнические отношения, организации, профессии, язык и коммуникация, развитие и социальные изменения. В 1994 г. на факультете социологии с первого по четвертый курс обучалось более тысячи студентов.

К этому времени на кафедре работали местные (по происхождению) и иностранные преподаватели. К 1995 г. в рамках ССН было подготовлено восемь из шестнадцати местных преподавателей. Первое поколение социологов из бывших сингапурских студентов было представлено профессорско-преподавательским составом, который присоединился к кафедре в течение первых пятнадцати лет ее существования. Кафедра социологии к этому времени получила право присуждения степени магистра и доктора философии.

Подавляющее большинство социологов с докторскими степенями в Сингапуре работают в качестве преподавателей факультета социологии НУС. Для них преподавание является фундаментальной частью их договорных обязательств. При обычной 44-часовой рабочей неделе 75–80% времени посвящается преподаванию (включая подготовку к занятиям и консультации со студентами), около 20–25% времени – исследованиям и консультациям. Результаты исследований (публикации), помимо прочего, являются важным критерием продвижения преподавателей. Исследования обычно прямо или косвенно связаны с профессиональной консультационной деятельностью. Области консультаций для социологов в Сингапуре в основном, но не исключительно, относятся к государственному сектору и касаются таких областей, как государственное жилье, экологические проблемы, здравоохранение, медицинская этика, семейная политика, общественные организации, промышленная автоматизация, производительность труда и средства массовой информации.

В 1990-е гг. кафедра социологии участвовала в ряде масштабных междисциплинарных исследовательских проектов: «Сравнительное исследование здоровья и старения в Азии» совместно с Мичиганским университетом (США), «Изменения в состоянии здоровья, благосостояния и благосостояния пожилых сингапурцев: 1995–1999 гг.» совместно с Министерством общественного развития Сингапура и Мичиганским университетом и др.

Социология в Сингапуре как экзогенное явление: три важные особенности. В период 1965–1980 гг. на кафедре работали социологи, получившие американское образование, и социальные антропологи, получившие британское образование. Поначалу это были в основном не сингапурцы, но по мере расширения кафедры к ним присоединились сингапурские и другие азиатские ученые, вернувшиеся из-за границы. Европейцев и

американцев, которые проводили исследования в Юго-Восточной Азии, становилось меньше. Послевузовская подготовка новых кадров оставалась той же, что и у первоначальной группы преподавателей – европейской или американской. Персональный состав кафедры не мог не сказаться на содержательных характеристиках социологии.

Как отмечает С. Куа, многонациональный и междисциплинарный состав факультета социологии первых лет определил три особенности развития социологии в Сингапуре. Они сохранились на всем протяжении рассматриваемого периода. Во-первых, кафедра последовательно представляла институциональную базу социологии и интеллектуальный «дом» для большинства социологов с докторскими степенями, работающих в Сингапуре. Во-вторых, учитывая интернациональный состав кафедры, студенты-социологи воспитывались под совместным влиянием европейского и американского стилей. В-третьих, между социологией и антропологией установилась тесная связь, поскольку кафедра социологии с самого начала разместила эти две дисциплины под одной крышей [Quah, 1995]. Дополнительной – четвертой – особенностью, по мнению современных исследователей, сингапурской социологии в период становления была сильная связь с политическими структурами [Vineeta Sinha, 2017]. В 1970–1990-е гг. ожидалось, что исследования в области социологии (финансируемые в основном правительством) будут вносить непосредственный вклад в процесс модернизации, способствовать проекту национального строительства. Производство знаний в области социальных наук было направлено на получение информации о быстрых социокультурных, экономических и политических изменениях в Сингапуре, отражающих приоритеты национального государства, управляющегося многонациональным, многоконфессиональным населением [Vineeta Sinha, 2017].

Среди исследователей Сингапура и сингапурской социологии нет единого мнения, чье влияние было большим на становление социологии: американское или европейское (британское). Дж. Бенджамин пишет, что социология в Сингапуре возникла преимущественно как американская [Benjamin, 1996]. С. Куа отмечает, что «в бывших британских колониях, таких как Сингапур, Малайзия и Индия, университеты следовали британской системе образования, и социология была введена с отчетливым европейским колоритом» [Quah, 1995].

Впрочем, верно одно: социология как наука в Сингапуре была привнесена извне, это экзогенное явление. Местные национальные (этнические) и региональные влияния оказывали несущественное влияние на направленность теоретического содержания социологии в первые годы, напротив, эмпирические исследования нацеливались на изучение региональных и местных особенностей, что привносило в сингапурскую социологию специфическое влияние.

Направления работы сингапурских социологов. Теория, методология и методы исследования. Во многом механическое объединение принципов американской социологической школы с принципами европейской социологии, дополненное особенностями эмпирических исследований сингапурского сообщества, далеко не всегда находится в состоянии непротиворечивого единства, скорее, напротив.

Учитывая зарубежную подготовку профессорско-преподавательского состава, неудивительно, что разногласия по теоретическим подходам, характеризующие в 1990-е гг. социологию во всем мире, проявляются и в Сингапуре. Профессор С. Куа по результатам анализа более сотни статей о сингапурской социологии отмечает главную особенность теоретической социологии и исследований по методологии на период середины 1990-х гг.: с одной стороны, это наличие множества разногласий, с другой – стремление согласовывать теоретические и методологические точки зрения [там же]. Собственно, в рамках сингапурской социологии теоретическое поле исследований отражало то, что характеризовало мировую социологию: разногласия и конфликты между социологами из-за различных теоретических и идеологических убеждений; общее, но не абсолютное согласие в отношении права на сосуществование разных теоретических точек зрения; признание тесной связи между теоретическими проблемами и методологией исследования [Quah, 1993].

Лишь меньшинство сингапурских социологов в своих работах придерживаются взглядов феноменологии и этнометодологии, феминистской идеологии. Различия с мировой

социологией в Сингапуре в том, что все показанные противоречия реализовывались в рамках относительно небольшой группы социологов, вынужденно работающих в одном научном и образовательном пространстве и обреченных искать позитивный выход для непротиворечивого сосуществования.

Поиск согласия в отношении права на сосуществование различных теоретических точек зрения проявляется в том, что большинство социологов в Сингапуре прилагают усилия для концептуального анализа предмета своего исследования в рамках господствующей теории в социологии, хотя, как и ожидалось, нет единого мнения о том, какие теоретические перспективы являются наилучшими. Основные авторы обращаются в своих работах неявно или явно к идеям классических и современных теоретиков, к социологическим концепциям из множества концептуальных рамок, включая интеракционистскую теорию, ролевую теорию, неофункционализм, теорию конфликтов, символическое взаимодействие и другие. Общей чертой изученных публикаций является то, что обсуждение и анализ предмета остаются на уровне эмпирических обобщений и, как правило, сосредоточены на «строительных блоках» теории, но не на построении строгих теоретических рамок. В анализируемых публикациях не было разработано какого-либо оригинального теоретического подхода или предложено крупного вклада в общую социологическую теорию. Тем не менее из этих публикаций видно, что прилагается много усилий для эмпирического анализа, переформулирования и проверки старых и новых концепций и концептуальных положений. В этом смысле социологи в Сингапуре вносят вклад в рост социологических знаний.

Еще одно интересное сравнение с мировыми тенденциями может быть сделано в отношении склонности социологов, придерживающихся различных теоретических ориентаций, относиться друг к другу «с недоверием, если не с явной насмешкой. ...даже в рамках одного направления его сторонники часто подвергают друг друга оскорблениям и критике» [Тернер, 2001: 34]. Профессор Дж. Тернер, один из ведущих американских специалистов по теоретической социологии, видел в этом серьезное препятствие для теоретической интеграции в социологии. Н. Смелсер и Р. Сведберг в вводной статье к «Хрестоматии по экономической социологии» («The Handbook of Economic Sociology», 1994) также отмечали отсутствие в социологии доминирующей традиции и, напротив, присутствие деструктивного отношения к научным взглядам другого(их), когда социологические подходы и школы настолько различаются, что соперничают друг с другом [Сведберг, Смелсер, 2003].

Характерной особенностью социологии в Сингапуре выступает признание тесной связи между теоретическими проблемами и методологией исследования. Происходит это в сингапурской социологии с присущим ей местным колоритом. Подражая конфронтационному стилю коллег в Европе и Северной Америке, авторы публикаций, которые используют феноменологию и этнометодологию в своих работах, оправдывают свои позиции, нападая на другие теоретические точки зрения. Ведущие социологи Сингапура представляют и объясняют свой выбор концептуальных и методологических подходов, подчеркивая достоинства этих подходов и их актуальность для предмета исследования. Основные авторы обычно концентрируются на критическом обсуждении альтернативных концептуальных и методологических подходов, но ни один из них не упомянул этнометодологию или феноменологию в негативном смысле. Таким образом, большинство социологов в Сингапуре, по-видимому, игнорировали критические подходы социологов.

Методологические и методические подходы, применяемые социологами в Сингапуре, охватывают спектр возможностей в международной социологии 1990-х гг. Общая тенденция заключается в сочетании исторического, количественного и качественного подходов. Примерами разнообразия подходов являются: исследовательские проекты, основанные на тематических исследованиях и методах обследования с большими репрезентативными выборками, или сочетание того и другого; методы сбора данных, такие как устные и письменные исторические записи, биографические исследования, углубленные тематические исследования и структурированные интервью; методы анализа данных, варьирующие от

качественных (критический контент-анализ, интерпретирующий нарратив и этнография) до количественных (включая анализ данных переписи, непараметрическую и параметрическую статистику, дисперсионный анализ, регрессию, факторный анализ).

Доминирующей тенденцией сингапурской социологии было применение откровенно «функционалистского» анализа к эмпирическому материалу, собранному методами количественного опроса. Меньшей, хотя и весьма характерной, тенденцией было использование интенсивных этнографических методов.

Социальное пространство социологических исследований в Сингапуре в 1960–1990-е гг. В публикациях сингапурских социологов освещен широкий спектр исследовательских проблем. Они варьируются от вопросов макроуровня, таких как обеспечение жильем, государственное строительство и семейная политика, до исследований биографий и стрессовых ситуаций на работе на микроуровне. Общая картина спектра тем исследования представлена в табл. 1, где публикации представлены по социологическим областям. Порядок убывания этих полей следует за соответствующим количеством публикаций.

Наиболее активной областью исследований являются публикации по этнической тематике, этнической принадлежности и связанным с ней аспектам, – миграция и адаптация этнических групп, этнические ценности, отношения и культура [Chen, Evers, 1978: 130–146]. Привлекательность этнических отношений в качестве предмета исследования в Сингапуре понятна, учитывая многонациональный состав населения Сингапура и значимость этнической гармонии для политической и социально-экономической стабильности страны. Сингапур – страна иммигрантов из Малайзии, Индонезии, Индии, Китая и Европы [Chen, 1986: 35], это многонациональное, многоязычное и мультикультурное общество. Эти характеристики имеют важное социальное значение для сингапурского общества. Основными этническими группами являются китайцы, малазийцы, индийцы и европейцы. Каждая этническая группа имела свои культуру, язык, религию и социальные практики⁶.

По выражению Дж. Бенджамина, Сингапур – классическое «плюралистическое общество» [Вепјатіп, 1996], добавим: с сильной государственной властью. Среди современных ученых присутствует практически единодушное мнение о том, что сингапурское государство в этот период является авторитарным, этаким «государством-нянькой» (nanny state) [Nur Amali Ibrahim, 2018]. Как пишет один из современных сингапурских социологов: «Быть сингапурцем предполагает постоянное взаимодействие с государственными органами по трем ключевым признакам идентичности. Раса, язык и религия являются основными сюжетными темами в мифе об основании нации, а также важными инструментами управления, с помощью которых государство стремится осуществлять социальный и политический контроль» [Francis Khek Gee Lim, 2017].

Только к концу 1950-х гг. научные исследования основных этнических групп, процессов этнической интеграции начинают основываться либо на крупномасштабных обследованиях, направленных на составление национальных профилей, либо на маломасштабных этнографических исследованиях предполагаемых составных элементов разнообразного населения Сингапура. Они были посвящены изучению социальной истории и социальной структуры китайского сообщества в Сингапуре, анализу характеристик и проблем идентичности диалектных подгрупп (dialect sub-groups) китайских общин, особенности социальной организации китайских кланов [Chen, 1986: 34–38]. Приблизительно в том же контексте изучались малазийские и индийские этнические сообщества.

За исключением этнических отношений, ранжирование других областей исследований не отражает их относительную важность в качестве проблем сингапурского общества. Будучи промышленно развитым городским мегаполисом, достигающим статуса глобального города, можно было бы ожидать большего количества публикаций по аспектам

⁶В 1965 г., когда Сингапур стал независимым, правительство приступило к осуществлению ряда мер в сферах образования, языковой политики, социального обслуживания, средств массовой информации и других, направленных на продвижение национальной интеграции и сингапурской культуры.

Таблица 1 Публикации в научных журналах по социологии в Сингапуре, 1990–1994 гг.

Исследовательское поле	Количество публикаций
Этнические отношения (миграция, адаптация, ценности)	21
Социальная стратификация, занятость и профессии	15
Социология семьи (включая гендерные исследования)	12
Политическая социология	10
Социология города	8
Социология знаний и науки	8
Социология здоровья (социология медицины)	7
Индустриальная социология (социология труда)	6
Преступность и девиантность	4
Религия	4
Другие (историческая социология, мода, сексуальность, язык, стресс и теория)	13
Антропология	8
Все исследовательские поля	116

Источник: [Quah, 1995].

городской и промышленной социологии, но их число ниже, чем в области социальной стратификации, социологии семьи и политической социологии. Одной из возможных причин разницы в количестве публикаций в этих областях исследований является количество социологов, специализирующихся в каждой области. Другая возможная причина различий в том, что каждый ученый может по-разному относиться к публикациям как части своей профессиональной деятельности. Это универсальная черта, и Сингапур не исключение.

Коммуникация и межгрупповые взаимодействия. В многонациональном обществе Сингапура способы взаимодействия этнических групп друг с другом и отношение каждой этнической группы к другим этническим группам важны для углубленных исследований. Среди наиболее интенсивно разрабатываемых тем были: межэтнические браки [Hassan, 1971]; отношения между основными этническими группами малазийцев и сингапурцев [King, 2008: 150–154]; интеграция разных этнических групп между собой; конфликты социальных ценностей в китайско-малайских отношениях [Chen, Kuo, 1978]; освещение развития этнических преследований и общинных отношений среди детей в интегрированной начальной школе в китайских, малазийских и англоязычных СМИ; средства массовой коммуникации и их роль в продвижении и популяризации национальной идентичности и социального развития; вопросы контроля и управления СМИ официальной властью; и др. [Chen, 1986: 39–42].

Социальное жилье и жизнь в городе. С 1960-х гг. в Сингапуре действуют государственные жилищные программы. Большая часть первоначальных исследований была мотивирована желанием сравнить новые условия жизни в высотных домах со старыми деревенскими или внутригородскими укладами [Chua Peng Chye, 1973]. Интерес к деревенской жизни с тех пор угас, но социология массовой городской жизни остается главным, хотя и несколько экспериментальным, фокусом интереса: ни в одной другой стране нет столь большой доли населения, живущего в государственном жилье. В середине 80-х гг. около 68% населения проживало в государственных квартирах (в 1991 г. – 86%). Государственное жилищное управление «Совет по жилищному строительству и развитию» (The Housing and Development Board) строило жилье для 90% населения [Kuan-Hsing Chen, Goh, 2016: 261]. В рамках этого направления изучались: политика развития городской среды; политика национального развития и трансформации жизни в городских условиях; вопросы социальной справедливости в условиях городской среды. В 1968 и 1973 гг. были проведены

массовые исследования Департаментом статистики и исследований Совета по жилищному строительству и развитию. В отчетах по этим двум исследованиям говорилось, что «в целом жильцы были очень довольны условиями проживания в государственных жилых комплексах» [Chen, 1986: 42–46]. Однако в других исследованиях социологов отмечалось, что в качестве сопутствующих появляются социальные и психологические проблемы у людей, проживающих в таких домах (в частности, проблем с адаптацией к высотному жилью, в межличностных и семейных взаимоотношениях, недостаток социального контроля в отношениях с соседями, отчуждение и др.) [Hassan, 1969: 24–25]. Были сделаны выводы, что переселение в многоэтажные дома приводит к значительным изменениям в условиях жизни. Однако, в целом, те, кто решился на эти изменения, демонстрируют достаточно высокий уровень удовлетворенности [Chen, 1986: 47].

Рождаемость и планирование семьи. Политика планирования семьи в Сингапуре признана одной из самых успешных в мире. Соответственно, основная масса публикаций была посвящена этой политике и причинам ее успешности. К началу 80-х гг. проведено пять общенациональных выборочных обследований, чтобы выяснить восприятие, отношение и поведение в отношении планирования семьи и демографической политики среди сингапурцев. По выражению сингапурского социолога Р. Хассана, «семейное планирование стало, в некотором смысле, частью национальной идентичности сингапурцев» [Наssan, 1980]. Меры, предложенные в этих рамках, касались ограничения и контроля над рождаемостью, в нее были включены законы, касающиеся абортов, стерилизации. Меры социального сдерживания по отношению к многодетным семьям были во многом уникальны и привлекали внимание экспертов по планированию семьи, политических деятелей и социальных ученых [Fawcett, Khoo, 1980].

Бедность и социальная стратификация. В богатеющем сингапурском обществе бедность становилась все более скрытой от общественного сознания. Как отмечает П. Чэн, «термин "бедность" подразумевает не только материальные лишения, но и образ жизни» [Chen, 1986: 51]. В начале 1970-х гг. некоторые исследователи-социологи отводили низшему рабочему классу до 55% общего количества населения, где преобладала бедность или даже нищета [Висhanan, 1972; Pang, 1975: 16]. Что касается ценностей и жизненных шансов бедных, то слабые возможности, очевидные незначительно более обеспеченным членам общества, отсутствуют, жизненных устремлений нет, а чувство обездоленности является полным [Кing, 2008]. Первое масштабное социологическое исследование социальной стратификации в Сингапуре было проведено в 1972 г. (второе – в 1980 г.). Оно показало, что 6,4% населения относятся к высшему классу, 51,5% – к среднему, оставшиеся 42,1% – к низшему классу. Такая классификация основывалась на шкале социально-экономического статуса с четырьмя переменными: образование, доход, род занятий и тип жилья. Данные, полученные методом самоидентификации, показали: 4,2% – высший класс, 65,4% – средний класс, 30,4% – низший [Chen, 1986: 54].

Эффект результатов социологических исследований. Сингапурские социологи имеют неплохие возможности для обнародования научных результатов как на местном, так и на международном уровнях. Кафедра социологии НУС издает на регулярной основе два научных журнала: «Юго-Восточный азиатский журнал социальных наук» (The Southeast Asian Journal of Social Science), выходит два раза в год с 1973 г., и «Рабочие документы факультета социологии» (Department of Sociology Working Papers) – 102 номера за 1972–1990 гг. Исторический факультет НУС издает журнал «Исследования Юго-Восточной Азии» (Journal of Southeast Asian Studies), регулярно включая статьи, представляющие социологический или социально-антропологический интерес. ISEAS, в дополнение к обширным монографическим исследованиям, выпускает социологический журнал «SOJOURN: Social Issues in Southeast Asia», выходящий два раза в год с 1986 г.

Представленные журналы не единственные и даже не основные каналы публикаций социологических работ на местном уровне. Социологи и другие ученые, работающие в сфере социальных наук в Сингапуре, имеют важное преимущество перед коллегами в

других странах: владение английским языком, одним из четырех официальных языков в стране; на нем проходит обучение в высших учебных заведениях. Кроме того, все социологи с докторскими степенями в Сингапуре закончили аспирантуру в англоязычных учреждениях и в течение нескольких лет жили в англоязычных странах. Владение международным языком дает социологам доступ в издания и профессиональные журналы, повышает вероятность написания рукописей в стиле, установленном международными стандартами. Они могут сосредоточиться на качестве идей и содержании статей, не отвлекаясь на языковые трудности.

Половина научных трудов сингапурских социологов публикуется на местном уровне, треть в Северной Америке и Европе, остальные в журналах по социологии и социальным наукам в других азиатских странах. В таблице 2 представлены тенденции интеллектуальной ориентации сингапурских социологов, выявленные по характеру цитирования в их публикациях, показаны три возможные пространственные сферы влияния научной деятельности: «локальная» (или местная), «азиатская» и «западная».

Таблица 2 Традиции цитирования в Сингапуре, 1990–1994 гг. (в %)

Исследовательское поле	Местные авторы	Азиатские авторы	Западные авторы	Всего
Этнические отношения (миграция, адаптация, ценности)	8,0	23,0	69,0	100,0 (360)
Социальная стратификация, занятость и профессии	16,0	8,0	76,0	100,0 (109)
Социология семьи (включая гендерные исследования)	50,0	4,0	46,0	100,0 (323)
Политическая социология	30,0	20,0	50,0	100,0 (101)
Социология города	41,0	6,0	53,0	100,0 (163)
Социология знаний и науки	5,0	20,0	75,0	100,0 (165)
Социология здоровья (социология медицины)	16,0	2,0	82,0	100,0 (63)
Индустриальная социология (социология труда)	46,0	_	54,0	100,0 (26)
Другие	5,1	26,7	68,2	100,0 (314)
Антропология	_	_	100,0	100,0 (48)

Источник: [Quah, 1995].

В Как и ожидалось, учитывая масштабы западной социологической продукции и сравнительно меньший объем литературы из Азии, общая тенденция в интеллектуальной ориентации авторов в большинстве областей социологии направлена на западную сферу исследований. Это особенно заметно в социологии здоровья (82% всех цитат из западной литературы), социальной стратификации (76% цитат) и социологии знания (75% всех цитат). Социология семьи является исключением: цитаты почти равномерно охватывают «местную» сферу (50%) и «западную» сферу (46%). Индустриальная социология и городская социология следуют аналогичной двойной ориентации. Эта тенденция в семейной, промышленной и городской социологии может быть обусловлена большей доступностью местных

исследований. Однако более вероятной причиной является склонность соответствующих авторов включать сингапурские данные и, в меньшей степени, работы сингапурских авторов в свои исследования.

Анализ сингапурской социологии показывает, что Сингапур предоставляет позитивные возможности структурному и прикладному росту социологии. Местные (внутренние) структуры профессиональных возможностей относятся к наличию и распределению вознаграждений и ресурсов, включая наличие или отсутствие благоприятных социальных механизмов и препятствий практикам и росту социологии [Quah, 1993: 16–20]. В контексте университетов развивающихся стран структуры возможностей для социологии в Сингапуре в период 1960–1990-х гг. были оптимальными: социология значительно выросла за последние тридцать лет официального присутствия в Сингапуре. Число курсов увеличилось с трех до тридцати двух; число преподавателей – с одного до тридцати двух; уже существовал значительный объем социологических исследований, проведенных социологами в Сингапуре; число социологических публикаций продолжало расти.

Поскольку НУС является государственным университетом, финансовая поддержка, которая поддерживала рост кафедры социологии (включая инфраструктуру, объекты и другие аспекты предоставления «средств интеллектуального производства») в течение последних трех десятилетий, является прямым результатом решения политического руководства поддержать научную дисциплину.

Выпускники факультета социологии уже в то время занимали довольно высокие посты: были членами парламента, государственными министрами в области здравоохранения и образования, по вопросам развития общин. Социологов часто приглашают в качестве консультантов в органы государственного сектора, неправительственные и частные организации.

Социологи Сингапура приобрели опыт работы на местах в других частях региона, международную репутацию в своих областях специализации. Институционализация академической социологии почти полностью сосредоточена на факультете социологии в НУС, где кафедры социальной работы, малайских исследований и японских исследований также преподают социологические курсы.

Факультет социологии предлагает широкий спектр курсов бакалавриата для получения трехлетней степени бакалавра социальных наук. Те, кто хочет специализироваться и кто достигает требуемого уровня, могут провести четвертый год, выполняя продвинутую курсовую работу и эмпирическое исследование. Качество работы студентов третьего и четвертого курсов ежегодно контролируется учеными, выступающими в качестве внешних экспертов: Эдвард Шилс, Джон Барнс и Нил Смелзер входят в число тех, кто выполнял эту роль в 80-е гг. Кроме того, во время защит магистерских и докторских диссертаций в состав экспертной комиссии всегда включали зарубежных ученых.

Выводы. В международном отношении изучение истории и современного состояния социологии в Сингапуре – в значимой мере «местной», «региональной» социологии – показывает, что ее состояние отражает многие противоречия мировой социологии [Deriugin, 2021]. Островная социология Сингапура воспроизводит противоречия европейской и\или американской социологии, одновременно демонстрируя, что в XXI веке заканчивается эпоха «домашней» социологии, динамика развития социологической науки стирает национальные ограничения и часто надуманную, формально привнесенную «специфику» науки [Цзинь Цзюнькай и др., 2020]. Идет поиск глобального объединения науки.

В историческом смысле сингапурская социология вполне подтверждает идею Мартина Элброу, которую он выдвинул в конце 1980-х гг., о тройственном пространстве развития социологии (структурном, институциональном и культурном) [Albrow, 1989]. В Сингапуре социология сложилась структурно – объединилась группа социологов, которая была признана в университетской среде как авторитетная. Состоялось институциональное признание социологии на уровне правительственных кругов и крупных социальных организаций. Сформировалось культурное рефлексивное пространство науки, отражающее наличие множества идей и концепций развивающейся социологии в Сингапуре. В структурном и

институциональном отношении социология получила более полные возможности существования, чего не скажешь о научной стороне становления социологии. В этом отношении социология в Сингапуре скорее становится уникальным явлением, показывающим возможность\невозможность интеллектуальной интеграции школ и направлений социологии.

Наиболее актуален вывод о двойном мандате сингапурских социологов (перефразируя известное выражение Э. Хьюза). Он заключается в возможности соединять научный рост социологии с решением непосредственных социальных проблем. Сложившееся единство социологов с социально-экономическим и политическим окружением в решении широкого спектра социальных проблем острова – несомненно, достоинство социологии Сингапура. Ориентация на непосредственные интересы населения в контексте оригинальных теоретико-концептуальных ориентиров в исследовательских проектах сингапурских социологов формирует свое направление научного развития социологии, придает развитию социологии перспективный характер, актуальный для будущего науки. Двойной мандат социологии Сингапура – единство теории и практики – открывает социологии этой страны оригинальную научную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: ACT. 2006. [Merton R. (2006) Social Theory and Social Structure. Moscow: AST. (In Russ.)]
- Сведберг Р., Смелсер Н. Социологический подход к анализу хозяйства // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 48–61. [Svedberg R., Smelser N. (2003) Introducing Economic Sociology. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]. Vol. 4. No. 4: 48–61. (In Russ.)]
- Тернер Дж. Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. № 2. С. 11–39. [Turner J.H. (2001) The Past, Present, and Future of Theory in American Sociology. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]. Vol. 3. No. 2: 11–39. (In Russ.)]
- Цзинь Цзюнькай, Дерюгин П.П., Веселова Л.С., Лебединцева Л.А. Социология в Гонконге: вызовы и перспективы // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 128–138. [Jin Junkai, Deriugin P., Veselova L., Lebedintseva L. (2020) Development of Sociology in Hongkong: Challenges and Prospects. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 128–138. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250010723-8.
- Albrow M. (1989) Sociology in the United Kingdom after the Second World War: National Traditions in Sociology. Ed. by N. Genov. London: Sage: 194–219.
- Benjamin G. (1996) Singapore Sociology. In: Maríková H., Petrušek M., Vodáková A. (eds) Velký *Sociologický Slovník*. Karolinum. Vol. 2: 1140–1142. DOI: 10.13140/RG.2.1.4164.5601.
- Buchanan I. (1972) Singapore in Southeast Asia. London: G. Bell & Sons.
- Chen P.S.J. (1986) Sociological Studies on Singapore Society. In: Kapur B.K. (eds) Singapore Studies: Critical Surveys of the Humanities and Social Sciences. Singapore: Singapore Univ. Press: 33–64.
- Chen P.S.J., Evers H.-D. (eds) (1978) Studies in ASEAN Sociology: Urban Society and Social Change. Singapore: Chopmen Publications.
- Chen P.S.J., Kuo Eddie C.Y. (1978) Mass Media and Communication Patterns in Singapore. Singapore: AMIC. Chua Peng Chye. (1973) Planning in Singapore Selected Aspects and Issues. Singapore: Chopmen Enterprises.
- Deriugin P., Lebedintseva L., Veselova L. (2021) Social Transformations of Chinese Society in the Focus of Modern Sociological Science. In: Shei C., Weixiao Wei (eds). *The Routledge Handbook of Chinese Studies*. London: Routledge: 450–477. DOI: 10.4324/9780429059704.
- Fawcett J.T., Khoo. (1980) Singapore: Rapid Fertility Transition in a Compact Society. *Population and Development Review.* Vol. 6. No. 4: 549–579. DOI: 10.2307/1972926.
- Francis Khek Gee Lim. (2017) Singapore Sociology: After Secularism. Global Sociology. Vol. 7. No. 1.
- Hassan R. (1969) Some Sociological Implications of Public Housing in Singapore. Southeast Asian Journal of Sociology. Vol. 2: 23–26.
- Hassan R. (1971) Interethnic Marriage in Singapore A Sociological Analysis. *Sociology and Social Research*. Vol. 55. No. 3: 305–323.
- Hassan R. (1980) Ethnicity, Culture and Fertility. Singapore: Chopmen Enterprises.
- Khondker H.H. Making Sociology Universal: Revisiting the Contributions of Syed Hussein Alatas. In: Giri A.K. (ed.) *Social Theory and Asian Dialogues*. Singapore: Palgrave Macmillan: 343–359. DOI: 10.1007/978-981-10-7095-2_17.

King V.T. (2008) The Sociology of Southeast Asia: Transformations in a Development Region. Malaysia: NIAS Press. Kuan-Hsing Chen, Goh D.P.S. (2016). What's it Like to be a Singaporean Intellectual? An Interview with Chua Beng Huat. Inter-Asia Cultural Studies. Vol. 17. No. 2: 252–271. DOI: 10.1080/14649373.2016.1184432.

Nur Amali Ibrahim. (2018) Everyday Authoritarianism: A Political Anthropology of Singapore. *Critical Asian Studies*. Vol. 50. No. 2: 219–231. DOI: 10.1080/14672715.2018.1445538.

Pang Eng Fong. (1975) Growth, Inequality and Race in Singapore. *International Labour Review*. Vol. 3: 15–28. Quah S.R. (1993) Sociologists in the International Arena: Diverse Settings, Same Concerns? *Current Sociology*. Vol. 41. No. 1: 1–23.

Quah S.R. (1995) Beyond the Known Terrain: Sociology in Singapore. *The American Sociologist*. Vol. 26. No. 4: 88–106. DOI: 10.1007/BF02692358.

Vineeta Sinha. (2017) Singapore Sociology: After Lee Kuan Yew. Global Sociology. Vol. 7. No. 1.

Статья поступила: 28.06.21. Финальная версия: 25.07.21. Принята к публикации: 02.09.21.

SOCIOLOGY IN SINGAPORE, 1960-1990s: SOCIOLOGIST'S "DOUBLE MANDATE"

LEBEDINTSEVA L.A.*, DERIUGIN P.P.*'**, VESELOVA L.S.***

*St. Petersburg State University, Russia; **St. Petersburg Electrotechnical University "LETI", Russia; ***National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Russia

Liubov A. LEBEDINTSEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (Ilebedintseva879@gmail.com); Pavel P. DERIUGIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg Electrotechnical University "LETI" (deriuginpav@yandex.ru). Both – St. Petersburg State University; Liudmila S. VESELOVA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg) (Iveselova@hse.ru). All – St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The study was supported by the RFBR in the framework of the scientific project No. 19-29-07443.

Abstract. The article reviews the sociology of Singapore, mainly its history and main directions of the formation – structural, institutional and cultural. Based on the analysis of publications, it presents period of emergence and development of sociology till the end of the 1990s, the exogenous nature of sociology, features of its institutionalization, the international character of emerging sociology. Connections with anthropology as a basic foundation are stated, as well as relations of the sociology in Singapore with European and American sociology, and with specific empirical studies of the islanders' community. The analysis of main directions of work of Singaporean sociologists relates to development of theory, methodology and methods of sociological research; an overview is offered of the current social space of sociological research, as well as directions of research results implementation. Conclusions are drawn about the cognitive significance of Singaporean sociology for analyzing trends in the developing world sociological science and about the unity of theory and practice in the activities of Singaporean sociologists as a double mandate of their efforts.

Keywords: Singapore, history of sociology; the exogenous nature of sociology; directions of sociological research; structural, institutional and cultural foundations of sociology.

Received: 28.06.21. Final version: 25.07.21. Accepted: 02.09.21.

Социологическая публицистика

© 2021 г.

Е.В. ФАДЕЕВА

ЛЕКАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ: УРОКИ ПАНДЕМИИ

ФАДЕЕВА Екатерина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (fadeeva.belova@mail.ru).

Аннотация. Предпринята попытка проанализировать основные проблемы лекарственного обеспечения населения и заново осмыслить ключевые угрозы обеспечения граждан лекарствами в свете вызовов пандемии COVID-19. В основу работы положены результаты отраслевой статистики, опросов общественного мнения, экспертные оценки специалистов. Автор рассмотрел ключевые факторы, влияющие на ценовую и физическую доступность медикаментов: высокую импортозависимость; слабо отлаженные механизмы регулирования ценообразования, перерегистрации, государственных закупок и обязательной маркировки лекарственных препаратов. Обосновано, что отлаженное бесперебойное производство лекарственных препаратов и обеспеченность отечественного фармацевтического рынка собственным сырьем являются основой медикаментозной безопасности россиян.

Ключевые слова: фармацевтический рынок • лекарственное обеспечение • лекарственная безопасность • доступность лекарственных препаратов • пандемия • санкции • импортозамещение

DOI: 10.31857/S013216250014393-5

Введение. Ключевая роль фарминдустрии связана не только с бесперебойным обеспечением граждан жизненно важными, новейшими, безопасными, качественными и наиболее эффективными лекарственными средствами^{1, 2}, но и улучшением демографической ситуации в стране³. В то же время результаты массовых опросов граждан, проведенных в конце $2020 \, \text{г.}^4$, показали, что примерно половине из них приходилось слышать о том, что какие-то лекарства, которые раньше было несложно купить, исчезли из продажи. Более трети респондентов лично сталкивались с трудностями при покупке препаратов в последние месяц-два, из них 17% – с отсутствием нужного товара в аптеке.

По данным Высшей школы организации и управления здравоохранением [Улумбекова, 2020: 11, 13], доступность лекарств на душу населения в амбулаторных условиях (одного из главных индикаторов доступности медицинской помощи) в РФ в 2018 г. была в 3,4 раза меньше, чем в «новых-8» ^{5} странах ЕС, и в 7 раз меньше, чем в «старых» ^{6} странах – членах Евросоюза. При этом в структуре общих расходов на здравоохранение частные издержки граждан (то, что оплачивается «из своего кармана», а также взносы населения/работодателей на добровольное медицинское страхование) составили 35%, тогда как в «новых» странах ЕС – 27%. Личные расходы россиян на здравоохранение характеризовались тратами преимущественно на лекарственные средства и изделия медицинского назначения (49%), а также медицинские и санаторно-курортные услуги (45%) [Улумбекова и др., 2019]. Пандемия усугубила положение.

Ценовая и физическая доступность медикаментов. Проблема физической доступности лекарственных препаратов для россиян вновь обострилась, но уже не столько ввиду санкционной политики, сколько из-за приостановки ряда иностранных производств и ограничения экспорта отдельных фармсубстанций и препаратов на их основе на время коронавирусных ограничений. Так, опасаясь дефицита лекарств, наиболее крупные производители и поставщики ингредиентов для российской фармацевтической отрасли – Индия и Китай – запретили экспорт ряда производимых ими субстанций. Между тем доля используемого в российской фармацевтике сырья китайского и индийского производства сегодня суммарно составляет $77.7\%^7$. Около 90% всех химических соединений, которые используются для выпуска активных фармацевтических субстанций (далее – АФИ), производится в Китае. С января по октябрь 2020 г. натуральные объемы импорта АФИ в Россию выросли на $12\%^8$. Проще говоря, в нашей стране до сих пор не выстроена система полного технологического цикла выпуска лекарственных препаратов⁹: только 5,5–6% действующих веществ, необходимых для производства стратегически значимых лекарств ^{10} , и 8% субстанций, входящих в состав жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов 11 (далее – ЖНВЛП), создаются в РФ, остальное – импорт.

В декабре 2020 г. Всероссийский союз пациентов направил президенту и правительству коллективное письмо¹² о системном дефиците лекарственных препаратов, предоставляемых в амбулаторных условиях по льготе, в стационарах, а также в розничной продаже. С начала пандемии и до сих пор в России пациентам, страдающим ревматическими заболеваниями, трудно получить лекарственный препарат «гидроксихлорохин»¹³.

Импортозависимость – не единственная проблема: перебои в обеспечении лекарственными средствами были связаны с дополнительными издержками на лечение пациентов с COVID-19 и ажиотажным спросом на эти препараты, существующими механизмами регулирования ценообразования, организацией закупок и перерегистрацией лекарственных средств, введением обязательной маркировки фармацевтических товаров и запуском системы мониторинга движения лекарственных препаратов и др.

Анализ действующей нормативно-правовой базы показывает, что государственное регулирование ценообразования на медикаменты распространяется в нашей стране на препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших, а регистрацию/ перерегистрацию цен осуществляет Минздрав России при участии Федеральной антимонопольной службы. Эффективность данной работы характеризуется результатами массовых опросов: россияне выражают обеспокоенность в связи с ростом цен на медикаменты, существенное удорожание лекарств за последние полгода-год отмечают 59% россиян¹⁴.

Формирование регулятором низких отпускных цен на фоне удорожания сырья и девальвации национальной валюты актуализирует риск отказа производителей от работы с дешевыми медикаментами из перечня ЖНВЛП. В такой ситуации производство начинает балансировать на грани рентабельности и в какой-то момент может стать убыточным. Весной 2020 г. ряд российских фармкомпаний столкнулись с этой проблемой 15, в зоне риска оказалось 50 международных непатентованных наименований из списка жизненно важных, в том числе «парацетамол», рекомендованный Всемирной организацией здравоохранения в качестве жаропонижающего средства при коронавирусной инфекции. Наконец, стало очевидно: российское здравоохранение нуждается в срочном совершенствовании государственного регулирования ценообразования. С ноября 2020 г. в России введен особый порядок перерегистрации цен на наиболее востребованные препараты из списка ЖНВЛП в случае их нехватки на рынке: производители могут повышать предельные зарегистрированные цены, если прослеживается дефектура товара по причине отказа производителей от нерентабельного выпуска. Данная законодательная инициатива давно «вызревала» в фармацевтическом сообществе.

И все же пациенты продолжают страдать: то и дело из-за необходимости прохождения производителем процедуры переоформления регистрационных документов из оборота пропадают жизненно важные препараты для сердечников ^{17} , астматиков ^{18} , аллергиков ^{19} .

Ситуация осложняется сложившимся порядком закупок лекарственных препаратов. Медикаменты – одна из наиболее дорогих и регулярно закупаемых государством категорий товаров. За период январь-сентябрь 2020 г. 5,4% общей стоимости всех закупок²⁰, проведенных в рамках № 44-Ф3²¹, составили лекарства. Структура закупок лекарственных препаратов в 2019–2020 гг. стабильна: доля несостоявшихся процедур – порядка 77% стоимости. Большинство (94 из 100) самых крупных электронных аукционов на поставку ЖНВЛП в 2020 г. не привели к заключению контракта, поставка 4,5 млн лекарственных препаратов была суммарно задержана более чем на 7 месяцев²², что негативно отразилось на обеспечении лекарственными препаратами медицинских учреждений.

Причины эксперты видят в «наслоении» трех тенденций: 1) действие правила «третий лишний» ^{23} ; 2) установленная № 44-Ф3 процедура закупки медикаментов путем электронного аукциона; 3) внедрение системы референтного ценообразования (предполагает установление фиксированных цен для групп лекарственных препаратов, объединенных по принципу взаимозаменяемости). Дополнительным фактором снижения доступности лекарственного обеспечения населения стала обязательная маркировка лекарственных препаратов, стартовавшая в России с 1 июля 2020 г. в целях обеспечения транспарентности производства и оборота медицинской продукции. На фоне и без того сложной эпидемической ситуации регулярные сбои в работе федеральной государственной информационной системы мониторинга движения лекарственных препаратов (далее – ФГИС МДЛП) стали настоящим испытанием на прочность для представителей отрасли²⁴. Большинство регионов столкнулось с увеличившимися ресурсными затратами и с техническими проблемами из-за введения системы обязательной цифровой маркировки медикаментов²⁵. Опрос членов Ассоциации международных фармацевтических производителей (AIPM)²⁶ в конце 2020 г. показал, что 2/3 компаний испытывали трудности при прохождении таможенных процедур именно из-за сбоев в системе маркировки. В итоге она временно была переведена в «уведомительный» режим работы, и для препаратов, выпущенных в оборот до 1 февраля 2021 г., стало применяться так называемое правило «15 минут» (успешный ответ об обработке в системе можно ожидать не более 15 минут).

Заключение. Сегодня отлаженное бесперебойное производство качественных лекарственных препаратов - не просто вклад в жизнь и здоровье людей, но и гарантия медикаментозной безопасности населения. Пандемия в очередной раз указала на хрупкость отечественной фармотрасли и высокую степень ее зависимости от иностранных поставщиков. Нововведения, внесенные Постановлением Правительства РФ № 1771 от 31.10.2020 в механизм формирования предельных отпускных цен на жизненно важные препараты, – не панацея. С одной стороны, это позитивное явление, в большой степени форсированное пандемией: если бы не вдруг представшая перед регулятором перспектива дефицита лекарств, связанных с оказанием медицинской помощи коронавирусным пациентам, давно назревший вопрос о вымывании с рынка лекарственных средств низшего ценового сегмента, скорее всего, по-прежнему оставался бы открытым. Конечно, такое решение регулятора во многом облегчает работу фармпроизводителей и обеспечивает физическую доступность дешевых медикаментов для потребителей. С другой стороны, изменение механизма формирования предельных отпускных цен на жизненно важные препараты неизбежно приведет к их удорожанию ввиду зависимости российских производителей лекарственных препаратов от курса рубля и иностранных поставщиков фармацевтических субстанций.

Один из немногих позитивных трендов 2020 г., направленный на противодействие производству и обороту контрафактной и фальсифицированной продукции, – внедрение цифровой маркировки лекарственных препаратов. Однако из-за неотлаженности системы вкупе с негативными эффектами пандемии это фактически стало одним из ключевых стрессовых факторов в системе лекарственного обеспечения и медицинской помощи. Сбои и ошибки в работе федеральной государственной информационной системы мониторинга движения лекарственных препаратов привели к существенным задержкам поставок медикаментов в лечебно-профилактические и аптечные учреждения.

В целом, пандемия COVID-19 интенсифицировала значимость осмысления системного кризиса лекарственного обеспечения в России. Пожалуй, впервые за долгие годы проблемы лекарственного обеспечения граждан действительно привлекли внимание не только широкой общественности и профессионального сообщества, но и регулятора. Так, Постановлением Правительства РФ еще в 2014 г. была утверждена Государственная программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»²⁷. Однако, по нашему мнению, государство активно включилось в работу по совершенствованию лекарственного обеспечения населения лишь в последнее время. Впервые после официального внедрения в 2016 г. автоматизированной системы мониторинга движения лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя²⁸ регулятор по-настоящему обратил внимание на проблемы доступности и качества лекарственных средств. Так, в 2020–2021 гг. был принят ряд нормативно-правовых документов, упрощающих получение лекарственных препаратов гражданами в условиях пандемии ^{29,30} ; актов, устанавливающих господдержку разработчиков новых лекарственных препаратов и медицинских изделий³¹, а также создание Федерального регистра граждан, имеющих право на обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и специализированными продуктами лечебного питания за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации³². Также в 2020 г. были определены параметры и порядок взаимозаменяемости лекарственных средств³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон № 61-Ф3 от 12.04.2010 «Об обращении лекарственных средств».

²Приказ Министерства здравоохранения РФ № 647н от 31.08.2016 «Об утверждении Правил надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения».

³Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴Доступность лекарств // ФОМ. 2020. 16 декабря. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14518 (дата обращения: 09.03.2021).

 ^{5} Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония; близки к РФ по ВВП на душу населения в год.

⁶Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция.

⁷ Вирченко К. Производители лекарств резко нарастили запасы субстанций из-за коронавируса // Ведомости. 2020. 13 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/03/12/825104-rossiiskii-proizyoditel (дата обращения: 09.03.2021).

⁸RNC Pharma представляет информацию относительно активности импорта АФИ в Россию по итогам октября 2020 г. // RNC Pharma. 2020. 10 декабря. URL: http://rncph.ru/news/10_12_2020 (дата обращения: 09.03.2021).

 ^{9} Эксперт: лишь 6% субстанций для стратегически важных лекарств производятся в России // TACC. 2021. 15 февраля. URL: https://tass.ru/ekonomika/10699433 (дата обращения: 09.03.2021).

 ^{10} Распоряжение Правительства РФ № 1141-р от 06.07.2010 (ред. от 01.08.2020) «Об утверждении перечня стратегически значимых лекарственных средств».

¹¹ Распоряжение Правительства РФ № 2406-р от 12.10.2019 (ред. от 23.11.2020) «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021).

¹² Лекарственный голод: в России заявили о дефиците 42 препаратов // Всероссийский союз пациентов. 2020. 21 декабря. URL: https://vspru.ru/news/2020/12/lekarstvennyy-golod-v-rossii-zaiavili-o-defitsite-42-preparatov (дата обращения: 09.03.2021).

¹³ Гриценко П. Гидроксихлорохина не хватает пациентам с ревматическими заболеваниями // Vademecum. 2021. 29 июня. URL: https://vademec.ru/news/2021/06/29/gidroksikhlorokhina-ne-khvataet-patsientam-s-revmaticheskimi-zabolevaniyami/ (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁴Доступность лекарств // ФОМ. 2020. 16 декабря. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14518 (дата обращения: 09.03.2021).

 ^{15} Гриценко П. Отечественные фармпроизводители пригрозили отказом от выпуска дешевых препаратов // Vademecum. 2020. 21 апреля. URL: https://vademec.ru/news/2020/04/21/otechestvennyefarmproizvoditeli-prigrozili-otkazom-ot-proizvodstva-deshevvkh-preparatov/ (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁶Постановление Правительства РФ № 1771 от 31.10.2020 «Об утверждении особенностей государственного регулирования предельных отпускных цен производителей на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, и внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации».

¹⁷ Мишина В. «Кордарон» может появиться в аптеках в конце марта // Коммерсанть. 2019. 1 марта.

URL: https://www.kommersant.ru/doc/3897179 (дата обращения: 10.03.2021).

. 18 *Гриценко П.* В аптеках возник дефицит дешевого препарата для лечения астмы // Vademecum. 2021. 25 января. URL: https://vademec.ru/news/2021/01/25/v-aptekakh-voznik-defitsit-deshevogo-preparata-dlyalecheniya-astmy-/ (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁹ Тищенко М. Из новосибирских аптек исчез жизненно необходимый препарат против аллергии // HГС.HOBOCTИ. 2021. 21 февраля. URL: https://ngs.ru/text/health/2021/02/21/69778373/ (дата обращения: 10.03.2021).

²⁰Опубликована презентация по итогам мониторинга закупок лекарств в 2019–2020 годах // НИУ ВШЭ. 2020. 29 октября. URL: https://fcs.hse.ru/news/412608156.html (дата обращения: 15.03.2021).

²¹ Федеральный закон № 44-Ф3 от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Консультант Плюс. 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 144624/ (дата обращения: 15.03.2021).

²² Система госзакупок не справляется с лекарствами // НИУ ВШЭ. 2020. 29 октября. URL: https://

fcs.hse.ru/news/412609635.html (дата обращения: 15.03.2021).

²³Введено Правительством РФ в конце 2015 г.; исключает из госзакупок лекарственные препараты иностранного производства, если на участие в конкурсе подано более двух заявок от производителей из России или стран ЕАЭС.

²⁴Фармацевтический рынок России 2020. М.: DSM Group, 2021. URL: https://dsm.ru/docs/analytics/2020_

Report rus.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

²⁵К. Долгов: Здоровье граждан – это наивысший приоритет государственной политики // Совет Федерации. 2021. 4 марта. URL: http://council.gov.ru/events/news/124531/ (дата обращения: 15.03.2021).

 ^{26} Левинская А. Фармкомпании заявили о проблемах с поставками 40 млн упаковок лекарств // Совет Федерации. 2020. 29 октября. URL: https://www.rbc.ru/business/29/10/2020/5f99253b9a7947 ае06112181 (дата обращения: 15.03.2021).

²⁷Постановление Правительства РФ № 305 от 15.04.2014 «Об утверждении государственной

программы Российской Федерации "Развитие фармацевтической и медицинской промышленности"». ²⁸ Паспорт приоритетного проекта «Внедрение автоматизированной системы мониторинга движения лекарственных препаратов от производителя до конечного потребителя для защиты населения от фальсифицированных лекарственных препаратов и оперативного выведения из оборота контрафактных и недоброкачественных препаратов».

²⁹Постановление Правительства РФ № 816 от 03.06.2020 «О временном порядке распределения в Российской Федерации некоторых лекарственных препаратов для медицинского применения, возможных к назначению и применению для профилактики и лечения новой коронавирусной инфекции».

³⁰ Распоряжение Правительства РФ № 600-р от 13.03.2021 «О выделении в 2021 году бюджетных ассигнований на предоставление из федерального бюджета иных межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации и г. Байконура в целях софинансирования расходных обязательств по финансовому обеспечению мероприятий по приобретению лекарственных препаратов для лечения пациентов с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), получающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях».

³¹Постановление Правительства РФ № 2187 от 21.12.2020 «Об утверждении Правил предоставления в 2021 году грантов в форме субсидий из федерального бюджета бюджетным учреждениям на реализацию проектов по разработке лекарственных препаратов и медицинских изделий».

³²Федеральный закон № 206-Ф3 от 13.07.2020 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения граждан лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и специализированными продуктами лечебного питания».

³³Постановление Правительства РФ № 1360 от 05.09.2020 «О порядке определения взаимозаменяемости лекарственных препаратов для медицинского применения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вялых Н.А. Социальное неравенство потребителей медицинской помощи в современном российском обществе: социальная сущность и способы сокращения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1(57). С. 65–73.
- *Ерасова Е.А.* Импортозамещение как фактор обеспечения лекарственной безопасности современной России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3(55). С. 14–26.
- Лешкевич А.А., Юрочкин Д.С., Голант З.М., Наркевич И.А. Обзор методик расчета, процедуры регистрации и перерегистрации цен производителей лекарственных препаратов в странах Евразийского экономического союза // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2020. Т. 13. № 2. С. 193–204. DOI: 10.17749/2070-4909/ farmakoekonomika.2020.039.
- Мешковский А.П. О проблемах лекарственного обеспечения населения // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2015. № 3(21). С. 21–33.
- Овод А.И. О развитии фармацевтического рынка Российской Федерации в условиях санкций // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 252–255. DOI: 10.26140/ anie-2020-0901-0061.
- Тельнова Е.А., Загоруйченко А.А. О государственном регулировании на российском фармацевтическом рынке и проблемах лекарственного обеспечения // Современная организация лекарственного обеспечения. 2020. Т. 7. № 3. С. 11–20. DOI: 10.30809/solo.3.2020.2.
- Тельнова Е.А., Загоруйченко А.А. Обеспеченность российского фармацевтического рынка фармсубстанциями как фактор лекарственной безопасности страны // Вестник Росздравнадзора. 2020. № 5-2. С. 72–78.
- *Тельнова Е.А., Плесовских А.В.* О лекарственном обеспечении населения от острых проблем к эффективным решениям // Вестник Росздравнадзора. 2019. № 6. С. 74–81. DOI: 10.35576/2070-7940-2019-2019-6-74-81.
- Улумбекова Г.Э. Программа неотложных мер в здравоохранении РФ для выхода из системного кризиса // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. Т. 6. № 1. С. 4–16. DOI: 10.24411/2411-8621-2020-11001.
- Улумбекова Г.Э., Гиноян А.Б., Калашникова А.В., Альвианская Н.В. Финансирование здравоохранения в России (2021–2024 гг.): Факты и предложения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 5. № 4. С. 4–19. DOI: 10.24411/2411-8621-2019-14001.
- Улумбекова Г.Э., Калашникова А.В. Подходы к формированию концепции национальной лекарственной политики. Часть 1. Анализ рынка лекарственных препаратов в РФ // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2018. № 4. С. 53–75. DOI: 10.24411/2411-8621-2018-14003.
- Фадеева Е.В. Доступность лекарственных препаратов в условиях медикаментозного эмбарго: по материалам исследований // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 77–85. DOI: 10.31857/ S013216250004588-9.
- Фотеева А.В., Ростова Н.Б. Ассортиментная политика отечественных производителей как составляющая лекарственной безопасности страны // Вестник Росздравнадзора. 2017. № 5. С. 55–58.

Статья поступила: 22.03.21. Финальная версия: 08.09.21. Принята к публикации: 21.09.21.

NATIONAL MEDICATION SECURITY: PANDEMIC LESSONS

FADEEVA E.V.

Russian State University for the Humanities, Russia

Ekaterina V. FADEEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (fadeeva.belova@mail.ru).

Abstract. The author attempts to analyze primary challenges in the medication supply and to reconsider the key threats to the medication supply in the light of the COVID-19 pandemic challenges. The paper is based on the sectoral statistics, public opinion polls, and expert assessments. The author discusses key factors affecting affordability and availability of medicines, including high import dependency and immature mechanisms of price regulation, re-registration, public procurement and mandatory labeling of medicines. It is stated that the well-established and uninterrupted manufacture

of medicines and the availability of Russian raw materials in the domestic pharmaceutical market are the cornerstone of the medication security of Russians.

Keywords: pharmaceutical market, provision of medicines, drug safety, accessibility of medicines, pandemic, sanctions, import substitution.

REFERENCES

- Erasova E.A. (2015) Import Substitution as a Factor of Ensure Drug Safety Provision in Modern Russia. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoy tamozhennoy akademii* [Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov]. No. 3(55): 14–26. (In Russ.)
- Fadeeva E.V. (2019) Availability of Medicines under Conditions of Medicinal Embargo. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 4: 77–85. DOI: 10.31857/S013216250004588-9. (In Russ.)
- Foteeva A.V., Rostova N.B. (2017) Product Assortment Policy of Russian Manufacturers as a Component of Drug Safety of the State. *Vestnik Roszdravnadzora*. No. 5: 55–58. (In Russ.)
- Leshkevich A.A., Yurochkin D.S., Golant Z.M., Narkevich I.A. (2020) Review of Calculation Methods, Procedures for Registration and Re-registration of Producer Prices of Medicines in the Countries of the Eurasian Economic Union. *Farmakoekonomika. Sovremennaya farmakoekonomika i farmakoepidemiologiya* [Farmakoekonomika. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology]. Vol. 13. No. 2: 193–204. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoekonomika.2020.039. (In Russ.)
- Meshkovskiy A.P. (2015) On the Problems of Public Drug Supply. *Meditsinskie tekhnologii. Otsenka i vybor* [Medical Technologies. Assessment and Choice]. No. 3(21): 21–33. (In Russ.)
- Ovod A.I. (2020) On the Development of the Pharmaceutical Market of the Russian Federation under the Conditions of Sanction. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]. Vol. 9. No. 1(30): 252–255. DOI: 10.26140/anie-2020-0901-0061. (In Russ.)
- Telnova E.A., Zagoruychenko A.A. (2020) About State Regulation in the Russian Pharmaceutical Market and Problems of Drug Supply. Sovremennaya organizatsiya lekarstvennogo obespecheniya [Current Drug Supply Management]. Vol. 7. No. 3: 11–20. DOI: 10.30809/solo.3.2020.2. (In Russ.)
- Telnova E.A., Zagoruychenko A.A. (2020) Provision of Pharmaceutical Market with Pharmaceutical Substances as a Factor of Drug Safety in the Country. Vestnik Roszdravnadzora. No. 5-2: 72–78. (In Russ.)
- Telnova E.A., Plesovskikh A.V. (2019) About the Drug Provision of the Population from Vexed Problems to Effective Solutions. *Vestnik Roszdravnadzora*. No. 6: 74–81. DOI: 10.35576/2070-7940-2019-6-74-81. (In Russ.)
- Ulumbekova G.E. (2020) The Program of Urgent Measures in the Healthcare Sector of the Russian Federation to Overcome the Systemic Crisis. *Orgzdrav: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VShOUZ* [HEALTHCARE MANAGEMENT. News. Views. Education. Bulletin of VSHOUZ]. Vol. 6. No. 1: 4–16. DOI: 10.24411/2411-8621-2020-11001. (In Russ.)
- Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B., Kalashnikova A.V., Alvianskaya N.V. (2019) Healthcare Financing in Russia (2021–2024): Facts and suggestions. *Orgzdrav: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VShOUZ* [HEALTHCARE MANAGEMENT. News. Views. Education. Bulletin of VSHOUZ]. Vol. 5. No. 4: 4–19. DOI: 10.24411/2411-8621-2019-14001. (In Russ.)
- Ulumbekova G.E., Kalashnikova A.V. (2018) Approaches to the Formation of the Concept of National Pharmaceutical Policy. Part I: Analysis of the Pharmaceutical Market in the Russian Federation. *Orgzdrav: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VShOUZ* [HEALTHCARE MANAGEMENT. News. Views. Education. Bulletin of VSHOUZ]. No. 4: 53–75. DOI: 10.24411/2411-8621-2018-14003. (In Russ.)
- Vyalykh N.A. (2020) Social Inequality of Medical Care Consumers in Russian Society Today: Social Essence and Ways of Reducing Inequality. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences]. No. 1(57): 65–73. (In Russ.)

Received: 22.03.21. Final version: 08.09.21. Accepted: 21.09.21.

Факты. Комментарии. Заметки

© 2021 г.

В.И. ЧОЙ

ВОСПРИЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ И РОССИЕЙ (результаты регрессионного анализа)

ЧОЙ ВУ ИК – кандидат социологических наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук, Сеул, Республика Корея (wooikchoi@yahoo.co.kr).

Аннотация. С помощью мультиноминального логистического регрессионного анализа изучается восприятие гражданами Южной Кореи и России экономических отношений двух стран на основе результатов общенациональных опросов 2016—2018 гг. Как показал анализ, в целом корейцы и россияне положительно воспринимают культуру друг друга, двустороннее сотрудничество и взаимные экономические отношения, хотя очень высокую (порядка 40–50%) долю составляют те, кто относится к ним нейтрально, без интереса. В представлениях жителей России и Южной Кореи о характере экономического сотрудничества их стран есть элементы как симметрии, так и асимметрии. В частности, среди опрошенных корейцев и россиян люди от 60 лет гораздо чаще воспринимают двусторонние отношения как конкурентные, а не партнерские. В обеих странах оценка экономических отношений Южной Кореи и России зависит от отношения к народу соответствующей страны, но если в Южной Корее она также зависит от восприятия России как привлекательного туристического объекта, то в России Южную Корею почти не воспринимают как объект туризма.

Ключевые слова: Южная Корея • Россия • экономические отношения • восприятие в общественном сознании • регрессионный анализ

DOI: 10.31857/S013216250015255-3

Изучение взаимного восприятия населения Южной Кореи и России активизировалось под влиянием 25-летия (в 2015 г.) заключения дипломатических отношений между двумя странами (см., напр.: [송정수, 김세일, 2015: 33–42; 최우익, 2017: 227–254]). В данной статье анализируется восприятие двусторонних экономических отношений гражданами Южной Кореи и России на основании материалов репрезентативных общенациональных опросов, впервые синхронно проведенных в этих двух странах под руководством Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Республика Корея) в 2016–2018 гг. Участников исследования интересовало не только то, как воспринимаются рос-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Исследовательского фонда-2021 Университета иностранных языков Хангук, Министерства образования Республики Корея и Национального исследовательского фонда Кореи (NRF-2019S1A6A3A02102950). Автор выражает благодарность г-же Мун Суён, окончившей аспирантуру социологического факультета Университета Чунан, за помощь в анализе статистических данных, используемых в статье.

¹ В России в ходе телефонного опроса на вопросы анкеты ответили 1601 респондент в 2016 г., 1205 в 2017 г. и 2000 человек в 2018 г. В Южной Корее посредством интернет-опроса были получены

сийско-южнокорейские экономические отношения, но и связь между восприятием культуры страны-партнера, характера сотрудничества между двумя странами и двусторонних экономических отношений. Данный анализ развивает и углубляет материалы ранее опубликованной статьи [Ли Мун-Ён, 2020] по аналогичной теме.

Можно констатировать, что в Южной Корее и в России в целом положительно воспринимают друг друга в том, что касается культурного и экономического сотрудничества. Самым большим сдвигом в результатах опросов за три года является значительное увеличение в обеих странах доли людей, желающих больше знать о стране-партнере (в Корее с 36 до 51%, в России с 30 до 47%). Это можно объяснить существенным влиянием, прежде всего, зимней Олимпиады в Пхёнчхане (февраль 2018 г.), которая стимулировала рост взаимного интереса жителей Южной Кореи и России. Несмотря на позитивные сдвиги, в обеих странах около 50% респондентов оценили свое отношение к гражданам страныпартнера как «нейтральное»; около 30% затруднились с определением характера экономических отношений между двумя странами. Суммарная доля тех, кто мало знает и не испытывает особого интереса к стране-партнеру, и тех, кто ничего не знает и не интересуется страной-партнером, составила в Южной Корее 45% (2017 г.), в России – 49% (2018 г.). В обеих странах респонденты, заявившие об отсутствии интереса к культуре страны-партнера, превышали 40%.

В дальнейшем нашем исследовании восприятие экономических отношений Южной Кореи и России жителями двух стран анализируется посредством мультиноминального логистического регрессионного анализа. Зависимой переменной является оценка респондентами двусторонних экономических отношений, которая выявляется через ответы на закрытый вопрос «Какие отношения в области экономики складываются у России (Южной Кореи) с Южной Кореей (Россией) – конкурентные или партнерские?» В качестве независимых переменных отобраны четыре социально-демографических фактора, а также четыре переменные, характеризующие отношение к культуре страны-партнера, и еще четыре, связанные с восприятием политического и экономического сотрудничества между двумя странами.

Для анализа причинно-следственной связи, касающейся восприятия двусторонних экономических отношений, на основе данных проведенного в 2017 г. опроса было создано три модели, а затем путем пошагового добавления переменных изучены сдвиги в восприятии экономического сотрудничества для каждой переменной. В модели № 1 показано, как влияют на восприятие двусторонних экономических отношений социальнодемографические переменные. В модели № 2 к ним добавлены переменные, связанные с восприятием культуры, и затем проведен анализ влияния на восприятие двусторонних экономических отношений как социально-демографических характеристик, так и переменных восприятия культуры страны-партнера. В модели № 3 после добавления переменных, описывающих оценку респондентами сотрудничества между двумя странами, был проведен анализ совокупного воздействия на восприятие двусторонних экономических отношений со стороны и социально-демографических факторов, и восприятия культуры страны-партнера, и отношения к сотрудничеству. Результаты анализа для жителей Южной Кореи и России представлены, соответственно, в табл. 1 и 2.

При анализе данных опроса в Южной Корее заметно высокое влияние гендера: для южнокорейских женщин вероятность восприятия экономических отношений с Россией как партнерских более чем в 3 раза выше, чем для мужчин. Для изучения влияния возраста в качестве референтной категории использовалась возрастная группа 20–29 лет: в группе 30–39 лет вероятность восприятия двусторонних экономических отношений как партнерских примерно в 3 раза выше, а для респондентов 60 лет и старше, некоторые

ответы от 1000 респондентов в 2016 г. и аналогично в 2017 г. Подробную информацию о методах проведения и содержании опросов можно найти на сайтах ВЦИОМ (URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/catalog_knig.pdf. C. 88–89; https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2016.pdf; https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2017.pdf; https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2018.pdf).

Таблица 1
Восприятие южнокорейцами экономических отношений с Россией (референтная категория: «конкурентные отношения»)

Переменные		Модель 1		Модель 2		Модель 3	
		партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить
Пол (женский)		2,83***	3,03***	2,76***	2,92***	3,32***	2,28***
Возраст	19–29 лет	_	_	_	_	-	_
·	30–39 лет	2,68**	1,51	3,38***	1,61	2,92**	1,42
	40–49 лет	1,44	0,69	1,39	0,60	1,22	0,71
	50–59 лет	1,29	1,38	0,79	1,17	0,57	1,35
	60 лет и старше	0,39**	0,29***	0,58 ⁺	0,32***	0,43*	0,41*
Образование	Среднее и ниже	_	_	_	_	_	_
	Среднее специ-	0,89	0,87	0,76	0,88	0,62*	1,13
Регион	Чеджу	_	-	_	_	-	-
проживания	Сеул	9,65*	4,99*	11,96*	4,88	15,13*	4,58
	Кёнгидо-Инчхон	22,98**	11,01**	18,71*	6,21*	23,13**	5,35 ⁺
	Йоннам	17,28**	9,743**	12,90*	5,68 ⁺	15,94*	5,11 ⁺
	Хонам	34,69**	6,23*	18,84*	3,20	18,02*	3,16
	Чхунчхон	9,83*	6,40*	7,00	3,85	9,51 ⁺	3,79
	Канвондо	8,13 ⁺	4,87+	6,56	2,74	7,91	3,59
Уровень знаний о стране-	«Ничего не знаю, эта страна меня не интересует»			_	_	_	_
партнере	«Много знаю»			3,60	0,18	2,04	0,21
	«Мало знаю, но хотел(а) бы знать больше»			1,96	0,50	1,12	0,64
	«Мало знаю, эта страна меня не слишком интересует»			1,81	0,48	1,03	0,63
	«Затрудняюсь ответить»			8,10 ⁺	6,97 ⁺	7,90	4,93
Культура страны- партнера	«Не интересна»			_	_	-	_
	«Интересна»			1,78*	1,61 ⁺	1,52	2,20**
	«Затрудняюсь ответить»			0,52	1,22	1,06	1,13
Туристические намерения	«Бывал(а), но больше не хо-тел(а) бы туда возвращаться»			_	_	_	_
	«Бывал(а) и хо- тел(а) бы побы- вать еще»			92,00*	8,13	64,38*	6,97
	«Не бывал(а) и не хотел(а) бы побывать»			29,37*	4,80	21,33+	4,10
	«Не бывал(а), но хотел(а) бы побывать»			12,62	4,63	12,237	3,98
	«Затрудняюсь ответить»			31,04 ⁺	3,83	47,58*	1,96

Окончание табл. 1

		M 1		Ma=s=: 2		Окончание таол. т	
Переменные		Модель 1		Модель 2		Модель 3	
		партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить
Отношение к народу страны- партнера	«Отрицательно, с недоверием и антипатией»			-	-	-	-
	«Положительно, с доверием и симпатией»			25,00***	10,87**	17,89***	12,91**
	«Нейтрально»			3,02***	5,14***	2,25**	6,02***
	«Затрудняюсь ответить»			4,89***	5,22***	2,55*	5,75***
Отношения между двумя	«Скорее ухудшились»					_	-
странами за последнее время	«Скорее улучшились»					1,84	0,67
врепя	«Остались без изменений»					0,80	0,52*
	«Затрудняюсь ответить»					0,68	0,46+
3аключение ССТ	«Не поддер- живаю»					_	_
	«Поддерживаю»					2,43*	0,94
	«Затрудняюсь ответить»					2,16	1,86
Сотрудниче- ство между двумя стра- нами	«Не отвечает ин- тересам (своей страны)»					_	_
	«Отвечает инте- ресам (своей страны)»					3,16**	0,90
	«Затрудняюсь ответить»					1,72	2,18*
Возможность стратеги-	«Не могут ими стать»					_	-
ческого партнерства	«Уже являются стратеги- ческими партнерами»					14,62***	0,27*
	«Могут ими стать»					6,25***	0,96
	«Затрудняюсь ответить»					2,01	1,92
LR chi ²		171,08***		369,01***		634,38***	
Pseudo R ²		0,0792		0,1709		0,2938	
Количество проанализированных анкет		10	000	1000		1000	

Примечание. Числовые данные в таблице выражают отношение шансов; ^+p < 0,1; $^*p$ < 0,05; $^*p$ < 0,01; $^*p$ < 0,001.

из которых лично помнят Корейскую войну 1950-х, эта вероятность, наоборот, примерно в 2 раза ниже.

Обратившись к такой переменной, как регион проживания, мы использовали в качестве референтного значения периферийный регион Чеджу. Выяснилось, что жители большинства южнокорейских регионов, за исключением «сельскохозяйственного» Канвондо, воспринимают экономические отношения с Россией как партнерские. В частности, в модели № 3 в условиях контроля прочих переменных в центральном регионе Кёнгидо–Инчхон вероятность восприятия отношений как партнерских оказалась примерно в 23 раза выше, чем в Чеджу.

Различия в уровне знаний о России не оказывают влияния на восприятие экономических отношений с ней. В группе, заявившей о наличии интереса к русской культуре, по сравнению с теми, кто такого интереса не испытывает, вероятность восприятия экономических отношений с Россией как партнерских оказалась выше в 1,78 раза, но в модели № 3, в условиях контроля всех переменных, этого влияния на восприятие двусторонних экономических отношений в качестве партнерских не было обнаружено.

Среди респондентов, ответивших на вопрос о туристических намерениях в отношении России «бывал(а) и хотел(а) бы побывать еще», вероятность восприятия двусторонних экономических отношений как партнерских оказалась выше (относительно референтной группы, т.е. ответивших «бывал(а), но больше не хотел(а) бы туда возвращаться») в 92 раза в модели № 2 и в 64 раза в модели № 3. Поскольку вероятность восприятия российско-южнокорейских отношений как партнерских в группе выбравших ответ «бывал(а) и хотел(а) бы побывать еще» оказалась самой высокой на фоне всех трех групп переменных (социальнодемографических, восприятия культуры и восприятия сотрудничества), логичен вывод, что туристические впечатления от России играют самую важную роль в формировании отношения жителей Южной Кореи к двусторонним экономическим отношениям.

В группе респондентов, относящихся к россиянам «положительно, с доверием и симпатией», вероятность восприятия экономических отношений с Россией как партнерских в модели № 2 и модели № 3 была выше примерно в 20 раз, а в группе выбравших вариант «нейтрально» такая вероятность оказалась выше примерно в 3 раза (по сравнению с группой ответивших «отрицательно, с недоверием и антипатией»). В группе тех, кто «поддерживает заключение соглашения о свободной торговле (ССТ)» между Россией и Южной Кореей, которое активно обсуждается и готовится в последние годы, вероятность восприятия отношений с Россией как партнерских оказалась выше примерно в 2 раза, а в группе считающих, что двустороннее сотрудничество «соответствует интересам своей страны», – примерно в 3 раза. Среди тех, кто в ответ на вопрос о возможности отношений стратегического партнерства ответил, что «страны уже являются стратегическими партнерами», – восприятие отношений с Россией как партнерских оказалось примерно в 15 раз, а в группе ответивших, что «страны могут ими стать», – примерно в 6 раз выше, чем в референтной группе.

Как видно из табл. 2, в моделях № 1 и № 2 для российских женщин вероятность восприятия экономических отношений с Южной Кореей как партнерских оказалась примерно в 1,7 раза выше, чем для российских мужчин. Однако в модели № 3 при контроле переменных, характеризующих восприятие сотрудничества, статистическая значимость влияния пола оказалась весьма слабой, с доверительной вероятностью 90%. Что касается влияния возраста, то только в возрастной группе старше 60 лет, по сравнению с группой 20–29 лет, вероятность восприятия отношений как партнерских оказалась примерно в 2 раза ниже, а в остальных возрастных группах статистическая значимость не обнаруживается. Если говорить о влиянии региона проживания, самой высокой вероятность восприятия отношений с Южной Кореей как партнерских оказалась в Центральном федеральном округе.

Анализ факторов, характеризующих восприятие культуры, показал, что для таких переменных, как уровень знаний о Корее, интерес к ее культуре и туристические намерения, статистическая значимость не обнаруживается. По сравнению с респондентами,

Tаблица 2 Восприятие россиянами экономических отношений с Южной Кореей (референтная категория: «конкурентные отношения»)

			Модель 1 Модель 2		ель 2	ь 2 Модель 3		
Переменные		партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить	
		1,78***	2,45***	1,69**	2,24***	1,40 ⁺	1,66*	
Возраст	19–29 лет	_	_	-	-	-	_	
	30–39 лет	1,21	1,62 ⁺	1,22	1,60	0,92	0,97	
	40–49 лет	1,09	1,04	0,93	0,95	0,70	0,56 ⁺	
	50–59 лет	0,82	0,98	0,74	0,93	0,59 ⁺	0,63	
	60 лет и старше	0,57*	0,92	0,51***	0,84	0,41**	0,60	
Образование	Среднее и ниже	_	_					
	Среднее специ- альное и выше	1,13	0,73	1,02	0,72	0,96	0,71	
Регион прожи- вания	Дальневосточ- ный	_	_	_	_	_	_	
	Центральный	3,36**	3,49**	4,08***	3,06**	3,49**	2,63*	
	Северо-Западный	2,10+	2,07	2,41*	1,86	1,97	1,56	
	Южный	2,99*	5,60***	3,17*	4,78**	2,82*	4,15**	
	Северо-Кавказ- ский	3,26**	3,34*	3,73**	2,48+	2,81*	2,18	
	Приволжский	2,79**	2,75*	3,42**	2,20 ⁺	2,67*	1,64	
	Уральский	2,74*	2,52 ⁺	3,17**	2,08	2,68*	1,68	
	Сибирский	2,00 ⁺	2,79*	2,47*	2,17+	2,23 ⁺	2,39 ⁺	
Уровень знаний о стране- партнере	«Ничего не знаю, эта страна меня не интересует»			-	-	_	-	
	«Много знаю»			1,89	0,41	2,79 ⁺	0,78	
	«Мало знаю, но хотел(а) бы знать больше»			1,21	0,76	1,31	1,34	
	«Мало знаю, эта страна меня не слишком интересует»			0,87	0,68	1,00	1,09	
Культура страны- партнера	«Не интересна»			_	_	_	_	
	«Интересна»			1,17	0,91	1,18	0,97	
	«Затрудняюсь ответить»			2,31	2,41	2,33	1,46	
Туристические намерения в отношении страны-партнера	«Хотел(а) бы побывать»			_	_			
	«Не хотел(а) бы побывать»			0,92	0,93	0,84	0,84	
	«Затрудняюсь ответить»			0,49	4,99	0,37	2,44	

Окончание табл. 2

				1			ие таол. 2
		Моде	ель 1	Модель 2		Модель 3	
Переменные		партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить	партнер- ские	затруд- няюсь ответить
Отношение к народу страны- партнера	«Отрицательно, с недоверием и антипатией»			_	_		
	«Положительно, с доверием и симпатией»			5,23***	2,22*	3,50***	1,57
	«Нейтрально»			4,13***	2,73**	2,99**	1,81 ⁺
	«Затрудняюсь ответить»			5,21**	6,72***	3,73**	4,22**
Отношения между двумя	«Скорее ухудшились»					_	_
странами за последнее	«Скорее улучшились»					3,17**	4,97***
время	«Остались без изменений»					1,81 ⁺	3,52**
	«Затрудняюсь ответить»					2,10 ⁺	6,32***
Заключение ССТ	«Не поддержи- ваю»					_	_
	«Поддерживаю»					2,53**	1,92 ⁺
	«Затрудняюсь ответить»					1,95	2,03
Сотрудничество между двумя странами	«Не отвечает интересам (сво- ей страны)»					_	_
	«Отвечает инте- ресам (своей страны)»					1,69*	0,99
	«Затрудняюсь ответить»					1,97*	3,39***
Возможность стратеги- ческого партнерства	«Не могут ими стать»					-	_
	«Уже являются стратеги- ческими партнерами»					1,13	0,61
	«Могут ими стать»					0,99	1,13
	«Затрудняюсь ответить»					4,46***	7,94***
LR chi ²		77,3	3**	177,36***		372,39***	
Pseudo R ²		0,03	313	0,0717		0,1505	
Количество проанализированных анкет		12	05	1205		1205	

Примечание. Числовые данные в таблице выражают отношение шансов; $^+p < 0,1; \ ^*p < 0,05; \ ^**p < 0,01; \ ^**p < 0,001.$

которые, отвечая на вопрос об отношении к жителям Южной Кореи, выбрали опцию «отрицательно, с недоверием и с антипатией», среди выбравших варианты «положительно, с доверием и симпатией», «нейтрально» и «затрудняюсь ответить» вероятность восприятия экономических отношений с Южной Кореей как партнерских оказалась примерно в 4–5 раз выше (в моделях № 2 и № 3). Наконец, если обратиться к переменным, характеризующим восприятие сотрудничества, то вероятность восприятия экономических отношений с Южной Кореей как партнерских является весьма высокой у полагающих, что в последнее время отношения между двумя странами «скорее улучшились», «поддерживающих заключение ССТ», а также считающих, что сотрудничество с Южной Кореей «отвечает интересам» России. Однако в ответах, касающихся возможности стратегического партнерства, статистическая значимость восприятия отношений как партнерских не обнаруживается.

Сформулируем общие выводы проведенного регрессионного анализа. В обеих странах на восприятие двусторонних экономических отношений как партнерских оказывают влияние (в разной степени) пол, возраст и регион проживания. Вероятность восприятия экономических отношений с Россией как партнерских выше у женщин, чем у мужчин, причем в Южной Корее это выражено гораздо сильнее. Две страны объединяет то, что в возрастной группе 60 лет и старше (т.е. у помнящих времена политической конфронтации обеих стран) вероятность восприятия отношений как партнерских является низкой. В обеих странах эта вероятность высока в центрально-столичных регионах – в ЦФО в России и в Сеульском столичном регионе (Сеул и Кёнгидо–Инчхон). Фактор образования в обеих странах не оказывает влияния не восприятие экономических отношений как партнерских.

Анализ влияния связанных с восприятием культуры переменных на оценку двустороннего экономического сотрудничества показал следующее. Для корейцев, имеющих туристические намерения в отношении России, а также положительно или нейтрально относящихся к россиянам, высока вероятность восприятия экономических отношений с Россией как партнерских. Что касается мнений россиян, то положительно значимым оказалось только отношение к жителям Южной Кореи.

Таким образом, во взаимных оценках жителями России и Южной Кореи культуры друг друга и в их представлениях о характере экономического сотрудничества есть элементы как симметрии, так и асимметрии. Возможно, это связано с тем, что культурный обмен между Кореей и Россией в течение долгого времени не отличался интенсивностью. В то же время играет роль и зависимость от предшествующего исторического развития: Россия/СССР за последние полтора века дважды существенно повлияла на историю Чосон/ Кореи (в 1890–1900-е и в 1940–1950-е гг.), в то время как обратное влияние Кореи на Россию пока слабее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ли Мун-Ён. Национальные образы и взаимопонимание между Южной Кореей и Россией (компаративистский подход) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 122–133. [Lee Moon-Young (2020). Comparative Study on National Image and Mutual Understanding between South Korea and Russia. Sotsiologicheskiye Issledovaniya [Sociological Research]. No. 9: 122–133. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250009464-3.
- 송정수・김세일 (2015) 한국 대학생들의 러시아 국가이미지 연구, 『A Search of Enhanced Cooperation and Mutual Recognition between Korea and Russia』, 2015년 6월 27일 KASEUS 주관 국제학술대회 자료집, 33–42쪽. [Song Jung Soo, Kim Se II. (2015) Russia's Images in the Eyes of Korean Students. In: A Search of Enhanced Cooperation and Mutual Recognition between Korea and Russia. Seoul: KASEUS: 33–42. (In Korean)]
- 최우익 (2017), 2016~17 년 한반도 주변국에 대한 한러 국민 인식의 변화, (서울대학교 러시아연구소), 러시아연구, 제27권 제2호. [Choi Wooik. (2017) Changes in Korean-Russian People's Perceptions about the Neighboring Countries of the Korean Peninsula from 2016 to 2017: Focusing on the Perception of Korean People by Generations. *Russian Studies*. Vol. 27. No. 2: 227–254. (In Korean)]

PERCEPTION OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN SOUTH KOREA AND RUSSIA (Results of a Regression Analysis)

CHOI WOOIK

Institute for Russian Studies, Hankuk University of Foreign Languages, Republic of Korea

Wooik CHOI, PhD (Sociol.), Prof., Institute for Russian Studies, Hankuk University of Foreign Languages, Seoul, Republic of Korea (wooikchoi@yahoo.co.kr).

Abstract. Using multinominal logistic regression analysis, the authores analyzes the perception by the citizens of South Korea and Russia of the economic relations between the two countries based on the results of 2016–2018 national polls. As the analysis has shown, in general, Koreans and Russians positively perceive each other's culture, bilateral cooperation and mutual economic relations, although a very high (about 40–50%) share is made up by those who treat them neutrally, without interest. In the ideas of the inhabitants of Russia and South Korea about the nature of economic cooperation between their countries, there are elements of both symmetry and asymmetry. In particular, among the Koreans and Russians surveyed, people over 60 are much more likely to perceive bilateral relations as competition rather than partnership. In both countries, assessment of economic relations between South Korea and Russia depends on the attitude towards the people of the respective country, but if in South Korea it also depends on the perception of Russia as an attractive tourist destination, in Russia South Korea is almost not perceived as a tourist destination.

Keywords: South Korea, Russia, economic relations, public perception, regression analysis.

Received: 15.05.21. Final version: 20.09.21. Accepted: 24.09.21.

К.А. ГАЛКИН

ТРУДОУСТРОЙСТВО ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ПОЛИТИКА АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ

ГАЛКИН Константин Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (Kgalkin1989@mail.ru).

Аннотация. В статье выделяются основные стратегии трудоустройства пожилых людей в рамках социальной политики активного долголетия на примере Европы и России. Для развитых европейских экономик характерны налоговое стимулирование работодателей и переобучение пожилых людей. В государствах с низким уровнем дохода населения концепция активного старения только начинает развиваться, большую роль играет инициатива снизу, а занятость пожилых людей в основном вынужденная. Похожая ситуация наблюдается в России, где низовая инициатива и немногочисленные практики, связанные с переобучением пенсионеров и обучением новым компьютерным технологиям, не подкрепляются институционально. Увеличение пенсионного возраста не сопровождается системной интеграцией пожилых людей в рынок труда. В то же время глобальная пандемия выявила перспективность и усточивость стратегии стимулирования и переобучения, которая в нашей стране отсутствует.

Ключевые слова: активное старение • социальная политика • трудоустройство пожилых людей • занятость • успешные программы • Россия • Европа

DOI: 10.31857/S013216250014015-9

Дискриминация пожилых людей в сфере занятости отчетливо проявилась в конце XIX в. и долго рассматривалась как закономерное следствие индустриальных изменений. Лишь в 1967 г. в США был принят Закон о возрастной дискриминации в области занятости (The Age Discriminationin Employment Act), в котором главенствующими критериями при приеме на работу были признаны не возраст потенциального сотрудника, а его способность и желание трудиться. Во многих развитых странах сейчас запрещено даже упоминать возрастные ограничения при приеме работу, более того, там создаются условия для трудоустройства граждан старшего возраста [Geyer, 2013; Skórska et al., 2018].

В России дискриминация работающих пожилых людей начинается задолго до достижения ими пенсионного возраста. Положение усугубляется тем, что получить дополнительное образование или пройти профпереориентацию в преклонном возрасте весьма затруднительно, не говоря уже о том, что такие программы на государственном уровне отсутствуют. В то же время низкие пенсионные доходы вынуждают пожилых людей, обладающих зачастую хорошими знаниями, навыками и образованием, устраиваться на должности для низкоквалифицированных специалистов. При этом в ряде исследований отмечается значимость активности, инклюзии и трудовых отношений пожилых людей для их интеграции в социум [Смолькин, 2014; Григорьева и др., 2014], в том числе в рамках концепции активного старения или активного долголетия.

На сегодняшний день в России принят ряд документов, которые нацелены на развитие этой идеи и способствуют, что отмечается в них, формированию образа пожилого человека как активного гражданина, вовлеченного в трудовую деятельность. Важным концептуальным проектом выступает «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации». Пожилые люди в России определены в ней как

«старшее поколение» «без привычных рассуждений об их нужде и слабости» 1. Пожилой возраст, отмечается в Стратегии, начинается с 60 лет, т.е. становится таким образом хронологическим состоянием, но не медицинским определением, связанным с той или иной степенью телесной немощности и плохого самочувствия. При этом, согласно пенсионной реформе, эта возрастная линия отодвинется в России к 2028 г., т.е. налицо явное противоречие, причем не единственное – Стратегия «спорит» и с другими документами.

Указ президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» ориентирован на повышение качества жизни пожилых людей и отказ от дискриминационной политики в их отношении. Речь в нем идет об увеличении ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет); устойчивом росте реальных доходов граждан, в том числе пенсионного обеспечения, – выше уровня инфляции.

Закрепляет ряд показателей, важных для пожилых людей, и национальный проект «Демография»³. Его основные акценты: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) до 67 лет; снижение смертности населения старше трудоспособного возраста до 361 чел. на 10 тыс. чел. соответствующего возраста; повышение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55%.

В перечисленных документах, однако, не поясняется, как могут быть реализованы эти инициативы. Не способствует достижению намеченных показателей и нестабильность в сфере занятости, а также дискриминация пожилых людей на рынке труда.

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности того, как в странах Европы и в России решаются проблемы, связанные с реализацией концепции активного старения (долголетия) в сфере создания благоприятных условий и стимулирования трудоустройства пожилых людей, а также продолжения занятости пожилых людей. И какие существуют стратегии для реализации политики активного старения (долголетия) в странах Европы и в России.

Решение этих проблем в международной практике условно можно разделить на три основных направления: стимулирование работодателей; переобучение пожилых людей и стратегия самоорганизации.

Одна из наиболее успешных – *стратегия стимулирования* – выражается в предоставлении налоговых льгот работодателям, которые нанимают на работу пожилых людей. Она реализуется в Дании, Исландии, Финляндии, Швеции, Норвегии и др., т.е. так называемых европейских социально-демократических странах, где концепция активного долголетия хорошо развита. На практике это выражается прежде всего в отмене одного из социальных налогов при найме пожилых сотрудников на работу. Такой маневр, реализуемый с 2004 г. в Нидерландах, привел к снижению расходов работодателей в среднем на 5% [ОЕСD, 2005а; Curristine, 2006].

В Польше в 2020 г. завершилась 12-летняя программа «Солидарность между поколениями», которая позволила сохранить занятость большому числу людей старше 50 лет [Urbaniak et al., 2014; Karpinska et al., 2019]. В ее рамках были реализованы комплексные меры на рынке труда, такие как субсидии для компаний при найме пожилых людей, помощь гражданам старшего возраста при трудоустройстве, например консультации с экспертами рынка труда, индивидуальный подбор профессионального применения пожилого человека, а также диспансеризация.

¹ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р; О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2016 № 2539-р.

 $^{^2}$ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204.

 $^{^3}$ Паспорт национального проекта «Демография». URL: https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/f4/a3/ НП_Демография.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

Стратегия стимулирования не только создает условия привлечения в компании пожилых сотрудников, но и способствует росту продолжительности жизни населения. Это в первую очередь обусловлено медицинским страхованием занятых, к коим присоединяются люди старшего поколения, а также специальными врачебными осмотрами в организациях. Кроме того, работодатели становятся защищенными от проблем, связанных с возможным нездоровьем или неспособностью пожилого сотрудника исполнять привычные трудовые обязательства. Пандемия COVID-19 не помешала данной стратегии, основные сложности возникали, когда работники старшего возраста не могли выполнять трудовые обязанности, требующие физического присутствия на месте, а работодатели были вынуждены переводить их на дистанционную работу, что привело к ощутимым потерям ряда компаний. В России стратегия стимулирования не реализуется, а идеи налоговых льгот не включены ни в Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации, ни в национальный проект «Демография».

Стратегия переобучения. Помимо налоговых льгот в ЕС реализуется политика равных возможностей, которая посредством рекламы и промоакций призывает пожилых людей получать новые профессии, т.е. менять траекторию занятости. Как правило, в странах, где распространено налоговое стимулирование, не осуществляются подобные проекты [Walker et al., 2019; Walker et al., 2016]. Стратегия переобучения пожилых европейцев реализуется в виде консультаций при их подготовке к новой работе и в формате профориентации. Этой линии придерживаются страны не только Западной, но и Центральной и Восточной Европы. Здесь стоит упомянуть австрийскую программу «Fit2Work» и чешскую «50+». Первая ориентирована на поддержку пожилых людей, продолжающих работать, несмотря на проблемы со здоровьем, а также на трудоустройство безработных пенсионеров. «Fit2Work» предлагает бесплатные консультации и услуги по поддержке работников и работодателей, стремящихся предотвратить профессиональную инвалидность и помочь вернуться к трудовой деятельности тем, кто долго не работал по состоянию здоровья [Dijkman et al., 2012].

Основная цель такой стратегии – психологическая поддержка пожилых людей и помощь им в поиске своего места на рынке труда. Во главу угла ставится структурная переподготовка, в которую входит обучение цифровым навыкам и повышение компьютерной грамотности. Успешным примером выступает английская госпрограмма Digital Unite. Она помогает пожилым людям общаться в режиме онлайн, а также обучает работе с цифровыми технологиями. Немаловажную роль в ней играют занятия с психологами или тренерами для роста мотивации к работе и развития самостоятельности при реализации индивидуального карьерного плана.

Инициатива переобучения и трудоустройства пожилых людей в России в основном исходит снизу и реализуется, как правило, региональными службами занятости. К примеру, с 2014 г. в Республике Марий Эл организованы специальные курсы по переподготовке и переобучению граждан старшего возраста. Основной упор делается на получение новой профессии и обучение компьютерной грамотности. Еще один успешный проект «Бабушка и дедушка онлайн» был разработан МРОО «АВИП» при поддержке правительства Санкт-Петербурга в 2008 г. Основная его цель – вовлечь как можно больше пожилых людей в освоение информационных технологий и таким образом повысить уровень их обучения и переподготовки [Григорьева и др., 2014]. Преимущества этой программы состоят в бесплатном посещении курсов компьютерной грамотности и охвате целого мегаполиса. Кроме того, программа территориально расширяется. Похожие проекты действуют в библиотеках разных городов. Их главный недостаток – отсутствие профориентации и консультаций представителей служб занятости, которые бы трудоустраивали пожилых людей, к тому же такие программы в регионах в основном строятся на энтузиазме инициативных граждан и весьма немногочисленны [Кязимов, 2018]. Но если в крупных городах существуют хотя бы

⁴Liebe fit2work-Kundinnen und Kunden! URL: https://fit2work.at (дата обращения: 13.09.2021).

такие проекты, в сельской местности у пожилых практически нет шансов обучиться информационным технологиям. Между тем в период пандемии стратегия переобучения наиболее востребована, так как именно онлайн-занятость позволяет интегрироваться в новую реальность, обучаться и даже получить новую профессию.

Стратегией самоорганизации характеризуются страны, где отсутствуют централизованные меры по трудоустройству пожилых, однако низкие пенсии и необходимость содержать семьи, часто – детей и даже внуков, вынуждают лиц преклонного возраста работать. Такая картина типична для Болгарии, Латвии, Литвы и Румынии [Midtsundstad, Bogen, 2014]. Главным приоритетом социальной политики в этих государствах выступает расширение прав пожилых людей и создание для них комфортной среды и социального включения. Направленность на трудоустройство при этом отсутствует, и пенсионеры вынуждены самостоятельно искать работу и устраиваться на низкооплачиваемые должности.

Так же обстоят дела в России, где меры по увеличению пенсионного возраста, как и различные государственные стратегии и национальный проект «Демография», в сущности не способствуют переобучению лиц преклонного возраста, смене профессии или специальности. Все это делает невозможным и активное долголетие, и повышение уровня жизни, потому что занятость вовлекает пожилых людей в социум и обеспечивает им мотивацию к тому, чтобы познавать новую профессию, интегрироваться в трудовую деятельность, быть психологически защищенными. В то же время сокращение периода пенсионных выплат, его перенос и отсрочки оказались более чувствительными для населения. Выигрыш государства от пенсионной реформы, в том числе накопления Пенсионного фонда государства, в этой ситуации наиболее заметен на фоне имиджевых потерь государства и развития теневой занятости, а также негативного общественного мнения относительно самой пенсионной реформы.

Кроме того, по материалам ВОЗ, в России низка продолжительность жизни по сравнению с другими странами Европы и СНГ. В связи с этим людям старшего возраста тяжело искать работу из-за возникающих проблем со здоровьем. Часто труд пожилых в России стигматизируется, особенно в небольших городах и сельской местности, единственным его вариантом нередко выступает низкоквалифицированный труд, связанный с физическими нагрузками. По сравнению с развитыми странами Европы в России отсутствует институциональная база и условия для трудоустройства пожилых людей, индивидуальной подготовки, переобучения и выбора новой профессии.

Кроме того, условия пандемии COVID-19 трансформируют, изменяют занятость, инспирируют переход к дистанционной работе. Поддержка пожилых людей, особенно в контексте их интеграции в социальные практики через продолжение занятости, сейчас особенно важна. Наиболее уязвимой в этой ситуации становится стратегия самоорганизации. Между тем переобучение, ориентированное на долгосрочную перспективу, в том числе перевод пожилых людей на дистанционный формат работы, оказывается наиболее приемлемым и важным с точки зрения сохранения активности и интеграции их в социум в период пандемии COVID-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 151–167. [Grigorieva I.A., Bershadskaya L.A., Dmitrieva A.V. (2014) On the Way to the Normative Model of Relationships between Society and Older People. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17. No. 3: 151–167. (In Russ.)]

Григорьева И.А., Квасова О.С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 37–56. [Grigorieva I.A., Kvasova O.S. (2019) Public Dissatisfaction with Pension Reform: A Gender Perspective. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 4: 37–56. (In Russ.)] DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.2.

- Кязимов К.Г. Дополнительное профессиональное образование как условие продолжения занятости лиц пенсионного возраста // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 3. С. 79–86. [Куаzimov K.G. (2018) Additional Professional Education as a Condition of Continuing Employment of Persons of Retirement Age. *Professional noe obrazovanie i rynok truda* [Vocational Education and Labour Market]. No. 3: 79–86. (In Russ.)]
- Смолькин А.А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. 2014. № 5. C. 97–103. [Smol'kin A.A. (2014) Labor Potentialities of Aged People. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 5: 97–103. (In Russ.)]
- Curristine T. (2006) Performance Information in the Budget Process: Results of the OECD 2005 Questionnaire. *OECD Journal on Budgeting.* Vol. 5. No. 2: 87–131. DOI: 10.1787/budget-v5-art13-en.
- Dijkman A. et al. (2012) Promoting Healthy Work for Employees with Chronic Illness Appendix: Examples of Good Practice. *Hoofddorp*: 23–31.
- Foster L., Walker A. (2015) Active and Successful Aging: A European Policy Perspective. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 1: 83–90. DOI: 10.1093/geront/gnu028.
- Geyer R.R. (2013) Exploring European Social Policy. New York: John Wiley & Sons.
- Midtsundstad T., Bogen H. (2014) Active Ageing Policies between Individual Needs and Collective Goods: A study of Active Ageing Policies and Practices in Norway. *Nordic Journal of Working Life Studies*. Vol. 4. No. 2: 139–158. DOI: 10.19154/njwls.v4i2.3868.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (2017) Economic Surveys. Paris.
- Skórska A., Ugryumova A., Wąsowicz J. (2018) Employment or Self-employment of People Aged 50 and over in the European Union. In: Szkutnik W., Sączewska-Piotrowska A., Hadaś-Dyduch M., Acedański J. (eds) 9th International Scientific Conference "Analysis of International Relations 2018. Methods and Models of Regional Development. Winter Edition": Conference Proceedings. Katowice: Publishing House of the University of Economics in Katowice: 119–129.
- Staubli S., Zweimüller J. (2013) Does Raising the Early Retirement Age Increase Employment of Older Workers? *Journal of Public Economics*. Vol. 108: 17–32. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2013.09.003.
- Van Dalen H.P., Henkens K., Schippers J. (2010) Productivity of Older Workers: Perceptions of Employers and Employees. *Population and Development Review.* Vol. 36. No. 2: 309–330. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00331.x.

Статья поступила: 15.02.21. Финальная версия: 24.05.21. Принята к публикации: 21.09.21.

EMPLOYMENT OF OLDER PEOPLE AND ACTIVE AGEING POLICIES IN EUROPE AND RUSSIA

GALKIN K.A.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Konstantin A. GALKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Resecher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (Kgalkin1989@mail.ru).

Abstract. The article highlights main strategies for the older people employment in European countries vs. Russia. Developed economies are characterized by tax incentives for employers and retraining older people. In low-income countries and in countries where social policy regarding active ageing is just beginning to develop, an important role is played by the initiative from below, and the employment of older people is mainly involuntary for employers. A similar situation is observed in Russia, where the grassroots initiative and a few practices related to retraining pensioners and training them in new computer technologies are not supported institutionally. The recently introduced increase in the retirement age is not accompanied by creation of conditions to integrate older people into the labor market, while the conditions of the global pandemic have revealed prospects and sustainability of the incentive and retraining strategy practically absent in our country.

Keywords: active ageing, social policy of active aging, employment of older people, successful employment programs for older people, Russia, Europe.

Received: 15.02.21. Final version: 24.05.21. Accepted: 21.09.21.

© 2021 г.

О XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ МОЛОДОГО СОЦИОЛОГА

Очередная школа молодого социолога (ШМС) состоялась 17–22 мая 2021 г. в с. Дивноморское на тему «Социологическая диагностика и экспертиза в науке и практике». Организаторы этого научно-образовательного проекта: Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН, Институт социологии и регионоведения ЮФУ, Донской государственный технический университет, Южно-российский филиал ФНИСЦ РАН. В работе школы приняли участие ведущие российские ученые: акад. РАН М.К. Горшков, профессора Г.А. Ключарёв, А.Б. Гофман, В.И. Мукомель, М.А. Боровская, Ю.Г. Волков, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, К.В. Воденко и другие. В рамках школы прошли мастер-классы, интерактивные лекции, деловые игры, круглые столы, обсуждались диссертации, проводились индивидуальные консультации участников школы из Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Вологды, Новочеркасска и Республики Крым.

Открывая работу Школы, проф. **Ю.Г. Волков** (ЮФУ, Южно-российский филиал ФНИСЦ РАН) отметил, что для получения объективной картины социального мира необходимо осмыслить используемые социологические методы, так как функция диагностики и экспертизы очень важна. Если социологи действительно хотят быть полезны обществу, то нужно давать реальную экспертизу.

Проф. М.А. Боровская (президент ЮФУ) в докладе «Цифровая трансформация образовательных программ: индивидуальные траектории» подчеркнула роль социальной диагностики и социологической экспертизы для решения конкретных социальных задач, например развития высшего профессионального образования в современной России. Она выделила узловые моменты его современного развития, в том числе социологического образования. По мнению докладчика, высшее образование должно вписываться в «технологические треки», обновляя инфраструктуру образовательной сферы, подходы к организации управления, влиять на изменения личностного отношения к этому, соответствовать запросу на новые компетенции. Здесь важен визионерский подход. Рынок образования сегодня сопровождают технологические рынки, например: Edu.net, Tech.net, Auto.net и т.д.

Б.Ч. Месхи (ДГТУ) отметил проблему прогнозирования отношений университета и работодателей. Важно диагностировать профессиональные компетенции выпускников и необходима экспертиза ожидания работодателей. Выпускники не всегда владеют компетенциями, востребованными на рынке труда, что создает социальное напряжение, заметное при глобальных изменениях, вызванных пандемией.

Лейтмотив мастер-класса акад. РАН **М.К. Горшкова** (ИС ФНИСЦ РАН) «Массовое историческое сознание и его проявления в постсоветской России (опыт социологического измерения)» – проблематика истории вплетена в повестку текущего дня и ее нельзя не учитывать при социологической экспертизе и диагностике. Здесь важным является понятие исторического сознания, включающее в себя историческую память, историческое наследие, исторические символы. Основная задача – формирование новой российской идентичности. То, к чему стремится современная Россия, должно быть определено, и без понимания истории это сделать сложно.

Проф. **А.Б. Гофман** (ИС ФНИСЦ РАН) на интерактивном мастер-классе «Историко-социологическая диагностика и эпистолярный жанр: Маркс и Дюркгейм как авторы писем» показал, как социологи диагностируют социокультурное пространство и в чем его отличия

от физического, географического. Социальная мобильность – оптика, меняющая социальное пространство, раскрывающая новые черты людей в соответствии с меняющимися историческими условиями. Например, социальная дистанция как историческое обстоятельство характеризует не только физическое расстояние, но и социокультурное, социологическая экспертиза которого намечает важный параметр анализа. Что это может или должно дать в результате? Важно диагностировать, как возникло новое понимание привычных понятий: свобода, социальная близость, коммуникация и т.д. Поэтому письма выступают специфическим объектом социологического исследования.

Проф. В.И. Мукомель (ИС ФНИСЦ РАН) посвятил лекцию и выступление теме «Диагностика многоликой ксенофобии: причины, объекты, субъекты». Основываясь на статистике и прогнозах Росстата, докладчик показал, что убыль населения в стране в 2020 г. превысила 600 тыс. чел. По низкому варианту прогноза общая убыль населения должна была быть существенно меньше, где-то на 150 тыс., это означает, что по этому варианту к 2035 г. население России уменьшится почти на 4 млн чел. Если учитывать этот вариант или даже ниже, то численность населения сократится более чем на 12 млн чел. Данное обстоятельство ставит две проблемы социологической экспертизы: депопуляция страны и нехватка трудовых ресурсов. Сейчас нехватка в значительной степени компенсирована повышением пенсионного возраста, но даже по среднему варианту прогноза численность трудоспособного населения начинает снижаться необратимо, поэтому решать проблему нужно с помощью миграции, учитывая их адаптацию. Государство должно обеспечивать мигрантов возможностями полноценно участвовать во всех сферах общества, что накладывает обязательства и на мигрантов: они должны уважать традиции, нормы, культуру и т.д. принимающего общества.

Круглый стол «Российское образование: опыт условий пандемии» Г.А. Ключарёва (ИС ФНИСЦ РАН) вызвал отклик у экспертов и участников Школы, поскольку каждому было, чем поделиться, что сказать в ответ на острые вопросы. Круглый стол стал ареной различных точек зрения о плюсах и минусах цифровизации образования, развивавшейся на фоне пандемии. Особенно острыми стали вопросы о методике преподавания, необходимости или отсутствии перехода к онлайн-практикам как доминантным в образовательном процессе, о новой культуре образования. Несмотря на остроту полемики, участники попытались прийти к общей позиции: переход на новые образовательные рельсы с учетом цифровой эпохи, но цифровые, онлайн-технологии не должны доминировать в образовательной практике. Обмен знаниями, эмоциями, поиск нового знания, его производство и воспроизводство возможны в пространстве подлинного научного дискурса и общения.

Проф. С.И. Самыгин (РГЭУ (РИНХ)) в лекции «Институционализация цифрового образования в высшей школе: социологический анализ проблем социализации молодежи» отметил, что современная социология использует парадигму постмодернизма, а она противоречит рационалистическому мировоззрению. То есть постмодернизм отказывается искать разумное объяснение человеческому поведению, отрицает создание какойлибо универсальной модели для понимания и объяснения мира, хотя главная цель любого ученого – поиск истины. Ученый занят только описанием различных и постоянно меняющихся феноменов. Получается, что реальности самой по себе не существует, а только ее многочисленные версии, создаваемые с помощью знаков, языка. Лектор рассмотрел процесс институционализации цифрового образования в школе, ведущему к трансформации процесса социализации, радикальному изменению роли преподавателя. Из носителя знания он превращается в обучающего дизайнера, становясь провайдером контента и ресурсов, разрабатывающим игровую и привлекательную, но не образовательную среду.

Проф. А.В. Верещагина (ИСиР ЮФУ) провела деловую игру «Качественные методы как инструмент социологической диагностики», целью которой было формирование навыков и умений работы с качественными методами социологии, в частности фокусгруппой и моделированием. С их помощью диагностировалось состояние института семьи в современном российском обществе и определяются перспективы его развития по модели «идеальная семья». Игра состояла из нескольких этапов: первый включал

фокус-группу, основанную на выявлении ассоциации со словом «семья»; второй ориентировался на выявление особенностей функционирования семьи; на третьем этапе участники разрабатывали модель семьи на основе ассоциаций и различных индикаторов (тип брака, состав семьи, репродуктивные установки, типы отношений и т.п.). Четвертый этап – социологический диагноз. В результате команды ставили диагноз институту семьи в России с позиций выбранной ими парадигмы. Дискуссия, завершившая игру, показала, что ребята серьезно задумались о происходящих в российской семье процессах и их интерпретации; увидели, что любое социологическое исследование, моделирование и диагностический анализ должны базироваться на адекватной задачам исследования методологической парадигме, – только в этом случае результаты и выводы будут иметь научно достоверный и объективный характер. Также был проведен мастер-класс «Экспертное интервью: методика разработки инструментария». Для реализации этого был использован инструментарий, разработанный А.И. Черевковой.

В.В. Узунов (Крымский ф-л ФНИСЦ РАН) на лекции «Жизненные планы и ценностные ориентиры крымской молодежи в условиях пандемии коронавируса» охарактеризовал современный мир как мир возможности максимальной свободы существования. У современной молодежи меняются ценности, этическая мотивация поведения, имеющая свою специфику в условиях пандемии. Результаты исследования молодежи, проведенного Крымским филиалом ФНИСЦ РАН, показали: во-первых, кардинально изменилась привычная структура социальных отношений, определяющих поведение подростков и молодежи; во-вторых, ограничилась свобода перемещений, что подростки и молодежь всегда декларировали как атрибут самостоятельности по отношению к старшим; в-третьих, изменились модель поведения в учебном заведении, жизненные планы и ценностные ориентации части подростков и молодежи. Главным социально-психологическим «постпандемическим» фактором является усталость после самоизоляции и дистанционки. На втором месте – оптимизм, который не так высок у работающей молодежи. Третье место (особенно у студентов и работающей молодежи) занимает раздражительность. Желание помочь людям, обществу больше свойственно младшим возрастным группам крымской молодежи.

Школа молодого социолога, по отзывам ее участников, представила собой наиболее удачную синергию формального процесса обучения и неформального процесса общения, происходящего между преподавателями и учениками. Она помогала участникам устанавливать контакт с участниками из других городов и с преподавателями. Этому способствовала также традиционная практика индивидуальных консультаций, когда каждый участник имел возможность подойти к любому эксперту-наставнику, задать вопросы и поделиться перспективами разработки того или иного научного направления, получить ценные советы и рекомендации.

Ю.Г. ВОЛКОВ

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич, д. филос. н., проф., науч. рук. Института социологии и регионоведения ЮФУ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (ugvolkov@sfedu.ru).

DOI: 10.31857/S013216250016828-3

ABOUT THE 14th RUSSIAN SCHOOL OF A YOUNG SOCIOLOGIST

Yury G. VOLKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Scientific Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (ugvolkov@sfedu.ru).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В Душанбе по инициативе Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан (РТ) и при поддержке Европейского союза совместно с ЮНИСЕФ в Таджикистане, Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (МГУ) и Филиалом МГУ в Душанбе, РОС 15 июня 2021 г. состоялась международная конференция, посвященная изменениям социально-трудовых отношений в современный период. Ведущие специалисты и ученые из Москвы, Душанбе, Вены, Екатеринбурга, Бонна обсудили условия и проблемы цифровизации общества, внедрение цифровых технологий в экономику и управление социальной сферой, совершенствование механизмов социальной защиты, регулирование миграционных потоков.

С приветственными словами выступили: министр труда, миграции и занятости населения Ш. Амонзода, министр промышленности и новых технологий К. Шерали, министр энергетики и водных ресурсов Д.Д. Шофакир, проректор по международным отношениям МГУ Ю.А. Мазей, зам. проректора по международным отношениям МГУ Д.Н. Нидоев, поверенная в делах делегации ЕС в Таджикистане П. Гаспарова, глава Представительства ЮНИСЕФ в РТ О.М. Когали, представители Исполнительного аппарата президента РТ, представители парламента, отраслевых министерств, гражданского общества, СМИ.

В докладе **Е.Ю.** Ивановой (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) было отмечено существование множества требований, предъявляемых к постановке задач, требующих цифровой реализации, технической и правовой защищенности персональных данных. Но вместе с этим возникают проблемы сохранения гуманистической сущности человека, считает Л.П. Зернова (МФТИ, Москва). А. Рейчел (GiZ, Бонн) подчеркнул, что цифровые решения улучшают многие аспекты как реальной экономики, так и жизни отдельных лиц.

Технологические изменения в цифровой среде провоцируют динамические и структурные преобразования в экономике России и на рынке труда в целом. О комплексе мер по их преодолению сообщила М.В. Кудина (МГУ, Москва). Исследование перспектив становления цифровой экономики в контексте социально-экономических отношений в Таджикистане рассмотрел З.С. Султонов (ТГУК, Душанбе). С. Аминов (МОТ, Душанбе) отметил риски формирования будущих поколений «цифровых поденщиков» при использовании искусственного интеллекта, автоматизации и робототехники в трудовой деятельности. Глобальный обзор подходов и тенденций при внедрении цифровых технологий, используемых при предоставлении помощи уязвимым людям, представлен З.А. Комиловой (Душанбе, ЮНИСЕФ).

Проблемы гендерной дискриминации на рынке труда в странах ЕС в условиях цифровизации поднимались в докладе **E.A. Мосаковой** (МГУ, Москва). Основные направления цифровой трансформации и традиционных профессий в процессе цифровизации были рассмотрены **B.A. Мансуровым** и **E.A. Шатровой** (РОС, ИС ФНИСЦ РАН, Москва). **H.A. Иванова** (МГУ, Москва) рассказала о проблемах и перспективах развития рынка труда и более осознанном выборе профессий молодежи России. Необходимость реформы рынка труда и занятости населения в Таджикистане, в связи с переходом на цифровую платформу, анализировались **H.P. Махмадуллозодой** (МТМЗН РТ, Душанбе).

Применение инноваций в управлении человеческими ресурсами отмечали в докладе Ю.Ю. Петрунин, А.Е. Пугачева (МГУ, Москва), а в сфере занятости и профессиональных навыков обсуждались М.А. Малышевым (МГУ, Москва). Изучению безработицы «на цифровом» рынке труда и деятельности основных регуляторов рынка труда, таких как государство и профсоюзы, был посвящен доклад Е.А. Пановой (МГУ, Москва). Проблемы защиты прав служащих при банкротстве работодателя в современных условиях рассматривались О.А. Львовой (МГУ, Москва).

Взгляды и позиции представителей различных конфессий к появлению искусственного интеллекта и использование его в трудовой и религиозной деятельности были проанализированы в докладе М.В. Виниченко и М.В. Рыбаковой (МГУ, РГСУ, Москва). М.Б. Пивоварова (МГУ, Москва) отметила, что влияние цифровизации экономики и внедрение новых технологий в различные сферы общества приводит к изменению отношения общества к ученым. По мнению Е.И. Прониной (ИС ФНИСЦ РАН, Москва), цифровизация обучения создает множество проблем, одной из острейших становится формирование личности дошкольника.

Особым типом в глобальном мире становится академическая миграция. В условиях пандемии возросли масштабы виртуальной мобильности на базе цифровых технологий, о которой рассказала **А.М. Рябинина** (МГУ, Москва). Актуальность дистанционного трудоустройства уязвимой молодежи в цифровую эпоху рассматривалась **Ш.А. Ашуровым** (ЮНИСЕФ, Душанбе).

Последствия влияния пандемии на социальное здоровье трудовых мигрантов из государств ЕАЭС на основе анализа результатов исследований рассматривались И.А. Селезневым (ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва). Проблемы создания цифровой аналитической платформы для предоставления статистических и административных данных анализировала И.П. Мамий (МГУ, Москва). О состоянии российского третьего сектора и о проблемах филантропиии, ее ответе на вызовы пандемии COVID-19 рассказал А.Я. Лившин (МГУ, Москва).

Подводя итоги, можно отметить, что социальная защита в контексте цифровизации подразумевает использование технологий искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами и социальной помощью, для этого требуется пересмотр законодательной базы и разработка ряда государственных программ, диверсификация социальных услуг уязвимым группам населения в кризисных ситуациях. Переход на цифровую платформу требует реформирования и реорганизации сферы образования, межведомственного взаимодействия, предоставления онлайн-услуг, внедрения единой информационной системы рынка труда и подготовки населения к цифровым трансформациям.

М.В. РЫБАКОВА, З.А. КОМИЛОВА

РЫБАКОВА Марина Владимировна, д. социол. н., гл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН; проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (rybakovamv2005@yandex.ru); КОМИЛОВА Замира Абдувалиевна, специалист по защите ребенка Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в Таджикистане, Душанбе, Таджикистан (zkomilova@unicef.org).

DOI: 10.31857/S013216250017011-5

TRANSFORMATION OF SOCIAL LABOR RELATIONS IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Marina V. RYBAKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (rybakovamv2005@yandex.ru); Zamira A. KOMILOVA, Child Protection Specialist, United Nations Children's Fund (UNICEF) in Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan (zkomilova@unicef.org).

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королёва (Самарский ун-т) 28–30 апреля 2021 г. состоялась международная научнопрактическая конференция, посвящённая 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина, организованная социально-гуманитарным институтом (СГИ) университета. В рамках мероприятия была организована работа семи секций, в которых участвовали философы, филологи, социологи, психологи и историки из разных городов России, Украины, Беларуси, Болгарии, Германии и Китая.

На открытии конференции с приветственными словами выступили: исполнительный директор СГИ Самарского ун-та, проф. **А.Ю. Нестеров**; первый проректор Самарского ун-та **А.Б. Прокофьев**. Также на пленарном заседании присутствовал основоположник самарской социологии и основатель кафедры социологии Самарского ун-та, проф. **Е.Ф. Молевич**, отметивший 25 апреля 2021 г. 90-летие.

Содержательная часть пленарного заседания началась с выступления проф. **Е.Ф. Молевича** «Современное развитое общество как новая социально-информационная реальность», в котором он обратил внимание на уже произошедшие изменения в общественном устройстве, подчеркивая изменение места женщин в социально-трудовой сфере и их лидирующую роль в современном компьютеризированном производстве. Кроме того, освещались изменения, произошедшие в классовой структуре общества, связанные с «исчезновением» традиционной диады – рабочего класса и буржуазии. Эти изменения привели, по мнению докладчика, к появлению «принципиально нового среза общества», представленного двумя группами населения: «информационно богатые» и «не вписавшиеся в информационное общество». Помимо констатаций произошедших изменений, рассматривались перспективы будущего «посттрудового» и «постчеловеческого» общества, а также вероятные социальные проблемы во взаимоотношениях человека и искусственного интеллекта – «мыслящих роботов».

А.И. Мантарова (ИИОЗ Болгарской АН, София) обратилась к анализу изменений, которые произошли во всех сферах и на всех уровнях болгарского общества в 2020 г. в связи с пандемией. Опираясь на данные Национального статистического института Болгарии, докладчик подробно рассказала о развитии ситуации с распространением коронавирусной инфекции в Болгарии. Обращалось внимание на проблемы в здравоохранении и высказывался тезис о необходимости переосмысления универсальности рыночных принципов в этой сфере.

Работа социологов была организована в рамках секции «Цифровые технологии в социальных науках: новые вызовы и новые возможности» (рук.: В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина), в которой приняли активное участие члены научно-исследовательского комитета «Социология труда» РОС и Центра исследований социально-трудовой сферы СИ ФНИСЦ РАН (СПб.).

Открыла работу секции **Н.В. Авдошина** (Самарский ун-т) с докладом «Роботовладельческий строй как будущее человечества?» Опираясь на данные опроса, она проанализировала отношение населения к социальным последствиям роботизации и пришла к выводу, что респонденты опасаются не столько самих последствий, сколько отношения власти к населению в этих условиях. Сокращение потребности в рабочей силе приведет к тому, что «властелинами мира» станут люди, владеющие роботами, для которых все остальные станут «лишней массой», «проедающей» ограниченные природные ресурсы. Общество войдет в новый роботовладельческий строй, в котором роботовладельцы будут стремиться избавиться от лишних людей, а те, в свою очередь, в целях самосохранения и социальной справедливости, поднимутся на новую классовую борьбу.

Прозвучавшие далее темы докладов охватывали различные аспекты жизнедеятельности человека в современном цифровом обществе и возможности их осмысления. Так, В.Л. Лехциер (Самарский ун-т) посвятил выступление осмыслению вопросов, связанных с прогрессом биотехнологий и медицины. А.Г. Арсеенко (Институт социологии НАН Украины) обратил внимание на процессы переформатирования труда после COVID-19, что, по его мнению, приведет к новому расширению нестандартной занятости, которая все чаще фигурирует под новым названием – альтернативная форма занятости (alternative work adjustment). В свою очередь Г.В. Разинский (ПНИПУ) представил результаты проведенного исследования и рассказал о проблемах перехода на дистанционную форму обучения студентов и преподавателей ПНИПУ. По его мнению, это один из вариантов цифровизации учебного процесса. Живой интерес вызвало совместное выступление С.Г. Климовой (ФНИСЦ РАН) и И.А. Климова (НИУ ВШЭ). На основе результатов исследования российских компаний крупного и среднего бизнеса в начале пандемии в апреле 2020 г. были охарактеризованы бизнес-процессы, деловые коммуникации, особенности корпоративной культуры, soft-skills, лидерство и «тиминг», претерпевшие изменения в процессе перехода на дистанционную работу. Докладчики обнаружили, что кризис обострил конфликт между различными компонентами корпоративной культуры, удаленная работа поставила ряд проблем перед работодателями и работниками, нарушив привычный баланс жизни и работы, привнеся нестабильность и необходимость пересмотра ценностей.

Планируется продолжение обсуждения места и роли человека в меняющемся информационном обществе в Самарском ун-те на регулярной основе (ежегодно) с позиций конвергенции гуманитарных дисциплин, при активном участии социологического сообщества.

Н.В. АВДОШИНА, В.Ю. БОЧАРОВ

АВДОШИНА Наталья Владимировна, к. социол. н., доц., дир. НИИ социальных технологий; ассоц. науч. сотр. (natalsun@yandex.ru); БОЧАРОВ Владислав Юрьевич, к. социол. н., доц.; ассоц. науч. сотр. (vlad.bocharov@gmail.com). Оба – Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Самара, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250017135-1

HUMAN IN THE INFORMATION SOCIETY

Natalya V. AVDOSHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Director of Institute of Social Techniques; Associate Researcher (natalsun@yandex.ru); Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.; Associate Researcher (vlad.bocharov@gmail.com). Both – Samara National Research University; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Samara, Russia.

СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДОВ БУДУЩЕГО

Очередные Глазычевские чтения на тему «Города будущего: предпринимательские инициативы, инновационные проекты и творческие индустрии» состоялись 8 июня 2021 г. Их проведение ежегодно инициируется МВШСЭН при участии межвузовской кафедры территориального развития им. В.Л. Глазычева ИОН РАНХиГС. Организаторы выдвинули следующие вопросы для обсуждения: кто действует на этом поле и будет укреплять свои позиции? Какие проектные и программные действия необходимо предпринять для согласования политики городского управления и новых инициатив? Смешанная форма проведения с трансляцией и сохранением записей в YouTube обеспечила широкую аудиторию.

Хотелось бы отметить лекцию **П. Щедровицкого** (ЦСР «Северо-Запад», Москва) «Развитие как дефицитный ресурс» как методологическое обоснование всей дискуссии. Докладчик объективировал городское развитие с точки зрения углубления разделения труда, показав скрытый потенциал этого развития. Специализация знания и профессионализация труда в сочетании с предпринимательской свободой в условиях открытой конкуренции катализируют развитие городов, дифференцирует их по признаку создания новшеств или, наоборот, копирования и тиражирования инновационных технологий. Гомогенность и закрепощенность жителей ставит под угрозу не только развитие города, но и право населенного пункта обладать статусом «город».

Импульс обсуждению в пленарной дискуссии «Будущее городов: creative bureaucracy и вовлечение горожан в принятие решений о пространственном развитии» задала **Е. Зеленцова** (ИОН РАНХиГС, Москва). Она отметила, что города становятся горизонтально-сетевыми, где больше места отдается креативным проектам горожан и предпринимателей. Следовательно, креативность как качество изменяет все сферы жизни города, в том числе управление им. Чиновники становятся «продюсерами проектов». В вопросах конструирования будущего городов С. Зуев (МВШСЭН, ИОН РАНХиГС, Москва) отметил важность рефлексии смыслов человеческого существования и технологических трендов, сопровождающих модернизацию. Иллюстрацией к вероятностному несовпадению этих феноменов служит сравнение понятий «уют» и «комфорт». Э. Макварт (ИОН РАНХиГС, Москва) указал на три условия реализации «креативной бюрократии» (creative bureaucracy): новая форма современного государственного управления; управление изменениями как ориентация на динамичные трансформации; партисипация как демократия участия. Чтобы исключить риски возникновения манипуляций и имитаций в участии горожан важно соблюдать требования информирования и прозрачности процедур. Иначе неминуем отталкивающий эффект вплоть до оттока населения, о котором также говорили на секциях.

А. Финогенов (Фонд ДОМ.РФ, Москва) и И. Сухотин (Норильский никель, Норильск) рассказали об опыте реализации проектов по развитию городских территорий в моногородах (Тихвин и Норильск) с градообразующим предприятием. В представленных кейсах наблюдалась договороспособность городских властей и бизнес-представителей крупных производственных холдингов. В случае возникновения большего количества стейкхолдеров, отметил А. Финогенов на примере Санкт-Петербурга, достижение конструктивного диалога значительно усложняется. И. Сухотин показал, что преобразованиям в городах присутствия Норникеля предшествовало масштабное анкетирование населения с целью сбора мнений о перспективах развития городов. Программа благоустройства реализовывалась под лозунгом «От патернализма к партнерству», однако докладчик сделал вывод, что участие горожан сводится скорее к пассивной роли, как минимум, оглашая пожелания и, как максимум, проверяя их реализацию. Н. Трунова (ЦСР, Москва) отметила ценность вовлечения горожан в городское благоустройство. Итогом реализации проекта должна стать предпринимательская самодостаточность, а не постановка на баланс городского бюджета. Управленческая компетенция заключается в умении объединять чаяния

горожан по созданию сервиса, предпринимательскую активность и возможности территориального пространства. Продолжением этого стали предложения С. Капкова (МГУ им. М.В. Ломоносова, МЦУ, Москва) по организации обучения чиновников, выступающих заказчиками, в проектных командах, состоящих из разных специалистов, привлекаемых к созданию общественных пространств.

Моделирование концептуальных основ городов будущего продолжилось на секции «Современные концепции города: мимолетные образы или будущие реалии?» Ключевые спикеры – немецкие урбанисты Й. Францке (Потсдамский ун-т, Германия), Дж. Кунхард (Высшая школа Эрфурта, Германия). По мнению Й. Францке, залог жизнеспособной и перспективной концепции города – учет мнений инвесторов, предпринимателей, жителей и городских служб. Концепция задает вектор развития городской территории на несколько лет и должна быть гибкой и устойчивой к форс-мажорным обстоятельствам. Д. Кунхард отметила, что опыт жизни в условиях пандемии показал, что современные города должны обладать возможностями для снижения психической нагрузки горожан. Поэтому городские районы должны быть насыщены социокультурной инфраструктурой для удовлетворения потребностей населения в радиусе безопасной мобильности, а также открытыми общественными пространствами, свободными от построек. Д. Кунхард рассматривает городские концепции как продукт социальной жизни, отражающий социальные действия и ценности разных структур, поэтому между концепциями всегда происходит борьба.

Обсуждению практического опыта реализации проектов городского развития посвящены секции «Творческое и интеллектуальное производство в городе: мастерские, резиденции, креативные кластеры», «Маркетплейс городских проблем: решения для городского развития». На них были обозначены определенные новшества, возникавшие в процессе реализации креативных проектов (А. Максимов, А. Филиппова, Т. Абанкина, Ю. Пивоварова, Р. Полосина, О. Ракитов, Е. Калачикова, И. Токарев).

Особый интерес представляла секция «Как начинающие взрослые (young adults) могут стать участниками городского развития?», а также презентация студенческих проектов по программе магистратуры «Управление проектами пространственного развития» ИОН РАНХиГС. Как отметил **С. Голубев** (ФСИ, Москва), «дети – это счастье в городе. У них другое видение, они помогают увидеть, что в городе можно не только пахать, но и быть счастливыми». Будущее заключено в детях, которым необходимо социализироваться в условиях формирования культуры ответственного участия в жизни города. Б. Филатова (АБ «Дружба», ОМ «Драконопроект», Москва) представила методические рекомендации и пошаговую дорожную карту по вовлечению детей в практики городского участия. В отсутствии вовлечения детей и взрослых в события по изменению и генерированию перспектив городов П. Рабинович (РАНХиГС, Москва) видит причины оттока населения из регионов. Итогом вовлечения детей должна являться рефлексия, которая помогает детям вычленить «продуктовый» (что сделано) и образовательный (чему научились) итоги. Примером подобного подхода является практика проведения фестивалей «Районнале». E. Тарасенко отметила, что его востребованность обеспечивается дефицитом в городах мест, которые отвечали бы интересам подростков. Детское участие в экспресс-реставрации «заброшенок» демонстрирует, как горожане могут мобилизоваться и креативно изменить среду жизни.

В результате обсуждения городских проблем и направлений изменений проступают контуры будущего городов. Во-первых, города образуются людьми, поэтому основным «дефицитным ресурсом» их развития будут люди. Неравнодушный и деятельный горожанин – залог сохранения и развития города вопреки технологическим или эпидемиологическим вызовам. Во-вторых, инфраструктура городов должна строиться на принципе пространственной шаговой доступности и обеспечения комфорта в непосредственной близости от места проживания горожанина. Все виды безопасности и равенство горожан приобретают статус ценностных ориентиров в реализации проектов по развитию городов. В-третьих, города будут представлять мозаику креативных бизнес-проектов, обладающих социальными эффектами и потому финансово рентабельных. В-четвертых, городское

управление преобразуется в максимально коллегиальную институцию, в которой ведущую роль займут горожане – разные по возрасту, полу, интересам, социально-экономическому положению и т.д. В-пятых, перефразируя слова участника чтений **А. Урновой** (МЦУ, Москва) «в городах должно быть место для счастья», будущее городов должно строиться по формуле «счастье как градообразующий фактор». Поэтому будущее городов заключается в обеспечении человека возможностью быть счастливым, и это будущее принадлежит детям.

А.А. БЕСЧАСНАЯ, Н.Н. ПОКРОВСКАЯ

БЕСЧАСНАЯ Альбина Ахметовна, д. социол. н., доц., проф., Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (aabes@inbox.ru); ПОКРОВСКАЯ Надежда Николаевна, д. социол. н., проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (nnp@bk.ru). Обе – Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250016310-4

A COLLECTIVE IMAGE OF THE CITIES OF THE FUTURE

Albina A. BESCHASNAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., North-West Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (aabes@inbox.ru); Nadezhda N. POKROVSKAIA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (nnp@bk.ru). Both – St. Petersburg, Russia.

О РЕЗУЛЬТАТАХ КОНКУРСА СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ им. Ж. ХАРКНЕСС

Летом 2021 г. прошел конкурс студенческих работ им. Жанет Харкнесс (Janet Harkness WAPOR/AAPOR student paper award), организованный совместно двумя крупнейшими профессиональными ассоциациями в области изучения общественного мнения и массовых опросов – Всемирной ассоциацией исследователей общественного мнения (WAPOR) и Американской ассоциацией исследователей общественного мнения (AAPOR). В конкурсе принимали участие научные работы студентов бакалавров и магистров, посвященные сравнительным межстрановым, межкультурным и мультиязычным исследованиям (3М). В этом году на конкурс были представлены три научные работы из разных учебных заведений России – Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН, Институт социологии РАН), Финансового университета (ФУ) при Правительстве РФ. Такое количество участников от России стало настоящим событием. До последнего времени активность российских студентов и состоявшихся российских ученых в работе подобных международных организаций была довольно низкой. И эта активность принесла свои плоды. Комитет по присуждению премии, включавший ведущих специалистов по сравнительным исследованиям из разных стран под председательством А.В. Андреенковой (ЦЕССИ), присудил первое место в конкурсе студентке НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Анастасии Бахаревой.

Мы поздравляем А.П. Бахареву и ее научного руководители **О.В. Волченко**, а также Санкт-Петербургскую школу социальных наук и востоковедения, Лабораторию сравнительных социальных исследований и НИУ ВШЭ в целом, всех российских членов WAPOR с этой важной победой. Она показывает, что потенциал российской социологии высок, а проявить и реализовать его, получить признание и занять достойное место в мировой науке можно и вполне выполнимо с помощью более широкого участия в работе международных ассоциаций и международных проектов. Надеемся, что этот пример послужит стимулом для участия российских ученых в конкурсах, конференциях и других мероприятиях WAPOR/AAPOR и других профессиональных международных организаций в будущие годы.

А.В. АНДРЕЕНКОВА, д. социол. н., ЦЕССИ, национальный представитель WAPOR в России

Коротко о книгах

Левашов В.К. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ): монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.

В монографии изложены результаты социологических исследований российской политической культуры в условиях перехода к новому технологическому укладу. Опрос населения, проведенный в 22 субъектах РФ в мае – июне 2019 г., показал, что в российском обществе сформированы начальные элементы инновационной политической культуры, необходимые для актуального поведения граждан в условиях внедрения информационно-коммуникационных технологий и реализации национальных проектов. По мнению автора, необходима продуманная программа политических действий со стороны Правительства РФ и институтов гражданского общества для создания высокой познавательной и трудовой мотивации на этом стратегически решающем направлении жизнедеятельности российского общества.

Книга может быть полезной для управленческого персонала органов государственного и муниципального управления, организаторов производства, руководителей учреждений социальной и образовательных сфер, научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ДЕМОНТАЖ КОММУНИЗМА: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.

Книга посвящена 30-летию падения Советского Союза, завершившего каскад крушений коммунистических режимов Восточной Европы. С каждым десятилетием, отделяющим нас от этих событий, меняется и наш взгляд на их последствия – от рационального оптимизма и веры в реформы 1990-х гг. до пессимизма в связи с антилиберальными тенденциями 2010-х. Авторы книги, ведущие исследователи, историки и социальные мыслители России, Европы и США, представляют читателю срез современных пониманий и интерпретаций как самого процесса распада коммунистического пространства, так и ключевых проблем посткоммунистического развития. У сборника два противонаправленных фокуса: с одной стороны, понимание прошлого сквозь призму сегодняшней социальной реальности, а с другой – анализ современной ситуации сквозь оптику прошлого. Дополняя друг друга, эти подходы позволяют создать объемную картину демонтажа коммунистической системы, а также выявить блокирующие механизмы, которые срабатывают в различных сценариях транзита.

Еремеева С. ПАМЯТЬ: ПОЛЕ БИТВЫ ИЛИ ПОЛЕ ЖАТВЫ? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с.

Споры ученых вокруг легитимности понятия «коллективная память» закончились естественным разделением на тех, кто не признает такого «способа упаковки» прошлого, и тех, для кого коллективная память как культурная практика и предмет исследования существует. По мнению последних, память можно рассматривать как механизм – тогда главным объектом исследования становятся усилия по ее конструированию и манипулированию ею со стороны различных мемориальных групп. Память можно рассматривать как организм – тогда акцент в анализе переносится на то, как проявляется память, реализуясь в «низовых» практиках. Изучение памяти с обеих точек зрения показывает, что в реальности эти разнонаправленные усилия влияют друг на друга, но способы и результаты их взаимодействия часто оказываются неожиданными.

Память конкретна и изменчива, поэтому попытка описать ее состояние всегда будет неполной и запаздывающей. Тем не менее данная книга пытается хотя бы отчасти зафиксировать координаты того мнемонического ландшафта, который существовал в России 2010-х гг.

Клеман К. ПАТРИОТИЗМ СНИЗУ: КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, ЧТОБЫ ЛЮДИ ЖИЛИ ТАК БЕДНО В БОГАТОЙ СТРАНЕ? М.: Новое литературное обозрение, 2021. 232 с.

Как граждане современной России относятся к своей стране и осознают ли себя частью нации? По мнению К. Клеман, французского и российского социолога, специалиста по низовым движениям, процесс национального строительства в постсоветской России все еще не завершен. В странах Западной Европы или США «нация» – одно из фундаментальных понятий, неразрывно связанных с демократией. Какова же суть патриотических настроений в сегодняшней России? Это ксенофобская

Коротко о книгах 173

великодержавность или совокупность идей, направленных на консолидацию формирующейся нации? Это идеологическая пропаганда во имя несменяемости власти или множество национальных памятей, не сводимых к одному нарративу? Исходит ли стремление россиян к солидарности снизу и контролируется ли оно в полной мере сверху? Автор пытается ответить на эти вопросы на основе глубинных интервью с жителями разных регионов.

Пинчук О. СБОИ И ПОЛОМКИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДА ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ. М.: Common Place. 2021. 208 с.

Что мы знаем об условиях труда современных фабричных рабочих? Практически ничего, особенно если говорить об их непосредственном опыте, а не о сухой статистике. Чем живет фабрика, какие практики складываются на производстве и от чего они в первую очередь зависят? Дать ответы на все эти вопросы может только исследование, проведенное методом включенного наблюдения. Чтобы написать эту книгу, Ольга Пинчук год трудилась на фабрике наравне со всеми и день за днем фиксировала и анализировала все происходящее с ней и с ее коллегами. Получившееся в результате исследование достоверно вдвойне, ведь помимо строгих научных методов за ним стоит сугубо личный опыт, без которого вряд ли бы удалось объяснить, как в центре всех рабочих процессов на обычной фабрике могут оказаться сбои и поломки оборудования, полностью определяющие трудовую повседневность.

МОЯ ЖИЛИЩНАЯ ИСТОРИЯ-2: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ / Отв. ред. О.Б. Божков, Т.З. Протасенко. СПб.: Норма, 2020. 320 с.

Сборник включает материалы, присланные на конкурс автобиографий «Моя жилищная история» после того, как в 2018 г. вышла одноименная книга. Предваряют публикацию автобиографических очерков вступительные статьи, в которых дается взгляд исследователей на историю решения жилищной проблемы в Ленинграде и современном Санкт-Петербурге. Помимо научных статей по жилищной проблеме и автобиографических очерков, в книгу вошли тексты, посвященные музеефикации квартир. Так, в ней представлены случаи создания частных музеев-квартир, которые продолжают оставаться жилыми.

Книга будет полезна социологам, историкам, этнографам, а также всем, кого интересует история страны и изменения ее жилищной сферы.

Подготовила А. ГОВОРОВА

In memoriam

ПАМЯТИ РОЗАЛИНЫ (ИННЫ) ВЛАДИМИРОВНЫ РЫВКИНОЙ (08.06.1926–30.10.2021)

На 96-м году ушла из жизни известный советский и российский социолог, профессор, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ Розалина (Инна) Владимировна Рывкина.

В коллективной памяти поколения она занимает особое место. Самый плодотворный период ее деятельности пришелся на работу в новосибирском Академгородке – в отделе социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (ИЭиОПП СО АН СССР). Здесь Рывкина нашла своих единомышленников и проявилось ее интеллектуальное лидерство. Первая книга «Образ жизни сельского населения» (1979) продемонстрировала ее неповторимый научный стиль, который основывался на двух столпах – методологической культуре и эмпирической доказательности.

В 1984 г. вышла легендарная статья «О предмете экономической социологии», а в 1991 г. фундаментальный труд «Социология экономической жизни (очерки теории)» (в соавторстве с Т.И. Заславской). Эти работы дали старт новому научному направлению – экономической социологии. Именно И. Рывкиной и Т. Заславской принадлежит первенство в описании социального механизма развития экономики. Затем последовал переезд в Москву, работа во ВЦИОМе, в Институте социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ). В этот период выходят ее книги и статьи, где она задается важными вопросами: что случилось со страной? каково жить в эпоху перемен? Особым оптимизмом эти книги не отмечены. Вряд ли реформаторы были благодарны ей за объективный анализ произошедших перемен.

За научную честность и бескомпромиссный характер приходилось платить. Инна Владимировна не стала академиком, директором или ректором – к ней не липли ни звания, ни деньги, но она ни разу не пожалела о своей позиции, оставив за собой право говорить то, что думает, – роскошь, которой лишили себя многие в погоне за красивыми визитками. Рывкина излучала ум, талант, энергию. Интеллект, темперамент, артистизм были запредельными. От нее заряжались, иногда обжигались, сгорали.

Инна Владимировна была в числе людей, без которых в новой России не было бы социологического образования. Она начала читать лекции по социологии в те времена, когда официально такой науки в СССР не было. Затем стала самым активным участником институционализации социологического образования в новой России. Все экзамены проводила лично, долго беседуя с каждым студентом. Экзамен мог закончиться ближе к ночи, но ни один студент не роптал, ведь общение с Рывкиной оставалось ярчайшим событием студенческой жизни.

Была настоящим фанатом полевых социологических экспедиций, к которым активно приобщала студентов Новосибирского государственного университета. Именно там, в экспедициях, студенты узнавали страну, в которой жили. Рывкина не только учила техническим приемам сбора и анализа информации, но и формировала гражданскую позицию будущих социологов. Была патриотом страны и старалась передать это студентам.

Рывкина болезненно воспринимала новые веяния в науке и образовании, приоритет англоязычных текстов. Ей было совестно есть хлеб за тексты, от которых ничего не изменится к лучшему, не вообще, а здесь и сейчас, в России. Она не разделяла жизнь и работу – жила, чтобы работать. Впрочем, как и многие люди того поколения.

На какой-то конференции организаторы решили уточнить, как ее объявлять – ученая степень, научное звание и прочая мишура. Она ответила: «Объявите просто – Рывкина». Чего проще? Если имя – страница в истории. В историю науки войдут не обладатели визиток, где золотом выбиты должности и звания. В истории останется «просто Рывкина». Самый неординарный профессор.

Methodology and methods of sociological studies

© 2021

G.G. TATAROVA, G.P. BESSOKIRNAYA, A.V. KUCHENKOVA

SUBJECTIVE WELL-BEING AT WORK: RESEARCH PRACTICES OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Galina G. TATAROVA – Doctor of Sociology, professor, chief research officer (tatarova-gg@rambler.ru); Galina P. BESSOKIRNAYA – Candidate of Economics, associate professor, senior research officer (gala@isras.ru); Anna V. KUCHENKOVA – Candidate of Sociology, associate professor, senior research officer (a.v.kuchenkova@gmail.com). All – Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract. The article considers the existing research practices of studying subjective well-being in the world of work. The problems of sociological measurement of "subjective well-being at work" as a collective concept for setting the attitude to work, reflecting both social ideas about "favorable" situation in the workplace and evaluation of its various aspects in "here and now" situation are actualized. The sociological measurement is understood as an approach, which is based on the targeting of the search for controllable factors related to the preservation and development of the human potential of the organization (enterprise). "Axiomatic provisions" are formulated based on theoretical and methodological generalizations of research practices of studying subjective well-being in the world of work abroad and in Russia, as well as exploratory studies of the authors. Among the research practices, special attention is paid to those where typological models based on the ideas of reconstruction of social types among employees and interpretation of the typological structure of employees as an object of functional management are implemented.

Keywords: subjective well-being in the world of work • subjective well-being at work • sociological measurement • research situation • typological model • typological structure of employees • employee identification with the enterprise • balance between job evaluations and job claims • controllable factors

DOI: 10.31857/S013216250017620-5

This article is a translation of: Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 10: 37–49. DOI: 10.31857/ S013216250015546-3

Research Objectives. The flow of research in the social sciences, where the key phenomenon is "subjective well-being," is constantly growing, which makes it relevant to analyze the specifics of the sociological measurement, as opposed to psychological and economic one. Judging by the publications, on the one part, there is less discussion of theoretical and methodological issues related to the specifics of conceptual models used to measure subjective well-being and their adequacy to the sociologist's research objectives. On the other part, the accumulated huge amount of empirical research (including the fields related to sociology) creates conditions for certain generalizations and actualizes a number of conceptual problems

of sociological measurement of subjective well-being in relation to the world of work. Subjective well-being in the world of work is considered using concepts that differ substantially in their content. Among the most frequently used in foreign publications are: quality of work life, work-related subjective well-being, workplace well-being, subjective well-being in organization. Domestic publications most often use the following concepts: quality of work life, social well-being in the organization, and social well-being of employees. In practice, there is a need for "smaller" concepts for which the process of empirical interpretation is not so open-ended.

We refer "subjective well-being at work" to such concepts. We interpret is as a collective concept for setting the attitude to work, reflecting both social ideas about "favorable" situation in the workplace, and evaluation of its various aspects in "here and now" situation". The results of our many years of theoretical and methodological exploratory studies under sociological support for managerial decision making at specific enterprises have led us to this connotation.

This definition claims to have a very specific position in the conceptual field of studying subjective well-being in the world of work and does not contradict world practice (the substantiation of this statement is the first objective of this article). Of course, when we move to the empirical level, different models of its study are possible. The appeal to the concept of *subjective well-being at work* arose in the situation of studying the labor indicators of industrial enterprises' workers (the main work at a particular enterprise). The article presents generalizations of research practices (this is the second objective of the article), including theoretical and methodological searches of the authors themselves in the process of analyzing the data of surveys conducted in 2003–2014. Our search was based, firstly, on the developments of famous Russian sociologists, such as A.G. Zdravomyslov, N.I. Lapin, N.M. Naumova, I.M. Popova, V.D. Patrushev, Zh.T. Toshchenko, V.A. Yadov, etc. Secondly, the initial target was to find a "typological model" based on reconstructing social types of employees in order to interpret the typological structure itself as an object of functional (as opposed to value-based) management.

An analysis of contemporary research practices abroad and in Russia allows us to formulate a number of provisions (the third objective of the article) that are axiomatic in nature. Some of them are obvious, some, perhaps, disputable, but it makes sense to consider these "axiomatic provisions" as methodological prerequisites in the process of developing conceptual models of sociological measurement of subjective well-being at work.

On research practices of sociological measurement of subjective well-being in the world of work. Let's recap research practices of measuring subjective well-being as a holistic phenomenon. Let's consider aspects important for actualizing the relevant methodological problems of its sociological measurement in the world of work.

Existing research practices, first of all, differ by what indicator of subjective well-being is exactly designated as target (generalized, common, integral), what kind of partial indicators are used, and how the relationships in the system of indicators are analyzed. Most often "life satisfaction" or "personal happiness" are used as a target indicator, very rarely – an indicator constructed on their basis ¹. It should be noted: if a derivative indicator acts as a target, then the key objective is to choose a model for measuring the most *generalized* indicator [Tatarova, Kuchenkova, 2020].

A special class should include those research practices where there is no a priori division of indicators into *generalized* and *particular* ones. The main objective for researchers is to *reconstruct* the structure of indicators of subjective well-being in different spheres of life. It is this class of practices for measuring subjective well-being in the world of work that is actualized in modern reality. Therefore, we pay special attention to such practices.

One of the methods for measuring subjective well-being as a holistic phenomenon is typological analysis – identifying latent groups that are qualitatively homogeneous in terms of subjective well-being/ill-being nature. The very idea of such an analysis, on the one part, is

¹ In our researches, we prefer to use the concept of "generalized" for an indicator constructed on the basis of the "life satisfaction" and "personal happiness" variables.

quite simple, but, on the other part, attempts to implement it lead to a number of theoretical and methodological problems, important from the position of sociological measurement and having the nature of "methodological traps" for the researcher in some cases. They are generated, firstly, by the peculiarities of the indicators of subjective well-being as type-forming features [Tatarova, Kuchenkova, 2016], leading to the conclusion that in sociological research it is equally inappropriate to overcomplicate and oversimplify the conceptual scheme of indicator measurement. Secondly, the specifics of the relationship between the generalized indicator and particular ones, which differ, for example, at various stages of the life cycle [Kuchenkova, Tatarova, 2019]. Thirdly, the peculiar features of the relationship between the "life satisfaction" and "personal happiness" variables [Tatarova, Kuchenkova, 2020]. Fourthly, the lack of proper attention to mediated connections between indicators of subjective well-being and the preoccupation with pairwise, direct connections. Fifthly, a preoccupation (without proper justification) with "summation" procedures at both the individual and group levels of the measurement of subjective well-being.

These plots should be supplemented with the difficulty of comparing the results of various researches, where even the measurement of generalized indicators of subjective well-being occurs through different constructs, which is vividly illustrated by the example of measuring life satisfaction and personal happiness in Russia for the period 1998–2018 [Shirokanova, 2020: 22–24].

It is quite reasonable, at first sight, to assume that the models for measuring subjective well-being in separate life spheres, including work, should be similar to the models of subjective well-being as a holistic phenomenon. Then, in the context of sociological measurement of subjective well-being in the world of work, a generalized indicator can be either *job satisfaction* or *job related happiness*, or an indicator derived from them. Accordingly, assessments of different aspects of work can serve as particular indicators. Adequacy of the use of such assumptions for sociological support of managerial decisions in organizations (enterprises) is very problematic. This concerns, first of all, the heuristic potential of *job satisfaction* as a *generalized* indicator of subjective well-being in the world of work.

The study of job satisfaction as an indicator of subjective attitude to work has a long history in Russia. Back in 1962, in the project "A Person and His Work", the methodology was proposed according to which general job satisfaction and partial satisfaction with the elements of the work situation were measured [Zdravomyslov, Yadov, 2003: 109–134]. Testing of this methodology during numerous studies at industrial enterprises of the country [Popova et al., 1985: 166–167] has led to a conclusion that it is inappropriate to consider labor satisfaction (the authors used this very concept) as an indicator of the degree of satisfaction of employees' needs in the world of work or emotional attitude to work. Labor satisfaction is more closely connected with other components of consciousness than with objective conditions of labor activity. It seems to be no coincidence that in order to measure labor satisfaction it was suggested to refer to objective characteristics of labor collectives [Patrushev, Kalmakan, 1993]. The recent discussion on the pages of the Sociological Journal about the expediency of studying labor satisfaction in empirical studies in modern reality is also of interest [Ilyasov, 2013; Temnitsky, 2013; Tatarova, Bessokirnaya, 2017].

In foreign publications job satisfaction as an indicator of subjective well-being in the world of work is also constantly criticized [Page, VellaBrodrick, 2009: 446–447] due to low values of correlation coefficients with productivity, efficiency of labor activity.

The existing criticism of job satisfaction as a *generalized* indicator does not refer to the measurement of "job satisfaction" as a *particular* indicator of subjective well-being in the world of work. Job satisfaction is used as a *particular* indicator in most models. For example, job satisfaction has been shown to be one of the three key indicators of happiness at work as a generalized measure of subjective well-being at work [Fisher, 2010]. At the same time job satisfaction reflects mainly cognitive judgments about work. The author emphasizes that it is necessary to measure not only general satisfaction, but also particular ones (concerning remuneration of labor, coworkers, management, habitable environment at work).

In our exploratory studies it was substantiated that it makes sense to consider labor satisfaction as one of the three basic type-forming features for the reconstruction of social types of workers by the nature of their identification with the enterprise. We believe that in mass surveys in organizations (enterprises) it is reasonable to return to the logical index formed on the basis of three variables in order to measure job satisfaction [Zdravomyslov, Yadov, 2003: 68–70]. By the way, the opinion that a reliable instrument for measuring job satisfaction should be based not on one question, but on several indicators prevails abroad [Rose, 2001].

Let's move on to a more detailed consideration of research practices of studying subjective well-being in the world of work, which are the most common in the context of constructing models of its measurement. In these practices, the emphasis is placed on the selection of a set of variables initial to form indicators of subjective well-being.

Both special scientific theory and the accumulated experience of empirical studies are used as the basis for the initial selection of variables. As an example of referring to special scientific theory, we can mention a study based on Maslow's well-known theory of needs [Sirgy et al., 2001].

Most practices are characterized by the fact that the initial variables are presented in the form of *judgments*. From the methodological point of view, this allows to create conditions for the application of factor analysis methods, since all variables have the same number of gradations (degrees of agreement with judgments), i.e. ordinal scales of the same dimensionality are used. Judgments are pre-selected by the experts, and then the judgments are subjected to factorization, the results of which are also evaluated by the experts. Ultimately, this leads to a noticeable reduction in the number of variables included in the mass survey instruments. For example, for the development of the WRQoL (working-related quality of life) scale, 200 judgments were formed at the initial stages of the study, 61 of them were selected with the help of experts, and the final list of variables included 23 judgments based on the results of factorization [Van Laar et al., 2007].

The review of scientific literature showed that the initial variables for the analysis include, in addition to production conditions of labor, life satisfaction, balance of positive and negative emotions, psychological subjective well-being [Page, VellaBrodrick, 2009], the impact of work on personal life of employees [Parker, Hyett, 2011; Van Laar et al., 2007; Juniper et al., 2011]. In the context of studying social well-being in the organization, the number of variables fixing production and non-production working and living conditions [Grachev, Rusalinova, 2007; Rusalinova, 2013] increases, the latter include, for example, housing conditions [Vaskina, Bocharov, 2017]. One of the issues of "Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change" (No. 3, 2019) is dedicated to the analysis of work-personal life balance. In this way, a typology of labor behavior strategies of working youth based on their perception of balance/conflict between work and personal life was constructed [Bocharov, 2020]. It should be noted that almost all domestic publications consider work and personal life balance in terms of subjective well-being as a holistic phenomenon, rather than as one of the variables characterizing subjective well-being in the world of work. This approach seems more reasonable.

Mass surveys require a certain simplification of the models for measuring subjective well-being [Leontiev, Osin, 2019]. It is difficult to disagree with this, as well as with the fact that when measuring subjective well-being in the world of work it is necessary to use indicators related only to work, and those of them that can be influenced by the employer. At the same time, researchers propose different indicators and justify models of different dimensionalities. For example, a four-dimensional model for measuring well-being at work by factorizing 31 variables (in the form of judgments) has been substantiated [Parker, Hyett, 2011].

From a methodological point of view, it is important to include variables in the analysis that would help to identify not only the controlled factors, but also their significance (importance). Here is an example. Based on interviews with call center employees 102 different characteristics of well-being at work were formulated (employees were interviewed about what at work affects their overall well-being) [Juniper et al., 2011]. Two questions were asked for each of the characteristics: 1) Have you experienced this in the past year? 2) If yes, how important was

it to your subjective well-being and was it disturbing? (grades on a 5-point scale from "very important" to "not important at all"). Each characteristic was assigned a frequency of occurrence (percentage of employees) and importance (arithmetic mean on a 5-point scale). They were used to determine the "contribution" ("weight", "significance") equal to the frequency of occurrence and importance. These assessments made it possible to select the most common 43 characteristics assessed as the most significant.

Scientific literature emphasizes that there are "universal" scales (in the language of sociological measurement – these are procedures), which are suitable for any employment environment. Indicators measured on their basis can be designated as *sustainable*. Two valid procedures are known: QWLS (Quality of Work Life Scale) [Sirgy et al., 2001]; WRQoLS (Work Related Quality of Life Scale) [Van Laar et al., 2007]. The validation of the sustainability of the indicators in the second procedure is substantiated by the results of two studies. In 2007, 1,000 health care workers were interviewed and variables were factorized. As a result, 23 judgments included in 6 factors were selected [Van Laar et al., 2007]. In 2013, this result was confirmed in experiments on a group of police officers [Easton et al., 2013].

Universal scales may not be sensitive to the specifics of this or that type of organization (enterprise) and this or that socio-professional group. That is why works, which deal with substantiation of a system of indicators, adequate for a certain socio-professional group, generate interest [Juniper et al., 2011]. Among research practices particularly stand out those that present attempts to study *positive* and *negative* indicators of subjective well-being at work. For example, the model including five components is offered [Bakker, Oerlemans, 2011], where the following are attributed to "positive": work engagement, happiness at work, job satisfaction; to "negative": workaholism, burnout.

Judging by foreign publications, there is a competition for the subject field between researchers of the quality of work life (this direction has a long history of development) and subjective well-being in the world of work. In Russia, the issues of studying the quality of work life also have a long history of development and are quite extensive. Approaches to the study, structure and constituent elements of the concept itself, etc., are investigated within its framework. Note that "job satisfaction" is still considered as a determinant of the quality of work life [Temnitsky, 2012]. Thus, the issues of its measurement do not lose their relevance [Tatarova, Bessokirnaya, 2017]. As for the theoretical and methodological grounds from the position of multidimensional measurements of the quality of work life, models of psychological measurement of subjective quality of work life [Ryabov, 2013; Ryabov, 2019], models of measuring subjective economic well-being [Khashchenko, 2011; 2019], methodology of comprehensive analysis of quality of work life [Milyaeva, 2019] were of particular importance for us.

The above plots allow us to state that regardless of the initial theoretical framework for studying subjective well-being in the world of work both in Russia and abroad, researchers are basically concerned with the same theoretical and methodological problems. In our opinion, not only to narrowing ("subjective well-being at work") attempts, but also extension ("social well-being") attempts are very promising. Both social well-being as a holistic phenomenon [Epikhina et al., 2020] and social well-being in separate life spheres of population activity are equally significant. The accumulated experience (in accordance with the research practices discussed above) allows us to single out several basic axiomatic provisions that are reasonable to rely on when developing procedures for measuring subjective well-being at work.

First. The core objective of sociological measurement of subjective well-being at work is to find controllable factors related to the preservation and development of an organization's (enterprise's) human potential.

Second. In order to measure subjective well-being at work it is reasonable to use only those indicators that can be influenced in the organization (enterprise). The system of variables for the formation of such indicators should be complete enough to reflect the main characteristics of work.

Third. It is necessary to distinguish between indicators common to all employees and indicators specific to this or that type of organization (enterprise), this or that socio-professional group.

Fourth. Subjective well-being at work is a multidimensional construct in the sense that it has a spatial representation similar to the geometric one, i.e. it is described by an independent system of indicators identified through factorization of initial variables. Accordingly, the factor structure cannot be reduced to a single integral indicator of subjective well-being.

Fifth. Favorable conditions for factorization arise when the initial variables for analysis (in most cases of judgment) are set using scales of the same type and dimensionality. These are usually ordinal scales with five gradations. An indispensable attribute in the process of measuring subjective well-being at work is also the sustainability of the factor structure of the variables.

Sixth. It is advisable to search for controllable factors not only in the context of singling out individual socio-professional groups of employees, but also using the idea of existence of typological groups within them that differ in the transmission of changes in their subjective well-being at work.

The last of these axiomatic provisions can be implemented in a special class of research practices based on "typological models". Since we have not been able to find such practices, we will try to summarize the results of our exploratory studies.

On typological models of measuring subjective well-being at work: general provisions. The development of models for measuring subjective well-being at work is largely driven by the research situation, or sociological contextuality. In order to illustrate, let's refer to our research situation involving the study of the subjective well-being at work of industrial enterprises' workers. The goal of the sociological measurement was to identify controllable factors that influence changes in their subjective well-being at work. At a particular industrial enterprise it is difficult to treat the socio-professional group "workers" as a control object, because it is qualitatively heterogeneous, differentiated by a large number of indicators of labor activity. When searching for controllable factors it is possible to assume: within this group there are (latently) subgroups that are qualitatively homogeneous in the sense that the transmission of change of their subjective well-being at work is presumably the same. In fact, such typological groups can be treated as representatives of different social types. At the empirical level, it is more correct to use the term "typological group" instead of "social type" in the situation of limited volume of analyzed data. Moreover, not every group (singled out as a result of classification of analyzed objects according to formal criteria) can be treated as a social type. As we know, there is a problem of transition from classification to typology. The typological structure (a set of typological groups), first, is of interest to describe the production situation at the enterprise concisely. Secondly, it can act as an object of functional control (as opposed to value-based control). Thirdly, it serves as a basis for determining the effectiveness of managerial decisions, the orientation of which is selective depending on the typological group (the carrier of the same social type). The procedure of identifying such groups is a priori multistage in nature. Its main stages are determined by the solution of two objectives aimed at developing: the technology of revealing the typological structure, the methodology of searching for "controllable factors".

The grounds that can be used for typological analysis, judging by the reviewed research practices, can be very diverse. The analysis of data from four empirical studies in industrial enterprises has allowed substantiating that in modern Russian reality it is reasonable to use the nature of their *identification with the enterprise* as a basis for typology of workers. The typological structure changes in the direction of increasing the number of "identified" and decreasing the number of "unidentified" workers can be considered as an indicator of the effectiveness of managerial decisions on the use of human potential of the enterprise.

It seems quite correct to refer to the concept of "identification with the enterprise" to denote the process of formation of a special kind of identity due to the involvement of people in labor activity at a particular enterprise. It should be noted that the concept of "identification" attracted the attention of domestic sociologists back in Soviet times. An original method

of measuring the identification of an employee with the labor collective was proposed [Naumova, 1988: 189–193]. It was based on the construction of Thurstone scale (method of equal-appearing intervals), assuming the existence of a one-dimensional continuum for measuring identification. The initial set of statements presented to the experts contained 300 judgments. They were evaluated by 50 experts (25 men and 25 women, who were 18–50 years old, 22 workers and 28 engineers). As a result of the selection of judgments according to the criterion of consistency of expert opinions, a basic scale was constructed, which included judgments about various aspects of identification (acceptance of standards and values of a production organization; attitude to this job and this enterprise; rational and emotional identification). Unfortunately, this original methodology has not been tested.

In modern reality researchers are interested in conceptual representations of *identification* with the organization in interrelation with such related concepts as *loyalty to the organization*, commitment to the organization, engagement in the activity of the organization. Reflexion concerning these concepts is mainly represented as part of foreign psychology of organizational management. In the domestic labour sociology of the post-Soviet period, various empirical indicators were tested in order to measure the phenomena associated with this "four" concepts [Avdoshina, 2010; Tukumtsev, Bocharov, 2015]. The results of our experience in testing a number of such indicators allowed us to conclude that *identification with the enterprise* is the most important concept in the process of reconstruction of social types of workers as objects of *functional control*. The use of other popular concepts in the practice of managing the labor activity of workers in industrial enterprises is a matter for the future [Tatarova, Bessokirnaya, 2014]. Of course, this conclusion does not apply to other socio-professional groups of employees.

At the empirical level, identification with the enterprise is a multidimensional research construct, a kind of "conceptual hybrid" whose heuristic potential is quite high. The hypothesis of the existence of a one-dimensional continuum to measure this phenomenon is implausible. Groups of employees of the same type of identification with the enterprise exist only in a multidimensional space. Its dimensionality depends on the type of organization (enterprise) and the socio-professional group studied in it (at it). The attempt to reconstruct this dimensionality for workers of industrial enterprises at the initial stage of our exploratory studies led to the identification of a four-dimensional structure [Tatarova, Bessokirnaya, 2010; Tatarova, Bessokirnaya, 2011], but later the sustainability of three-dimensional structure was justified [Tatarova, Bessokirnaya, 2018]. It is noteworthy that the factor structure of the variables initial for the typological analysis remains sustainable at industrial enterprises located in different regions with different levels of socio-economic development and at industrial enterprises with different forms of incorporation. This is in spite of the fact that in order to measure the variables, indicator questions differing in their wording were used. The three components are identified in the factor structure – job satisfaction at the enterprise, corporate solidarity, and labor efficiency. In turn, each of them is a multidimensional formation and includes several variables. The results of factorization of variables were used to introduce three classification attributes in the form of logical indices and to classify workers according to the nature of their identification with the enterprise². The practical need for determining the effectiveness of managerial decisions in the monitoring mode dictates the advisability of using data specifically on the three-component model of identification of workers with the enterprise [Tatarova, Bessokirnaya, 2018].

The methodology of searching for controllable factors relies on the determination of indicators of balance/disbalance between the assessments of elements of the production situation and employees' claims to work in the "here and now" situation. It is reasonable to search for controllable factors according to the typological groups identified. It was found that when moving to the level of analysis by typological groups of workers, identified by the nature of

² The technology of building a "typological model" for measuring subjective well-being at work is presented in a series of joint publications by G.P. Bessokirnaya and G.G. Tatarova. In this article, prepared with the three objectives outlined above, we refer only to some of them.

identification with the enterprise, the informational value of such indicators significantly increased [Tatarova, Bessokirnaya, 2019].

Unfortunately, the problem of the typological approach to the measurement of subjective well-being at work does not find proper attention among labor researchers. One of the reasons for this situation is insufficient development of the conceptual frameworks of the sociological measurement of subjective well-being in particular. This is despite the existence of a demand for the development of theoretical and methodological reflection in the study of subjective well-being as a holistic phenomenon [Salnikova, 2017; Trotsuk, 2020].

Conclusions. 1. The process of creating procedures for measuring subjective well-being in the world of work as the most important area of employees' activities of daily living should proceed from a number of provisions that have become *axiomatic*. Within the conceptual framework, they relate to the necessity of empirical study of the following: introduction of a clear definition of concepts; designation of the measurement goal; differentiation of indicators common for different groups of employees and specific for one or another socio-professional group; development of a methodology to identify "controllable factors".

In the context of improving the efficiency of interaction between the employee and the employer at the level of specific organizations (enterprises) it seems promising to develop the issues of measuring subjective well-being at work in the direction of creating *typological models*. In such case, the main objectives of sociological measurement are: reconstruction of social types of employees and revealing their typological structure as an object of functional (as opposed to value-based) control; search for controllable factors influencing changes in subjective well-being of employees.

Typological models for measuring subjective well-being at work are at least of a two-stage nature. The first stage introduces the grounds for reconstruction of typological groups, and the second stage determines indicators of balance/disbalance between actual situation at the work-place and employees' claims in "here and now" situation in reconstructed typological groups.

REFERENCES

- Avdoshina N.V. (2010) Involvement in the Organization of Personnel of Industrial Enterprises: Dynamics and Consequences. In: *Modern Management: Problems, Hypotheses, Research*. Collection of Scientific Papers. Vol. 2. Moscow: GU–VShE: 429–436. (In Russ.)
- Bakker A.B., Oerlemans W.G.M. (2011) Subjective Wellbeing in Organizations. In: Cameron K.S., Spreitzer G.M. (eds) *The Oxford Handbook of Positive Organizational Scholarship*. New York: Oxford Univ. Press: 178–189.
- Bocharov V. Yu. (2020) The Concept of Worklife Balance as the Basis for a Typology of Strategies for Labor Behavior of Working Youth. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social & Labour Research]. No. 2(39): 113–129. DOI: 10.34022/265837122020392113129. (In Russ.)
- Easton S.A., Van Laar D.L., MarlowVardy R. (2013) Quality of Working Life and the Police. *Management*. Vol. 3. No. 3: 135–141. DOI: 10.5923/j.mm.20130303.01.
- Epikhina Yu.B., Chernysh M.F., Sushko P.E., Shilova V.A., Lysukho A.S. (2020) Subjective and Objective Wellbeing in Modern Russian Society: The Results of Empirical Research. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. No. 1. Moscow: FCTAS RAS. URL: https://id=1198&id=9089. (In Russ.) DOI: 10.19181/INAB.2020.1.
- Fisher C.D. (2010) Happiness at Work. *International Journal of Management Reviews*. Vol. 12. No. 4: 384–412. DOI: 10.1111/j.14682370.2009.00270.x.
- Grachev A.A., Russalinova A.A. (2007) Social "Selffeeling" of the Person at an Organization. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 8(30): 7–11. (In Russ.)
- Hyett M.P., Parker G.B. (2015) Further Examination of the Properties of the Workplace Wellbeing Questionnaire (WWQ). *Social Indicators Research*. Vol. 124. No. 2: 683–692. DOI: 10.1007/s1120501408055.
- Ilyassov F.N. (2013) The Appropriateness and Content of the Study of Job Satisfaction. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 130–138. DOI: 10.19181/socjour.2013.3.423. (In Russ.)

- Juniper B., Bellamy P., White N. (2011) Testing the Performance of a New Approach to Measuring Employee Wellbeing. *Leadership & Organization Development Journal*. Vol. 25. No. 4: 344–357. DOI: 10.1108/01437731111134634.
- Khashchenko V.A. (2011) Subjective Economic Wellbeing and its Measurement: Constructing and Validating a Questionnaire. *Experimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology (Russia)]. Vol. 4. No. 1: 106–127. (In Russ.)
- Khashchenko V.A. (2019) Subjective Economic Wellbeing as a Psychological Phenomenon and a Category of Economic Psychology. In: Zhuravlev A.L. et al. (eds) *Development of Concepts in Modern Psychology*. Moscow: IP RAN: 564–592. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) "Lifecycle Stage" as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S0132162500061351. (In Russ.)
- Milyaeva L.G. (2019) Theoretical and Methodological Approaches and Methods of Complex Analysis of Quality of Working Life. Sotsialno-trudovye issledovaniya [Social & Labor Research]. No. 1(34): 6–18. (In Russ.)
- Naumova N.F. (1988) Sociological and Psychological Aspects of Purposeful Behavior. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Osin E.N., Leontiev D.A. (2020) Brief RussianLanguage Instruments to Measure Subjective Well being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya:* ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06. (In Russ.)
- Page K.M., VellaBrodrick D.A. (2009) The 'What', 'Why' and 'How' of Employee Wellbeing: A New Model. Social Indicators Research. Vol. 90. No. 3: 441–458. DOI: 10.1007/s1120500892703.
- Parker G.B., Hyett M.P. (2011) Measurement of Wellbeing in the Workplace: The Development of the Work Wellbeing Questionnaire. *Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 199: 394–397. DOI: 10.1097/NMD.0b013e31821cd3b9.
- Patrushev V.D., Kalmakan N.A. (1993) Satisfaction with Work: Socio-economic Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Popova I.M. et al. (1985) Consciousness and Labor Activity (Value Aspects of Consciousness, Verbal and Actual Behavior in the Labor Sphere). KievOdessa: Vishcha shkola. (In Russ.)
- Rose D. (2001) Disparate Measures in the Workplace Quantifying overall Job Satisfaction. Paper presented at the 2001 British Household Panel Survey Research Conference, 5–7 July 2001, Colchester, UK. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.199.6685&rep= rep1&type=pdf (accessed 01.08.2021).
- Rusalinova A.A. (2013) Social Well-being of a Person as a Socio-psychological Phenomenon. St. Petersburg: Asterion. (In Russ.)
- Ryabov V.B. (2013) Models of the Quality of Working Life. In: *Psychological Studies of the Problems of Modern Russian Society*. Moscow: IP RAN: 382–398. (In Russ.)
- Ryabov V.B. (2019) The Development of Diagnostic Techniques Subjective Quality of Working Life. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]. Vol. 4. No. 1: 111–130. (In Russ.)
- Salnikova D.V. (2017) The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective WellBeing. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 18. No. 4: 157–174. DOI: 10.17323/1726324720174157174. (In Russ.)
- Shirokanova A.A. (2020) Trends of Subjective Wellbeing in Russia: 1998–2018. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of SaintPetersburg University. Sociology]. 2020. Vol. 13. No. 1: 4–24. DOI: 10.21638/spbu12.2020.101. (In Russ.)
- Sirgy M.J., Efraty D., Siegel P., Lee D.J. (2001) A New Measure of Quality of Work Life (QWL) Based on Need Satisfaction and Spillover Theories. *Social Indicators Research*. Vol. 55. No. 3: 241–302. DOI: 10.1023/a:1010986923468.
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2010) Typological Analysis of Workers by their Labor Attitude. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 31: 64–91. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2011) Typology Analysis for Reconstructing Workers Social Types (Conceptual and Empiric Bases). Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 7: 3–15. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2014) Formation of Basic TypeBuilding Variables for Identification of the Social Types of Workers as Object of Managing. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 1: 32–50. (In Russ.)

- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2018) On the Reliability of Measurements in the Process of Reconstructing Social Types of Workers as Objects of Management. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 6. No. 2: 52–69. DOI: 10.19181/ snsp.2018.6.2.5856. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2019) Identification of Workers with an Enterprise in the Diagnostics of Production Situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 43–56. DOI: 10.31857/S0132162500045856. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of Subjective Wellbeing as Characteristics for Typology Building. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.) Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2020) "Life Satisfaction" and "Personal Happiness" in the Sociological Studies of Subjective Wellbeing. In: Gorshkov M.K. (ed.) Reforming Russia: Yearbook. Iss. 18.
- Moscow: Novyy khronograf: 565–589. DOI: 10.19181/ezheg.2020.24. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2012) Satisfaction with Work at the Enterprise as a Determining Factor in the Quality of Working Life of Workers in Russia. In: *Modern Management: Problems, Hypotheses, Research.* Collection of Scientific Papers. Iss. 4. Part 2. Moscow: VShE: 231–238. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2013) The Expansion of Functions and Context of Modern Researches of Job Satisfaction. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 139–148. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2013.3.425.
- Trotsuk İ.V. (2020) We are Happy, Prosperous, or Pretending: A Social Demand for Methodological Reflection. In: Kuleshova A.V. (ed.) *Proceedings of the 10th International Sociological Grushin's Conference "Living in Russia. Live in World. Sociology of Everyday Life"*, May 20 November 14, 2020. Moscow: WCIOM: 107–112. (In Russ.)
- Tukumtsev B., Bocharov V. (2015) New Requirements for Industrial Production in the Conditions of Current Modernization (Sociological Analysis). *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Studies]. No. 3(111): 44–49. (In Russ.)
- Van Laar D.L., Edwards J.A., Easton S.A. (2007) The Workrelated Quality of Life Scale for Healthcare Workers. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 60. No. 3: 325–333. DOI: 10.1111/j.13652648.2007.04409.x.
- Vaskina J.V., Bocharov V. Yu. (2017) Young Workers' from the Industrial Enterprises Social Well being: Indicators and Factors. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 2: 201–216. DOI: 10.17323/72706342017152201216. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) Man and His Work in the USSR and After: Textbook for universities. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Sociology of governance and administration

© 2021

V.F. I FVICHEVA

INSTITUTIONAL AND INFORMAL LOBBYING PRACTICES: THE PROBLEM OF SEPARATION AND INTERPRETATION

Valentina F. LEVICHEVA, Doc. Sci. (Phil.), Prof., Head of Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (levvf@mail.ru).

Abstract. The possibilities and limitations of institutional (including legislative) regulation of interest groups' representation and lobbying practices in their interaction with the power structures are analyzed. Almost any legal institutional lobbyist transaction has its informal "counterpart", which reduces transaction costs on the markets of public communications. Laws are able to absorb only a small fraction of behavioral diversity in the lobbyist market, regardless of the status of any national legislation. The author identifies five reasons why formal and informal lobbyism are complementary rather than interchangeable activities. The subjects of informal lobbyism (including social networks) are characterized.

Keywords: political sociology • lobbyism • informal social interactions • informal practices • interest groups • regulation • institutional communications

DOI: 10.31857/S013216250017617-1

This article is a translation of: Левичева В.Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 10: 50–60. DOI: 0.31857/S013216250017165-4

Interests – interest groups – lobbyism: the problem of definition. The building of institutional relations between the government and society is an extremely complex and contradictory process. This is especially true of lobbyism which has long been an object of political and sociological studies in Russia and abroad. In particular, the prospects of its legal regulation from the standpoint of constitutional law were previously analyzed by experts [Beketova, Fedyunin, 2018]. There have also been attempts to study real practices of pressure on executive authorities and forms of lobbying used by deputies of the Federal Assembly [Arutyunyan, 2016]. But unlike other social practices, lobbyism most "cunningly" eludes direct labeling and official regulation. It always balances on the edge of formal and informal.

The social phenomenon of lobbyism and its legal definition depend largely on the specific state and its political framework. For example, the American League of Lobbyists considers lobbying activity as an area of implementation of interests, first of all, of corporations or sectoral associations which aspire to influence development and implementation of the state policy in an area interesting to them. In the official documents of the European Commission "lobbying" is "any activity aimed at influencing policy making and decision making processes in EU

institutions"¹. According to Transparency International, lobbying activity is understood as "any direct or indirect interaction with public officers, policy makers or their representatives aimed at influencing decision making in public policy"².

All these definitions formalize lobbying as a process of multilateral social interaction. In addition, it should be kept in mind that the hallmark of such social interactions is the existence of certain "rules of the game" in society, through which interest groups save costs by building reliable links, officials receive information, and politicians gain support. In all cases, the transaction costs of repeated efforts are saved. Therefore, lobbying itself should be considered as a regulatory phenomenon consisting of formal and informal standards, rules and restrictions.

In order to perform the institutional analysis of the phenomenon of lobbyism, it is important to identify the substantive qualities of interests which determine the possibility and inevitability of formation of aggregators – interest groups. Among them: intentionality of interests, their orientation towards certain objects, which fixes social orientations at the level of communities and groups, as well as motivated aspirations to control vital resources – at the level of a social subject. The range of interests is distributed in such areas as well-being and benefit, security, stability and steady growth, positions in the social hierarchy. The stratification of society into diverse and multilevel interest groups is a fundamental historical process, which acquires different civilizational forms. Interest groups are communities integrated by conscious interests and capable of expressing, representing, defending and promoting them through a system of social interactions to the seat of authority authorities.

Based on the above, we propose a general definition of lobbyism as a set of legal (formal) and extralegal (informal) standards and practices regulating relations between society and authorities to ensure the resource influence of interest groups. P. Feldman emphasizes that "lobbyism is a specific form of political communication where the subjects are always interest groups, which are put behind the system of public authority, and the objects are officials or bodies responsible for making specific administrative and political decisions. The transfer of influence from the subject to the object is carried out through information intermediaries – agents and counterparties" [Feldman, 2014].

Lobbyism has its own material, structural, organizational, professional, functional and other resources that ensure its constant, active and effective impact (influence, pressure) on the process of development and adoption of authoritative decisions.

Legal regulation of lobbyism. Currently, special laws regulating lobbyism have been adopted in only 11 countries (besides the EU). In the countries of regulated lobbyism, the law obliges lobbyists to register, which confirms the institutional nature of their activities. In the USA, where the law defines the most stringent form of registration, the lobbyist is required not only to register but also to indicate the specific objective which he has set for himself, to declare the level of spending for these activities and list parliamentarians and officials with whom he will be in contact. In the EU, registrants must also provide information about their activities: the number of employees involved in lobbying; the legislation they are working on; the amounts spent on lobbying, the amount of funds (grants), disclose the sources of funding if any. If an interest group hires an intermediary, the intermediary will register as a lobbyist and identify the interest group as its client. The client can usually only be a legally registered organization, with strict financial reporting. All details of lobbyist organization registers are usually in the public domain³.

¹ Green Paper (COM) 194 Final on European Transparency Initiative // European Union. 2006. URL: http://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_194_en.pdf (accessed on: 10.11.2020).

² Lobbying in Europe: Hidden Influence, Priviledged Access // Transparency International. 2015. URL: https://images.transparencycdn.org/images/2015_LobbyingInEurope_EN.pdf (accessed on: 10.11.2020).

³ See the European Register (http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/displaylobbyist. do?id=26976551214912 (accessed on: 01.08.2021)) and the American Register (https://fara.us (accessed on: 01.08.2021)).

In Russia, the first bill draft to regulate lobbying activities was submitted to the State Duma in 1995. It was essentially a carbon copy of the American law. The bill draft has even passed its first reading, but that is where it ended. Subsequent attempts have not been as successful. The opinion prevailed that an organized lobbyism of the American type will not appear in Russia for a long time, and therefore, there was nothing to regulate. Although, in 2002, one of the parliamentary **fractions** has proposed to adopt the Japanese system of lobbyism regulation through institutions representing the interests of big business (in a manner similar to the Japanese Keidanren⁴). However, only 6 deputies out of 450 voted for such a project.

The qualification of legal lobbyism as a tool in the systemic struggle against corruption gave rise to the inclusion of a clause concerning the preparation of a law on lobbyism in the National Anti-Corruption Plan, approved by President Dmitry Medvedev's decree dated 31 July 2008.

In 2010, The OECD developed recommendations for the regulation of lobbyism, the "Principles for Transparency and Integrity in Lobbying". It defined the terms "lobbyism" and "lobbyist" and formalized the rules of interaction between officials and lobbyists. Influenced by these Principles, the Ministry of Economic Development got involved in the development of the law in our country, collecting proposals of the business community and experts on the platform of the Open Government.

In 2013, the Ministry of Economic Development has instructed the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RUIE) to study the issues of lobbyism regulation, i.e. to ensure the transition from the shadow pressure on the authorities and total corruption to legal lobbyism and limitation of corruption. Such a task is overwhelming, and the RUIE certainly could not cope with it.

The next attempt to regulate lobbyism was a bill draft proposed by the Ministry of Economic Development, which would have required state and municipal management officials (with the exception of ministers and the president) to report and post information on the Internet every month stating which representatives of business and non-profit organisations they had met. This bill draft was simply ridiculed as utopialn December 2013, an alternative bill draft on lobbyism was submitted to the State Duma by A Just Russia **fraction**. The burden of reporting was proposed to be shifted to lobbyists themselves – a self-regulatory organization was to monitor the ethical standards of lobbyism. This bill draft was criticized by the government and was put on the back burner.

The "2014–2015 National Anti-Corruption Plan" also included a clause on developing a regulatory framework for creating a legal institution of lobbyism in Russia, and it has not been implemented, just like before.

The latest burst of public interest in lobbying issues dates back to early 2019. Anatoly Vyborny, Deputy Chairman of the State Duma Committee on Security and Corruption Control, stated to TASS that a bill draft on the institution of lobbyism in Russia could be developed and submitted to parliament within a year. But even this statement, however, had no effect.

Thus, since 1991, there have been several attempts at legislative regulation of lobbyism in one form or another, but they all have failed due to the lobbyists' own efforts and the state authorities lacked the will to carry the matter through to the end. Everyone seems to be happy with the status quo.

The question arises: can it be otherwise? It is believed that with no direct law on lobbyism, intermediaries between business and authorities are constantly balancing on the brink of corruption, since the scale of informal workings at all levels of the legislative and executive power cannot be even approximated. In reality, as evidenced in practice, lobbyism is institutionalized to a certain extent even without a special law. The institutional practices of lobbyism regulation include, first of all, the use of anti-corruption legislation, and specifically the regulation of

⁴ In Japan in 1946 the Japanese Federation of Business Associations (Keidanren) was established, which includes leading Japanese corporations, industrial groups and associations. The decisions of the Federation are binding on all participating organizations. In return, the Federation officially represents the collective interests of big business in the government and political parties.

"conflict of interests", anti-money laundering, prohibition of "influence peddling", civil service ethical norms blocking reputational risks, and journalistic investigations.

Apparently, it is ultimately impossible to "cram" all the diversity of "lobbyist life" under the institutional code. The legal institution is only able to absorb part of this diversity, while another part of lobbying communications will always be in the "shadows" no matter what the status of this or that national legislation is. There will always be by an order more of unwritten arrangements than formal ones.

Informal lobbying practices. R. van Schendelen, the researcher of lobbyism in the European Union, paying tribute to the informal lobbying specification, gives the following definition: "Lobbying is at least an informal exchange of information with officials, and at most an attempt of informal influence on officials". [van Schendelen, 2010]. This definition does not give lobbyism the right to formalization, which is not quite right. A significant part of lobbying practices can indeed be (and is) institutionalized.

- S. Huntington, answering D. North's famous phrase "Institutions matter", 20 years later said that "culture [also] matters". After the sensational work "Culture Matters", the high influence of values on institutions was considered proven for the most part [Harrison, Huntington, 2000]. Informal practices have been associated with archaic manifestations of the distant past and deeply rooted cultural heritage, being generated by former formal institutions that had fallen into oblivion relatively recently, and as a response to current institutional risks, the local product of subcultures, etc. At the same time, nothing has been found to suggest that it is fundamentally impossible to formalize the informal.
- G. Helmke and S. Levitsky attempted to conceptually separate informal practices from culture and tradition (Helmke, Levitsky, 2007). It turned out that many informal social interactions are very indirectly related to the institutions and values of the distant and recent past. They are well established in modern society, and their origins have yet to be determined.

This applies entirely to informal lobbying practices, which can hardly be reduced to a purely cultural phenomenon. And since "culture does matter", informal lobbying practices vary considerably from country to country.

In our opinion, the "dictatorship" of rules and the chaos of the informal are two parallel and independent realities. Almost any legal institutional transaction casts a "shadow", i.e. has its informal counterpart, which also minimizes transaction costs over vast areas of markets and public communications.

Despite its independence, the prevalence of informal practices directly correlates with the nature and status of formal institutions. In case of institutional redundancy (as in the USA) or, on the contrary, institutional insufficiency (as in Russia), as well as in case of various dysfunctions in the institutional environment (everywhere), a natural and rapid transition of actors from formal to informal environment and from general rules to personified relations takes place.

Paradoxically, there is as much (if not more) informal lobbyism in the regulated U.S. Congress than in the less regulated parliaments of Eastern Europe and the Russian State Duma. In Brussels, in all the cafes around the European Parliament, lobbyists and members of parliament, lobbyists and employees of different departments of the European Commission meet. A normal but unregulated negotiation process takes place. Officials must meet with official representatives of business in order to take balanced decisions, which they do.

Informal (extra-institutional) lobbyism has a considerable "energy" and productive potential, allowing individual communities, corporations and organizations to promote (pursue) their agenda faster and with greater effect than institutions allow. Experts estimate that legally regulated lobbyism (external and internal) is only 10–15% effective. The effectiveness of shadow practices is much higher.

The practice of countries where lobbyists are legal (professional) intermediaries between interest groups and decision-making bodies shows that lobbyist registers are kept formally and reveal only a small part of real lobbyist contacts. The volume of lobbying transactions in the "shadow sector" is several times higher than the official data.

Even in the USA, which seems to be the most successful in fighting the lobbyist "shadow", only one of five lobbyists registers their activities legally, and official reports reveal no more than 5% of the contacts⁵. The situation is similar in the European Union. In the European register, the most active lobbyist groups are not visible at all. You will not find there such global lobbying leaders as Alitalia, Apple Computer, Canon, Deutsche Bank AG, General Motors Europe, Walt Disney Company Inc. and many others.

The scale of the lobbyist "shadow" can only be judged by estimates or by indirect data, for example, by the number of big law firms advertising their lobbying services. Under the pretext of protecting professional secrets, they do not disclose either their clients or lobbying expenditures.

In other words, countries which have adopted direct laws on lobbyism have as many problems with lobbying "shadows" as countries which do not have such laws. Going "into the shadow" in the first case is related to institutional redundancy, since compliance with regulatory requirements not only does not pay off, but is also a source of threats and burdens. Institutional lobbyism may seem to differ from shadow one in the same way as any open tender from pre-paid or "rent-seeking" tenders. However, informal ties in distribution of state contracts should be legally forbidden, because they are directly connected with conflicts of interests or outright corruption. With shadowy practices of lobbyism it is quite different. Overregulated lobbyism can lead to exactly the opposite result – it will not eliminate, but provoke corruption.

It is important to note here that informal lobbyism is by no means always shadow lobbyism. Open lobbying activities, which are not formally regulated, are quite possible. Moreover, it cannot be claimed that all shadow lobbyism is illegal. Illegal is informal, which is forbidden by law. But informal (shadow) lobbyism may violate neither legal nor ethical norms.

The complementarity of formal and informal lobbyism. Let us consider specific manifestations of institutional inadequacies replaced by informal lobbying practices.

First. All the laws regulating lobbying activities, one way or another, apply only to external lobbyists (employees of corporations, counterparties), although most of the influence is "produced" by the employees of government agencies and members of parliament themselves. This is the so-called internal lobbyism, and it is virtually not regulated by anything.

Internal lobbyism is common in all developed countries. Deputies and officials have their professional history and corresponding informal ties, they may be "integrated" lobbyists or agents of influence who have been deliberately nominated to the public authorities or received a deputy's seat.

Second. One more social phenomenon which is not regulated by any laws has been revealed relatively recently. This phenomenon has been dubbed the "revolving door effect," when former legislators or officials at the same time, or within a short period of time, work for a private entity where they use their knowledge and connections to promote certain interests in the government bodies. The lobbyist "door" tends to rotate in both directions. The transition from the corporate sector to the public sector can also be related to lobbyism. In this situation, the lobbyist is directly integrated in the decision-making structures.

In France, the transition of officials to work in the private sector is called "pantouflage" ("putting on the slippers"), and in Japan "amakudari" ("descending from heaven") [Belousov, 2019: 565]. These names themselves speak of the informal nature of the phenomenon of "revolving doors". Such cases clearly show that lobbyism is plagued by informality, because people not only with interpersonal communication skills, but also with numerous connections with the "right" people in the management environment, become lobbyists en masse.

Third. The indirect lobbyism which uses the "indirect pressure" technology creates major institutional problems. These technologies consist in instigating initiatives from below by creating, for example, telegram channels, appeals of popular bloggers, organizing local pickets,

⁵ Pegg D. Lobbying Register Covers Fewer than One in 20 Lobbyists – Report // The Guardian. 2015. URL: https://www.theguardian.com/politics/2015/sep/21/lobbyingregistertransparencyinternationalreport (accessed on: 10.11.2020).

rallies, petitions, etc. Indirect pressure on deputies can be supplemented by "useful publications" in media reviews, ratings and sociological surveys in magazines, etc.

All these technologies can be used when the general rules of lobbyism are tightened, when there are not enough resources to use other technologies to promote interests, or to increase the pressure on the authorities. In any case, the shaping of public opinion is a sufficiently effective tool to achieve the goal.

Lobbyists who use indirect lobbying methods may not to register themselves or their contacts. However, their activities are clearly of a lobbyist nature, because they have a specific goal – to influence the decision of deputies or officials on a particular issue. A legally organized mass action or sponsorship may be legitimate, but as a lobbying method, they are informal. There is hardly any institutional promotion of interests in indirect lobbying.

A variety of actors can exert indirect pressure on deputies and representatives of the executive bodies. The only question is in whose interests it is done. Methods of indirect lobbying are often used by "social networks" of marginal groups who do not have sufficient connections and administrative resources. But the people behind these networks could be anyone.

Fourth. The institutional nature of official lobbying platforms is also very contingent. Thus, lobbyists' meetings with government representatives at various institutional platforms (working groups and expert councils at government agencies, conferences and press conferences, advisory committees, business test panels, etc.) do not always ensure open interaction between interest groups and the authorities. The main agreements take place behind closed doors, so that it is impossible to find out who talked to whom, and sometimes who was bribed, by whom and the bribe amount. In other words, the availability of institutional platform does not eliminate, and in some cases suggests informal practices of interaction between representatives of interest groups and representatives of power structures. There are no guarantees that an exchange of opinions on an institutional (public) platform will not serve as a cover for a shadow pressure on a decision being developed or a bill draft being discussed.

Some interest groups interact with parliamentary committees and government departments on a permanent basis in order to institutionalize their lobbying activities. The term "political circles" is often used to describe such practices [Richardson, Jordan, 1979: 43–44]. It should be understood as a relationship between the government and interest groups, implying resource exchange and interdependence [Rhodes, 1986]. It is a relatively stable system of communication, including both the subject and the object of lobbying, which interact with each other in the routine process of decision-making. The "political circles" is a legitimate form of lobbying relations, although it is in no way inscribed in the legal framework. Usually, the selection of participants in such circles takes place informally as a result of mutual consultations. A narrow circle of people (a "team" connected by informal relations) is selected for the current agenda and specific problems. No institutional standards regulate this "team-based" approach.

It is believed that if transactions are constantly repeated, their channels can be institutionalized. However, according to P. Williamson, the "political circles" emerge on the "authoritarian-license" principle of building relationships between the state and interest groups, i.e. the state authoritatively "licenses" the activities of the group based on its own hierarchy of goals [Williamson, 1989: 126–136]. It follows that with regard to "political circles", whichever country they arise in, the task of institutionalization cannot even be set. The "team" is selected by an administrative decision at will, and it is unlikely that such a "license" for proximity to power can acquire a stable legal form.

Fifth. Public Relations (PR) lobbying technologies create major institutional problems. These technologies are legal, but belong to indirect lobbyism and therefore are not regulated. Shaping public opinion on this or that matter for the purpose of facilitating passage of the necessary law, carrying out of sociological surveys and determination of ratings which nobody checks up and which objectivity is offered to take for granted can be conditionally referred to PR technologies.

Public discussions formally should not be considered pressure by interest groups. However, public opinion is a serious lobbying argument. When resources are available, it costs nothing for one or another interest group to agitate the public and hide behind public opinion leaders.

PR technologies are also actively used in cases of direct lobbying through sponsored public organizations. This is the safest method of promoting interests, a kind of borderline (between altruism and corruption) phenomenon, because there is always the suspicion that the sponsor expects services in return.

The institutional nature of lobbying is largely determined by the level of institutionalization of group interests represented in the lobbying market. And it varies greatly.

Institutional players in the lobbying markets. Some interest groups based on simple social interactions have zero institutionalization and, even if they exist for a long time, remain informal, which is directly reflected in the lobbying practices they choose.

Such groups are, for example, subcultures and communities of interest, groups related to ethnicity, place of residence, occupation and kinship. These groups have quite powerful identifiers as per "friend-or-foe" principle, but this does not guarantee their institutionalization. The groups of ordinary non-organized citizens, which M. Olson calls "the forgotten", can also be conventionally referred to as the non-institutional ones [Olson, 1995: 154–155]. Even deputy associations may be informal, for example, "deputy clans" in Japan – self-organizing horizontal structures in the ranks of the deputy corps. Each "clan" has a traditionally established competencies, beyond which it does not go.

Classic institutional interest groups are parties, party coalitions, trade unions, clergy councils, etc. In addition to promoting their own interests, and in some cases the interests of other existing groups in society, they perform various political or public functions, which determines the level of their institutionalization⁶.

Other institutional lobbyists are groups representing the interests of a specific category of citizens: The "elite" of corporate business, small and medium entrepreneurs, the middle class (employees of public institutions, "office monkeys" of private companies), people of science and culture, etc. In fact, these groups reflect the diversity of social strata and categories of citizens in a given society. They vary widely in resources, structure, operating style, funding methods, support base, and distance from power structures. Some are headquartered in the centres of capitals with thousands of employees, while others are located in the boondocks. However, they all are sufficiently institutionalized and capable of organized group behavior.

Highly resourceful groups include chambers of commerce, industry associations, professional associations, non-governmental and charitable organizations, and volunteer movements. In the USA, among the major association groups which lead in terms of lobbying expenditures, we should identify the "Chamber of Commerce" which brings together more than a hundred executives of major American companies, such as Alcoa, AT&T, Dow Chemical, Pfizer, etc. In the second place is the "National Association of Realtors", followed by the "American Hospital Association" and the "American Medical Association". In Russia, the biggest associated lobbyists are the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RUIE), the Chamber of Commerce and Industry, "Opora Rossii", "Delovaya Rossia", as well as a number of specialized associations (such as the All-Russian Insurer Association).

The lobbying of these groups is far from transparent. The more distant such a group is from the government, the more its lobbying practices are shadowy, including those based on client relations. As soon as the bureaucracy starts paying more attention to its own "clients" than to others, institutionality ends.

However, the institutionality of interest groups does not match the extent to which these groups represent public interests. All of them express their narrow group interests. In times of crisis or with miscalculations in the system of governance, the particularization of interests increases

⁶ Political analysis of the dominant influence of interest groups in the system of socio-political institutions of modern society was proposed earlier by A.V. Pavroz [2016].

sharply, everyone gets out of the emerging rubble alone, allowing various forms of opportunist behavior, thinking only "about themselves" and relying on their own informal ties. This was fully demonstrated in many countries in the context of the 2020–2021 pandemic, which intensified the desire of groups to railroad their interests, influencing power structures by all available methods.

The so-called "think tanks" can also be considered institutionalized interest groups. Formally these are non-profit organizations that present an independent view of the state's foreign and domestic policies, generate ideas and alternative solutions, and influence the formation of the political agenda. The main consumer of their intellectual product is the state. Therefore, a significant part of their work is to translate "ideas" from the scientific language to the public-state language. This requires considerable communication and lobbying efforts.

However, "think tanks" work not only for the state, but also for themselves. In this case, they can be considered a classical interest group. Moreover, using their connections in the power structures, they act informally. It can also be said that "think tanks" are the object of lobbying, since their analytical product can informally influence the management decision and the overall atmosphere of public communications. Some researchers call "think tanks" an informal (fifth) branch of power.

Many state-linked "think tanks" have repeatedly been accused of hidden lobbyism. The main argument is that it is impossible for "think tanks" with considerable intellectual potential and connections "at the highest level" not to be used to promote corporate, industry-specific, or other interests. Indeed, a New York Times study of 75 think tanks found many actors "who simultaneously served as registered lobbyists, corporate board members, or third-party consultants in litigation and regulatory disputes⁷."

Social networks as a subject and tool of lobbying. Another subject of lobbying, a "social network", should be considered separately. Conventionally, it can be attributed to non-institutional interest groups which arise and disappear spontaneously. However, it is distinguished from these groups by methods and degree of self-organization, which compensate the lack of resources. Often the "network" leaves out of the picture even such powerful institutional players as trade unions and opposition parties.

Promotion of social networks' interests can be expressed in various forms, in particular in mobilization of members for protests, arrangement of rallies, creation of information "bombs," "viral" mailings on the Internet, etc., as well as (but less frequently) in the form of direct lobbying of interests in relevant state institutions. Today any form of social mobilization for a common interest is often qualified by sociologists as networking. To some extent, this is a scientific fashion. In practice, however, spontaneous appeals of supporters through the Internet have become widespread. Spontaneous demonstrations, picket lines, "wild" strikes, and other types of direct action (including hostile ones accompanied by acts of violence) have become a daily occurrence. After another event, the network disintegrates into separate groups and individuals, but for the time being. Social networks are a kind of holograms, building the form of another protest when necessary.

The social network is always poorly institutionalized. As it expands, its internal communications inevitably become simplified. Under these conditions, the "network" is hardly capable of lobbying for any common interests, much less using formal institutional strategies.

Indeed, lobbying using a "network" for its own interests ends up, with few exceptions, in nothing. Only those with institutional and highly resourceful interest groups behind them are successful. Even mass movements for human rights and the environment have specific interests of organized elites behind them.

Lobbyists of private interests always need public support, or at least the appearance of such support, and it is quite easy to obtain it precisely through a particular social network,

⁷ Lipton E., Confessore N., Williams B. Think Tank Scholar or Corporate Consultant? It Depends on the Day // The New York Times. 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/08/09/us/politics/thinktankscholars corporateconsultants.html?_r=0 (accessed on: 10.11.2020).

especially if the "network" seems to oppose "pure" people to the "corrupt" elite, expresses the opinion of hitherto "silent" poorly resourceful groups and "knows best what people need". At the local level this is especially true for the Russian regions. Every social council is full of lob-byists with "document jackets" of non-profit organisations, which represent the private interests of their employers under cover of the society interest. There are commercial organizations which have four executive directors each sitting on some social council.

"Network lobbyism" is relevant precisely for highly resourceful interest groups, because it does not fall (at least for now) under most restrictions of lobbying activities. With resources available, it is quite easy to mobilize millions of Internet users and send a torrent of angry messages to legislators demanding to promote or block a law.

Conclusions. Thus, there are reasonable doubts about the very possibility to subject lob-byism to institutional regulation. Any interest group, regardless of its "weight" and institutional environment, will use both formal and informal lobbying practices. Of course, a good pro-lob-byist law will reduce the "shadow," but it is unlikely to disrupt all shadow means of influence on decision-making. It is impossible to exclude informal arrangement of the parties.

In the past and present, and well into the future covert activities in lobbying processes were, are and will be, and on a much larger scale than in any other system of social interactions. This is not opportunism, but a search for systemic stability and orderliness, but only in another "dimension". Without informal "freedom", it is impossible to take into account in authorities' decisions all the interests existing in the society.

At the same time, the institutional "insufficiency" of lobbyism does not mean that lobbyism cannot be regulated in general. One should not deny this possibility, but understand its limitations in each specific case. Only then will it be possible to create more or less adequate institutions in the area of expressing and promoting corporate and public interests.

REFERENCES

- Arutiunian A.S (2016) Lobbying: How to Turn Evil into Good. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 5: 54–60. (In Russ.)
- Beketova S.M., Fedyunin I.G. (2018) Legal Regulation of Lobbyism in the Russian Federation. Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie [Constitutionalism and Political Science]. No. 1(11): 19–23. (In Russ.)
- Belousov A.B. (2019) The Problem of Revolving Doors in the United States: Between Lobbying and Institutional Corruption. In: Actual Problems of Scientific Support of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Combating Corruption. Yekaterinburg: IFP UrO RAN: 564–576. (In Russ.)
- Feldman P. Ya. (2014) Lobbying within the System of Social and Political Institutions in the Modern Russia. Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations]. No. 3: 392–397. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.10562. (In Russ.)
- Harrison L., Huntington S. (2000) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books.
- Helmke G., Levitsky S. (2007) Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda.
- Prognozis [Prognosis]. No. 2: 188–211. (In Russ.)
- Olson M. (1995) The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Moscow: FEI. (In Russ.)
- Pavroz A.V. (2016) Lobbying: Institutional Foundations and Practices of Political Influence in Democratic Societies. St. Petersburg: RHGA. (In Russ.)
- Rhodes R.A.W. (1986) "Power Dependence". Theories of Central-Local Relations: A Critical Reassessment. In: Goldsmith M.J. (ed.) New Research in Central-Local Relations. Aldershot: Gower: 1–33.
- Richardson J.J., Jordan G. (1979) Governing under Pressure: The Policy Process in a Post-Parliamentary Democracy. Oxford: Basil Blackwell.
- Van Schendelen R. (2010) More Machiavelli in Brussels: The Art of Lobbying the EU. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Williamson P.J. (1989) Corporatism in Perspective: An Introductory Guide to Corporatist Theory. London: Sage Publications.

V. V. VOLCHIK

DISCOURSES ON SOCIAL BARRIERS IN RUSSIAN (COUNTER) INNOVATION SYSTEM: REALITY OR NARRATIVE?

Vyacheslav V. VOLCHIK – Doctor of Economics, Head of Economic Theory Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (volchik@sfedu.ru).

Abstract. The aim of the study is to identify and critically analyze the explanations of the gap between the good level of Russian science and relatively weak development of domestic innovative production. The study of a series of expert interviews identified four key problems: low business demand for innovation; failures in public management of innovation studies; declining reproduction of scientific research personnel; and institutional barriers to patenting "real" innovation. Discourse analysis leads to the conclusion that the main brake for the Russian innovation system is the poor quality of public administration. Based on the approach of narrative economics, doubts are expressed about the unconditional objectivity of such a conclusion: experts can reproduce "viral" narratives (stereotypes), which distortedly reflect reality. A critical approach to the studied interviews shows that some "accusations" against government regulation of innovation studies are unreliable or inaccurate. Therefore, popular expert judgments about poor government regulation should be viewed as a superficial level of explanation of the failures of innovation studies in post-Soviet Russia.

Keywords: sociology and economics of innovation studies• national innovation system • social factors of innovation studies • discourse analysis of innovation • narrative economics • government regulation

DOI: 10.31857/S013216250017614-8

This article is a translation of: Дискурсы о социальных барьерах российской (контр) инновационной системы: реальность или нарратив? // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 10: 61–71. DOI: 10.31857/S013216250016089-0

The original work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562, https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/

National innovation system as an object of socio-economic analysis. Domestic and foreign researchers of social aspects of development of technological innovations note a paradox: Russia has many outstanding scientists and inventors, but few innovative products of its own production (see, for example: [Graham, 2014; Auzan et al., 2019]). L. Graham, a well-known American researcher of the social history of Russian science, writes that for centuries there have been powerful social obstacles to technological success in Russia: "Some of them, such as the lack of effective legislation on innovation, are obvious and easy to explain. Others, such as the factor of the prevailing social attitude to innovators, are difficult to formulate unequivocally. But they play a very important role" [Graham, 2014: 146]. The study of "society's existing attitudes toward innovators" requires an interdisciplinary approach that is connected not only with sociological analysis, which focuses on "people who play games", but also with institutional economic analysis, which considers "the games people play".

The main idea of modern institutional economic theories, coming from T. Veblen and R. Coase, is to approach economic life as a system of formal and informal institutions ("rules of the game", formal rules and informal standards of behavior [North, 1989: 1321]), consciously chosen and/or spontaneously formed. Institutional factors are considered in this case in a wide range – from cultural practices to the instrumental aspects of the (im)perfection of legal regulation. Evolutionary economic theory, which is concentrating on the institutions of generation

and dissemination of innovations, is connected with institutional economic theory. In the framework of modern evolutionary economics, the concept of *national innovation system* has been formed – a country-specific "set of separate institutions, which jointly and individually contribute to the development and distribution of new technologies and provide the basis for the formation and implementation of the public policy influencing the innovation process. In essence, it is a system of interconnected institutions for the creation, holding and transfer of knowledge, skills and artifacts that determine new technologies" [Metcalfe, 1995: 38]. Features of innovative systems depend on the embeddedness of effective *social technologies* (institutional environment), which can help / hinder the use of the potential of *technological* innovation [Lundvall, 2016: 80]. This approach to innovation studies on the part of economists is similar to the approaches of sociologists studying innovations, who also seek a comprehensive analysis of aspects of interactions between actors of the innovation system (see, e.g.: [Latova, Latov, 2014; Klyucharev et al., 2016]).

The object of our analysis will be the Russian innovation system, and the specific subject will be social interactions of its actors. This article will demonstrate the creativity of combining the approaches of sociology and economics of innovation studies to identify the social factors that explain the paradox of the Russian innovation system, and to critically analyze the usual methods of identifying these factors.

Methodology of discourse analysis of "rules of the game" of the actors of the Russian innovation system. In order to understand the essence of national innovation processes, social scientists, first of all, organize surveys of actors of these processes and theoretically generalize their opinions.

Four groups of the main actors of national innovation system can be identified:

researchers and administrators representing the field of innovation generation, – producers of innovations;

entrepreneurs and business managers (small innovative businesses, corporate innovators) – consumers of innovations:

the government acting through representatives of regulatory bodies and heads of innovative public enterprises – administrators-regulators;

the population of the country, which consumes innovative products and feed the ranks of creators of innovations.

Each of these social groups has its formal and informal "rules of the game" affecting the generation and implementation of new technologies. In order to understand the obstacles to innovations, representatives of the first group are mostly interviewed, since they are more deeply involved in innovative processes being the experts in them.

When analyzing the reasons for low technological innovativeness in Russia, sociological studies have identified certain groups of factors. Thus, in a study [Savinkov et al., 2021: 20], based on a survey of experts, three main factors hindering the transition of domestic enterprises to active use of innovation were formulated: lack of qualified creative thinking specialists; lack of government support; insufficient resources for research, design and development activities and commercialization of ideas. This typology is based on the idea of the paramount importance for the generation of innovations of three types of resources – labor, management and capital. However, this scheme does not seem to fully take into account the real diversity of interrelations between the actors of innovation system. In order to theoretically systematize the collected opinions, it is proposed to proceed from the standard for economic science logical model of interaction of three actors of market economy - households (population), companies (business) and the government. As can be seen from the proposed scheme (Fig.), on the basis of preliminary thematic processing of interviews four key problems inhibiting domestic innovation system were identified: demand for innovation; public management of innovation studies; reproduction of personnel (including research schools and implicit knowledge); commercialization of innovation (generation of patents, etc.).

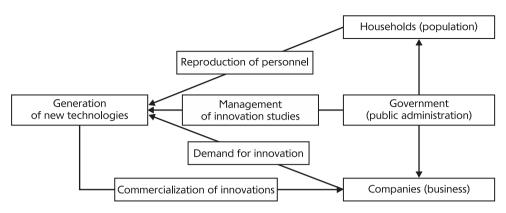

Figure Actors and factors of national innovation system

Identification and study of the problems of the Russian innovation system is currently based primarily on interviewing and discourse analysis of interviews of its actors (see: [Bychkova et al., 2019; "Continuous Education..." Report, 2018: 137–216; Klyucharev, Chursina, 2021], etc.). This article will first characterize each of the four institutional problems shown in the figure based on discourse analysis of expert interviews, and then provide a critical analysis of this approach.

The original sources of qualitative data were 9 in-depth interviews conducted in 2014–2017 with regional representatives of the academic and industrial fields related to innovation activities. Another source of expert judgments about innovations were media publications – 21 interviews with key Russian scientists at the federal level, which were posted in 2018–2020 on the portal of "Kommersant" Publishing House under the "Physically it is possible" heading of "Ogonyok" and "Kommersant Nauka" magazines.

Demand for Innovation. The Soviet attempt to replace market competition with centralized management of innovation has shown that market mechanisms have no alternatives in generating the demand for innovation so far. At the same time, market mechanisms in the innovation sector need the institutional infrastructure provided by the government that minimizes transaction costs of interconnection of business and science. In modern Russian conditions, this is supplemented by the actual monopoly of the government in a number of key industries and, consequently, monopoly on innovations in them. In almost all the interviews of the actors in the sector of innovations generation, the opinion was expressed that Russian entrepreneurs have no interest in new developments. In some interviews this was articulated directly: "The problem that scientists face...is that businesses have no need for innovation in the first place" (university professor, expert in youth entrepreneurship, Nizhny Novgorod).

It is necessary to pay attention to significant differences in the demand for innovation studies in different industries: "The economy today works in such a way that the tone of innovative developments is set by the oil production and military-industrial complexes. Just like in the Soviet times, physics and chemistry are our priority now, biomedicine is also "scores a big win" lately. Money is being spent on health care [also by the government]... As for the rest, only the market [can provide financing]..." (Director General of the University of Small Innovative Enterprise, Nizhny Novgorod). The problem is that the relevance of industries can change by leaps, and the temporary lag behind of the industry risks becoming irreversible, as the lagging industry loses the ability to implement advanced innovations. Symptomatic in this regard is the failure with the introduction of nanotechnologies in Russia, which in the late 2000s were officially called "the top priority direction of development of science and technology". A.G. Nasibulin, a leading Russian expert on nanotechnologies, directly pointed out that "one

of the main problems of introduction of nanotechnologies in Russia is that there is nowhere to introduce them.

The gap between science and production is largely due to underdevelopment in Russia of special institutions facilitating regular relations between the academic field and business. This fundamental shortcoming can be noticed mainly by those who know the foreign "rules of the game" well: "I remember working in Great Britain for several months as a visiting professor. Every week people from the so-called "smart institute" came to me, this institute was looking for some new solutions and technologies, and they asked me what I had to solve this or that problem. We in Russia do not have it in the first place" (member of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don). The absence of intermediary organizations that help scientists learn about business demand for specific innovations forces scientists to simultaneously be researchers, administrators and entrepreneurs, ignoring the principle of division of labor.

In order to explain strange (by the standards of developed countries) indifference of Russian business to innovations, we can refer to the concepts of the evolutionary economic theory. The economic analysis of innovation accepts the premise that innovator companies are encouraged to adopt new technologies because it allows them to obtain high additional profits [Nelson, 2018: 20]. But in post-Soviet Russia, due to the specifics of the national institutional environment, innovator companies do not receive sufficient benefits from innovative monopoly. The benefits of obtaining an administrative monopoly are more significant due to the barriers associated with government regulation. Therefore, for domestic entrepreneurs, investment in political rent-seeking is more profitable than investment in innovations.

Public management of innovation studies. The role of the government in modern innovation studies remains an unresolved problem in Russia and abroad. All recognize that the government's choice of priority research topics/direction is of great importance for the coordination of scientific research organizations. The question is how well politicians and government officials manage to choose these priorities so that rent-seeking considerations would not prevail over reasonable social considerations. This problem is more important for Russia than for highly developed countries, because it is government organizations that assume the lion's share of funding for domestic scientific projects and technological developments (see, for example: [Dezhina, Medovnikov, Rozmirovich, 2019]).

"Disconnection" of Russian business from management of technological innovation studies created irreconcilable conflict of interests between academic science and state bureaucracy, claiming leadership in the choice of priorities of financing of innovation studies. Since in post-Soviet society administrative resources are more important than scientific authority, a system of public management of innovation studies where "the government is stronger than (scientific) community" was formed. The famous Russian psychologist, D.V. Ushakov, member of the Russian Academy of Sciences, characterized it this way: "Enormous money in the country is spent on applied sectoral science through public agencies. In order to make these expenditures more meaningful in terms of the strategy of scientific and technological development of Russia, priority councils were created to form major full-cycle programs (from fundamental developments to the actual product), which are justified from the perspective of fundamental science and at the same time are needed from the perspective of authorities. The idea is great, but it does not work well because the authorities are not at all interested in spending resources with the knowledge of big science"².

Russian "big science" has tried to strike back at the bureaucrats and create a system of objective scientific expertise of the situations in the priority areas of scientific innovation studies chosen by the bureaucrats. This refers to the Corps of Experts in Natural Sciences, which

¹ "I wanted to create milk from grass, removing the cow from the process": Albert Nasibulin, Physicist, on advanced technologies // Ogonyok. 2019. 21 January. No. 2. P. 32. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3853898 (accessed on: 18.08.2021).

² There will be a revolution in scientific management of society // Kommersant Nauka. 2020. 30 September. No. 24. P. 37. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/4501983 (accessed on: 18.08.2021).

was formed by self-organization in the late 2000s. M. Feigelman, Russian physicist, one of the initiators of this institute, describes it as follows:

"The Corps of Experts is a constantly replenished list of experts in natural science subjects, selected on the basis of the recommendations of scientists. Today it is a working system to sort out who is worth what in science. It has been created, but you can't say that anyone actually uses it"³. Indeed, in the late 2010s officials simply stopped seeking expertise from Corps members: according to the organization's server, its last expertise (an audit of Skoltech units) was conducted in 2017⁴.

We must make a reservation that the contradictions between bureaucratic control and academic expertise are global in scope. Abroad, the decline in trust with regard to professional experts is interpreted [Nichols, 2019] in the context of the conflict between meritocratic elites and "commoners". In Russia, however, there seems to be a different conflict – between the scientific community, which is trying to institutionalize itself as an element of civil society, and the state bureaucracy, which is trying to avoid civil control.

Reproduction of personnel. Reproduction of scientific-research personnel is organically connected with the priority value for innovation studies of human capital – knowledge, abilities and motivation embodied in a person. In modern Russia, the problem of reproduction of such personnel is a logical continuation of the failures of bureaucratic management of science: a managerial policy has long been implemented in the academic field, which resulted in a strong (by 23% in 2000–2019 alone) reduction of "personnel engaged in research and development" [Volchik et al., 2019].

Since human and financial capitals in science are complementary rather than interchangeable resources, investments in scientific equipment cannot produce effects if there are no people willing and able to work efficiently on it. F.I. Ataullakhanov, a leading Russian biophysicist, directly points out that "today the main problem in Russia is not the lack of equipment. Decent money is being invested in equipment, but absolutely nothing works out. Why? Because there are no specialists... Today a Russian scientist receives so little that the attractiveness of this field is equal to zero". Of course, a good scientist is a person with a dominant "post-monetary" motivation. However, such scientists are critically dependent on the availability of scientific schools. "Who goes into physics or biophysics in Russia today? Fanatics, who are born from time to time in any country and at any time," says F.I. Ataullakhanov on the subject. "But today there is nowhere in Russia for such a person to study, and he is looking for ways to go to countries where science is at a higher level... You see, in addition to buying equipment you need pave the way"⁵.

Indeed, in science and applied research the productivity of scientists very much depends on the environment where they work and interact. M. Polanyi noted the high importance of implicit (unformalized) knowledge for both research activities and technology as early as the 1950s [Polanyi, 2012]. Modern scientists know well from personal experience that in the process of scientific activity not only codified, but also personal knowledge is created, the absence of which makes the progress of a scientist impossible. D.V. Ushakov expressed it this way: "Personal knowledge plays a huge role in science. Nowadays any information can be obtained from articles, books, the Internet – the flow of information is enormous. But much more important is what cannot be formulated explicitly... You cannot get this personal knowledge from books, and you either form it yourself or have personal contacts with other scientists. So, the opportunity

³ There is practically no real high tech in Russia." Mikhail Feigelman, Deputy Director of the Institute of Theoretical Physics of the Russian Academy of Sciences, on the society lagging behind the science // Ogonyok. 2019. 17 June. No. 23. P. 30. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3998209 (accessed on: 18.08.2021).

⁴ Corps of Experts on Natural Sciences. URL: http://www.expertcorps.ru/science/about (accessed on: 18.08.2021).

⁵ "If humanity wants to survive, it must be dying": Fazoyil Ataullakhanov, scientist – about the advanced and most unusual field of physics // Ogonyok. 2020. 13 July. No. 27. P. 28. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4406396 (accessed on: 18.08.2021).

to communicate with a major scientist in your chosen field is a big bonus"⁶. Consequently, the reproduction of scientific research personnel necessarily implies the reproduction of scientific schools clustered around major scientists.

Personnel reproduction issues in the Russian context are also often solved in the spirit of managerialism policy by adopting targets and introducing programs to support young scientists. But they must see that their temporary support in the rank of a young scientist in the future with a high probability will turn into a stable and financially competitive trajectory of a mature researcher, and this does not always happen. The practice of supporting young scientists to the detriment of supporting scientific schools is therefore criticized. It is not uncommon to see situations when young researchers use independent grants not too effectively, and when they leave young age they leave science or go abroad: "Today you are 35, you are a young scientist and get a grant, and tomorrow you are 36, and you get nothing. And a young person should think about a family, an apartment, but now there are no guarantees for this" (member of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don).

Reproduction of innovative personnel implies great attention not only to the researchers themselves, but also to the staff serving them, specializing in the manufacture of special equipment. Important evidence of the strong influence of implicit knowledge on the specifics of Russian high-tech production is noted in an interview about the situation with the development and production of Proton space carrier rockets:

"These rockets were made in Moscow by Khrunichev design bureau (DB). Everything would have been fine if the DB was not in Moscow. Some of our actors decided to optimize the work of the DB, that is to move production to Omsk and sell this territory... So, they did... [But try] make these workers, workers of the highest qualifications, to move from Moscow to Omsk to do something there. They just all retired and that's it. In such a unique rocket, the documentation is far from reflecting everything... There is know-how at the level of "uncle Joe Blow" – how to "tinker, tap on" something. And now it was decided to take these rockets out of production, because everything that was done in this production facility in Omsk turned out to be, to say the very least, of low quality" (Chief Researcher, Rostov-on-Don).

It is important to note that almost all problems of reproduction of personnel in the field of innovation studies – headcount reduction, weak attention to scientific schools, etc.– as it is evident from the interview, are connected in one way or another with the drawbacks of public management of science.

Commercialization of innovations. Intellectual property for a useful invention protected by a patent is a key element of modern national innovation systems, forming stable channels of innovation transfer from the source (inventor) to the recipient (company). However, under Russian conditions, the institution of patents does not always fulfill this function.

The collected interviews show that patents are a self-sufficient indicator of the performance of a scientist and scientific organizations for innovators from academia, even if it does not come to their practical implementation. "For university employees, a patent is still not a way to protect intellectual property, but rather an indicator of the scientist's importance... The scientist needs it to fill out grant applications, for ratings, when recertifying or being elected to a new position" (professor, expert in the field of youth entrepreneurship, Nizhny Novgorod). If patents are included in the system of administratively controlled indicators, then inevitably people will "work for the indicator". In this regard, one of the interviewees directly noted that "it is necessary to move away from patenting "just for the check in the box" and for university reporting, because the creation of this kind of patents destroys technology development" (employee of the Center for Commercialization of Technology, Nizhny Novgorod).

⁶There will be a revolution in the scientific management of society: Dmitry Ushakov, member of the Academy of Sciences – about the psychological mechanism of transmission of viral infection // Kommersant Nauka. 2020. 30 September. No. 24. P. 37. URL: https://www.kommersant.ru/ doc/4501983 (accessed on: 18.08.2021).

The functioning of the institution of patents in Russia is also associated with significant administrative barriers and restrictions. Here is a typical story about bureaucratic sabotage, as told by the head of one of the research institutes at the Southern Federal University: "Several large companies in our pharmaceutical industry, which are ... in foreign hands, want to buy our patents. ... To the Ministry of Education's credit, they allowed the sale of patents. But the Ministry of Health said emphatic no. It turns out that in all the years of its existence, the Ministry of Health has never sold a single patent. They haven't sold any, not because there are no offers, but because there are officials sitting there, none of whom ... want to put their signature on it. He'll put his signature there, and tomorrow he'll be accused of allowing intellectual property to be sold. That's why the official does not put his signature" (member of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don).

Thus, the existing administrative and managerial "rules of the game" rather hinder the commercialization of scientific developments than help them. After all, in the Russian system, the institution of intellectual property protection is built into the existing institutional structure, where loyalty to the government is more important than innovation.

Conclusions from the discourse analysis and their limitations. The review of the collected materials leads to the conclusion that the poor quality of public management of Russian innovation system is the main obstacle to its development. Virtually all of the analyzed interviews constantly rebuke state bureaucrats and managers who do almost everything "wrong". The government creates such "rules of the game" for business that the demand for innovations is extinguished by the demand for political rent-seeking. It monopolizes the management of innovations, pushing more competent academic circles away from it. It replaces expanded reproduction of scientific research personnel with expanded reproduction of reporting documentation. It discourages the real patent activity of inventors. In a word, it is possible to raise the question of what really exists – the Russian innovation system or the Russian counter-innovation system.

At the same time, there are considerations that cast doubt on the unconditional objectivity of the conclusion that failures of public management of Russian innovation system are the main and almost the only "causers" of its modern "not quite" successful development.

In recent years, a new scientific trend called a narrative economic theory (Narrative Economics) has been gaining popularity in foreign economic science. Narratives are popular images (stereotypes, "stories", memes), under the influence of which people make decisions in everyday life.

Narrative economists are taking another step away from the once familiar image of the decision-maker as a rationalist who knows precisely and constantly compares the benefits and costs of alternative behaviors. Modern economists are getting closer and closer to the model of human behavior familiar to sociologists – the individual's desire to be guided by generally accepted standards in his social environment. This is why Western economists' attention to "narratives" bears a striking resemblance to sociologists' trivial desire to find out, through surveys or interviews, what values/patterns/standards people are really guided by in their everyday lives. When economists say that in order for new narratives to become meaningful for shaping the rules of social behavior, they must go "viral" [Shiller, 2019], from a sociologist's perspective we are talking about the ordinary spread of the popularity of a new cultural practice. Accordingly, the study of narratives for information about practices and rules that economists call for is the banal discourse and content analysis of media texts and interviews that sociologists have been doing for almost a century.

However, the narrative economics has an important aspect that has innovative implications for sociologists as well: economists emphasize that the evaluations and patterns expressed in popular narratives often do not correspond to objective reality. In order to demonstrate the destructive role of narratives, R. Shiller, American economist, gives the following example: over the last half-century there was only one period of fast growth in the Western real estate market, on the eve of the 2007–9 Great Recession, and there were no objective indicators at its core; the unknown factor that triggered the boom, speculation bubble and crisis, was exactly the popular stories about hyper-profitable real estate investments [Shiller, 2019]. "The blame"

for false narratives can be placed on both the spontaneous "madness of the crowd" and the deliberate manipulation of public consciousness by professional marketers and political technologists. The idea of "virality" of *false* narratives (stereotypes) emphasized by supporters of Narrative Economics thus reveals fundamental limitations of the methods of discourse and content analysis, which have recently been gaining popularity among domestic social scientists.

If we look at the opinions about the inhibition of Russian innovations by the "bad" government as a popular narrative, a stereotype of public consciousness, then the objectivity of the collected evidence becomes questionable. Moreover, the expert scientists involved in the production of innovations are themselves representatives of a certain social group, whose interests were described by L.A. Artsimovich, Soviet physicist, with the aphorism: "Science is the best way to satisfy personal curiosity at public expense." Of course, research scientists have a civic awareness, but to what extent do they condemn bureaucrats particularly as citizens and not as privilege-seeking meritocrats who take up and replicate "stories" that benefit them?

Among the above interview "stories" there is at least one that is a glaring example of false narratives. This is the story of the "Protons", which were supposedly successfully produced until the bureaucrats wished to take away a piece of valuable Moscow land. In fact, in 2019 Khrunichev design bureau was indeed moved from Moscow to Omsk, and in the same year the "Protons" were taken out of production. However, the decision to abandon their production was made back in 2018 due to a series of previous accidents. With such a presentation, the a priori harmfulness of the bureaucrats managing innovation studies is no longer obvious. Another example of dissonance between the usual narrative and reality is an interesting discussion by M.V. Feigelman, the outstanding physicist, on the peculiarities of the geography of modern Russian science. "Naturally, it is largely concentrated in Moscow and Moscow region...", this expert testifies. "[However,] a number of anomalies are striking, for example, in chemistry. A great proportion of chemical scientists are concentrated in the gigantic Moscow academic institutes. But if you look at where any notable scientific production comes from, it turns out to be the Urals and Siberia." And the Urals and Siberia is primarily Tyumen, the center of the Russian "oil industry". Since modern applied chemistry is largely petrochemistry, the expert actually notes the attraction of the center of scientific and technological innovation to the center of the corresponding business. This contradicts the popular opinion that Russian business, due to poor public management, does not generate demand for innovations at all.

It should be borne in mind that the thesis, which goes back to T. Hobbes' "Leviathan", about the government imposing only ineffective "rules of the game" on society, is itself a hyper-popular "narrative", and it is not only liberal and left-wing political oppositionists who propagate it in today's Russia. Those who lived through the 1980s and 1990s remember that when a very similar idea "seized the masses" and became an "arm of flesh" 30 years ago, its practical implementation was "not very" successful.

Apparently, in addition to the failures of government regulation under a particular political regime, there are deeper reasons associated with the specifics of the institutional environment of the Russian economy, due to which these failures have become a sad national tradition. Their identification and analysis require a separate study. At a very first approximation, we can only assume that a very important role is played by national traditions of values and culture, which welcome orthodoxy rather than the search for novelty. We are talking about a shift in the analysis of obstacles to innovations from formal institutions created by the state to informal institutions formed by the national mentality. V.L. Tambovtsev, the leading Russian economist-institutionalist, has already expressed the idea that "in order to formulate recommendations

⁷ "There is practically no real high tech in Russia." Mikhail Feigelman, Deputy Director of the Institute of Theoretical Physics of the Russian Academy of Sciences, on the society lagging behind the science // Ogonyok. 2019. 17 June. No. 23. P. 30. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3998209 (accessed on: 18.08.2021).

regarding the use of national or regional culture features to influence innovation processes, it is necessary to understand how subjective standards of real and potential actors of these processes are arranged" [Tambovtsev, 2018: 84–85].

In any case, when analyzing the "attitude towards innovators, existing in the society" that L. Graham wrote about, it is in no event possible to dwell on the statement of the claims of innovator scientists to bad public administration. These claims are certainly not without reason, but the analysis needs to be broader and deeper.

REFERENCES

- Auzan A.A., Komissarov A.G., Bakhtigaraeva A.I. (2019) Sociocultural Restrictions on the Commercialization of Innovations in Russia. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. Vol. 14. No. 4: 76–95. (In Russ.)
- Bychkova O.V., Gladarev B.S., Kharkhordin O.V., Tsinman Zh.M. (2019) Fantastic Worlds of Russian Hightech. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Dezhina I.G., Medovnikov D.S., Rozmirovich S.D. (2019) State Support of Small Innovative Companies by the Fund for Assistance to Innovations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 110–119. DOI: 10.31857/S0132162500074474. (In Russ.)
- Graham L. (2014) Will Russia be Able to Compete? A History of InnovationS in Tsarist, Soviet and Modern Russia. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
- Kliucharev G.A., Chursina A.V. (2021) Hightech Industries for an Innovative Economy: Expert Opinions. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 1: 68–83. DOI: 10.22363/2313227220212116883. (In Russ.)
- Klyucharev G.A., Didenko D.V., Latov Yu.V., Latova N.V., Sheregi F.E. (2016) *Education, Science and Business in Creating Intelligent Environments*. St. Petersburg: NestorIstoriya. (In Russ.)
- Latov Yu.V., Latova N.V. (2014) The Formation of Technology as a Highest Stage of Development of the Science. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Science and Contemporary World]. No. 5: 142–156. (In Russ.)
- Lundvall B.Å. (2016) Innovation as an Interactive Process: From User–Producer Interaction to the National Systems of Innovation. In: *The Learning Economy and the Economics of Hope*. New York: Anthem Press: 61–84.
- Metcalfe J.S. (1995) Technology Systems and Technology Policy in an Evolutionary Framework. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 19. No. 1: 25–46. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035307. Nelson R.R. (2018) *Economics from an Evolutionary Perspective. In: Modern Evolutionary Economics: An Overview.* Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press: 1–34.
- Nichols T. (2019) The Death of Expertise: The Campaign against Established Knowledge and Why it Matters. Moscow: Bombora. (In Russ.)
- North D.C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. World Development. Vol. 17. No. 9: 1319–1332. DOI: 10.1016/0305750X(89)900752.
- Polanyi M. (2012) Personal Knowledge. London: Routledge.
- Report "Continuing Education and Knowledge-intensive Industries: Institutions and Practices of Interaction". (2018) Based on the Results of a Scientific Project Carried out with the Support of the Russian Science Foundation (No. 161810420). URL: https:// obrazovanie_i_naukoemkie_proizvodstva_2018_final.pdf (accessed 18.08.2021). (In Russ.)
- Savinkov V., Popov M., Klyucharev G. (2021) Innovative Enterprises in Universities: Issues of Integration with the Real Sector of the Economy. Moscow: YURAIT. (In Russ.)
- Shiller R.J. (2019) Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Tambovtsev V.L. (2018) Innovations and Culture: Importance of the Analysis Methodology. *Voprosy Ekonomiki*. No. 9: 70–94. DOI: 10.32609/00428736201897094. (In Russ.)
- Volchik V.V. (2020) Narratives and Understanding of Economic Institutions. *Terra Economicus*. Vol. 18. No. 2: 49–69. DOI: 10.18522/2073660620201824969. (In Russ.)
- Volchik V.V., Koryttsev M.A., Maslyukova E.V. (2019) Institutions and Ideology of Managerialism in Higher Education and Science. *Upravlenets* [The Manager]. Vol. 10. No. 6: 15–27. DOI: 10.29141/2218500320191062. (In Russ.)

Sociology of family

© 2021

A.B. SINELNIKOV

DEMOGRAPHIC TRANSITION AND FAMILY-DEMOGRAPHIC POLICY

Alexander B. SYNELNIKOV, Doctor of Sociology, Professor, Department of Family Sociology and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (sinalexander@yandex.ru).

Abstract. Proponents of the popular demographic transition theory acknowledge that the transformation of the social institution of the family has led to depopulation in Russia and in many other countries, and will lead to the same consequences worldwide in the future. They claim that depopulation will stop at some point, but do not explain how or why this will happen. Adherents of this theory view changes in the social institution of the family, including the decline in the number of children, not as a crisis, but as an irreversible modernization. The conclusion is made that any attempts by the state to increase birth rate are ineffective, so family-demographic policy cannot be based on the demographic transition theory. Such a basis can be provided by the concept of the institutional crisis of the family, which recognizes the possibility of overcoming this crisis and indicates ways out. Family-demographic policy should contribute to an increase in the number of legal marriages, a decrease in the number of divorces, an increase in the birth rate and the preservation of the connection between generations. Measures to reduce mortality rate and regulate migration are necessary, but do not solve the problem of depopulation and are not part of family-demographic policy.

Key words: demographic transition • birth rate • mortality rate • depopulation • social norm • marriage • cohabitation • voluntary childlessness • family crisis • family-demographic policy

DOI: 10.31857/S013216250017619-3

This article is a translation of: Синельников А.Б. Демографический переход и семейнодемографическая политика // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 10: 83–93. DOI: 10.31857/S013216250017168-7

The original research was completed under the sponsorship of the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 2051100020.

Demographic transition theory. In 1945, F. Notestein, American demographer, called "the demographic transition" a change in the regimes of population reproduction, i.e. the transition from sharp fluctuations of population size with high uncontrolled death rate and high unregulated marital birth rate to stabilization as a result of a more stable equilibrium between low controlled mortality rate and low regulated birth rate [Notestein, 1945]. Until the end of the first stage of the transition, the population increased when there were no crop failures, wars, or epidemics, but fell sharply because of these frequent cataclysms, and then recovered after them. Society balanced high uncontrolled mortality rate with high nuptiality rate and marital birth rate, the limitation of which through contraception and abortion was considered sinful.

In the second stage, mortality rate began to decline, but birth rate remained high. This led to a "demographic explosion" – in Russia and all of Europe from the 18th century to the 1920s, in Asia and Africa from the 1950s to the 1980s, subsequently there also came the third stage, in which this was created. For the first three stages, it explained the past and the present, and for the fourth, it predicted the future. The prediction did not come true.

In the third stage, because of the decrease in infant mortality rate, the birth of "spare" and "replacement" children almost ceased. Since the decline in birth rate is also influenced by other factors that remain in force (including urbanization, the prolongation of schooling, that is, the period when parents must provide for children, the mass involvement of women in wage work outside the home, the reduction in the strength of marriage and its replacement by cohabitation, the development of a pension system that allows old people to live without cash assistance from children), one should not have expected birth rate to stabilize at the same level as death rate. According to demographic transition theory, this equilibrium should have come at stage four, which was thought to be the last stage. But this stage turned out to be just the point of intersection of birth rate and death rate curves, after which the fifth stage came, i.e. depopulation, not envisaged by this theory.

It is not necessary for the level and pattern of employment among women to become the same as among men in order for the birth rate to fall below the death rate. In West Germany, for example, depopulation began as early as 1972, when many married women of active reproductive age did not work, also because their husbands were earning enough. At that time in Russia, the vast majority of families even with one or two children could live more or less comfortably only on two salaries. Almost all women of working age were working or studying. After the transition to a market economy, in many families the husbands' incomes became sufficient for a normal life. Their wives may be housewives, but often still work. For men, salary is what matters most when looking for a job. For women it is often more important to have a job close to home and to be able to combine it with family life [Shevchenko, Shevchenko, 2019]. Many of them earn less than their husbands, but enough to make a living without them if the marriage fails.

During the 1992–2020 period, the number of births in Russia was 15 million¹ fewer than the number of deaths, more than the direct population losses in the RSFSR during the Great Patriotic War². In the 2010s, natural population decline was already taking place in Europe as a whole, as well as in Japan. According to one of UN forecasts, depopulation will cover the entire world by 2055 [World Population..., 2019]³. However, many adherents of the demographic transition theory believe in the coming stabilization of the population, but do not explain when and how this will happen (Fig.).

Demographers R. Lesthaeghe in Belgium and D.J. Van de Kaa in the Netherlands concluded that the theory of the four stages of the demographic transition explains only the "first transition". For the fifth stage they developed the "second demographic transition theory" [Lesthaeghe, 1994; Van de Kaa, 1987]. It became very popular. In Russia, the leader of its supporters was A.G. Vishnevsky, Director of the Institute of Demography of the National Research University Higher School of Economics. He considered the second transition as one of the stages of a single demographic transition, and the two theories (first and second transition) as stages of development of the same theory [Vishnevsky, 2019: 97]. But there are also critics of this theory among sociologists and demographers [Klupt, 2010; Antonov, 2020].

¹ Calculated by: *Demograficheskiy yezhegodnik Rossii*. Demographic Yearbook of Russia. 2019: Statistical Handbook / Rosstat (Federal State Statistics Service). Moscow, 2019. P. 80–81. (In Russ.) URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod2019.pdf (accessed on: 23.07.2021); Natural movement of population of the Russian Federation for 2020. (Statistical Bulletin). Moscow: Federal State Statistics Service, 2021. P. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269 (accessed of: 12.06.2021).

² Velikaya Otechestvennaya voyna. Yubileynyy statisticheskiy sbornik. The Great Patriotic War. The Anniversary Statistical Handbbok. / Rosstat. Moscow, 2020. P. 268. (In Russ.)

³ This UN publication gives not only population projections for all countries of the world until 2100, but also indicators of birth rate, death rate, positive (or negative) natural or migration balance for the same countries since 1950.

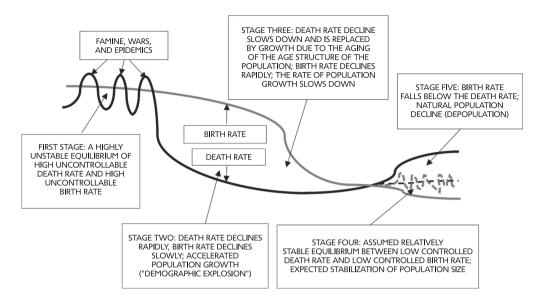

Figure. Stages of the demographic transition

Note. The dotted lines show the assumed dynamics of total birth rate and death rate factors in the fourth stage of transition.

According to Van de Kaa, "Behind the 2nd transition is a dramatic shift in norms toward progressiveness and individualism, which is moving Europeans away from marriage and parenthood. Cohabitation and out-of-wedlock fertility are increasingly acceptable; having a child is more and more a deliberate choice made to achieve greater self-fulfillment ... Only measures compatible with the shift to individualism might slow or reverse the fertility decline, but a rebound to replacement level seems unlikely and long-term population decline appears inevitable for most of Europe" [Van de Kaa, 1987: 1].

Before the "second transition" only the "natural family" was recognized as corresponding to social norm [Carlson, 2003: 32–40], i.e. spouses with children. "Old maidens" and childless couples were considered "inferior", and mothers of "illegitimate" children and divorced es persons, if the divorce was caused by their adultery, were considered as an "immoral". Nowadays, social norms of personal and family life are more liberal. In the second stage of transition, customs obliging one of the adult children to live near their parents and take care of them have become a thing of the past. Having children was no longer a guarantee against lonely old age. In the third stage, abortion and contraception became socially acceptable, but singlehood, cohabitation, births outside marriage and voluntary childlessness of couples were still considered deviations from the norm, and divorce was recognized acceptable only as a reaction of one of the spouses to flagrant violations of family life rules committed by the another spouse.

In the fifth stage, i.e. already in the era of the "second transition", almost all traditional social norms related to the formation and disruption of families withered away. Society has recognized that voluntarily childless couples are no worse than couples with children, and cohabitants are equal to legal spouses in everything. Divorce, even where there are children, began to be considered as a normal occurrence [Vishnevsky, 2014: 20], including when the abandoned spouse was not guilty of anything and tried to keep the family together. It has become a popular opinion that children in single-parent families are brought up no worse than in families with two parents [Gurko, Orlova, 2011].

If people decide to have a child not because society demands it, but for the sake of self-fulfillment, it can be achieved in other ways – for example, through a career, which is hindered

by children, at least for women. That's why there are so many childfree people. In liberal Western society, the choice of any path of personal and family life is considered as one of the basic individual rights. This has led to mass voluntary childlessness.

"Compensation" for depopulation by the influx of immigrants from countries with higher birth rates has led to civilizational conflicts between them and the local residents.

When society demanded that all healthy people except monks, nuns, and priests who had taken vows of celibate marry and have children, the vast majority of men and women did so. The birth rate of their families compensated for the childlessness or few children of those who had other types of families or were single. There are always people who are unable or unwilling to comply with this social norm (as with any other norm), but they are relatively few. When the norm loses validity, this minority gradually turns into a majority, and spouses with children become a minority that no longer compensates for the low birth rate.

Separation of Marriage from Parenthood and Fatherhood from Motherhood. Changing social norms have led to a separation of marriage from parenthood. This is evident, for example, in liberal attitudes toward childfree. Around the world, including Russia, this word is already clear to everyone without translation. The attitude towards them can be judged by the data of the international European Social Survey (ESS), in which Russia also took part⁴. According to the data of the third round of the ESS, conducted in 2006 (ESS-2006), in ten Western European countries (Austria, Belgium, Switzerland, Germany, Great Britain, Ireland, the Netherlands, Norway, Finland and France) combined, only 18% had a negative attitude towards the childfree. In Russia, on the contrary, only 18% did not disapprove them. According to the ninth round of the ESS (ESS-2018), in these ten countries the level of social acceptance for the childfree reached 88%, and in Russia – 32%, i.e., it almost doubled in 12 years. The share of those who are neutral about voluntarily childless has increased from 15% to 21%, and 11%, rather than 3%, have begun to approve their choice.

The liberalization of attitudes toward voluntary childlessness is accompanied by an increase in the share of childless people, including in the post-reproductive age. In Russia, their share has increased from 8% in generations born before 1958 (in 2018–60 years old and older), to 10% in generations born in 1959–1973 (in 2018 they were 45 to 59 years old). In ten Western European countries, the proportion of childless people in the same generations rose from 14% to 20%⁵. This is twice as much as in Russia. Since Russia also have childfree among 10% of childless people, it is very likely that in European countries there are more of them than people who do not have children because of health problems.

From 1976 to 2016, A.I. Antonov conducted a number of sociological studies using the semantic differential method and found that "the profile of the "0 children" object, shifted in the past to the negative part of the scale, in 2000–2016 began to move toward the positive pole" [The Family-Children..., 2018: 128–129]. Not only marriage and parenthood are separated from each other, but also the two sides of the latter – fatherhood and motherhood. In the past this was usually caused not by the anti-family behavior of the father or mother, but by the death of one of them. The fifth stage is characterized by a pluralism of socially acceptable family types. The number of "natural families" has reduced. The birth rate in them can no longer compensate for the lower birth rate among the women living in other types of families or having no family.

Even if we refer only to families with children, their structure by type has changed greatly. Due to the decrease in death rate, the number of widows and widowers with children, as well as step families with a stepfather or stepmother replacing deceased parents, has decreased. However, nowadays there are many single and divorced mothers with children, as well as families with

⁴ Every two years, starting from 2002 (in Russia since 2006), a new round of the ESS is conducted during which from 1,000 to 3,000 respondents are interviewed in each of the countries participating in the ESS project (in Russia – about 2,500). See URL: www.europeansocialsurvey.org. The ESS database is publicly available in Russian at http://ess-ru.ru (Russian Social Survey under the European Social Survey program), and in English at http://nesstar. ess.nsd.uib. no/webview, with the possibility to build tables online.

⁵ Calculated by the author according to ESS2006 and ESS2018 microdata base.

Number of ever born children per 100 women of a given marital status

Table	

Number of children Total

	(in %)				TOtal	number	
	0	1	2	3 or more		of children per 100 women	
Total number of children born per 100	won	nen (	aged	40–44			
In the first registered marriage	3	37	45	15	100	177	
In the first unregistered marriage	18	46	26	10	100	136	
Never married	57	37	5	1	100	51	
In a registered remarriage	5	23	48	24	100	198	
In an unregistered remarriage	5	48	32	15	100	169	
Not married, but were in a registered marriage before	9	56	28	7	100	135	
Not married, but were in an unregistered marriage before	28	51	18	3	100	95	
All with experience of termination of marriage, including remarried and not remarried	9	50	31	10	100	146	
All women	11	44	34	11	100	148	
of them:	3	34	46	17	100	181	
women in a registered first marriage and remarriage							
Expected and desired number of children for women aged 18–44							
Expected number of children ("How many children (including those you have now) do you plan to have?")	3	25	44	17	89*	188	
Desired number of children ("How many children in total (including those you have now) would you like to have if you had all the necessary conditions for that?")	2	17	48	27	94*	215	
Distribution by the total number of children necessary for a simple replacement (as per A.B. Sinelnikov's calculations)							
In a registered first marriage or remarriage	3	12	40	55	100	256	

Note. *The sum of percentages is less than 100% due to the fact that some respondents found it difficult to answer these questions.

Sources: author's calculations based on data from RPP2017: Observation Results: Sample Observation of the Reproductive Plans of the Population in 2017 // Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/reports.html (accessed on: 15.07.2021); see also: [Sinelnikov, 2019: 27–28].

a stepfather and an alive father. Many women give birth "for themselves," not only without husbands or cohabitants, but also without permanent partners, without living together with them. The behavior of women who deliberately (rather than because they were deceived by "seducers" who promised to marry them) separate their motherhood from fatherhood and marriage is consistent with current social norms, but it limits the reproductive and educational functions of the family.

The vast majority of mothers who have never been married have one child (Table). He has no experience with siblings. If it is a son, he will not present himself as a husband or father when he becomes an adult because he has not seen relevant examples in the family during his child-hood years. If it is a daughter, she sees motherhood without fatherhood in her childhood and does not see marriage at all. It will be difficult for her to imagine herself as a married mother. Motherhood is being separated from fatherhood also by those women who believe they can properly raise children without a father and therefore decide to divorce their husbands, not only because of their cheating, drinking or lack of care for the family, but also because "love has finished". Husbands abandoned through no fault of their own are often good fathers.

According to a study conducted by the Department of Sociology of the Family and Demography at the Sociology Faculty of Moscow State University in 2018–2019 using quota sampling, 71.2% of 2489 respondents believe that a wife has a moral right to divorce an unloved husband,

even if they have children; 68.6% responded that a husband has a moral right to divorce an unloved wife. This reason for divorce has become a respectful reason in an individualistic society where the personal interests of the spouse who destroys his or her family take precedence over the interests of the children and the other spouse who is not at fault in any way.

Having a stepfather come into the family can create problems for the children, especially if the wife has left for another man who is unable to replace a good father. Many mothers prevent children from meeting their fathers who pay alimony, do not initiate divorce, and suffer from forced separation from their children [Shevchenko, 2019: 194, 203–232].

Average number of children in families of different types. According to data from RPP2017, a sample observation of the reproductive plans of the population conducted by Rosstat in 2017 and covering 15021 respondents in reproductive ages - men who were 18-60 years old, and women who were 18-44 years old, in 81 of 85 subjects of the Russian Federation at any marital status per 100 women who were 40-44 years old and for whom the number of children born can already be considered a final, this number is much lower than the level of simple generational replacement (256 children per 100 women in a registered marriage). The total number of children in couple families based on legal first marriage or remarriage is most often equal to two, in couple families based on "unregistered" marriage or remarriage, as well as in single-parent families - to one. Many children are born in remarriages [Zakharov et al., 2016], but not many divorcees remarry. According to RPP2017, "among women who were 18-44 years old with experience of terminating their first marriage, only 19% had new legal husbands, and 12% had 'common-law' husbands" [Sinelnikov, 2019: 29]. The incomplete compensation of divorces by remarriages is sometimes explained by the fact that the status of the divorcees is often temporary - not all enter into a new marriage immediately after divorce [Churilova, 2015: 81]. But remarriages are also not always lifelong - they break up no less often than the first ones [Population of Russia 2013, 2015: 76–77]. Many divorcees "steal" other people's husbands and wives, which makes their former spouses divorced.

Per every 100 women whose first marriage ended at some point (regardless of their marital status at the time of the survey), 146 children were born, significantly less than for those who remain in their first legal marriage up to exit from reproductive age (177:100). The negative impact of post-divorce singleness on the final number of children for the majority of women who survived the breakup of their first marriage far outweighs the positive effect of having children in legal remarriages for those few who not only remarried but also did not divorce their new spouses. Even in this group, however, there are only 198 children per 100 women. Unregistered remarriage does not have such a positive effect either – the final number of children per 100 women with this marital status (169) is lower than for 100 women in their first legal marriage (177). More than half (53%) of women 40–44 years old who are in unregistered remarriage either have no children at all (5%) or have only one child (48%). Nine out of every ten of their only children were born not from that marriage.

Only 13% of women who have legal husbands postpone having children because they are unsure about the strength of the relationship, but among those in unregistered marriages this proportion reaches 46% [Sinelnikov, 2019: 28–34]. These same doubts also keep people from registering their marriages. In an individualistic society, cohabitation has clear advantages over marriage. It is socially acceptable, but it does not create the obligations associated with legal marriage. In order to avoid complicating their lives, many people prefer childlessness. In terms of achieving the goals for which a family is created (getting rid of loneliness, achieving happiness, having children), cohabitants are between single people and legal spouses [Sinelnikov, 2018: 108]. But this intermediate position is not always identical to the transitional one. According to RPP2017, even if a child is born, only 38% of men and 35.8% of women in unregistered marriages intend to surely register this marriage⁶.

⁶ Observation Results: *Itogi vyborochnogo nablyudeniya reproduktivnykh planov naseleniya v 2017 godu*. Sample Observation of the Reproductive Plans of the Population in 2017 // Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/reports.html (accessed on: 17.08.2021). Table 11: Intention of women in unregistered marriages to register it; Table 12: Intention of men in unregistered marriages to register it. (In Russ.)

Ways Out Of Depopulation. According to proponents of the demographic transition theory, depopulation saves the world from overpopulation [Vishnevsky, 2014: 23–24]. However, after the population decreases to an economic or ecological "optimum," its size will stabilize only when at least 55% of married women give birth to three or more children in their lifetime. According to RPP2017, only 27% of women would like to have so many children, given all the necessary conditions (see table). Even if their need for children will be fully realized, generational replacement will be quite incomplete.

Birth rate depends not only on economic factors. Therefore, birth rate cannot be substantially increased only by means of financial assistance to families with children. This assistance should be increased, but it affects only the degree of realization of the need for children, not the need itself, and stimulates only the birth of children in already existing families, not the creation of new "natural families". The number of legal marriages is decreasing. They are being replaced by "common-law" marriages, where the average number of children is much lower than that of legal spouses (Table). Little is done to prevent divorces.

Many people prefer cohabitation, realizing that even if they are good husbands and wives, their spouses can dissolve the marriage on their own volition and demand the division of the apartment and other property. The Family Code of Russian Federation (Articles 40–44) allows entering into a-marriage contract on regarding to common, personal or shared ownership of all or certain types of property (an apartment, house, car, etc.). If there is no contract, community property acquired during the marriage shall be considered to be common and subject to division after the divorce. The number of agreements is growing, but most couples do not conclude them yet, for fear of offending the bride or groom with mistrust. If the marriage cannot be registered without contract, there is nothing to be offended about.

When one spouse requests a divorce without the consent of the other, but fails to prove that the other spouse has violated the basic rules of family life, the initiator of the divorce should be recognized as the culprit and this should be taken into account when deciding on the division of property and who the children will stay with. If these amendments were made to the Family Code, there would be more marriages and fewer divorces.

According to the author's calculations, the probability of a son's death in the lifetime of the mother is 24%, in the lifetime of the father – 14%. The probability of a daughter's death in the lifetime of the mother is 10%, in the lifetime of the father – $6\%^7$. Until the nineteenth century inclusive, this risk was perceived by parents as an imminent and real danger. They lost mostly small children, since infant mortality rate was very high. That is why families had many children "just in case". If they died, it was "compensated" by new births. Nowadays, the majority of those who died while their parents were alive are over 40 years old. Such a distant perspective goes beyond the family's horizons. But if media reports on accidents frequently would mention the deaths of the only children of any age (and there are many such tragedies), then parents with only one child will realize how much they are at risk. In the republics of the North Caucasus, many families give birth to several daughters until a son appears. This was the case all over Russia before the revolution. Nowadays the gender of children is no longer as important to parents. But if, following the example of the popularization of ideas of gender equality, one propagates having children of both genders in every family, and society accepts these ideas, then a family would need at least two children. If they are of the same gender, more children will be born. The resulting average number of children would be sufficient to way out of depopulation.

The intergenerational bond should not be allowed to weaken. The number of childfree people is particularly high in Western countries, where parents were once taken care of by older sons who inherited all their real estate. The abolition of primogeniture right and the withering away of related with these laws informal social norms have removed this incentive. Almost

⁷ Calculated by: *Demograficheskiy yezhegodnik Rossii*. Demographic Yearbook of Russia. 2019: Statistical-Handbook / Rosstat (Federal State Statistics Service). Moscow, 2019. P. 80–81. (In Russ.) URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod2019.pdf (accessed on: 23.07.2021).

all adult children began to leave their parents families. With no hope of their help, the elderly chose nursing homes. Fear of lonely old age no longer encourages people to have children. This is partly why many people decide never to have any children.

The generational bond in Russia is stronger than in the West. It is very important for families to have grandmothers to help take care of their grandchildren. Firstborns are usually born while grandmothers are still working, but second and third children (the number of which determines generational replacement) are often born when grandmothers are retired. Because of the rising retirement age, many families may refuse to have them. Grandmothers caring for multiple grandchildren in the same family should be allowed to retire at age 55, or even earlier.

Conclusions. The demographic transition theory cannot be a scientific basis for family-demographic policy in Russia, since it this theory recognizes the instability of marriage and small number of children in most of modern families as irreversible and positive phenomena inseparable from the modernization of society. Proponents of this theory ("modernizers") consider this transition to be a progressive process that takes place all over the world, earlier in some countries and later in others. They do not deny that this process has already led to depopulation in Russia and many other developed countries, and that something similar will happen worldwide in the future, but they do not believe that family-demographic policy can raise birth rate to the level of mere generational replacement. Considering the world to be overpopulated, they view depopulation as a positive trend, but claim, without elaborating, that the population size will stabilize at some point [Vishnevsky, 2019].

"Demographic self-regulation and low birth rate" online discussion at the joint meeting of the Demographic Section of the Central House of Scientists of the Russian Academy of Sciences and the Scientific Seminar of the Institute of Demography of the National Research University Higher School of Economics "Demographic Challenges of the 21st Century" in November 2020, which was attended by A.G. Vishnevsky, A.B. Sinelnikov, A.I. Antonov, V.N. Arkhangelsky, V.V. Yelizarov, S.V. Zakharov, A.I. Raksha and other demographers and sociologists, showed that scientists who believe that depopulation will stop on its own ignore the data of sociological studies and demographic statistics, which testify the opposite, and do not provide any data to support their point of view.

Adherents of the demographic transition theory view this transition as a liberation of the individual from the pressure of social norms that prescribe marriage, no divorce without serious objective causes, and, most importantly, to have children. The withering away of these norms is viewed as a liberation of the individual from the pressure of society, i.e. as a positive trend [Vishnevsky, 2014]. The results of the demographic transition are assessed not by demographic, but by democratic criteria.

"Crisisists," i.e. proponents of the concept of the institutional crisis of the family, agree with "modernizers," or adherents of the demographic transition theory, about factors of birth rate decline and family transformation, including the leading role of individualism in the current stage of transformation. However, unlike the "modernizers," the "crisisists" believe that this individualism has taken extreme forms that are dangerous for society as a whole⁹. They assess the outcome of family transformation on the basis of whether a "modernized" family can fulfill its basic functions, i.e. to provide full generational replacement, as well as the proper upbringing and socialization of children. The reproductive function of the modern family has been weakened. This has led to depopulation. The performance of the upbringing function is hindered because many children grow up in fatherless families, which affects their socialization, including their preparation for marital and parental roles.

Proponents of the crisis concept recognize that the family crisis and the resulting depopulation are related to the transformation of society as a whole. Since the direction of this

⁸ See: Demoscope Weekly. 2020. No. 877–878. (In Russ.) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0877/ nauka01.php (accessed on: 18.07.2021); Demographic self-regulation and low birth rate [video record]. URL: https://youtu.be/1qGfHr1paxw (accessed on: 18.07.2021).

⁹ Radical individualism is also evident in the massive protests against measures to combat the COVID19 pandemic. Participants in these protests, especially in the U.S. and Western Europe, believe that these measures infringe on individual rights. The threat to the lives of others and to society as a whole has no meaning for them.

transformation remains unchanged, they do not believe that the institution of the family will revive by itself and that birth rate will increase at least to the level of mere generational replacement. This will require a comprehensive family-demographic policy aimed not only at increasing the birth rate, but also at stimulating legal marriages, preventing divorces [The Family-Children Way Of Life..., 2018: 436–522], and strengthening the connection between generations. There is a need for a demographic expertise of draft laws and regulations on socio-economic issues as to their possible demographic consequences. Those who drafted the pension reform did not seem to think that it could lead to a further decline in the birth rate.

Family-demographic policy measures are still being adopted and applied mainly by trial and error. The scientific basis for this policy may be the concept of the family crisis, which recognizes necessity and feasibility of such a policy, and indicates ways to achieve its goals. If the state and society want to survive, they will solve the problem.

REFERENCES

- Antonov A.I. (2020) The Collapse of Explanatory Schemes of Demographic Transition. In: Stepanov A.V., Troitskaya I.A., Chudinovskikh O.S. (eds) Strategic Tasks of Demographic Development: Priorities and Regional Features. The Tenth Valentey Readings: A Collection of Reports. Moscow: Ekon. ft MGU im. M.V. Lomonosova: 16–23. (In Russ.)
- Carlson A. (2003) Society the Family the Person: The Social Crisis of America. Alternative Sociological Approach. Moscow: Graal. (In Russ.)
- Churilova E.V. (2015) Structure and Wellbeing of Singleparent Families in Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3: 78–81. (In Russ.)
- Family and Child Lifestyle: The Results of a Socio-demographic Study. (2018) Moscow: INFRAM. (In Russ.) Gurko T.A., Orlova N.A. (2011) Development of Adolescent Personality in Varying Types of Family. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 10: 99–110. (In Russ.)
- Klupt M.A. (2010) Demographic Agenda for the 21st Century: Theories and Realities. Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]. No. 8: 60–71. (In Russ.)
- Lesthaeghe R. (1994) The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. In: Oppenheim Mason K., Jensen A.M. (eds) *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford: Clarendon Press: 17–62.
- Notestein F.W. (1945) Population the Long View. In: Schultz Th. (ed.) Food for the World. Chicago: University of Chicago Press: 37–57.
- Shevchenko I., Shevchenko P. (2019) Gender Features of Precarity. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 9: 84–95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0132162500066711.
- Shevchenko I.O. (2019) Fathers and Fatherhood in Current Russia: Sociological Analysis. Scientific monograph. Moscow: Trovant. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2018) Family and Marriage: Crisis or Modernization? Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal]. Vol. 24. No. 1: 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. (In Russ.) Sinelnikov A.B. (2019) Transformation of Marriage and Fertility in Russia. Narodonaselenie [Population]. No. 2: 26–39. DOI: 10.24411/15617785201900013. (In Russ.)
- World Population Prospects 2019. (2019) United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Dynamics. URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/ (accessed 20.07. 2021).
- Van de Kaa D.J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1: 1–59. Vishnevsky A. (2014) The Demographic Revolution is Changing the Reproductive Strategy of Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 1. No. 1: 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G. (2019) Demographic Transition and the Problem of Demographic SelfRegulation. Answer to A.B. Sinelnikov. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 4: 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820. (In Russ.)
- Zakharov S.V. (ed.) (2015) Population of Russia 2013: The Twenty-first Annual Demographic Report. NRU HSE. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Zakharov S.V., Churilova E.V., Aghajanyan V. (2016) Fertility in Higherorder Marital Unions in Russia: Does a New Partnership Allow for the Realization of the Twochild Ideal? *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 3. No. 1: 35–51. DOI: 10.17323/demreview.v3i1.1762. (In Russ.)

Sociology of youth

© 2021

S.I. POLIAKOV

WRESTLER MASCULINITY IN DAGESTAN AS A LOCAL HEGEMONY

Sviatoslav I. POLIAKOV – research staff member, Centre for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia (spoliakov@hse.ru).

Abstract. The article presents an analysis of the reproduction of hegemonic masculinity in the local context on the example of masculinity of freestyle wrestlers in the Republic of Dagestan. Based on the materials of semi-structured in-depth biographical interviews with current and former wrestlers, as well as with young Dagestan men who are not involved in wrestling practices, it is concluded that the male subjectivity cultivated in this sport is reproduced as hegemonic in the context of the entire Dagestan society. This occurs due to the following institutional and cultural instruments: the massification of freestyle wrestling, its importance as a talent factory for politics, the alliance of wrestling communities with religious elites, the function of freestyle wrestling as an institution to maintain power and control of the elders over the juniors in the conditions of decay of traditional society.

Keywords: hegemonic masculinity $\bullet$ Dagestan $\bullet$ freestyle wrestling $\bullet$ mass sports $\bullet$ power of elders

DOI: 10.31857/S013216250017618-2

This article is a translation of: Поляков С.И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 10: 116–124. DOI: 10.31857/S013216250015531-7

The original research was completed under the sponsorship of the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 1931190056.

Statement of the research question. Boys in Dagestan begin training in freestyle wrestling schools and classes at the age of 8–10. Some come to the sport under the influence of older brothers and friends from school and the yard; others are led into the sport by fathers. The award-winning champions of prestigious Russian and European competitions admitted that in their childhood they never thought about a wrestling career and were interested in less martial sports – soccer or volleyball – but were nevertheless *forced* to be engaged in wrestling.

In Dagestan, freestyle wrestling is perceived as a privileged institution of male socialization. Other martial arts – Greco-Roman wrestling, hand-to-hand fighting, boxing, unarmed self-defense or judo – can also be regarded as schools of courage, but are greatly inferior to freestyle wrestling in their reach and social prestige. It can be stated that in the context of modern Dagestan society freestyle wrestlers are a reference group that most fully embodies the local ideal of dominant masculinity, which, following Connell [Connell, 2005], we'll call hegemonic masculinity.

The consensus in gender studies [Messner, 1989; 1990; McKay et al., 2000; Connell, 2005; Wellard, 2009] is that institutionalized competitive sport in the context of the widespread decline of manual labor meets two basic needs of patriarchy by promoting dominance over women and

other men. First, it is in sport rather than anywhere else that dominance over women is naturalized and correlated with the social distribution of violence through the repression, construction and exaggeration of gender differences [Messner, 1989]. Second, training and competitions establish hierarchical relationships among men: the most successful receive recognition and authority, while the less capable are phased out in fierce competition [Connell, 2005].

As Connell explains [ibid.], hegemony emerges when there is a match between the cultural ideal and institutional power. This article aims to show how a particular configuration of social practices organized around wrestling classes and involvement in wrestling communities is maintained and reproduced in the context of Dagestan society as the most welcomed and privileged form of male subjectivity.

Hegemonic masculinity as a conceptual framework. It is well known that the term "hegemony" is borrowed by R. Connell from A. Gramsci, who used it to analyze the cultural instruments of legitimizing the domination of the bourgeoisie in capitalist society [Gramsci, 1991]. Without dwelling on the concept of hegemonic masculinity in detail, let us briefly outline its focal points.

Firstly, according to Connell [Connell, 2005], hegemonic masculinity can only be thought of in relations to articulated femininity and non-hegemonic versions of masculinity. The essence of hegemony lies in the legitimization of these relations – subordination, complicity, marginalization. Secondly, hegemonic masculinity cannot be reduced to a set of timeless attributes [ibid.]. Each cultural period exalts one form of masculinity over another. For example, today transnational business masculinity, which is institutionally based on multinational corporatism and the global financial market, dominates on a global scale [Connell, 1998: 3]. Thirdly, following the temporal variability, a logical step in the development of the conceptual framework was the recognition of the significance of the spatial context of gender practices. Hegemony is constructed at the local level, encompassing face-to-face iterations within families, organizations, and immediate communities, at the regional level, in the context of the nation-state, and at the global level, in the context of international politics, business, and media [Connell, Messerschmidt, 2005]. These levels are linked: "Global institutions put pressure on regional and local gender orders; while regional gender orders provide cultural materials adopted or reworked in global arenas and provide models of masculinity that may be important in local gender dynamics" [ibid.: 849].

Data collection and analysis methodology. The empirical material on which the article is based was collected during the case study of wrestling milieu in Makhachkala in March 2020 and June 2021. The case study combined a semi-structured in-depth interview method with non-included observations as well as non-structured conversations. The interlocutors were pupils of children's and youth sports schools and private classes, their parents and coaches, active and former professional wrestlers, men who continue to practice freestyle wrestling "for themselves". A total of 45 informants between the age of 12 and 55 were interviewed and talked to. The search was conducted in sports organizations (children's and youth sports schools, official and non-official wrestling classes), thematic communities of wrestlers in social networks. The researcher's personal networks, formed during repeated research expeditions to Dagestan in 2015–2017, and recruiting by the "snowball" method were also used.

The interview guide included questions about the life trajectory and various aspects of the informant's daily life (training, leisure, studies, work, family), as well as a series of questions allowing to reconstruct ideas about ideal masculinity (qualities of real men, acceptable/unacceptable behavior) and the gender order in general ("male" and "female" social positions, distribution of power and responsibility between genders in society, family, labor market). The observation method was used both to verify the information that was obtained in communication with the informants and to grasp the poorly reflected and unverbalized aspects of social reality. Observations were carried out in sports schools and classes, private gyms, and on the city public beach of Makhachkala, which during the summertime turns into a place of mass training.

Ten semi-structured biographical interviews with young men of the age from 17 to 25, collected as part of the "Positive fields of interethnic interaction and youth cultural scenes of Russian cities" project (RSF, Russian Science Foundation) by the Centre for Youth Studies of

the National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg) in 2016–2017 in Makhachkala, were used as an additional source. None of the informants was freestyle wrestler; they represent an external assessment of the status of wrestlers in Dagestan society and an outside view of wrestler masculinity (designated in the text – RSF).

The analysis of the data was carried out in the NVivo program, the method of analysis in general terms repeats the analytical logic of grounded theory – from the search for topics and codes of low level abstraction through their organization into categories to the systematic linking of all categories with a central category [Strauss, Corbin, 1997; Strauss, Corbin, 2001].

Mass Sports. The domination of freestyle wrestling in the regional sports landscape was the result of the sport specialization of the Republic that began to form in the 1960s-1970s. Victories of Dagestan wrestlers S. Asiyatilov, A. Aliev, Z. Abdulbekov contributed to the development of freestyle wrestling in the Republic simultaneously as a mass sport and a sport of setting records. During that period and subsequent years, a ramified system of mass training of wrestlers was created, which survived the collapse of the Soviet Union and to this day continues to prepare a large number of athletes who for many decades have been achieving impressive results both in Russia and abroad. Dagestan freestyle wrestling school produced 19 Olympic champions and 49 world champions. Many athletes, due to the high internal competition for a place in the national team, perform under the flags of other countries, while continuing to live and train in Dagestan. In Russia, more than 70% of skilled wrestlers are residents or natives of the North Caucasus, and this figure is even higher among the elite, approaching 100% [Brusov, 2012a]. The status of Dagestan as a homeland of champions is supported by a constant inflow of young people to wrestling classes and schools. In 2010, 29,769 freestyle wrestlers were trained at children's and youth sports schools and specialized children's and youth (sports) schools of the Olympic reserve in the Republic of Dagestan [Brusov, 2012b]. This estimate does not take into account the pupils of numerous classes organized at schools, universities and colleges, as well as numerous private gyms opened by coaches-enthusiasts and often working without official registration. From 2010 to 2019, the number of people enrolled in mass sports in the Republic increased more than sixfold, with growth observed in all age categories and in all sports¹. This is due to large-scale financial and infrastructural investments in the development of physical culture and sports. At the same time, it is known that due to the specialization of the region established back in Soviet times, support and financing of freestyle wrestling as the most promising area of training was a priority, while other areas were financed with whatever funds remain.

Despite the emerging competition from mixed martial arts in recent years, interest in freestyle wrestling remains high, which, in particular, is noted by all coaches: "Well, at that time there must have been a lot of children in the gym, and now we have a lot for that matter. And now we have a big flow. We have a lot of coaches who are not accepting newbies. And they close the admission, but anyway through their acquaintances, through their friends, people call and ask to take the kids. Because there is a lot of people there. In the morning at 8:15 a.m. many, maybe 120–130 people start training" (No. 1, 32)².

Mass participation is interesting to us not so much as a quantitative category, but as a certain condition where homosociality, formed around the practice of freestyle wrestling, has a compulsory force far beyond the sporting environment, extending to all male youth in the Republic. Elements of this compulsion we can see, for example, in the fact that the decision to engage in freestyle wrestling is often understood by informants as a Hobson's choice, taking the form of agreement with their gender destiny, which they label with the phrases "what else to do" and "there is nothing else".

¹ Website of the Territorial Body of State Statistics in the Republic of Dagestan. 2021. URL: https://dagstat.gks.ru/ (accessed on 15.05.2021).

² Hereinafter in brackets is the number and age of the informant.

The field data also shows that the practices, behavioral codes and symbols of freestyle wrestling are closely interwoven into the everyday life of Dagestan teenagers and young men, from wrestling duels at school recesses to the desire to copy the trappings of wrestling physicality: "At my school, I went to the school number eight, there was a boy who broke his ear on purpose. And, you know, how he got busted, that he broke his ear, not everybody blown his cover that he did it on purpose. Really, who'd break his own ear on purpose and wouldn't say he broke his ear on purpose. He just broke it in a way so that's just LOL" (No. 2, 23, RSF).

At the expense of the instruments of homosociality working to normalize and exclude the non-normative, the composition of gender practices, which has developed within the sports ideoculture and forms the core of wrestling masculinity, acquires universal significance: "An informant [the father of one of the trainees] said that a mass stratum of wrestlers has formed in Dagestan society, the wrestling ethos (he said "mob rules") has turned into a generally accepted system of values. Everyone finishes each other's sentences and instantly reads the status of a man. Everyone knows which wrestler is the real champion, and which one was just promoted by powerful sponsors or family" (observation diary entry, 07.06.2021).

Wrestling and Politics. The high prestige of wrestling masculinity is supported by the fact that in the eyes of many Dagestanis freestyle wrestling is seen as one of the few working means of social mobility: "[My brother] always made me sit that way, we always had conversations with him, he always talked to me like a psychologist. He told me, look, he said, if you want to achieve something, you have to practice. If you want an apartment, you practice. You want a car, you practice. You want to have a wedding, you want to go up in the world somehow, you practice" (No. 3, 30 s.).

It's not just about a purely competitive career. Due to the current configuration of relations between sports and authorities in Dagestan, victories on the mat often become a launch pad to a career in politics and power structures [Kolesnik, 2018: 394]. Champion status in Dagestan opens the door to prestigious sectors of employment associated with power and forceful domination: former athletes are elected to deputies, appointed to responsible positions in the state apparatus and regional authorities, invited to work in the police or the FSB (Federal Security Service) [Solonenko, 2012]: "Athletes are now the youth elite in Dagestan, in any case. If you are an athlete, your road is clear everywhere. We have young deputies in power now, etc., they are all athletes, it may be somehow related. Olympic champions, any door is open for you. You can become anything you want to be" (No. 4, 23, RSF).

The formation of this system began back in the Soviet period, when successful athletes often became deputies, heads of municipal formations and departments in the administrative agencies [ibid.]. Gym halls were and still are important platforms for the formation of informal alliances that play an important role in the functioning of power institutions in this region [Kolesnik, 2018: 402]. In the 1990s, the weakening of the state launched the process of forming new elites, and wrestling communities used the power and organizational influence they had to actively penetrate the structures of political and economic authorities, as well as the law enforcement agencies [Solonenko, 2012]. Since V.V. Putin came to power, the recruitment of athletes into the political elite has become a federal trend that defines the relationship between government and sports in Russia [Vladimirova, 2020]. For example, there are 17 former athletes in the 7th session State Duma, including two freestyle wrestlers: three-time Olympic champion B. Saitiev (Dagestan) and A. Taymazov (North Ossetia). Obviously, there is a connection between these practices and the political culture that has been formed in the Republic under the pressure of the central state institutions and is characterized by the exclusive role of the force factor in political and economic life [Sokiryanskaya, 2019]. Under these conditions there is a constant demand for the services of quasi-professional groups, whose main resource is real or potential violence. Wrestling communities are perhaps the most massive, cohesive and entrenched of such groups in Dagestan. In addition, the power resource they possess has a high symbolic value, since wrestlers defend the honor of Dagestan and Russia in the international sports arena. This is important to emphasize because there is an alienation of the ruling stratum from the rest of the population, the political leaders of the Republic, which consists of appointees from the federal center, is seen by many Dagestanis as an external administration, indifferent to local interests. The recruitment of wrestlers into the political elite is a tool to legitimize the latter.

Religiosity. Like many other social institutions, Dagestani sport in the post-Soviet period has undergone intensive Islamization. The mass exodus of young athletes to Islam in the early 2000s was encouraged and sometimes directly initiated by Islamic organizations and movements, such as the Muslim Spiritual Directorate of Dagestan. With political ambitions, they try to gain the power and reputational support of sports communities [Territory..., 2020].

The most obvious consequence of the alliance between religion and sports is the Islamization of the public image of the Dagestani male athlete, who, in addition to outstanding physical data, became considered to be obliged to appear demonstratively pious, attend mosques, and observe the Muslim dress code. One often hears from informants that "a strong iman (faith) creates a strong body." Along with the mosque, the gym is a space where religious experience becomes shared. It must have a prayer room and a room for prayer ablutions. Many informants in their interviews emphasize their religious education along with sporting wins: "Informant: And I finished the Quran long ago. I know the Quran by heart." Interviewer: "Yes, really?" Informant: "I know it". Interviewer: "And where did you learn it?" Informant: "I have a good teacher, he lived in Egypt for 10 years and learned the Quran there. He is a good man, a religious one" (No. 5, 14 l.).

Religion can perform the function of an ideology that legitimizes the dominant position that is achieved through the effective utilization of violence. Analyzing the contradictory relationship between violence and hegemony, Connell writes that violence is part of a system of domination, but at the same time it is a measure of its imperfection [Connell, 2005]. A carefully covert hierarchy would have less need for intimidation.

In Islamized Dagestan society, the status of a man consistently observing religion at least partially removes the problem of the moral precariousness of the right of the strong. At the same time, religious education gives wrestlers a reason to perform in alliance with religious elites, if not in a leading role, then at least as an equal partner. This claim, in particular, is expressed in the fact that well-known wrestlers (and representatives of other martial arts) often strive to act as moral authorities and simultaneously as defenders of the moral order, publicly—through social networks and the media—calling to combat manifestations of "depravity" and "vice," as well as exerting force on those who are considered carriers and propagandists of dissolute lifestyle and alien values: "I will even say more: they had a group in WhatsApp. I remember, all the athletes who were for morality in Dagestan were there. They were catching all kinds of singers who, in their opinion, were committing all kinds of depravity, well, indeed, the ones they were catching, they brought depravity, like, 'If you're going to perform again, we'll kick your head in, and they'll calm down'" (No. 6, 27, RSF).

The Power of Elders. Biographical cases in which the main motive for attending training is the will of the father or another senior relative (uncle, elder brother) demonstrate another important point: sports socialization is thought to be preferable for boys and teenagers because along with the ability to be a man it instills socially approved ideas about age hierarchy and supports the social control of older over younger ones outside the home space.

The social significance of this function of freestyle wrestling becomes clear from an analysis of the transformations that have affected Dagestan society over the past thirty years. The dismantling of the socialist system and planned economy here proceeded synchronously with the urbanization of the rural backwaters, which in Soviet times retained many elements of the traditional way of life based on law of custom [Bobrovnikov, 2001; Lytkina, 2010]. In the post-Soviet period, the collapse of enterprises and the challenging crime rate provoked an outflow of the urban population outside the Republic and a mass migration of highlanders to cities, mainly to Makhachkala [Starodubrovskaya et al., 2011]. Urbanization erodes the foundations of the traditional authority of the older over the younger, because under conditions of urban anonymity "traditional rural control by family and community is no longer able to operate" [Starodubrovskaya, Kazenin, 2014: 71]. The loss of control is articulated in fears that a teenager, left to himself, will be involved in high-risk scenarios of street masculinity, the implementation

of which is associated with violence, crime, alcohol and illegal psychotropic substances. In this context, freestyle wrestling classes are functional in terms of preventive isolation of the teenager from cliques and situations where these scenarios can be implemented. The intensive training schedule (twice a day on weekdays) does not leave athletes free time, which the "street" can claim: "That's the way it is in Dagestan. The people here are strictly educated. Since childhood, from the age of six, we know nothing but wrestling. Nothing extra" (No. 7, 17 s.).

Migration to the cities transforms traditional patterns of masculinity. Under urban conditions, the role of a breadwinner is implemented outside the home, which leads to the alienation of men from the household [Lytkina, 2013]. At the same time, rural women, as a rule, do not aspire to enter the urban labor market, continuing to be engaged in housekeeping and child rearing [Lytkina, 2010]. The forced feminization of the domestic field can cause moral panic about the fact that without fatherly control, boys fall entirely under the influence of the mother, resulting in a breakdown in their gender socialization. This necessitates the need for wrestling sections as homo-social communities that provide at least partial isolation of growing men from female influence and correction of their gender "program." "Well, let's say he comes to training, and you can see from the boy that he's pampered... that he's, how should I say, not stained by the street. He's not a beaten kid. You know what I'm talking about. A boy's supposed to be like... beaten, yeah. Sharp-toothed. Not a sharp-toothed boy at all. You can see that he grew up in a female collective, and they try to make a man out of him. There. They throw him in. And when he has his first encounter, when he communicates with them, he understands what kind of environment he is in. He understands whether it's worth staying in this fraternal family, should he become a part of this, let's say, wrestling family. And he makes some conclusions for himself. And if he passes his second or third training session, he basically understands that the guys are good. The guys are athletes, they are sensible, but they really want to make something out of me" (No. 8, 42 g.).

Wrestling narratives emphasize the family nature of wrestler homosociality. One often hears that all wrestlers, especially those who train in the same school or class, are "like brothers" to each other, and "the coach is like a father." Delegation of the fatherly role can even be formalized by means of a verbal ritual: "Some people come, it's your son they say, do whatever you want with him" (No. 8, 30 s.). Specifically, it implies that the coach, as part of the training process, is given the unconditional right to demand absolute obedience from his students and to use physical punishment against them. It is also recognized that in the gym space the coach's word takes precedence over the mother's. "Parents, one came to me, a woman was indignant, "Oh, what did you spank him for?" I had such a stick. "Why for did you do it to him," and there were mothers sitting there, too. I was saying, if you don't like it, take your boy, saying, and keep him at home, saying, under your skirt, saying" (No. 8, 29 l.).

The wrestling community is seen as an ideal family unspoiled by the effects of urbanization and modernization, where the transmission and assimilation of the role of the head of the family, central to traditional masculinity, who dominates women and younger members, is carried out. Thus, freestyle wrestling works to maintain (or retrofit) two basic pillars of the traditional gender order – the power of men over women and of the older over the younger. Symbolically, masculinity, which relies on these pillars, opposes both marginalized street masculinity and subordinated feminized masculinity.

Some conclusions. Turning to the research question, we can briefly outline the institutional and cultural instruments that give wrestling masculinity its hegemonic character. Firstly, the unprecedented massification of freestyle wrestling and its affirmation as a national sport for the peoples of Dagestan leads to the generalization of the ideal of masculinity and related practices. Secondly, thanks to the regular recruitment of wrestlers into the political elite wrestling masculinity is associated with social prestige, power and success. Thirdly, wrestlers' alliance with religious elites provides this option of male subjectivity with ideological legitimation in the context of an Islamized society. Finally, the wrestling is in demand in the conditions of the corruption of traditional society resulting from urbanization as an institution for maintaining the power of older men over younger men.

REFERENCES

- Bobrovnikov V.O. (2001) Hierarchy and Power in the Mountain Dagestan Community. In: *Races and Peoples*. Iss. 26. Moscow: Nauka: 96–107. (In Russ.)
- Brusov G.P. (2012b) Comparative Analysis of Freestyle Wrestling Condition in the NorthCaucuses Federal Region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 4: 12–15. (In Russ.)
- Brusov G.P. (2012a) Model of Sports Federation Activity on Development of Sport in Modern Social and Economic Conditions (the Case of Russian Wrestling Federation). Cand. Sci. (Pedagog.) Dissertation. St. Petersburg. (In Russ.)
- Connell R.W. (1998) Masculinities and Globalization. *Men and Masculinities*. Vol. 1. No. 1: 3–23. DOI: 10.1177/1097184X98001001001.
- Connell R.W. (2005) Masculinities. 2nd ed. Berkley; Los Angeles: California Univ. Press.
- Connell R.W., Messerschmidt, J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*. Vol. 19. No. 6: 829–859. DOI: 10.1177/0891243205278639.
- Gramsci A. (1991) Prison Notebooks: In 4 parts. Part 1. Moscow: Polit. litra. (In Russ.)
- Kolesnik N. (2018) "Oh Sport, You are the World": On the Interaction of Power and Sport in the Russian Regions. Vlast' i elity [Power and Elites]. No. 5: 387–417. DOI: 10.31119/pe.2018.5.14. (In Russ.)
- Lytkina T. (2010) Transforming the Gender Regime: An Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 2. No. 3: 96–125. (In Russ.)
- Lytkina T.S. (2013) Transformation of Traditional Masculinity in the Modern North Caucasus. In: Tartakovskaya I.N. (ed.) Ways to Be a Man: Transformations of Masculinity in the 21st Century. Moscow: Zven'ya: 235–249. (In Russ.)
- McKay J., Messner M.A., Sabo D. (eds) (2000) *Masculinities, Gender Relations, and Sport*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications.
- Messner M.A. (1989) Masculinities and Athletic Careers. *Gender & Society.* Vol. 3. No. 1: 71–88. DOI: 10.1177/089124389003001005.
- Messner M.A. (1990) When Bodies are Weapons: Masculinity and Violence in Sport. *International Review for the Sociology of Sport*. Vol. 25. No. 3: 203–220. DOI: 10.1177/101269029002500303.
- Solonenko M. (2012) Wrestlers for Power: Sports Communities and their Role in the Political Life of Dagestan. In: Karpov Y. (ed.) Society as the Subject and the Agent of Power: Essays on the Political Anthropology of the Caucasus. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie: 91–110. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. (2014) North Caucasian City: Territory of Conflicts. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 70–82. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V., Zubarevich N.V., Sokolov D.V., Intigrinova T.P., Mironova N.I., Magomedov G. Kh. (2011) The Northern Caucasus: A Modernization Challenge. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (2001) Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (eds) (1997) Grounded Theory in Practice. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Territory of Broken Ears: Why Freestyle Wrestling is So Popular in Dagestan. (2020) *Zapovednik* [Nature Reserve]. February 27. URL: https://zapovednik.space/material/territorijapolomannyh ushej (accessed 28.08.2021).
- Vladimirova A. (2020) Sport as a Part of the State Propaganda System in Russia. Reuters Institute Fellowship Paper; University of Oxford. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/ default/ files/2020 05 / Sportspropaganda. Final% 20Alexandra% 20Vladimirova.docx% 20%281%29.pdf (accessed 27.08.2021).
- Wellard I. (2009) Sport, Masculinities and the Body. London: Routledge.

XXIII Kharchev readings

© 2021

V.I. DUDINA

"REASSEMBLING SOCIOLOGY": THE DIGITAL TURN AND THE SEARCH FOR NEW THEORETICAL OPTICS

Victoria I. DUDINA, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Applied and Sectoral Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (viktoria_dudina@mail.ru).

Abstract. With the growing methodological possibilities of research in sociology using digital data, there is a need for theoretical models corresponding to digital research tools. The article shows the construction of a possible theoretical optics of sociology in order to use the analytical potential of digital methods and data to the fullest extent possible. An attempt is made to outline the contours of a theoretical model corresponding to digital research tools. Based on the thesis that theories depend on the methodological tools of the researcher, the idea of making digital footprints a standalone subject of social research is developed. The concept of replications proposed by D. Boullier, the French sociologist, and traced back to the sociology of G. Tarde is considered as a promising theoretical framework for conceptualizing digital footprints. The theoretical optics of digital footprints as replications is interpreted as a basis for rethinking the problem of micro- and macro-level connections in sociology.

Key words: digital data $\bullet$ digital footprints $\bullet$ sociological theory $\bullet$ structure $\bullet$ replications $\bullet$ actor network theory $\bullet$ G. Tarde $\bullet$ B. Latour

DOI: 10.31857/S013216250017615-9

This article is a translation of: Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 11: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016829-4

The original research was conducted under the sponsorship of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 1901100905 A.

Introduction. Digitalization has made significant changes in the repertoire of social science methods. In the context of working with digital data (sometimes in excess), researchers face a situation of lack of conceptual schemes capable to adequately explain the identified patterns [Achim et al., 2020; Ledford, 2020]. Uncertainty arises as to what theories the new data can fit into. The relationships revealed in empirical studies often do not receive satisfactory theoretical interpretations. It can be stated that the development of the technical means of scientific knowledge overtakes the development of the conceptual instrument of the social sciences. It becomes unclear what to do with the vast possibilities of collecting and analyzing digital data, which do not fit well into existing sociological theories. Despite some works, particularly by Russian authors [Bail, 2014; Ignatow, 2016; Marres, 2017; McFarland et al., 2016; Guba, 2018; Devyatko, 2016; Dudina, Yudina, 2017], there is hardly any satisfactory solution to the problem.

In his time, B. Latour set the task of "reassembling the social" [Latour, 2014]. With the active digitalization of the research process in the social sciences, this task takes on a new

meaning. We can talk about "reassembling" sociology itself, because the development of digital methods and the proliferation of digital data stimulate the search for new conceptualizations of social reality and the development of description languages corresponding to modern methodological possibilities. The purpose of this article is to try to construct theoretical optics of sociology that best corresponds to the analytical potential of digital methods and data. We try to outline the shapes of a theoretical model corresponding to digital research tools, taking into account that the digital society is not simply an addition of digital technologies to social relations, but a fundamentally different way of organizing sociality, other research methods, and a different epistemology. Let's take a look at the concept of D. Boullier, the French sociologist, who identified three stages in the development of sociological methodology, and consider his model of third-generation social sciences built around the phenomenon of digital footprints as replications. Next, we shall explore the classical foundations of replication research laid out in the sociology of G. Tarde, and discuss the possibilities that digital methods create for using the theoretical optics of replication. We conclude with a discussion of the digital foundations of the transition from hierarchical conceptualizations of social reality to same-level models that allow us to abandon the reduction of social actions to structural properties.

Three stages in the development of sociological methodology. D. Boullier, the French sociologist, colleague and co-author of B. Latour, analyzing the impact of changes in the data available to sociologists on the development of sociological knowledge, suggested that research methods form specific ideas about social reality, thereby influencing the construction of social science objects [Boullier, 2016]. Boullier's upheld thesis about the dependence of theoretical models on methodological tools is counterintuitive, because it overturns the classical ideas about the primary nature of scientific theory and the secondary nature of methods developed to test hypotheses derived from theory. At the same time, Boullier's position formed largely under the influence of science and technology studies (STS), seems productive for understanding the impact of technological innovation on the development of scientific knowledge. One should keep in mind that in this case we are not talking about rigid determinism, but only about the conditionality of conceptualizations by methodological tools. On the one hand, no theory can be verified if there is no technical means of collecting empirical evidence; on the other hand, obtaining new data using new technical means gives impetus to the development of new theoretical models and hypotheses.

Considering the process of quantification of sociological knowledge, Boullier distinguished three stages in the development of sociological methods, each characterized by a specific conceptualization of the social. In the first stage, statistical methods and large-scale census surveys made possible the very idea of society as a calculable and measurable object of research. Statistics offered a kind of equivalent of "society," and quantification became a tool for explaining the "whole". At this stage, a certain convention emerged between the producers of data from the public administration and the social sciences. Together they produced "society," an object that was explained scientifically and could be tracked by the state for management purposes. Thus the methods gained scientific and operational value, becoming tools of scientific evidence and managerial practice [ibid.: 7].

The second stage in the development of sociological methods in Boullier's scheme is associated with the widespread use of mass media and mass survey techniques. The phenomenon of "public opinion" becomes the main phenomenon around which the empirical research industry of society is built in this period. If at the first, "statistical" stage the society was conceptualized as a set of statistical indicators and factors, at the next stage it was conceptualized as a set of opinions that formed a particular commonality. Sociology provided society with methods by which it could analyze and represent itself in a new form – in the form of opinions. Although the mass media themselves contributed to the production of a unified public in the national territory, it only became possible to speak of public opinion in its proper sense with the advent of methods of measuring it. The "whole," revealed by public opinion polls, in fact, represents the public formed by the mass media [ibid: 11]. From this point of view, society is

reduced to the mass media audience, and the latter, in its turn, to the public opinion measured by mass surveys.

The understanding of the science of "society" described statistically, or of "opinion" revealed by surveys, emerged in a specific historical, political and institutional context, with the help of the research techniques available in each period. With the advent of digital data analysis capabilities, the field of sociological observation is being transformed. These transformations lead to the emergence of a new subject of research. "Digital footprints" – imprints of human activity in digital space – are claiming the status of an object. At present, "digital footprints" have not constituted their own object of research, different from society described by statistics, or public opinion revealed by surveys. The transformation of digital footprints into an independent object of research is possible only if both the methods of their study and the ways of their use for practical purposes are stabilized. How can "digital footprints" become sustainable objects of the social sciences?

In order to strengthen the foundations of the third generation of social sciences, digital footprints must be given a scientific status. According to Boullier, the pairs "statistical data/ quantitative research" (register/survey) and "audience/opinion poll" should be supplemented with the pair "digital footprints/X", where X is the way digital footprints are used [ibid.: 27]. Is it possible to "reassemble" social science so that it would include not only statistical data and public opinion, but also digital footprints, fitting them into appropriate theoretical models? Boullier proposes to consider the phenomenon of "replications" as such a "new" phenomenon, different both from statistically described society and from public opinion produced by survey, understanding it as the material dimension of digital footprints distributed through networks [ibid.: 12]. Replication is a process of repetition, copying, reproduction, circulation, allowing for certain variations/mutations/novations [Boullier, 2019: 28]. Actions, ideas, practices, things are replicated. At the same time, replication processes can be traced through digital technologies, reproducing both the digital footprints themselves and the methods of studying them. Digital platforms can be viewed as a kind of "replication machines", allowing the spread of digital footprints and making them available for research. To what extent can replications be considered as a new object of social sciences? Is it not the case that digital technologies simply make visible and examinable an aspect of social reality that existed long before the digital revolution? Can we find the foundations of such a model in the works of any of the classics of sociology? To answer these questions, let's refer to the works of G. Tarde.

The classical foundations of the study of digital footprints as replications: "Back to Tarde?" The credit for the revival of interest in Tarde's sociology goes largely to B. Latour, who called Tarde the "ancestor" of actor network theory [Latour, 2002; Latour, 2010; Latour, 2012]. Latour's slogan "Back to Tarde!" implies a return at a new level to the concept of social reality, which was set by Tarde's works and did not spread due to the difficulty of quantifying the imitation processes he described. Tarde's concept is a case where conceptual constructions overtake the methods necessary to test the hypotheses proposed by the theoretical model. This situation is typical of sociology. DiMaggio and his colleagues, discussing the possibilities that new methods offer for testing sociological theories, point out that sociology's theoretical richness has long been matched by method poverty: sociologists have developed many theoretical ideas and concepts that promise deep understanding of cultural change, but they have often lacked the means to operationalize their theories [DiMaggio et al., 2013: 571]. The expansion of digital technologies and digital methods makes the processes described by Tarde accessible to study:

"The Internet seems to be the most 'Tardian' technology to me: it makes it possible to make any rumor, any news, any unit of information available for tracking" [Latour, 2019: 230]. Latour's reading of Tarde suggests that in order to explain an event it is not necessary to go beyond it and allow for the existence of such social factors as society, class, ethnicity, etc., there is no need to refer to analytical categories; it is enough to find appropriate correlations. We can agree with the idea that Latour in this case projects onto Tarde his own idea that ANT (actor-network theory) is not a theory, but a way to make categories "flat" and to replace

theory with method [Bowker, 2014: 1796]. Nevertheless, it makes sense to look more closely at Tarde's sociology in search of the classical foundations of sociology's theoretical optics. Let us focus on a few of Tarde's ideas that are significant for the topic of this article. The key idea of Tarde's sociology is that both social and physical phenomena consist of acts of repetition. Tarde refuses to distinguish sociologists' favorite categories denoting a priori wholes (nature/ society, individual/society, micro/macro level), and suggests that social and physical associations emerge through the mechanism of repetition of the process underlying both reality itself and ways of understanding it. Tarde attributes vibration in the physical world, heredity in the organic world, and imitation in the social world to the most typical forms of universal repetition Tarde, 2011. He sees the formation of social communities as a special case of the processes of repetition and association. In Tarde's concept, the division of social reality into micro and macro levels is nothing more than an abstraction due to the peculiarities of methods that do not allow obtaining full information about the properties and trajectories of each individual object. This view is based on the idea of the superior complexity of each individual element compared to the association of elements and the interpretation of the structure as one of repetitive elements, simplified and habituated [Latour, 2019: 226].

Sociology has always been concerned with the typical and the repetitive. Tarde did not discover anything new here. It is the typical and repetitive ideas, motives, behavioral patterns that interest sociologists. The question is how to approach the typical. The prevailing approach in sociology is to explain the typical by similar structural conditions: people behave similarly because they have similar interests, motives, values, conditioned by similarity of their individual characteristics or environmental features. Since this scheme can be easily translated into measurement tools, explanations of similar conditions prevail in sociology. These explanations fail when deviations are suddenly discovered, for example, when it turns out that the behavior of a certain group of people cannot be predicted on the basis of the similarity of their characteristics or commonality of conditions. This is where another option comes into play - explanation with the use of imitation: people behave similarly because they imitate each other. Typical actions are spread by transmission from one person to another through contact, not simply because people have similar characteristics or are placed in similar conditions. This is precisely the kind of explanation Tarde offers. The Tardian measurement of sociality does not attach itself to a priori structural properties, but instead focuses on flows of similar actions. The empirical implementation of such an approach in sociology is rather difficult, since it requires either numerous observations or experiments, which are not always possible in sociology. At the same time, imitation processes, where many people are "infected" with a certain thought, idea or practice, become visible in the digital environment. Thanks to the traceability created by digital platforms, the global phenomenon of replication (imitation, repetition, copying or contagion) has become observable in real time. In addition to these kinds of observations of replication processes, the Internet provides opportunities for online experiments that are significantly less costly than traditional "real-world" social experiments [Zhang, Centola, 2019; Centola, 2018; Centola, 2010]. By making replications visible, the digital environment sets the stage for a new language of description, which requires a revision of some fundamental sociological categories, such as the categories of structure and action, which involve distinguishing between micro and macro levels of social reality.

From a hierarchical to a one-level model of social reality. The distinction of two levels of social reality (micro/macro, action/structure) is not a reflection of the existence of two areas of reality, but a consequence of a certain stage in the development of data processing methods [Latour et al., 2012]. When sociological data collection was slow and costly, it was reasonable to assign some data to the whole level and others to the part level, since traditional social science methods did not allow a quick "switch" between these levels. The concept of the "whole" comes to the forefront when it is not possible to trace all the singular interconnections. The reason for "jumping" from the micro to the macro level is the lack of tools for empirical tracing of the process by which multiple social actors follow similar trajectories. It

does not matter whether the reasoning begins at the micro level, with individuals adapting to each other, generating certain rules, or with the "whole," which a priori sets the rules and assigns roles and functions to individuals. Both of these standpoints rely on classical methods of working with data.

When working with digital data, separating micro and macro phenomena is unnecessary. Researchers can much more easily "switch" between "levels" by tracing the connections where an individual actor is included. When social reality is routinely logged on digital media, there is no need to rely on simplistic models of the social actor placed *inside* the structure. There is a transition from a hierarchical, two-level model of social reality to a one-level, "flat" model. The "actor-interaction-structure" model, which treats "interaction" as a random collision of individual actors, is a consequence of limited information about individuals [ibid: 598]. From the point of view of the "one level" model, it makes no sense to deduce the whole from a set of parts or to regard it as a precondition if it already exists in its entirety on the same level. In other words, association is not something that is formed as a result of the unification of individual actors with certain properties, but something that defines them from the very beginning.

Here again we refer to Tarde's sociology. Refusing to distinguish a priori categories, he reduces both social and non-social reality to a set of primary elements – monads. Borrowing the concept of monads from Leibniz, Tarde, unlike his predecessor, does not introduce into his concept the idea of some coordinating center, the role of which in Leibniz works was played by God figure. In Tarde's works monads themselves establish connections with each other due to their own openness and activity. Instead of the usual philosophical category of "being", Tarde introduces the category of "possession", which explains the interaction of monads in the absence of such a coordinating center as a divine force, social structure or social law. "Mutual possession" is regarded by Tarde as the basic process of social organization, ensuring the connection of the elements in the absence of a central coordinator. The degree of mutuality of monads "may vary, and each of them seeks to expand and consolidate its possessions: hence their gradual concentration. Besides, monads can mutually belong to each other in many different ways, and each of them seeks new opportunities of mastering their own kind: hence their transformations" [Tarde, 2016: 68].

Latour and colleagues offer their own interpretation of the concept of "monad", treating it not as a part of the whole, but as a point of view of all other entities taken separately [Latour et al., 2012: 598]. When applied to digital research, what it may involve is a specific perspective on the objects contained in the database. A kind of operational definition of this concept is the navigation through digital profiles, when gradually more and more features are added to the profile. A special feature of this navigation is that it gradually specifies an object by developing its attributes. The more features are highlighted, the more accurate the representation of the object becomes. The main characteristic of this tracing process in this case is its reversibility: each attribute used to define some object modifies itself, becoming an attribute of this object [ibid: 599]. If, for example, belonging to an organization is seen as an attribute of a particular person, the very notion of that organization is also modified by our knowledge of the people who belong to the organization. Digital techniques, such as those offered by network analysis, make it possible to trace and visualize social phenomena and to explain social order through such navigation between intersecting objects, rather than switching between levels of the general and the singular [ibid: 591–592]. A monad is a point of view or a way of tracing (navigating) that defines one object through other objects and thus specifies them. In this case the notion of monad not only changes the distribution of roles between agents and interactions, but also replaces the notion of structure.

The general is, in fact, intersection. Digital visualization tools help to operationalize the notion of intersection and identify common properties. When it is possible to look at data from different angles and to build different pictures, the general will be what is preserved under different modifications, and the size of this general will be smaller than the "whole" in the two-level model: instead of being a structure more complex than its components, the general

becomes a simpler set of separable properties with an ever-changing internal composition. The whole becomes less than the sum of its parts; to be part of the whole no longer means to be "part of something of a higher level" or "subject" to a central dispatcher (a collective body, a sui generis society, or an emergent structure), but for each object it means to "lend" part of itself to other objects without any of them losing their identities [ibid.: 607]. In the two-level model, the researcher begins with simple atoms interacting according to simple rules, resulting in a stable complex structure. In the one-level model, on the contrary, everything begins with complex networks, which do not "interact" but rather partially intersect. It is these intersections where common properties can be found.

In a one-level model, institutions are not macrostructures, but trajectories within data that may begin at different points. The whole represents a way of connecting and intersecting the data. It is this type of navigation that Tarde, in Latour's opinion, called "imitation". Latour interprets Tarde's laws of imitation not as a psychological phenomenon, but as a process where interacting or coexisting actors share certain properties. The result is a new list of the same properties repeated with certain modifications (replications). For example, the university "consists" of professors, buildings and students, but at the same time the professors, buildings and students also "contain" the university as their own attribute. Thus, there is no essential difference between individuals, objects, groups, or institutions. The only peculiarity of what we call institutions is that one characteristic is repeated more often in the data; this determination is purely empirical and depends entirely on the quality of the data [ibid.: 609]. Thus, that thing that was viewed as a whole in the two-level model (organization, structure, institution), in the one-level model appears as a characteristic distributed in a set of separate actors, while being no more complex than each of them. For example, all residents of a city differ in the characteristics of gender, age, income, etc., but such a characteristic as living in a certain city is inherent to them all - so the city can be considered as a "whole" in relation to the city residents. In a one-level model (let's recall Latour's requirement to keep the social "flat"), the researcher does not find out how actions are conditioned by characteristics of interacting or by features of structures, because actions, characteristics, and structures are located on the same level and constitute elements of one network traceable through digital means of navigation.

This "alignment of the landscape" shifts researchers' attention from the two-level model of the "actor placed in context" to the one-level model of social reality as an aggregate of replications. For example, if we are studying the features of social interaction between a teacher and students in a university classroom, then in terms of a two-level explanation we would consider the features of the higher education system or the organizational culture of the institution as a context of action or as a factor influencing the participants in the process under study. From the perspective of view of the one-level model, the system of education or organizational culture is not considered as an a priori condition of actions, but is embodied in repeated actions, becomes their internal characteristics. Thus, structure appears as a set of similar actions regularly repeated and reproduced by many actors, i.e., as a set of replications. Macrostructures, instead of being treated as "receptacles" or the top level of the hierarchy, can be seen as star-like forms with a center surrounded by many radial lines with branches.

"Macro" is neither "above" nor "below" the interactions, but is *added* to them as another connection, nourished by them and nourishing them [Latour, 2014: 248]. In network analysis, the "macro" would be a node with more connections than other nodes.

The description of social processes in terms of the concept of replications forces us to rethink the notion of two levels of social reality. Individual meanings and singular actions, being infinitely replicated in social networks, produce the appearance of structural properties. The analytical notion of structure is redefined when there is an overabundance of data. Structure can be conceptualized not as an a priori system of coordinates, but as a set of particularly ordered replications (repeated events or similar trajectories), which can be empirically traced. One example of the implementation of such an approach in modern research practice is the research of "social contagion" [Centola, 2018; Zhang, Centola, 2019]. This phenomenon of

contagion consists in the fact that ideas, information, beliefs can spread in society like infectious diseases and, under certain conditions, direct contact is sufficient for the transmission of certain social patterns to occur. The interest in the research of social contagion is currently experiencing a renaissance as digital technologies provide new and broader opportunities to study this phenomenon, the topic of "contact spread of information and beliefs

<...> in the last two decades literally got a "second wind" due to the fact that the Internet is a unique source of large-scale, temporally and often geographically marked non-reactive data that allows testing very complex models of spread of influence and information transmission without having to refer to micro-level data based on individual self-reports of behavior or on the included observation of multiple interactions" [Devyatko, 2016: 27–28].

Conclusion. From the point of view of traditional sociological models, digital data has a number of drawbacks: when a researcher follows digital footprints, he cannot clarify why the user went in this or that direction, but can only try to find regularities in the chains of footprints and draw some conclusions on this basis. At the same time, digital data represents a completely new product of combining micro and macro levels, when at a change of scale a researcher can relatively easily move from information about individual actions to structural characteristics. The "one level" model described in the article does not presuppose the initial separation of individual objects and aggregated characteristics. Individual objects are disclosed through their characteristics, and each characteristic, in turn, appears as a list of objects that possess it. Navigating through digital data implies that the movement from an object to its characteristics is not a movement from particulars to generals, but a movement from one special to another special. In this case, the notion of structure, as well as that of the individual actor, is redefined. Hierarchical representation of social reality, which implies a priori separation of micro and macro levels, gives way to heterarchical (network) structuring [Crumley, 2015], which implies absence of fixed ranking of elements or ranking in potentially different ways. At the same time, the individual actor as such does not disappear, but its analytical representation changes, which is constituted not by a priori static characteristics, but by a set of digital trajectories. Such an approach allows sociologists to work on the surface of digital footprints without directly referring to the personal characteristics of the users who have left these traces. At the same time, digital footprints are not considered as equivalent to public opinion, or as part of a statistically described "society", but gain value in their own right. Working on the surface of digital footprints, in isolation from personal data, reduces the ethical contradictions that previous social science models (models of society and public opinion) might face when dealing with digital data sources [Boullier, 2016: 35]. As there are concerns that the expansion of personal information protection policies threatens to limit many research possibilities, the analysis of digital footprints on the surface of social networks without connection to socio-demographic data could potentially provide a sound base for digital sociological research.

REFERENCES

- Achim E., Wolff T., Montagne D., Bail C. (2020) Computational Social Science and Sociology. *Annual Review of Sociology*. No. 46: 61–81. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919054621.
- Bail C. (2014) The Cultural Environment: Measuring Culture with Big Data. *Theory and Society.* Vol. 43. No. 3–4: 465–482. DOI: 10.1007/s11186-014-9216-5.
- Boullier D. (2016) Big Data Challenges for the Social Sciences: From Society and Opinion to Replications. arXiv.org. July 18. URL: https://arxiv.org/abs/1607.05034 (accessed 30.08.21).
- Boullier D. (2019) Replications in Quantitative and Qualitative Methods: a New Era for Commensurable Digital Social Sciences. *arXiv.org*. February 15. URL: https://arxiv.org/abs/1902.05984v1 (accessed 30.08.21).
- Bowker G.C. (2014) The Theory/Data Thing Commentary. *International Journal of Communication*. Vol. 8. Article no. 2043: 1795–1799.
- Centola D. (2010) The Spread of Behavior in an Online Social Network Experiment. Science. Vol. 329. No. 5996: 1194–1197. DOI: 10.1126/science.1185231.
- Centola D. (2018) How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions. Princeton: Princeton Univ. Press. Crumley C.L. (2015) Heterarchy. In: Scott R.A., Buchmann M.C. (eds) Emerging Trends in the

- Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource. Hoboken, NJ: Wilev: 1–14.
- Deviatko İ.F. (2016) From "Virtual Lab" to "Social Telescope": Metaphors of Theoretical and Methodological Innovations in Online Research. In: Shashkin A.V., Deviatko I.F., Davydov S.G. (eds) *Online-research in Russia: Trends and Prospects*. Moscow: Tipografiya: 19–33. (In Russ.)
- DiMaggio P., Nag M., Blei D. (2013) Exploiting Affinities between Topic Modeling and the Sociological Perspective on Culture: Application to Newspaper Coverage of U.S. Government Arts Funding. *Poetics*. Vol. 41. No. 6: 570–606. DOI: 10.1016/j.poetic.2013.08.004.
- Dudina V.I., Iudina D.I. (2017) Mining Opinions on the Internet: Can Text Analysis Methods Replace Public Opinion Polls? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change]. No. 5: 63–78. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.05.
- Guba K. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? Sotsiologicheskoe obozreniye [Russian Sociological Review]. No. 1: 213–236. (In Russ.)
- Ignatow G. (2016) Theoretical Foundations for Digital Text Analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour.* Vol. 46. No. 1: 104–120. DOI: 10.1111/jtsb.12086.
- Latour B. (2002) Gabriel Tarde and the End of the Social. In: Joyce P. (ed.) The Social in Question: New Bearings in the History and the Social Sciences. London: Routledge.
- Latour B. (2010) Tarde's Idea of Quantification. In: Candea M. (ed.) The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments (Culture, Economy and the Social). Abingdon: Routledge: 145–163.
- Latour B. (2014) Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)
- Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012) 'The Whole is Always Smaller than Its Parts': A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads. *The British Journal of Sociology.* Vol. 63. No. 4: 591–615. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2012.01428.x.
- Ledford H. (2020). How Facebook, Twitter and Other Data Troves are Revolutionizing Social Science. *Nature*. No. 7812: 328–330. DOI: 10.1038/d41586020017471.
- Marres N. (2017) Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press.
- McFarland D., Lewis K., Goldberg A. (2016) Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science. *The American Sociologist*. Vol. 47. No. 1: 12–35. DOI: 10.1007/s12108-015-9291-8.
- Tarde G. (2011) Laws of Imitation. Moscow: Akademicheskiy proekt. (In Russ.)
- Tarde G. (2016) Monadology and Sociology. Perm: Gile Press. (In Russ.)
- Zhang J., Centola D. (2019) Social Networks and Health: New Developments in Diffusion, Online and Offline. *Annual Review of Sociology*. Vol. 45: 91–109. DOI: 10.1146/annurev-soc-073117041421.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly 2021 No. 11

CONTENTS

XXIII KHARCHEV READINGS

- 3 DUDINA V.I. "Reassembling Sociology": Digital Turn and Searching for New Theoretical Optics
- 12 SOROKIN P.S. Sociological Theory: Challenges and Opportunities for Russian Sociology

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

- 24 TOSHCHENKO Zh.T. The Public and Private Life World of the Precariat: Main Features and Landmarks
- 37 VARSHAVSKAYA E.Ya. Overqualification of Russian Employees: Scale, Determinants, Consequences

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 49 KOZYREVA P.M., SMIRNOV A.I. Interaction of Generations in Modern Russia: An Evolving Rapprochement
- 61 LYTKINA T.S., YAROSHENKO S.S. On the Intersection of Gender and Class: How Single Mothers Organize their Everyday Life in Post-socialist Russia
- 73 NEFEDYEVA E.I., SEDYKH O.G., TARABAN O.V. Experts on Entrepreneurship as an Alternative Form of Employment for Disabled People

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- 79 DOKTOROV B.Z., ZBOROVSKY G.E. Generational Approach to Modern Russian Sociology: All-Russian and Regional Aspects
- 91 SAFONOVA M.A., SOKOLOV M.M. The Structure of Russian Sociological Field 2020

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 106 IONIN L.G. Protestant Ethics and Max Weber Today
- 119 DANILOV A.N. On the History of the Formation of Sociology in the Republic of Belarus
- 128 LEBEDINTSEVA L.A., DERIUGIN P.P., VESELOVA L.S. Sociology in Singapore, 1960–1990s: Sociologist's "Double Mandate"

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

140 FADEEVA E.V. National Medication Security: Pandemic Lessons

FACTS, COMMENTS, NOTES

- 147 CHOI WOOIK. Perception of Economic Relations between South Korea and Russia (Results of a Regression Analysis)
- 156 GALKIN K.A. Employment of Older People and Active Ageing Policies in Europe and Russia

ACADEMIC EVENTS

- 161 VOLKOV Yu.G. About the 14th Russian School of a Young Sociologist
- 164 RYBAKOVA M.V., KOMILOVA Z.A. Transformation of Social Labor Relationsin the Era of Digitalization
- 166 AVDOSHINA N.V., BOCHAROV V. Yu. Human in the Information Society
- 168 BESCHASNAYA A.A., POKROVSKAIA N.N. A Collective Image of the Cities of the Future
- 171 ANDREENKOVA A.V. About the Results of the J. Harkness' Student Paper Competition
- 172 BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

174 Ryvkina R.V.

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

175 TATAROVA G.G., BESSOKIRNAYA G.P., KUCHENKOVA A.V. Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement

SOCIOLOGY OF GOVERNANCE AND ADMINISTRATION

- 185 LEVICHEVA V.F. Institutional and Informal Lobbying Practices: The Problem of Separation and Interpretation
- 194 VOLCHIK V.V. Discourses on Social Barriers in Russian (Counter)Innovation System: Reality or Narrative?

SOCIOLOGY OF FAMILY

203 SINELNIKOV A.B. Demographic Transition and Family-Demographic Policy

SOCIOLOGY OF YOUTH

212 POLIAKOV S.I. Wrestler Masculinity in Dagestan as a Local Hegemony

XXIII KHARCHEV READINGS

219 DUDINA V.I. "Reassembling Sociology": The Digital Turn and the Search for New Theoretical Optics

227 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCES (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
  - развитие научной периодики
  - внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН

Социологический факультет ГАУГН — это современный образовательный и научный центр. Наши преподаватели – известные социологи с мировыми именами, авторы фундаментальных научных трудов, учебников, участники крупных российских и международных социологических форумов, члены экспертных советов при законодательных и исполнительных органах государственной власти.

Уникальность факультета заключается в том, что все предметные направления изучаются во взаимосвязи с научными проектами, проводимыми учеными Института социологии ФНИСЦ РАН.

Синтез фундаментальных научных и прикладных исследовательских направлений в области социологии позволяет готовить исследователей и аналитиков, успешно работающих в различных профессиональных областях.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.].